Не Сволочи, или Дети-разведчики в тылу врага

Незримый фронт - 1

Валерий Сафонов
Теодор Гладков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Резкое неприятие вызвал у ветеранов-чекистов недавно вышедший в прокат фильм «Сволочи». Оно и понятно: подготовка и деятельность подростков в тылу врага показаны в нем тенденциозно и лживо.

Много ли наши создатели масс-культуры знают о тех людях, которые, несмотря на свой юный возраст, помогали в борьбе с захватчиками в годы Великой Отечественной войны, тем более о разведчиках-подростках? Пионеры, комсомольцы, они добровольно шли в тыл врага, чтобы добывать важные сведения, рискуя собственной жизнью, они мстили за гибель своих родных и близких, за истерзанную войной Родину.

Помещенные в настоящий сборник документальные повести рассказывают как раз о таких юных героях. Первая из них — «Воздаяние и возмездие» — посвящена молодежной группе, которой руководил самый юный резидент НКВД — шестнадцатилетний Алеша Шумавцов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Вторая повесть — «В особый отдел не вернулся…» — это реальная история 14-летнего разведчика Особого отдела НКВД…

Так кто же все-таки сволочи: молодые пацаны, сражавшиеся с врагом, или современные популяризаторы лжи?

- НЕ СВОЛОЧИ
  - Вместо предисловия
  - Теодор Гладков, Юрий Калиниченко
    - Пролог
    - Пришла война народная…
    - Следствие 1
      -
      - Сто дней оккупации
      - «Ночь перед рождеством»
    - Следствие 2
      -
      - Хроника подвига
      - Гибель подполья
    - Следствие 3
    - Эпилог
  - Юрий Сафонов
    - От автора
    - «Теплое» лето 41-го…
    - На войну поехал на велосипеде

- Первая ходка внештатного бойца
- Лицом к лицу с врагом
- Ночной побег
- Короткие строки автобиографии
- Азы спецподготовки
- Второй бросок в тыл врага
- Через минное поле — к своим
- Один в поле — не воин
- «Разведай и доложи!»
- «Развлечения» фон Шмитке
- Повар Кузьмич и его новое дело
- Николай, Иван, Петр — последнее задание…
- Ауссенштелле
- Матерый волк в овечьей шкуре
- «Тихий» озверел
- Допросы: Держись, ребята!
- Не валяй дурака, Петька!
- Ложка командира
- «Важная» персона
- Окно к своим
- Морозный воздух свободы
- Строгий пулеметчик
- Он выбрался из ада
- Чекист Коровин и сержант Аникин
- «Фига вам, фашисты!»
- «Мальтшик нет…»
- «Только вперед, сынок!»
- Дома улицы разобрали на дрова
- Сестричка Тамара
- На Херсонскую, к Голубцовым

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

НЕ СВОЛОЧИ
Дети-разведчики в тылу врага

Вместо предисловия

Современный читатель и кинотелезритель после отмены всех видов цензуры и вообще всяческих ограничений (в том числе со стороны совести авторов) оказался один на один со множеством всяческих спекуляций, измышлений, непроверенных фактов, а порой и злонамеренной клеветы.

Чего только не преподносят ему со всех сторон «желтая» пресса и аналогичная телепродукция! Ладно бы дело ограничивалось слухами и сплетнями о ничтожных, в сущности, мнимых величинах шоу-бизнеса. Увы, к сожалению, авторитетнейшие по первому взгляду публикации в искаженном, мягко говоря, свете изображают события отечественной и мировой истории, ее реальных действующих лиц и героев. Иногда такие перлы — результат откровенного невежества. Хотите пример? Пожалуйста… Популярнейшая газета «МК» в номере, посвященном 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (!), сообщает читателю, что в честь этого события была учреждена медаль «За ВЗЯТИЕ Германии»! Эта же журналистка в той же статье сообщает, что Сталин запретил исполнять некоторые куплеты песни известного поэта Модеста Табачникова «Давай закурим»… Увы, Модест Табачников никогда не был поэтом. Вообще-то он и в самом деле был человеком известным, но — композитором! Стихи же вышеназванной песни написал поэт Илья Френкель, брат композитора Яна Френкеля. А песню вышеназванную с огромным успехом много лет исполняла без всяких изъятий со стороны вождя популярнейшая Клавдия Шульженко.

А вот еще перлы то ли невежества, то ли просто погони за «жареным», то ли злобных инсинуаций…

Любимец и «тень» Адольфа Гитлера Мартин Борман, оказывается, вовсе не погиб в Берлине в первых числах мая 1945 года. Он был советским супершпионом и благополучно вывезен чекистами в Москву. Где умер спустя много лет и похоронен на Введенском кладбище, обычно именуемом москвичами Немецким. Правда, в магазинах можно купить книгу, в которой убедительно утверждается, что Борман был английским агентом и его умудрились вывезти из пылающего Берлина английские командос.

Советским супершпионом, оказывается, был сам шеф гестапо группенфюрер СС Генрих Мюллер. Его якобы видели (интересно, кто?) в коридорах Лубянки… Но вотнезадача: в тех же московских книжных магазинах продается двухтомник, где живописно

описано, как Мюллера спасли и вывезли благополучно уже американцы и как он много дет был советником по антисоветским делам президентов США…

Знаменитый Герман Геринг, ас Первой мировой войны, лично сбивший свыше 20 самолетов противника, оказывается, в двадцатые годы учился летать в секретной авиашколе в Липецке. Там у него был бурный роман с местной девушкой, которая родила ему ребенка. По этой причине рейхсмаршал Геринг в годы войны категорически запретил своим асам бомбить город Липецк…

Как же надо не уважать, вернее — откровенно презирать своих читателей и зрителей, чтобы беззастенчиво, токмо наживы ради, впаривать им этот и подобный бред! Впрочем, «пипл хавает!» — метко и цинично подметил ныне уже полузабытый делец шоу-бизнеса.

Еще одни пример — на сегодня последний, но, увы, наверняка не заключающий собой скорбный поток беспардонного вранья.

Живет в городе Мюнхене, столице Баварии, где, между прочим, зародился германский национал-социализм Адольфа Гитлера, наш бывший соотечественник Владимир Кунин. Талантливый, надо отдать ему должное, писатель и кинодраматург. До сих пор по ТВ регулярно показывают прекрасный фильм по его сценарию «Хроника пикирующего бомбардировщика». Фильм «Интердевочка», также по его сценарию, с Еленой Яковлевой в главной роли, стал настоящей сенсацией первых лет «перестройки», «хитом» на нынешнем жаргоне.

Бывший ленинградец Владимир Кунин сразу стал любимым автором народившихся как грибы после дождя «новорусских» издателей. Бестселлеры В. Кунина заполонили все уличные выносные прилавки с самой ходовой книжной продукцией. Будем объективны — многие повести В. Кунина на темы эмигрантской жизни совсем неплохи, написаны сочным языком, с хорошим юмором, к тому же автор, безусловно, человек наблюдательный.

Казалось бы, пишешь себе в Германии, ну и пиши. Писатель-эмигрант сегодня не «изменник Родины», не «враг народа». Издаются, и немалыми по нынешним меркам тиражами, Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Сергей Довлатов, Эфраим Севела, Юз Алешковский и др. И это лишь писатели-эмигранты последнего поколения. Большими тиражами изданы и издаются произведения писателей «первой» и «второй» волн эмиграции. Некоторые из этих книг при чтении вызывают определенное духовное сопротивление, даже неприятие. Это естественно, это

нормально. Прямо противоположная точка зрения на те или иные события нас, всегда живших и ныне проживающих в России, никак не может полностью совпадать с позицией авторов, по тем или иным причинам покинувших Родину кто двадцать, а кто и семьдесят с лишним лет назад.

Но есть известный предел толерантности, а по-русски терпимости. Нельзя мириться с заведомым ВРАНЬЕМ, тем более когда это не безобидная хлестаковщина, хвастовство, а злонамеренная или по невежеству и дурости (неизвестно еще, что хуже) КЛЕВЕТА на Страну, что победила в самой кровопролитной и страшной войне в своей истории, на ее Вооруженные Силы, наконец, на самых юных, неспособных после своей безвременной гибели защитить себя от поклепов, ее сынов и дочерей.

Имеется в виду кинематографическое сочинение вышеназванного Владимира Кунина и режиссера Александра Атанесяна «Сволочи», прошедшее недавно на экранах России и размноженное на пиратских дисках DVD.

Вкратце сюжет фильма (он в основном совпадает с литературным произведением В. Кунина).

1943 год. В горах Алатау под Алма-Атой устроен секретный лагерь НКВД. Здесь из подростков-рецидивистов, приговоренных за тяжкие уголовные преступления к высшей мере наказания — то есть к смертной казни, готовят диверсантов-смертников. Они предназначаются для заброса в Альпы, для уничтожения там некоей сверхсекретной немецкой базы.

(С чисто военной точки зрения, задание — уничтожить одну из многочисленных немецких баз в глубоком тылу — совершенно бессмысленно. Куда больше пользы принесло бы уничтожение подобного склада, расположенного в непосредственной или относительной близости к линии фронта. Что и делали регулярно и эффективно многочисленные партизанские отряды и диверсионные группы НКВД во вражеском тылу.)

Пристраивая сценарий «Сволочей», Кунин убедил режиссера и тех лиц в аппарате небезызвестного Швыдкого, что его основа — автобиографична. Между тем в литературной среде Питера хорошо известна склонность Кунина к мистификаторству, в частности, к сочинительству собственной героической биографии… Итог — никто ни в чем не усомнился, не подумал проверить в компетентных органах, а был ли такой лагерь в действительности, всех словно заворожила возможность снять кино «экшн» на сверхсенсационном материале. Кино сняли, не на спонсорские, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ деньги. И тут разразился скандал.

ФСБ России и Комитет национальной безопасности

Республики Казахстан официально заявили, что никаких «детских диверсионных школ» НКВД или НКГБ в природе не существовало.

Уличенный в хлестаковщине, Кунин вынужден был признаться, что всю эту историю, включая автобиографические моменты, он сочинил от начала и до конца.

Режиссер же Атанесян занял позицию иную, его можно понять: он пытался любыми путями спасти картину от явного конфуза. Для начала заявил, что даже доволен официальным заявлением ЦОС ФСБ: это, дескать, только подогреет интерес потенциальных зрителей к его нетленному творению. Оценка такого заявления может быть только одна: откровенный цинизм.

Затем Атанесян, чтобы хоть как-то выпутаться из неприглядной истории, пустился в теоретизирование: «Я сторонник того, что искусство оперирует не категориями правды, а категориями художественного вымысла. Но вымысел должен быть интересным, эмоционально ценным».

Вот так! Выходит, что возможен кинофильм — важно только, чтобы снято все было ИНТЕРЕСНО, — как будущий рейхсмаршал Герман Геринг учится в Липецке летать, попутно заводит роман с местной красавицей, заделывает ей ребенка мужского пола и т. п.

По-видимому, режиссеру Атанесяну невдомек, что проблема авторского вымысла и домысла в произведении на историческую тему и исторической правды и теоретически, и на практике многих литераторов и вообще деятелей искусств (в том числе кинематографа) давно решена. Между этими двумя категориями существует диалектическая связь. Если изложить ее до предела упрощенно, выглядит она примерно так: «Художник имеет право на любой ВЫМЫСЕЛ, согласующийся с исторической ПРАВДОЙ».

Вымышлены герои и их свершения в романах и повестях Григория Бакланова, Эммануила Казакевича, Юрия Бондарева, Александра Бека, Константина Симонова, Василя Быкова… Но война в этих замечательных произведениях полностью соответствует исторической правде. У каждого из этих авторов своя война, каждый видел ее по-своему, своими глазами, но у всех она — настоящая, подлинная, правдивая. Вымышлен лейтенант Травкин в повести Эм. Казакевича «Звезда» (дважды экранизированной), но Великую Победу в войне одержали наряду с другими советскими воинами тысячи и тысячи таких Травкиных…

Но дело даже не только в этом… Дело еще и в том, что такая школа детей-диверсантов в реальности все-таки СУЩЕСТВОВАЛА! Только создана она была не советским НКВД/НКГБ, а гитлеровским АБВЕРОМ!

Ее организовало одно из подразделений Абвера (военной

разведки и контрразведки), а именно абверкоманда-203 в июле 1943 года в населенном пункте Гемфурт возле немецкого города Касселя. Создание данной школы с любой точки зрения должно рассматриваться как военное преступление, поскольку диверсантов в ней готовили не просто из подростков (что уже само по себе преступление), но из СОВЕТСКИХ мальчишек и девчонок, и никаких не малолетних уголовников, а несчастных беспризорников, потерявших на оккупированной немцами территории и родителей, и кров отчий над головой. Их готовили по-настоящему, оболванивая пропагандой, подкармливая голодных и истощенных, и забрасывали, в том числе с парашютами, в советский тыл с диверсионными заданиями. Большинство из них должны были подбрасывать в локомотивы взрывчатку, замаскированную под куски каменного угля, и т. п.).

Надо отдать должное этим ребятам: все они, очутившись за линией фронта, являлись кто в милицию, кто в ближайшую военную комендатуру с повинной. Об этих ребятах — их было несколько десятков — доложили Верховному Главнокомандующему. По его приказу они были определены, в зависимости от того, кто сколько классов успел закончить, в различные ремесленные училища и школы ФЗО для продолжения образования и приобретения рабочей профессии.[1]

Выходит, авторы «Сволочей» — кинодраматург Владимир Кунин и кинорежиссер Александр Атанесян — приписали советским разведчикам и контрразведчикам, сражавшимся с агрессором точно так, как представители всех других военных специальностей и профессий, преступления, которые реально совершали злейшие враги нашей страны — сотрудники гитлеровских спецслужб. Какой уж тут, к черту, «художественный вымысел». Это самая настоящая злонамеренная клевета. Так и должна квалифицироваться по любому счету.

Что же касается категории ПРАВДЫ, к которой с таким пренебрежением относится кинорежиссер Атанесян, то к ней с сожалением, но и с гордостью приходится отнести тот несомненный факт, что в сражениях Великой Отечественной войны принимали участие многие десятки тысяч детей и подростков обоего пола: в партизанских отрядах и подполье на оккупированных врагом территориях Советского Союза, в действующей армии в качестве так называемых сыновей/дочерей полка, юнг Северного флота и т. п. В партизанских отрядах малолетние «народные мстители» выступали в роли и разведчиков, и связных, и санитарок. В действующей армии — в зависимости от рода войск той части, к которой прибивались…

Известны юные бойцы, за свои подвиги удостоенные звания

Героя Советского Союза: Леня Голиков, Марат Казей, Саша Чекалин, Валентин Котик…

Никто из этих десятков тысяч не был «сволочью» — малолетним уголовником, за тяжкое преступление осужденным к высшей мере наказания и посланным со спецзаданием искупать вину собственной жизнью. То были обыкновенные советские мальчишки и девчонки, возможно, кто-то и грешен в каких-то правонарушениях. Их никто не принуждал идти в партизаны или прибиваться к воинским частям. Движущей силой их поведения был тот же ПАТРИОТИЗМ, что и у их отцов, матерей, старших братьев и сестер…

Действительно, некоторым из этих юных патриотов — очень немногим — пришлось выполнять под руководством старших товарищей и по-настоящему разведывательные задания. Опять же — сугубо добровольно…

Теодор Гладков, Юрий Калиниченко
ВОЗДАЯНИЕ И ВОЗМЕЗДИЕ

Пролог

«Локомотив деловито протащил вдоль платформы запыленную ленту вагонов и устало остановился перед зеленоватым зданием вокзала, внеся бестолковую и радостную сумятицу в рядки встречающих, выстроившихся под легким осенним дождем. Все бросились к вагонам, заглядывали в окна, роняли и поднимали букеты… Поднялся гул, как в потревоженном улье. «Ну, как отдохнул?», «Ой, как загорел, не узнаешь», — слышалось тут и там. И вдруг в этот хаос звуков, речей и возгласов ворвался требовательный крик:

— Задержите его! Задержите!

Сквозь толпу, не оглядываясь по сторонам, торопливо пробирался к выходу человек. Он изо всех сил работал локтями, лавировал, увертывался от встречных, расталкивал их небольшим чемоданом. Чернявое горбоносое лицо его с жесткими карими глазами выражало нетерпение и страх. За ним, приближаясь с каждым шагом, продвигался преследователь.

Через несколько минут пассажир с чемоданом был задержан.

Человек, который скрывался почти пятнадцать лет, наконец попал в руки правосудия».

Это — развернутая цитата из одной книги (а их вышло в свое время несколько), посвященной трагической и героической истории молодежного подполья (тогда его называли комсомольско-молодежным подпольем, хотя к его созданию комсомол решительно никакого отношения не имел), действовавшего в период немецко-фашистской оккупации в городе Людиново нынешней Калужской области.

Примерно так же описывали сцену задержания палача людиновских подпольщиков Дмитрия Иванова на Павелецком вокзале Москвы 10 ноября 1956 года и многие журналисты из центральных и местных газет, освещавших впоследствии судебный процесс над ним. Дескать, опознал изменника Родины один из жителей Людинова, знавший Иванова в лицо и случайно оказавшийся в этот день, час и минуты на платформе. По некоторым газетным публикациям, он был в числе встречающих, по иным — ехал в одном купе с Ивановым аж из Орджоникидзе.

Примечательно, что в материалах следственного дела этот «случайный опознаватель» не фигурирует ни разу. Не появлялся он в качестве свидетеля и на открытом судебном процессе над Ивановым в Людинове.

Потому что все обстояло совсем не так, вернее, не совсем так.

Начнем с того, что никогда поезда дальнего следования с

благословенных кавказских курортов на Павелецкий вокзал не прибывали и туда же с него не отправлялись. Не только москвичи, миллионы приезжих ведают, что на то существует вокзал Курский.

И подошла к перрону в то утро, 10 ноября 1956 года, не вереница вагонов поезда дальнего следования, а обыкновенная замызганная, довоенной постройки подмосковная электричка. Люди старшего поколения помнят, что дверцы у них еще свободно открывались внутрь, а не раздвигались автоматически только на остановках. И вывалились на платформу из вагонов не загорелые курортники с чемоданами и дощатыми деревянными ящичками с ручками, сквозь планки которых выглядывали немыслимых размеров яблоки, груши, виноград и прочие дары щедрого юга, а обыкновенные подмосковные колхозники и колхозницы, облаченные в неизменные телогрейки и черные плисовые жакеты. Выволакивали они на перрон мешки с картошкой, неказистой на вид, но кто толк знает, тот ее оценит — желто-зеленой антоновкой, корзины со свежими домашними яичками, а то и битыми курами. Понятное дело, никто их с цветами и восторженными возгласами не встречал. Вечером они будут возвращаться кто в Востряково, кто в Домодедово, кто еще куда подальше с теми же мешками, но уже полегче, зато таящими в своих недрах батоны отдельной и ветчиннорубленной колбасы и брикеты сливочного масла, потому как в их сельских магазинах, кроме ржавой селедки, банок с крабовыми консервами и лоснящихся глыб подозрительного продукта, именуемого «комбижиром», ничего не водилось, хотя продовольственные карточки были отменены еще десять лет назад. Водку из Москвы не везли, ее, и обыкновенной «муховки» с красной сургучной головкой, и «Московской» по двадцать три девяносто в дореформенных ценах, в тех же сельпо было предостаточно.

От одного из мужчин лет тридцати пяти, вышедшего из вагона, и попахивало, если принюхаться, чуть-чуть со вчерашнего дня, подправленного утречком для здоровья этой самой «Московской». Никакого чемодана, ни большого, ни маленького, при нем не имелось. За ним шел еще один мужчина, того же примерно возраста, но ростом чуть пониже. В какой-то момент он вдруг снял с головы кепку и пригладил волосы ладонью, едва заметно при этом кивнув в сторону того попутчика, что был ростом повыше.

В этот-то момент и раздался истошный крик: «Задержите его! Задержите!», обращенный к тому самому, что повыше. В тот же миг, словно из-под земли, на перроне выросли два дюжих сержанта железнодорожной милиции.

— В чем дело, гражданин? — строго спросил один из них.

— Это полицай! Я узнал его! — продолжал невесть откуда взявшийся какой-то гражданин. — Иванов ему фамилия! Полицай немецкий!

— Попрошу ваши документы, гражданин, — произнес, козырнув, старший наряда с тремя лычками на погонах. Второй, с двумя лычками, меж тем как-то невзначай очутился чуть сзади и сбоку от гражданина, обозванного «полицаем».[2]

— Никакой я не Иванов, и никакой не полицай, моя фамилия Петров, — несколько растерянно, но твердо ответил задержанный и вытащил паспорт.

— Действительно, Петров, — протянул сержант, сверив фотографию с обличьем темноволосого, носатого мужчины.

— Врет он, это Иванов! — в крике продолжал настаивать неизвестный обличитель.

— Вот что, гражданин, — поколебавшись, вроде бы, решил наконец сержант, — пройдемте до отделения, там начальство разберется.

И шагнул сквозь мгновенно сгрудившуюся вокруг толпу зевак.

В вокзальном отделении милиции задержанного вежливо, но очень умело обыскали. Обнаружено при нем, как обозначено в составленном протоколе, было:

— паспорт на имя Петрова Александра Ивановича, 1923 года рождения, уроженца города Смоленска, серия И-ШЯ № 684 668, выданный райотделом милиции МВД по ИПТУ на Дальнем Севере в поселке Усть-Нера, что в Якутии;

— удостоверение шофера 3-го класса № 131 289 и талон к нему;

— справка об освобождении из заключения № 0 019 880 от 21 февраля 1955 года;

— профсоюзный билет № 1 696 190;

— производственная характеристика;

— два талона к путевке в дом отдыха;

— использованный железнодорожный билет от станции Орджоникидзе до станции Москва;

— фотографии — четыре штуки;

— записная книжка с множеством фамилий, адресов и телефонов;

— денег — десять рублей.

Вел себя на протяжении всей этой малоприятной процедуры задержанный Петров спокойно, только пожимал время от времени плечами и повторял, что произошла какая-то ошибка. С ним никто не спорил, только дежурный по отделению капитан

милиции заметил, когда все закончилось, что, дескать, если ошибка, то отпустим, еще и извинимся.

Меж тем гражданин обличитель как-то незаметно исчез сам собой. Впрочем, нужды в нем особой больше вовсе и не было, потому что полицая Иванова на самом деле он никогда в жизни и в глаза не видывал, да и в оккупированных местностях никогда не проживал, потому как всю войну провел в действующей армии на разных фронтах и в тыловых госпиталях. Фамилия его ни в каких официальных документах (а они все, аккуратно подшитые в пожелтевших от времени папках, сохранились до наших дней) не числится.

К некоторому удивлению Петрова, его не отвели в КПЗ — камеру предварительного задержания — при вокзальной милиции, а вывели на улицу и усадили в поджидавшую возле подъезда автомашину «Победа» меж двух крепкого сложения молодых людей в штатской одежде. Еще один в штатском, невысокий, худощавый, постарше, при обыске в помещении присутствовавший, но не произнесший при том ни слова, сел рядом с шофером. В руках он держал потертый дерматиновый портфельчик, куда, Петров видел, были сложены все отобранные у него вещи.

Машина, шурша шинами по мокрому асфальту, ехала по городу минут двадцать. Судя по тому, что Кремль остался справа, везли его куда-то в центр. На площади Дзержинского «Победа» развернулась по кругу, объехала высокое темно-серое здание дореволюционной постройки и въехала в него сзади, через высокие железные ворота.

— Куда меня привезли? — спросил Петров, ни к кому конкретно не обращаясь. — Могу узнать?

— Разумеется, — ответил ему тот штатский, что держал на коленях портфель. — Мы и без вашего вопроса обязаны сообщить вам. Сейчас, до окончательной проверки, вы будете препровождены во внутреннюю тюрьму[3] Комитета государственной безопасности. А я старший оперуполномоченный Управления КГБ по Московской области старший лейтенант Чуренков.

До сих пор авторы умышленно не описывали подробно внешность задержанного Петрова Александра Ивановича. Потому как располагают абсолютно точным его словесным портретом, составленным профессионалом. Он и предлагается читателю.

Рост — 174 см.

Фигура — средняя.

Плечи — горизонтальные.

Шея — длинная.

Цвет волос — черный.
Цвет глаз — серый.
Лицо — прямоугольное.
Лоб — прямой.
Брови — дугообразные.
Нос — большой.
Рот — большой.
Губы — тонкие.
Подбородок — прямой.
Уши — малые.

Почему-то при этом первом осмотре от сотрудника, составлявшего словесный портрет, ускользнула особая примета — шрам от пулевого ранения на кисти правой руки. Между тем, как позднее выяснилось, ранение было получено Петровым при совершенно необычных обстоятельствах.

Вряд ли подавляющее большинство читателей сумеет по этим приметам воссоздать образ конкретного человека, так сказать, зримо представить его. Между тем достаточно опытный сотрудник милиции по этим данным может опознать человека, причем мгновенно, даже в толпе, скажем, спешащих к поезду пассажиров в самой что ни на есть вокзальной суете.

Старший лейтенант Герман Гаврилович Чуренков почти не сомневался, что гражданин Петров А.И. является на самом деле гражданином Ивановым Дмитрием Ивановичем, бывшим в 1941–1943 годах старшим следователем и командиром роты полиции в городе Людиново нынешней Калужской области. Означенный Иванов Д.И. сразу по окончании Великой Отечественной войны был объявлен в оперативный розыск, а в управлении Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Калужской области 19 ноября 1946 года на него было заведено розыскное дело за № 64 по окраске «Изменник Родины — предатель». На протяжении двенадцати лет поиски означенного Иванова Д.И. на огромной территории Советского Союза были безуспешными. Не исключалось, что Иванов мог погибнуть за остававшиеся после освобождения Людинова Красной Армией полтора года войны, мог очутиться где-нибудь за океаном, как многие тысячи других военных преступников, мог, наконец, просто умереть своей смертью или от несчастного случая. Но все эти годы его искали… И старший лейтенант Чуренков непосредственно отвечал за опознание и задержание Иванова в случае его появления в Московской области.

Накануне, то есть 9 ноября 1956 года, он получил от своего информатора в поселке Востряково сообщение, что человек, по всем приметам похожий на Иванова, объявился в поселке в одном

из домов по Октябрьской улице и завтра утром одной из первых электричек собирается выехать в Москву. На коротком совещании в управлении было решено: установить за Ивановым (то, что у него имеются настоящие документы на фамилию Петрова, еще никто не знал) плотное наблюдение, сопровождать его в электричке до Москвы — вдруг передумает и сойдет на полпути — и задержать на Павелецком вокзале, инсценировав в качестве предлога «опознание» его якобы бывшим земляком. Что и было успешно проделано. В случае же, если бы вдруг задержанный все же оказался не Ивановым, перед ним бы извинились и отпустили, сославшись на ошибку опознавателя.

Теперь оставалась самая малость, по выражению портных «пришить к пуговице костюм», т. е. неопровержимо доказать, что задержанный Петров и разыскиваемый Иванов есть одно и то же лицо. При всей убежденности старшего лейтенанта Чуренкова в своей правоте, возможность ошибки, какого-то совпадения не исключалась. Такие случаи в практике и органов госбезопасности, и уголовного розыска бывали.

В тот же день задержанный был доставлен в расположенное почти рядом здание по улице Малая Лубянка, где размещался следственный отдел Управления КГБ по Московской области. Здесь задержанного допросил следователь управления майор Сергей Карлович Ландер.

Допрос проходил спокойно, Ландер не давил на Петрова, не пытался уличить во лжи, поймать на какой-то несообразности. Он просто задавал положенные вопросы и записывал полученные ответы. Прояснение подмеченных нестыковок, проверка ответов, изобличение и выяснение истины — все это еще предстояло. Пока что, в соответствии с презумпцией невиновности, следователь обязан был исходить из того, что задержанный всего лишь по подозрению может действительно оказаться Петровым, никогда в людиновской или какой иной полиции не служившим.

На этом первом допросе задержанный показал, что он — Петров Александр Иванович, родившийся 20 января 1923 года в Смоленске.

До последнего времени работал шофером на автобазе Индигирского горнопромышленного управления в поселке Усть-Нера Якутской АССР, там же и проживал в одном из домов по Водной улице в незарегистрированном браке с гражданкой Грибовой Татьяной Петровной, имеющей от первого мужа пятилетнего сына.[4]

Далее Петров показал, что 28 января 1949 года народным судом 3-го участка Промышленного района города Дзауджикау он был осужден по статье 2-й Указа Президиума Верховного Совета

СССР от 4 июня 1947 года за хищение государственного имущества к 15 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. На основании амнистии 1953 года и с зачетом рабочих дней освобожден 21 февраля 1955 года.

В 1941–1946 годах служил рядовым в Красной Армии, награжден медалью «За победу над Германией».

…Пожелтевшие от времени страницы, выцветшие синие чернила. Размашистый, круглый почерк читается легко. Чувствуется, что записывал майор Ландер быстро и почти дословно. Надо отдать должное и Петрову — историю своей жизни он излагал точно, языком если и не интеллигентного, то, во всяком случае, вполне грамотного человека. Языком, прямо скажем, не очень характерным для шофера, отбухавшего шесть лет заключения в дальних северных лагерях. Сергей Карлович Ландер это обстоятельство для себя, разумеется, отметил.

Но вернемся к биографии задержанного. Из его достаточно подробного рассказа следовало, что родился он и вырос в семье слесаря паровозного депо Смоленска Петрова Ивана Афанасьевича, мать, в девичестве Соколова Мария Ивановна, — домохозяйка. Других детей в семье не было. С 1931 по 1941 год учился в школе-десятилетке № 1, точного адреса не знает, помнит только, что находилась школа возле железнодорожного вокзала.

Семья проживала по адресу: Советская улица, 23, в одноэтажном деревянном доме. Из соседей помнит семью Сорокиных, с их сыном Николаем, своим ровесником, учился в одном классе.

Других соседей не помнит, потому что они часто менялись.

Из числа смоленских друзей Петров называл еще Николая Мальцева, вместе с которым через две недели после начала войны был призван в Красную Армию. Точного адреса Мальцева не помнит, тот жил где-то возле базара.

Из райвоенкомата Петрова направили в составе команды таких же, как он, признанных медкомиссией ограниченно годными к военной службе, на рытье окопов под Брянск.

Потом были переформирование в Тамбове, служба в отдельной роте на военно-полевом строительстве в районе Тулы, некоторое время в самой Ясной Поляне после ее освобождения от немцев. Осенью 1944 года роту направили на лесозаготовки во Владимирскую область.

Отец, как написали его сослуживцы, погиб на фронте в конце войны. Мать умерла еще раньше, в оккупации, об этом узнал из письма отца, которое не сохранилось.

В мае 1946 года Петров демобилизовался и выехал в город

Тбилиси. Здесь устроился на работу в артель проводников железнодорожных грузов. В июле 1948 года был арестован, а через полгода осужден за составление фиктивного акта на списание партии шампанского.

По отбытии срока наказания остался там же — в поселке Усть-Нера в Якутии. Закончил четырехмесячные курсы шоферов и бульдозеристов и стал работать по вольному найму по новой специальности. Женился, но брак еще не зарегистрировал. Осенью получил в райкоме профсоюза путевку в дом отдыха в Дзауджикау и уволился с работы.

Почему уволился? По чисто житейским соображениям. В Москве хотел завербоваться в Дальстрой, чтобы потом вернуться в Усть-Неру уже в качестве завербованного по контракту. Это давало определенные льготы.

На последнем листе протокола ровным, разработанным почерком человека, привыкшего писать не от случая к случаю, записано: «Дополнений к своим показаниям по существу заданных мне вопросов не имею. Показания записаны с моих слов верно и мною прочитаны. А. Петров».

Меж тем, пока следователь Ландер допрашивал Петрова, старший лейтенант Чуренков времени тоже не терял. Он изучил все имеющиеся в его распоряжении сведения, относящиеся к деятельности Иванова в 1941–1943 годах. Сразу стало ясно, что это был далеко не рядовой людиновский полицейский, каких его коллеги выявили и арестовали кого в конце войны, кого много позже. Кто-то из них был расстрелян, кто-то уже отбыл свой срок наказания, кто-то еще пребывал в местах не столь отдаленных. И дело было даже не в том, что Иванов занимал руководящие посты старшего следователя и командира роты. Несмотря на свою молодость — в 1941 году ему было всего двадцать лет, — Иванов фактически был в людиновской полиции первым лицом (начальников полиции при нем сменилось четверо). Поскольку возглавлял в ней и секретную службу,[5] и к тому же был близок к немецкому военному коменданту города майору фон Бенкендорфу. Его побаивались даже все сменявшие друг друга начальники полиции и сам бургомистр.

По показаниям бывших сослуживцев и других свидетелей, в том числе прошедших через камеры людиновской полиции, Иванов был человеком умным, волевым, коварным, изворотливым и чрезвычайно жестоким. Это благодаря его активной и, к сожалению, достаточно эффективной деятельности погибло несколько групп подпольщиков и партизан, а также членов их семей. Физически крепкий мужчина, он лично избивал многих заключенных, в том числе женщин, отдавал приказы о расстреле

подчиненным полицейским и сам участвовал в расстрелах.

За верную и преданную службу оккупантам Иванов — единственный из всех предателей — был награжден двумя медалями. Была у немецко-фашистских оккупантов такая награда — медаль «За заслуги для восточных народов». Чеканилась она из какого-то дрянного сплава, имевшего красноватый, серебристый и золотистый цвет, имела форму округлой, многолучевой звезды с замысловатой виньеткой в центре и носилась на зеленой муаровой ленточке с двумя красными полосками по краям. В зависимости от цвета металла, медали пышно именовались «бронзовой», «серебряной» и «золотой». У Иванова были «бронзовая» и «серебряная». Наверняка он бы удостоился и «золотой», если бы не бежал в августе 1943 года вместе с немцами под ударами наступающей Красной Армии.

В розыскном деле имелись две фотографии Дмитрия Иванова. Одна относилась к весне или лету 1943 года, на ней он был снят в немецкой форме с медалью (первой) на груди, рядом еще один людиновский полицейский, Михаил Доронин, тоже с медалью. Этот уже был найден и осужден органами госбезопасности.

На второй фотографии Иванов был снят в хорошем штатском костюме, во весь рост, по крайней мере годом позже. Чуренков сравнивал их с фотографиями, отобранными у Петрова. Вглядывался в них до рези в глазах. На том снимке, где Иванов в немецкой форме, у него на лоб низко надвинута пилотка, да и лицо опущено, частично в тени. Похож, не похож… К тому же снимки разделяют пятнадцать лет. А в возрасте между двадцатью и тридцатью пятью годами человек может измениться основательно, это каждый из нас знает, когда после долгого перерыва вдруг встречает на улице одноклассника. Что ж, его, Чуренкова, дело подготовить фотографии, а дальше — есть специалисты этого дела, высококвалифицированные эксперты, вооруженные наукой и методикой.

Старший лейтенант достал чистый лист бумаги, написал сверху положенную по Уголовно-процессуальному кодексу «шапку», потом посреди вывел крупными буквами:

НАШЕЛ:

Петров А.И. нами задержан, как имеющий значительное сходство с разыскиваемым государственным преступником — Ивановым Дмитрием Ивановичем, а потому

ПОСТАНОВИЛ:

Произвести экспертизу прилагаемых 2-х фотографий

разыскиваемого Иванова Д.И. и 2-х фотографий установленного Петрова А.И.

На разрешение экспертизы поставить вопрос: не сфотографировано ли на указанных 4-х фотокарточках одно и то же лицо».

Отправив конверт со снимками и сопроводиловкой по назначению, Чуренков направился к начальству. Нужно было послать в Калугу шифротелеграмму с просьбой срочно доставить в Москву несколько лиц, о которых достоверно известно, что они лично знали старшего следователя людиновской полиции Дмитрия Иванова.

Почему срочно? Иначе никак нельзя. По закону срок задержания не может превышать 72 часов с момента доставления лица в орган дознания или к следователю. Если к этому времени не будет вынесено обоснованное постановление о возбуждении уголовного дела, задержанный должен быть из-под стражи освобожден и отпущен с извинениями на все четыре стороны.

Описывать, как работают с фотографиями и различными документами эксперты-криминалисты, в данной книге не позволяет ее объем, да и нет в том особой надобности. Нам важно лишь знать, что со своими обязанностями эксперты управились в сжатые сроки — одни сутки. Хочется также уведомить тех читателей, кто этого не знает, что экспертов, как и свидетелей, на следствии и в суде предупреждают об их ответственности за ложное заключение.

Уже 11 ноября 1956 года авторитетная комиссия в составе эксперта КГБ СССР Зубкова В.И., а также экспертов Управления КГБ СССР по Московской области Борисовец В.П. и Мурашевой А.Т., изучив представленные им фотографии Иванова Д.И. и Петрова А.И., составила акт за № 428, в котором, в-частности, записала:

«Установлен ряд совпадений:
— линия роста волос,
— высота лба (большая),
— выпуклость надбровных дуг,
— расположение и форма бровей,
— нависание верхних век,
— высота каемки верхней губы (малая),
— кончик носа (опущен),
— раздвоенность подбородка,
— форма и строение в ушных раковинах верхнего бордюра противозавитка, заднего бордюра и мочки.

Совпадение комплекса характерных примет у лиц,

сфотографированных на снимках № 1, 2, 3 и 4, дает основание утверждать, что эти фотоснимки, являются изображениями одного и того же лица».

Получив акт экспертизы, Чуренков впервые за минувшие двое суток, которые он так и не спал, смог наконец-то почти облегченно вздохнуть. Вроде бы задержал кого надо, а не безвинного, просто похожего человека. Но почему почти… А потому, что предстояло еще опознание Петрова-Иванова двумя доставленными из Калуги свидетелями, причем, разумеется, независимо друг от друга.

В три часа дня у стены одного из кабинетов в следственном отделе Управления КГБ СССР по Московской области были выстроены в ряд четверо мужчин примерно одного роста и возраста. Среди них — подозреваемый Петров.

По указанию следователя Ландера в помещение ввели крупного мужчину лет под пятьдесят в рабочей одежде. По тому, как, завидев людей в форме (в комнате находилось еще несколько сотрудников Управления), человек мгновенно завел руки за спину, можно было безошибочно сказать, что он провел не один месяц в заключении. Так оно и было на самом деле. Бывший людиновский полицейский Александр Волосастов еще в 1944 году был осужден к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и лишь два года как, отбыв срок наказания полностью, вышел на свободу.

На вопрос следователя, знает ли он кого-либо из четырех мужчин, Волосастов без колебаний указал на Петрова, опознав в нем Иванова Дмитрия Ивановича, с которым служил вместе в людиновской полиции с февраля 1942 года по август 1943 года. Он, Волосастов, присутствовал однажды при допросе, на котором Иванов и полицейские Сергей Сахаров и Василий Попов избивали пленного красноармейца.

— Да пусть правую руку разожмет, — сказал в заключение Волосастов, — у него на кисти шрам должен быть от пули…

И точно, на правой руке Петрова оказался старый, явно пулевого происхождения рубец, ранее ускользнувший от внимания сотрудников КГБ. Это было веским доказательством.

Затем в кабинет ввели мужчину много моложе — лет тридцати с небольшим, с орденом Славы и двумя нашивками за ранения на пиджаке — Ивана Титкина.

Он также без колебаний указал на Петрова, назвав его Ивановым Дмитрием Ивановичем.

На вопрос следователя, хорошо ли он знал Иванова, Титкин ответил, что знал его очень хорошо с 1938 года, сначала по учебе

в школе № 1 города Людиново (хотя и учился на три класса моложе), а потом по совместной службе в полиции с апреля 1942 года по август 1943 года.

У Ивана Титкина хватило совести и воли порвать с позорной службой. В отличие от Волосастова, да и других полицаев, он сбежал к партизанам, потом вступил в Красную Армию и своею кровью искупил вину перед народом, потому и не был впоследствии судим.

После опознания Титкин добавил, что рабочий кабинет Иванова находился при штабе людиновской полиции, рядом с военкоматом, на 1-й улице Фокина, а жил он неподалеку, на 2-й улице Фокина, ходил в немецкой офицерской форме, всегда с пистолетом на поясе.

На допросе 12 ноября 1956 года, т. е. на следующий день, поняв бессмысленность дальнейшего запирательста, задержанный подтвердил следователю Ландеру, что он действительно является Ивановым Дмитрием Ивановичем, бывшим старшим следователем людиновской полиции, и заявил, что готов дать чистосердечные признательные показания.

Слово «признательные» следовало бы взять в кавычки, потому что, признав факт своей службы в полиции и вообще сотрудничества с оккупантами, Иванов полностью отрицал, что избивал и пытал арестованных, участвовал в расстрелах и т. п.

Тем самым он явно рассчитывал, что его деяния попадут под амнистию от 17 сентября 1955 на лиц, сотрудничавших с немецко-фашистскими оккупантами, и на него тем самым не будет распространен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам, диверсантам». Амнистия не распространялась на карателей, лиц, осужденных за убийства и истязания советских граждан.

Вот и построил Иванов свою тактику на попытке доказать, что он был всего лишь пособником оккупантов, к убийствам и истязаниям не причастный.

Об этих первых «признательных» показаниях читателю еще предстоит узнать, пока же этим и ограничимся.

Обратим только внимание читателя на два обстоятельства и просим его их запомнить: Иванов многократно подчеркивал, что он якобы спас от верной гибели многих патриотов, оказывающих содействие партизанам и подпольщикам, и всячески настаивал, что он добровольно поступил на службу в полицию в феврале 1942 года, а не в ноябре 1941 года. Казалось бы, какая разница, что дают ему эти два-три месяца. Оказывается, в этом был немаловажный смысл. Но об этом — тоже позже.

Пока что отметим, что акт экспертизы фотографий, протоколы опознания «Петрова»-Иванова двумя свидетелями — Волосастовым и Титкиным, а также признание самого одержанного позволили 12 ноября 1956 года вынести постановление о возбуждении против Иванова Дмитрия Ивановича уголовного дела по признакам, предусмотренным статьей 58–1а и ч. II статьи 72 Уголовного кодекса РСФСР, і 13 ноября вынести постановление на его арест.

Было также вынесено постановление об этапировании арестованного в Калугу для дальнейшего следствия, которое предстояло провести следственному отделу управления КГБ СССР по Калужской области.

В тот же день 13 ноября 1956 года в Москву прибыл старший следователь управления КГБ по Калужской области лейтенант Владимир Иванович Киселев. Познакомившись с первичными материалами на арестованного, поинтересовался впечатлениями Ландера о нем. Совместно обсудили гактику последующих допросов обвиняемого.

Через несколько часов Иванов был препровожден в одиночную камеру Калужской тюрьмы № 1.

* * *

Лейтенант Киселев к тому времени служил в следственном отделе управления четыре года. На работу в органы госбезопасности был направлен сразу после окончания в 1952 году Казанского юридического института. Теперь ему двадцать шесть лет. Он юрист в третьем поколении, юристами были его дед и мама. Отец — военнослужащий, участник Великой Отечественной войны.

Первое дело, которое было поручено ему в конце 1952 года, было дело на Максимова Евстигнея Фомича, работавшего в период немецкой оккупации старостой в одной из деревне Мосальского района. Как показали свидетели, он, по указанию немцев, посылал односельчан на работу по расчисткс дорог от снега, проводил сбор теплых вещей и продукиов питания, а однажды в «день урожая» преподнес немецкому генералу по русской традиции «хлеб-соль». Обвиняемый не отрицал этого. Приговор суда был — 25 лет ИТЛ. «Так ить я не проживу столько!» — изумленно воскликнул Евстигней Фомич, выслушав приговор.

К счастью для него и его родных, вскоре он был освобожден по амнистии.

Следующим было дело на Мишина Кондратия Андреевича, арестованного за измену Родине в 1953 году. В период немецкой оккупации он служил начальником тюрьмы в г. Жиздре, где содержались, истязались и уничтожались арестованные советские граждане. Суд приговорил его к 10 годам лишения свободы.

После смерти В.И. Сталина и ареста Л.П. Берии наступили иные времена. Прошли две крупные реорганизации органов государственной безопасности в Центре и на местах (слияние и разделение с органами МВД).

В Калужском управлении, помимо смены вывески, дважды прошли сокращения штатов, были ликвидированы отделы в районах области, сменились руководители управления.

С 1954 года начальником УКГБ по Калужской области стал полковник Лякишев Михаил Андреевич, талантливый организатор, сумевший сплотить коллектив, поднять моральный дух и повысить его работоспособность.

Сокращался и обновлялся следственный аппарат, который возглавлял подполковник Колосков Евгений Игнатьевич, опытный и справедливый наставник молодых следователей.

В том же году Киселеву и его коллегам пришлось заниматься пересмотром многих дел, особенно за период 1937–1938 годов, по жалобам и заявлениям советских граждан. В результате дополнительных расследований по вновь открывшимся обстоятельствам были вскрыты многочисленные факты грубейших нарушений законности и фальсификаций. Собранные доказательства служили основанием для отмены необоснованных приговоров и реабилитации невинно осужденных. Имея такой опыт, Киселев принял к своему производству дело по обвинению Иванова Дмитрия Ивановича в измене Родине.

В управлении служил опытнейший, хоть и не на много старше Владимира, оперативник Георгий Владимирович (между своими просто Жора) Браженас. У него была узкая, весьма специфическая специализация — розыск военных преступников, орудовавших в период оккупации на территории Калужской области. Так вот, один только Браженас за послевоенные годы разыскал по разным областям СССР около двухсот пятидесяти бывших полицаев, карателей, агентов фашистских спецслужб. Спрашивается, сколько же наших соотечественников — русских, украинцев, белорусов и прочих служили верой и правдой оккупантам? Какие же тысячи, десятки, сотни тысяч? В газетах обычно писали, что все эти предатели либо уголовники в прошлом, либо белогвардейские офицеры, вообще «бывшие». Но среди тех, кого доставляли в калужскую тюрьму Браженас и другие розыскники, лиц, имевших до войны судимость, были

единицы, а бывших царских офицеров так вообще ни одного. В большинстве своем полицаи оказывались молодыми людьми, кое-кто до войны даже состоял в комсомоле. Что заставило их изменить Родине, пойти добровольно на службу оккупантам, издеваться над соотечественниками, порой земляками и однокашниками, мучить их, избивать, пытать и расстреливать?

В истории всех войн, которые когда-либо вела Россия, такого массового предательства не случалось никогда.

В начале ноября 1956 года Киселев только что закончил расследование по делу бывшего людиновского полицейского, одно время начальника полиции в Бытоще, Стулова Василия Алексеевича. Его разыскал на Украине, где он работал плотником в совхозе «Выдвиженец» Днепропетровской области под именем Василия Ивановича Семенова, всё тот же Георгий Браженас. Это был огромный, слонообразный мужик лет сорока пяти, не помещавшийся даже в боксе аптозака. При перевозке пришлось, в нарушение инструкции, отворить ему дверцу бокса, чтобы он мог вытянуть ноги в проход. На опознании в Бытощи, где под его командой были публично расстреляны четырнадцать местных жителей, подозреваемых в связях с партизанами, бывшего начальника полиции пришлось усиленно охранять от порывавшихся разорвать его живьем свидетелей казни и родственников убитых.

Был разработан, согласован и утвержден план расследования по делу, определен порядок сбора доказательств. Сложностей хватало. Это прежде всего давность совершенных преступлений, многих свидетелей которых уже не было в живых. Некоторые соучастники Иванова, отбыв сроки наказания или освобожденные по амнистии, разъехались по стране. По существу, предстоял их розыск. Устанавливать очевидцев и потерпевших пришлось не только в городе Людиново, но и далеко за его пределами. В частности, свидетелей пришлось вызывать с территории Украины, Белоруссии, Литвы, Коми АССР, Карагандинской и других областей. В качестве свидетелей был допрошен и ряд лиц, отбывавших сроки наказания, которых пришлось этапировать в Калугу из мест заключения. Необходимо было найти конкретные документы того периода в архивах Калуги, Москвы, Орла и Брянска. И, естественно, продолжая допросы обвиняемого Иванова, одновременно вести поиск и допросы свидетелей в г. Людиново. В реализации плана расследования приняли участие ряд следователей и оперативников управления КГБ СССР по Калужской области. Определенную сложность вызывала позиция большинства соучастников Иванова, в частности бывших руководителей полиции и следователей. Они с большой

осторожностью давали показания в отношении Иванова Д.И. о конкретных фактах его участия в истязаниях и уничтожении советских граждан. Ловчили, отказывались от показаний, которые давали ранее по своим делам. Понять их можно. Они хорошо усвоили, на кого не распространяется амнистия 1955 года. Вот почему пришлось допросить большое количество свидетелей (87 человек), а также пронести 17 очных ставок между ними и обвиняемым. Однако незаурядным дело Иванова, даже историческим, стало совсем по иной причине: в ходе расследования, а затем и открытого судебного процесса впервые выявилась в должном объеме героическая деятельность на протяжении целого года людиновского молодежного, в основном, подполья и трагическая судьба самих подпольщиков, а точнее — советских разведчиков. После завершения суда имена погибших героев: Алексея Шумавцова, Анатолия Апатьева, Александра Лясоцкого, Александры Хотеевой, Антонины Хотеевой, Клавами Азаровой, Виктора Апатьева, Николая Евтеева, их оставшихся в живых боевых соратников узнала вся страна, а название города Людиново стало в один ряд с Краснодоном.

Пришла война народная…

В ста восьмидесяти восьми километрах к юго-западу от Калуги и в семидесяти с небольшим километрах к северо-востоку от Брянска, на берегах живописнейшего, вытянувшегося ресничкой по меридиану озера и речки под одним необычным названием Ломпадь расположен город и районный центр Людиново. Озеро, окаймленное по берегам хвойным лесом, ввиду рукотворности его происхождения называют также Людиновским водохранилищем. Из озера берет начало речушка Неполоть. Все эти воды делят город надвое, на восточную и западную часть. Причем в черте города шири на озера доходит до полутора километров. С запада к городу подходит уже настоящая река — Болва, впадающая у Брянска в Десну. Почти повторяя ее изгибы, а в двух местах пересекая реку, тянется проходящая через Людиново железнодорожная линия Вязьма—Киров—Брянск.

С южной стороны в состав города входит рабочий лосенок Сукремль, там свое, Сукремльское водохранилище, образованное плотиной на реке, отделяющей его от акватории огромного, примерно в двадцать пять квадратных километров, верхнего озера.

В незапамятные времена здесь, в глуби бескрайнего и дремучего Брянскою леса, в котором по легенде скрывался когда-то сам Кудеяр-атаман с тех же времен существовала деревушка Людиново и другие поселения. Во всяком случае в Переписных книгах за 1678 год Людиново упоминается. При императрице Екатерине Второй оно уже как соло входило в Жиздринский уезд Калужского наместничества.

Прознав, что в недрах здешних земель есть железная руда и каменный уголь, а о лесе, стало быть, о древесном угле и говорить не приходится, знаменитое семейство промышленников Демидовых, происхождением из тульских кузнецов но при Петре Великом получившее дворянство, согнав сюда множество работных людей, основало здесь в 1738–1745 годах два завода, составлявших как бы одно целое: Людиновски, на котором строились разные машины, и Сукремдьский чугунного литья.

В XIX веке заводы перешли к другому, не менее знаменному семейству промышленников — Мальцевых, до того известных своим стекольным и хрустальным производством.

В истории российской промышленности оба завода занимают видное место. На Люлиновском заводе были произведены рельсы для первой настоящей русской железной дорога — Николаевской, соединившей обе столицы: Москву и Санкт-Петербург. Здесь был

построем первый в России паровой двигатель для корвета «Воин», первые паровые машины для Тульского оружейного завода и Санкт-Петербургского арсенала, в 1870 году — первый паровоз. В 1872 голу на Московской политехнической выставке Людиновский завод был отмечен Большой Золотой медалью и аттестатом первой степени.

Позднее на Людиновском заводе стали строить локомобили, которые можно было встретить в сельских хозяйствах всей необъятной России, вывозили их и за границу.

Оба завода, разумеется, изменившиеся до неузнаваемости, в значительной степени, естественно, перепрофилированные, существуют и по сей день, они влияют на всю жизнь города Людиново в целом и почти каждого его обитателя и отдельности.

К началу Великой Отечественной войны Людиновский завод назывался локомобилестроительным, а сам город входил по тогдашнему административно-территориальному делению в Орловскую область.

Лето 1941 года Людиново, как, впрочем, и вся страна, жило в ожидании каких-то больших событий.

Это неправда, когда и сегодня кто-то уверяет, что нападение нацистской Германии на Советский Союз было внезапным и нежданным. Вероломным — да, потому что Гитлер нарушил Пакт о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 года, и германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанный 28 сентября также в Москве.

Но не внезапным и не нежданным. Сегодня доказано и широко известно, что высшее советское руководство во главе со Сталиным (ставшим уже не только Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), но и Председателем Совнаркома СССР) знало в деталях и о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР, и точную дату этого нападения. И ничего не сделало — если не считать худосочного зондирования в виде известного Заявления ТАСС от 14 июня 1941 года — чтобы предпринять решительные и действенные меры для противодействия агрессии.

Разумеется, жители Людинова, как и москвичи, и ленинградцы, и вологодцы, и киевляне, и новосибирцы, и тбилисцы, ничего не знали ни о предупреждении британского премьера Черчилля Сталину, никогда не слышали имени Рихарда Зорге, даже не подозревали о его существовании. Но они хорошо знали, что германский фашизм — их смертельный враг, и понимали, что война с Германией неизбежна. Они не верили миролюбию Гитлера, но… они верили Сталину, верили в его мудрость и непогрешимость. Верили и надеялись, что пакт хоть на время отвел от нашей страны Смертельную угрозу.

То было странное, загадочное, едва ли не мистическое переплетение здравого народного разума и слепой веры в вождя, веры в чудо. Возможно, способствовало тому и известная черта русского характера, непостижимое наше, тысячу раз опровергнутое жестокой жизнью и столько же раз возродившееся «авось пронесет». Не пронесло… И не могло пронести.

Оперуполномоченный НКГБ СССР,[6] сержант госбезопасности — что соответствовало званию лейтенанта в Красной Армии — Василий Иванович Золотухин прибыл с семьей к новому месту службы в Людиново года за полтора до войны. Это был крепкий, коренастый тридцатидвухлетний мужчина, настоящий службист, в хорошем смысле этого слова, но порой слишком прямолинейный и, к сожалению, как многие тогда, не избавившийся от синдрома подозрительности, а потому скорый на не всегда праведные решения. Это частенько усложняло его отношения с людьми, а в конечном счете самому ему изрядно попортило жизнь.

Действительную — четыре года — Золотухин отбыл в погранвойсках на границе с Ираном. Сам уроженец Орловской области, он затем был направлен на учебу в школу НКВД в Ленинград, по окончании которой служил в разных городах той же Орловщины. С 23 июня 1941 года Золотухин считался отбывшим в очередной отпуск. Прослушав в воскресенье 22 июня речь по радио наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на СССР, он понял, что заслуженный отпуск откладывается на неопределенное время, как оказалось — навсегда.

Бывая в областном центре, Золотухин слышал, конечно, не слухи — вполне достоверные разговоры о том, что на западной границе и в приграничных областях Украины и Бепоруссии в последние месяцы резко возросло число задержанных агентов немецких спецслужб, что участились нарушения воздушного пространства СССР германскими разведывательными самолетами.

С ним самим совсем недавно произошел случай, оставивший в душе неприятный осадок. Недели две назад к нему в райотдел пришел майор-пограничник из-под Вильнюса. 11 росил помочь с отгрузкой в расположение его погранотряда партии цемента и локомобиля — оборонительные сооружения на тамошней границе спешно укреплялись. Усталый майор рассказал, что на сопредельной стороне в последнее время явно происходит сосредоточение немецких войск. Золотухин помог майору ускорить отгрузку, потом уже узнал, что груздо получателя так и не дошел, застрял где-то в пути.

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о мобилизации военнообязанных ряда военных округов. Мобилизации подлежали военнообязанные 1905–1918 годов рождения. Первый день явки мобилизованных на призывные пункты был назначен на понедельник 23 июня. С этого числа значительную часть каждого дня Золотухин проводил в райвоенкомате, в призывной комиссии.

Работы в ней было много. Мобилизация осуществлялась не механически — незаменимые специалисты производства и высококвалифицированные рабочие подлежали бронированию, иначе пришлось бы остановить заводы. Кроме того, комиссию захлестывал поток добровольцев — приходили и мужчины старших возрастов, и вчерашние безусые школьники.

По окончании рабочего дня в военкомате Золотухин шел к себе, на второй этаж здания райотдела НКВД, где располался и его кабинет, здесь часов до двух ночи занимался уже своими, контрразведывательными делами. Их тоже хватало.

Однажды в военкомат пришел рослый, красивый парень. Золотухин невольно обратил внимание на его ясные серые глаза под изогнутыми своеобразно, уголком, густыми бровями. На вид парню было лет восемнадцать (таких добровольцев в армию принимали), но, как выяснил военком майор Шустов из его новенького паспорта, ему только в марте исполнилось шестнадцать и он только что перешел в десятый класс…

Меж тем, воспользовавшись неподготовленностью Красной Армии к началу войны, германские войска, невзирая на упорное сопротивление, наступали по всему фронту, захватывая все новые и новые города и населенные пункты. И повсеместно буквально с первых дней оккупации на этой территории возникали партизанские отряды и группы подпольщиков.

29 июня 1941 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) направили директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей. Директива, в частности, предписывала создавать в занятых врагом районах партизанские отряды и диверсионные группы, всюду и везде создавать для врага и его пособников невыносимые условия, срывать мероприятия противника.

18 июля ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Постановление предписывало руководителям местных партийных и советских организаций всех уровней лично возглавить эту борьбу, чтобы придать ей самый широкий размах и боевую активность.

По тому, как тревожно развивались события на фронте, Золотухин, как человек здравомыслящий, понял, что постановление это вскоре распространится и на него, а потому

надо действовать с опережением событий. Для него, кадрового сотрудника органов госбезопасности, это прежде всего означало подбор людей для ведения в Людинове разведывательной, подпольной работы в случае оккупации города и района немцами.

Военком Шустов парня, разумеется, завернул, буркнув в тысячный раз фразу, которую произносил уже не одному такому добровольцу:

— Подрастешь, сами призовем. Еще успеешь навоеваться.

Когда расстроенный парень вышел, Золотухин последовал за ним и нагнал в коридоре.

— Что, воевать хочешь?

— Хочу, — парень внимательно взглянул на Золотухина, — товарищ сержант государственной безопасности.

А парень разбирается в званиях, — уважительно подумал Золотухин, потому что обычно люди, видя «два кубаря» в петлицах, называли его на армейский лад «товарищ лейтенант».

— Как зовут?

— Алексей Шумавцов.

— Не сын ли Шумавцова Семена Федоровича?

— Сын…

Золотухин немного знал заместителя начальника железнодорожного цеха Локомобильного завода Шумавцова-старшего, знал с наилучшей стороны. Да и сын ему понравился.

— Что ж, если уж так хочешь воевать, то будешь воевать. Приходи ко мне сегодня вечером, часов в восемь.

— А куда? — У парня загорелись глаза.

— Знаешь, где райотдел НКВД? Это рядом с хлебозаводом.

— Знаю.

— Поднимешься на второй этаж, кабинет номер пять.

— Приду.

— Только вот что… Об этом никому ни слова. Если милиционер внизу не будет пускать, скажешь, что идешь к Золотухину Василию Ивановичу по вызову, но свою фамилий ему не называй. Все понял?

— Так точно, товарищ…

— Василий Иванович.

Вечером Золотухин откровенно поговорил с Шумавцовым, объяснил ему, в чем будут заключаться его обязанности в случае оккупации города, предупредил о риске, который неминуем в работе любого разведчика, тем более в военное время, когда, если провал, его ждет неминуемая смерть, и не быстрая, а мучительная, под пытками.

Шумавцов не колебался. У этого парня, который нравился Золотухину все больше, характер был твердый и решительный.

Потом начались занятия. Золотухин учил Шумавцова, как различать воинские звания германской армии и рода войск, как определять виды военной техники, типы танков и артиллерийских орудий, их калибр, учил основам топографии и азам специальных дисциплин — как незаметно для окружающих вести наблюдение и как самому от наблюдения уходить, как соблюдать необходимую конспирацию и тому подобному.

На одном из занятий командир сказал:

— Теперь вот что… Сам понимаешь, Алексей, один ты много не сделаешь. А нам нужны будут глаза и уши во всем городе. Начни подбирать себе боевых товарищей. Таких, на кого ты можешь положиться, как на самого себя. Есть у тебя такие?

— Есть, конечно, — с жаром ответил Алексей. — Шура Лясоцкий, Толя Апатьев… — Тут он запнулся и, почему-то покраснев, спросил: — А девушек можно?

— Можно, — тяжко вздохнув, с неохотой согласился Золотухин. Ох, как не хотелось ему вовлекать девушек в это совсем не девичье дело — подпольную работу в оккупированном гитлеровцами городе.

Он уже многое знал об Алексее Шумавцове — и, естественно, не только от него самого. Догадывался, и о каких девушках подумал Алексей, задавая свой вопрос, — сестрах Хотеевых, Александре и Антонине. Для него не было секретом, что с младшей из них — Шурой, Алексей дружил, хоть и был моложе ее.

Алексей Шумавцов родился 17 марта 1925 года. Так уж вышло, что по семейным обстоятельствам — многодетности Шумавцовых — он рос и воспитывался с семи лет большей частью не в Людинове у родителей, а в поселке Ивот Дятьковского района (это километров тридцать от Людинова), в доме своего бездетного дяди по матери Якова Алексеевича Терехова и его жены Натальи Михайловны. «Тетя-мама» раньше была учительницей. Она много занималась дома со способным мальчиком, и в результате после первого класса его перевели сразу в третий. В местную школу Алеша ходил по девятый класс включительно, а в Людиново к родителям приезжал только на каникулы. В Ивоте многие вообще считали его родным сыном Тереховых, потому даже в классном журнале он был записан как Алексей Терехов, и в комсомольском билете, полученном в седьмом классе, тоже проставлена эта фамилия. Среди одноклассников, да и не только их, Алексей пользовался уважением, почему и был избран заместителем секретаря комсомольской организации школы.

Комсомол той поры на уровне первичных организаций еще не

был напрочь заформален и бюрократизирован, вокруг него, особенно в малых городах и населенных пунктах, действительно строилась вся жизнь учащейся и рабочей молодежи.

Еще было известно об Алексее, что он любит читать, любит ходить на охоту (приучил дядя), любит играть в футбол и мечтает по окончании школы поступить в военное летное училище. Летчики и полярники в ту предвоенную пору пользовались всенародной любовью.

Однажды, по окончании восьмого класса, Алеша подбил несколько одноклассников съездить в Бежицу с единственной целью — совершить прыжки с имеющейся там парашютной вышки. Эта поездка (не говоря уже о самих прыжках) стала для ребят большим событием. Как-никак испробовали характер. Прыгать-то с вышки хоть и считалось делом безопасным, а все же страшновато…

В футбол людиновские ребята играли чаще всего на пустыре за городской больницей. Команды формировались по самому простому принципу — уличному. Самыми серьезными противниками считались футболисты с Плехановской. Среди них выделялись Митька Иванов, одноклассник Тони Хотеевой по средней школе № 1, и его дружок Мишка Доронин. Играли они оба хорошо, но уж очень грубо. Им ничего не стоило сделать накладку, или при прорыве нападающего соперников к своим воротам взять его в жесткую «коробочку», благо силенкой их Бог не обидел.

Шура Хотеева и Митька уже были студентами — она закончила первый курс Химико-технологического института им. Д.И. Менделеева в Москве, он — в Брянском лесохозяйственном. [7] Впрочем, этим летом он в Людинове так еще и не появился. К тому же после 22 июня про футбол вообще пришлось позабыть, не до него было ни Алексею Шумавцову, впитывавшему премудрости профессии разведчика, ни его товарищам по команде.

Меж тем Василий Золотухин получил из Орловского областного управления НКГБ предписание: секретно направить в Брянск для ускоренного обучения в школе диверсантов надежного человека. Такой человеку Золотухина на примете был — Григорий Иванович Сазонкин, контролер отдела технического контроля локомобильного завода, рационализатор от природы и, как говорится, на все руки мастер.

Школа будущих диверсантов-подрывников была расположена под Брянском, в рабочем поселке при электростанции Белые Берега. Обучал слушателей подрывному делу хорошо известный всем сотрудникам органов госбезопасности Орловской области Георгий Михайлович Брянцев.

Незадолго до войны его за какие-то провинности сняли с оперативной работы и направили в наказание служить в административно-хозяйственный отдел. Теперь вот опомнились, что негоже такому специалисту прозябать в роли завхоза, и нашли ему занятие, более соответствующее его опыту и знаниям. Курсы были действительно краткосрочными, но натаскивал своих подопечных Брянцев столь интенсивно и толково, что все они за считаные недели хитрое подрывное дело освоили вполне основательно, что и доказали последующей боевой работой в партизанских отрядах края. Доказал это более чем убедительно и дюдиновский рабочий Григорий Сазонкин.[8]

Когда Сазонкин вернулся в Людиново, ему самому уже пришлось выступить в роли преподавателя подрывного дела. Правда, занимался он поначалу по заданию Золотухина с одним-единственным учеником — Алексеем Шумавцовым. Вдвоем они уходили куда-нибудь в лес, подальше от грибных и ягодных мест, чтобы не натолкнуться на любителей «третьей охоты», и здесь, устроившись поудобнее у пенька, Григорий Иванович учил Алексея, как обращаться с различными типами взрывчатки и капсюлей, как самому при необходимости составить гремучую, или зажигательную, смесь, как закладывать и маскировать мины…

Разные чувства обуревали на занятиях этих двоих таких разных людей — выдержанного, уже умудренного жизнью мужчину и горячего, нетерпеливого юношу, еще только начинавшего и жить-то по-настоящему. Первый в глубине души желал, чтобы его старательному ученику никогда не пришлось бы на практике применить полученные новые знания, второй же только об этом и мечтал.

Меж тем война неумолимо приближалась. В связи с резким ухудшением обстановки на брянском — уже! — направлении и угрозой прорыва противника к Брянску по решению Ставки Верховного Главнокомандования 14 августа 1941 года был образован Брянский фронт в составе на тот день 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант, впоследствии Маршал Советского Союза, Андрей Иванович Еременко.

Вскоре Золотухин в числе ряда других партийных и советских работников области был вызван на совещание в Брянск, которое проводили генерал А.И. Еременко и первый секретарь Орловского обкома партии В. И. Бойцов. Повестка дня фактически состояла всего из одного вопроса — мероприятия, которые необходимо немедленно осуществить в связи со сложившейся обстановкой.

Вернувшись в Людиново, Золотухин, выполняя полученные

на совещании директивы, немедленно приступил к формированию истребительного батальона, предназначенного прежде всего для борьбы с очень вероятными вражескими диверсантами, лазутчиками и десантами.

В случае оккупации района и города на его основе должен был быть образован и партизанский отряд. Численность батальона была установлена в 250 бойцов, численность отряда — пока только в сорок человек. Ядро батальона составили, естественно, рабочие Людиновского локомобильного и Сукремльского чугунолитейного заводов.

В эти дни, к слову, Золотухин познакомился с матерью сестер Хотеевых Татьяной Дмитриевной, она работала в столовой истребительного батальона.

С фамилией Золотухина читатель еще не раз встретится на страницах этой книги.

Сегодня о деятельности органов государственной безопасности бывшего СССР, особенно в тридцатые годы, принято говорить только дурное. По любому поводу все беды нашей многострадальной Родины связывают с именем не только Сталина, но и со зловещими именами Ягоды, Ежова, Берии, Абакумова. Известны имена сотен других палачей, как в центре, так и на местах, творивших беззаконие и подлинные преступления против собственного народа. Никогда не сотрется и памяти народа страшное слово ГУЛАГ — наша трагедия, наша боль, наш несмываемый позор.

Но трагично и то, что в НКВД, как и в партийных, и в государственных органах, всегда работали очень разные люди. Одни вышибали «признательные» показания в подвалах сотен Лубянок, пускали пули в затылки обреченных в бесчисленных Куропатах, имевшихся в каждой области необъятной страны, гноили миллионы сограждан на лесоповалах Коми и Сибири, золотых рудниках Колымы, копях Джезказгана, на «великих стройках века» от Беломорканала до БАМа (мало кому известно, что его сооружение силами заключенных началось еще до войны).

Но в том же НКВД-НКГБ работали и совсем другие люди, которые честно выполняли свой долг перед Родиной, обеспечивали ее безопасность далеко за кордонами, ходили порой буквально по лезвию ножа, рискуя жизнью добывали секретную информацию о планах и замыслах врага в самом его логове. Не счесть, сколько таких патриотов погибли мучительной смертью под пытками в застенках гестапо и в… подвалах той же Лубянки, когда возвращались они «с холода» на родную землю.

Другие их товарищи также честно выполняли свой гражданский, воинский и — по их искреннему убеждению —

партийный долг, вылавливая и обезвреживая в советском тылу и непосредственно в войсках немецких шпионов, диверсантов, террористов.

С началом Великой Отечественной войны за линию фронта на оккупированную территорию СССР, а затем и других европейских стран, захваченных гитлеровцами, и саму Германию были заброшены сотни и тысячи сотрудников органов госбезопасности, как правило, добивавшихся права на эти задания добровольно, для проведения там разведывательной и боевой работы. Многие из них там и сложили свои головы, куда меньшее число удостоилось высших правительственных наград и почетных званий. Были таковые и среди прославленных партизанских командиров. И потомки наши всегда с благодарностью будут вспоминать славные имена Героев Советского Союза Дмитрия Медведева, Николая Кузнецова, Станислава Ваупшасова, Михаила Прудникова, Кирилла Орловского, Владимира Молодцова, Дмитрия Емлютина и других и никогда не поставят им в вину, что состояли они по ведомству госбезопасности, а не в кадрах Красной Армии.

В.И. Золотухин совершил серьезные ошибки как командир Людиновского отряда и понес за это наказание. Но нельзя и зачеркивать его заслуги как одного из руководителей партизанского движения на территории нынешних Калужской и Брянской областей.

…Случилось так, что бойцы Людиновского истребительного батальона — их повсеместно стали по созвучию называть «ястребками» — и будущие партизаны получили возможность пройти боевое крещение, понюхать настоящего пороха.

Дело в том, что продвижение противника было приостановлено на рубеже реки Десны. Фронт простоял здесь два месяца. По договоренности с командованием 290-й стрелковой дивизии бойцы батальона приняли участие в оборонительных боях в ее составе. Кроме того, их, как хорошо знающих местность, засылали небольшими группами в тыл врага с разведывательными заданиями, и они, как правило, с ними успешно справлялись, приобретая к тому же необходимый опыт. В первую очередь это коснулось ударной группы будущего отряда, которой командовал бывший директор Дома пионеров и член бюро райкома комсомола Иван Ящерицын.

Двухмесячная передышка для Василия Золотухина стала прямо-таки даром небесным. Он получил возможность относительно спокойно подобрать и подготовить людей, предназначенных для разведывательной работы в тылу врага после захвата им Людинова и всего района. В том, что это рано

или поздно произойдет, к сожалению, сомневаться уже не приходилось.

В вышедших ранее книгах о героях и жертвах Людинова авторы писали, что подполье, кроме разве что группы Алексея Шумавцова, возникло само собой. Тут сказались, как нам кажется, во-первых, недостаток объективной информации (в этом авторы не виноваты — архивные документы им тогда были просто недоступны), и, во-вторых, все они находились под впечатлением истории краснодонской «Молодой гвардии», которая действительно возникла самостоятельно, по инициативе самих юных патриотов. Но молодогвардейцы не занимались настоящей разведкой, а если бы и занялись ею, то никто не смог бы воспользоваться собранной ими информацией о противнике, поскольку никакой связи ни с партизанами, ни тем более с командованием Красной Армии они не имели.

И тут авторы со всей ответственностью должны заявить, что все основные людиновские разведчики, фактически резиденты, были подобраны и подготовлены для своей будущей опасной деятельности в оккупированном городе заранее. Другое дело, что, сообразуясь с обстоятельствами и возможностями, они привлекали к этой работе других патриотов, которым доверяли, на которых могли положиться. В этом, в частности, заключалась одна из их функций именно резидентов советской агентурной разведки.

Так уж сложилось, что самой результативной, как по разведывательной, так и по боевой работе, стала группа Алексея Шумавцова, должно быть, самого молодого резидента советской (а может быть, и мировой) разведки за всю ее историю.

Псевдонимом Шумавцова стало название сильной и гордой птицы — «Орел».

Людиновские разведчики были людьми разного возраста, разных профессий, разного образовательного ценза. Но все они должны были обладать некими общими свойствами: безусловной преданностью Родине, мужеством, волей, находчивостью.

Самой примечательной и своеобразной личностью среди них был, безусловно, Викторин Александрович Зарецкий, кто пережил оккупацию, но не пережил войну — он скончался, не выдержав тяжких эмоциональных и душевных переживаний, уже после освобождения Людинова Красной Армией — в 1944 году. А был он почти ровесником века, то есть ко дню кончины сравнительно молодым человеком.

Это был красивый мужчина, темноволосый, с характерным умным лицом русского провинциального интеллигента, даже носил общепринятую в ту давно ушедшую чеховскую эпоху

маленькую бородку. Но дело, разумеется, заключалось не в бородке, а в том, что Зарецкий был… потомственным священнослужителем. Однако в середине двадцатых годов, когда русскую православную церковь начали раздирать противоречия, отец Викторин стал мирянином: оставил храм, закончил курсы бухгалтеров и много лет проработал по новой профессии в одном из людиновских учреждений. Но так уж случилось, что перед войной небольшая церковь на людиновском кладбище лишилась своего иерея, и прихожане уговорили Зарецкого занять его место. Викторин Александрович, в душе всегда тосковавший по своей сильно поредевшей и постаревшей пастве, это приглашение с благодарностью принял.

Семья Викторина Александровича была небольшая — жена Полина Антоновна, подрабатывавшая немного шитьем на дому, и дочь-школьница Нина. В Людинове жила и его незамужняя младшая сестра Олимпиада Александровна, работавшая старшей хирургической сестрой в городской боль нице.

Зарецкий охотно согласился оказывать содействие советской контрразведке и сам выбрал себе псевдоним «Ясный».

Третьей городской разведчицей стала средних лет худенькая женщина с тонкими чертами лица и ровным пробором в темно-русых волосах — Клавдия Антоновна Азарова (в некоторых публикациях и даже документах ее фамилию ошибочно писали Назарова). До войны она работала в детской консультации, но потом перешла в городскую больницу на должность кастелянши, или, как теперь принято говорить, сестры-хозяйки. Тоже бессемейная, она издавна дружила с Олимпиадой Зарецкой, да и жили они в одной коммунальной квартире на улице Крупской. Псевдоним Азаровой был «Щука».

С Азаровой было договорено также, что она, по мере возможности, будет снабжать партизан и подпольщиков медикаментами и перевязочными материалами.

Большие надежды Золотухин возлагал и на рабочего Сукремльского завода Герасима Семеновича Зайцева. Этот внешне суровый человек с глазами, глубоко посаженными под низкими темными бровями, с маленькими усиками щеточкой, прошел большую жизненную школу, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, побывал в плену в Германии, где неплохо изучил немецкий язык.

Пока же вместе со своим товарищем Александром Николаевичем Труновым Зайцев занимался чрезвычайно важным и секретным делом — они закладывали на будущей партизанской базе, в районе, который местные жители называли Птиченкой, запасы продовольствия. Это была непростая работа — продукты

требовалось незаметно доставить к месту базы, вырыть достаточно глубокие ямы, заложить туда съестное так, чтобы оно не испортилось от возможного проникновения грунтовых или дождевых вод, потом так замаскировать тайники, чтобы их не обнаружил чужой человек, не добрался дикий зверь.

Надо сказать сразу, что со своим ответственным поручением Зайцев и Трунов справились превосходно — ни один из тайников, ими заложенных, — а их было несколько, по принципу «не класть все яйца в одну корзину», — не был разграблен, все продукты сохранились в целостности.

О Герасиме Зайцеве, его судьбе еще предстоит речь впереди, пока что сообщим, что после закладки тайников на партизанской базе он вернулся в свою родную деревню Думлово, к семье, и стал дожидаться дальнейшего развития событий.

Золотухиным был подготовлен и связник между отрядом и городским подпольем — заведующий (из рабочих-выдвиженцев) районным отделом здравоохранения Афанасий Ильич Посылкин, средних лет, спокойный и выдержанный человек, обладающий очень ценным для разведчика качеством — неприметной, можно даже сказать, простоватой, деревенской внешностью. На самом деле Афанасий был и сообразителен, и находчив, и решителен. Помощником к нему был выделен тогда еще совсем молодой парень Петр Суровцев.

В подборе людей для отряда и подполья (не только в самом Людинове, но и в других населенных пунктах района) полную поддержку Золотухину оказывал второй секретарь райкома партии Афанасий Федорович Суровцев,[9] которому предстояло на период оккупации стать одновременно комиссаром партизанского отряда и секретарем подпольного райкома партии.

Сегодня мы решительно пересмотрели роль Коммунистической партии в трагической и весьма противоречивой истории нашей страны. Невозможно, да и ни к чему отрицать ошибки, заблуждения и даже преступления, совершенные ее высшим руководством во главе со Сталиным и Политбюро ЦК. Но нельзя подходить к истории односторонне. В рядах ВКП(б) состояли в разное время десятки миллионов честных людей, свято веривших в коммунистическую идею и отдававших все свои силы, знания, опыт бескорыстному служению народу. В первую очередь это относится к рядовым коммунистам и руководителям низового звена — секретарям первичных партийных организаций и райкомов партии, особенно в российской провинции.

На этих людях лежала полнота ответственности за все, и хорошее и плохое, что происходило на территории их района.

Лучшие из них — а Афанасий Федорович Суровцев принадлежал именно к таковым — внесли неоценимый вклад в мобилизацию народа на борьбу с фашистской агрессией. Миллионы честных коммунистов самоотверженно трудились в военном тылу, миллионы отдали свои жизни в боях за свободу и независимость Родины, другие миллионы потом восстанавливали порушенное войной народное хозяйство. Им незачем стыдиться своей былой принадлежности в те трудные годы к Коммунистической партии, они этим могут только гордиться, и мы не упрекать — до конца дней своих должны быть благодарны людям этого поколения уже за одно то, что живем сегодня на белом свете, строим новую, демократическую Россию, преодолевая новые трудности и заблуждения, порожденные уже нашей эпохой. И дай нам Бог так любить нашу обновляемую Родину, как любили ее они — наши отцы, деды, а для кого уже и прадеды. Так не будем же уподобляться Иванам Беспамятным, не помнящим родства своего и общего нашего прошлого.

Меж тем война все более жестоко давала о себе знать. 10 июля немецкие «Юнкерсы» и «Хейнкели» впервые бомбили город, у которого фактически не было никакой противовоздушной обороны. Появились первые убитые и раненые местные жители. Запылали первые жилые дома — в массе своей городские постройки были деревянными, как, впрочем, во всех районных центрах России. Частично или полностью вышли из строя заводская электростанция, трансформаторные подстанции, котельная.

Жизнь в городе после 22 июня враз и круто переменилась. Мужчины призывного возраста каждодневно сходились к военкомату. Бодрились, давали второпях последние наставления родным. Те тоже крепились, но, обнимая на прощание мужей, сыновей, братьев, плакали. Не было слышно, как в былые дни при призыве новобранцев, ни гармошек, ни балалаек. Уходили мужчины не действительную три года служить, а воевать, и никому не ведомо было, ни тем, кого призывали, ни тем, кто провожал, кому суждено вернуться обратно. Сегодня мы знаем — не поименно (этого не узнаем никогда), а по процентам, что из этих призывников Великой Отечественной дожило до Победы не более 3–5 процентов от общего числа.

Сразу появились очереди в магазинах. К тридцать девятому — сороковому годам жизнь в стране в материальном смысле заметно улучшилась. Появились и продукты, и промтовары. Люди стали покупать не только самое необходимое, но и дорогие вещи: круглые наручные часы Кировского завода в Москве, патефоны, велосипеды, радиоприемники «Си-34», в городе и округе

появилось даже несколько собственных мотоциклов. Кому случалось бывать в Москве, привозили оттуда апельсины и невиданные ни в кои веки заморские фрукты — бананы.

И тут вдруг — снова очереди. Враз вспомнили людиновцы, каково было в Гражданскую, да и в начале тридцатых годов, когда снова вводили карточки. И валом повалил народ в магазины. Выбирали все подряд, в первую очередь колотый сахар, соль, спички, мыло, керосин, свечи, крупы, папиросы — даже самые дорогие «Казбек» и «Дели», которые раньше покупали только по праздникам и для форсу. Вмиг разлетелись мясные консервы, рыбные тоже, даже тюлька в томате. Разобрали и сало-шпик.

На предприятиях и учреждениях создавались отряды местной противовоздушной обороны. Все подвалы и погреба в городе спешно переоборудовали под бомбоубежища. Во дворах рыли с той же целью так называемые щели. По распоряжению властей в каждом доме полагалось завести бочку с водой, ящик с песком, железные клещи, лопаты и брезентовые рукавицы для тушения зажигательных бомб, ну и, конечно, противогазы на всех членов семьи.

Объявили набор на курсы сандружинниц — туда потянулись молодые женщины и девушки-старшеклассницы.

Объявили о создании Фонда обороны — и понесли туда людиновцы, как и жители других городов и сел, кто наличность, кто сохранившиеся от лучших времен обручальные кольца, серебряные ложки и портсигары, кто облигации государственных займов. Потом из Москвы пришло совсем странное и по сей день непонятное распоряжение: сдать на хранение до конца войны все радиоприемники и охотничье оружие. Видно, боялись московские власти немецкой радиопропаганды, а о том, что этот приказ лишал жителей оккупированных районов хоть и тайком, а все ж слушать голос Юрия Левитана, никто не подумал. Ну а относительно дробовиков — это уж совсем в голову не лезет, зачем потребовалось их изымать. Или кто-то напугался, что деревенские охотники начнут палить из них по отступающим красноармейцам? Однако ж сдали, пришлось, поскольку до войны и двухстволки, и радиоприемники подлежали обязательной регистрации.[10]

Радио и газеты приносили каждый день неутешительные вести. На всех фронтах шли тяжелые, кровопролитные бои. Красная Армия отступала. Сердце сжималось, когда в очередной сводке сообщалось, что сдан очередной город, называлось новое направление. И никого не веселили залихватские карикатуры Кукрыниксов на Гитлера, Геринга, Геббельса в окнах ТАСС.

Враг приближался к Людинову, но все же никто из жителей

почти что не ждал, что он может прийти и сюда, на берега Ломпади. Но, как выяснилось очень даже скоро, нашлись в городе люди, которые со злорадством этого именно и ждали… Ждали прихода оккупантов.

Был среди них и скромный учитель физики и математики средней школы № 1 Александр Петрович Двоенко…

По счастью, Людиново бомбили не так уж часто, и это позволило организованно и успешно провести эвакуацию значительной части оборудования локомобильного завода, а также многих рабочих и служащих с семьями.

Демонтаж завода начали еще в августе. Рабочие зачастую не покидали цеха и на ночь. Пустые платформы и вагоны подавали по заводским путям прямо к цехам. Здесь демонтированные станки, машины и прочее оборудование грузили, крепили, затем вагоны перегоняли на главные пути, формировали эшелон, и тот через станции Киров и Фаянсовая уходил на Москву, а оттуда к месту передислокации — на Волгу, в город Сызрань. Этим же эшелоном в обыкновенных теплушках, по счастью, все ж не зима и в них в самом деле тепло, эвакуировались и заводчане.

Принимал участие в этом горьком и далеко не простом процессе заместитель начальника транспортного цеха Семен Федорович Шумавцов. Когда-то он сам был высококлассным паровозным машинистом, но, потеряв в аварии на заводе по неосторожности ногу, стал управленцем, и прекрасным, потому как свое железнодорожное дело знал до тонкостей. В эти недели он сутками не видел сына, но предполагалось, что тот эвакуируется в Сызрань вместе с семьей, там закончит десятый класс, а дальше видно будет.

О том, что у Алексея есть на этот счет свои планы, Семен Федорович и духом святым не ведал.

Потому что, четко следуя указаниям Золотухина, которого теперь Алексей при обращении называл не «Василий Иванович», а по-военному «товарищ командир», не сказал о порученном ему задании даже отцу родному, хоть и был тот коммунистом со стажем.

Один за другим уходили на юго-восток эшелоны — общим числом около сорока, практически весь Людиновский локомобильный завод, чтобы спустя несколько месяцев возродиться на новом месте.

С одним из последних эшелонов отбыли в Сызрань младшие сыновья Шумавцова Виктор и Александр, дочь Дина. Старший сын Павел был призван, как тогда говорили, «на окопы» — рыл противотанковые рвы и траншеи с сотнями других горожан, в основном женщин, пожилых мужчин и юношей, еще не достигших

мобилизационного возраста.

Предполагалось, что сам Семен Федорович, жена его Ксения Алексеевна, Алеша и бабушка Евдокия Андреевна уедут уж самым последним эшелоном.

Дня за два до его предполагаемого отхода Семен Федорович вырвался на часок домой. Все уже было готово к отъезду — вещи, из самого необходимого, упакованы в тюки и чемоданы. Оставалось только доставить в город мать Семена Федоровича — та находилась в деревне Олынаницы, это километрах в двадцати к югу от Людинова.

Шумавцов наскоро пообедал с женой и сыном, потом велел Алексею отправляться в деревню, а по возвращении с бабушкой дожидаться его дома, никуда больше не ходить.

Алексей согласно кивнул, аккуратно дожевал последний кус хлеба, переоделся и, прежде чем покинуть дом, вдруг поцеловал, словно уходил не на день, а надолго, мать и отца.

Те в хлопотах даже не удивились, с чего бы это вдруг, особые нежности в их семье не были приняты.

А это Алексей прощался с родителями, прося в душе у них прощения за вынужденный обман. Он-то знал, что ни в какую Сызрань не поедет. У него уже все было обговорено с Золотухиным. Чтобы не огорошить отца и особенно мать в последнюю минуту отказом от эвакуации, он умышленно опоздает с возвращением. Объявится в родном доме лишь после отхода последнего эшелона.

Не обратили внимания Ксения Алексеевна и Семен Федорович на столь необычную нежность сына. Не поняли, что этот поцелуй — прощальный. Не ведали, что не увидят его более ни живым, ни мертвым.

Третьего октября 1942 года наполовину опустевший после призыва мужчин и эвакуации заводчан город, под тоскливыми взглядами остающихся жителей, покидали Людиново сильно потрепанные в оборонительных боях последние красноармейские роты.

Четвертого октября диверсионная группа Григория Сазонкина и армейские минеры взорвали плотину верхнего озера, вода в реках Ломпадь и Болва сразу поднялась на несколько метров, и это затруднило продвижение немецких войск. К тому же минеры взорвали мосты и на реках Болва и Жиздра. Затем после сбора на восточной стороне города, у бывшего детдома, ушли в спасительные русские леса партизаны Золотухина и Суровцева. Вооружения на весь отряд у них было всего-навсего тридцать английских винтовок, оставшихся еще с Гражданской войны, по нескольку обойм с патронами к ним, десяток гранат да пистолеты

у командира и комиссара. Настоящее оружие еще только предстояло добыть в боях.

В тот же день в западную половину Людинова без боя вошли передовые части 339-й немецкой пехотной дивизии.

Несколько дней спустя в отчий дом на улице Луначарского вернулся с бабушкой Алексей Шумавцов.

Почти в тот же день в своем доме № 13 по улице Плеханова объявился Дмитрий Иванов…

Следствие 1

Составлять списки бывших людиновских полицейских, да и других пособников немецко-фашистских оккупантов, сотрудники советских органов государственной безопасности начали по свежим следам сразу после освобождения города в сентябре 1943 года. Даже раньше, потому что многие фамилии, в том числе, к примеру, всех четырех начальников местной полиции, были уже давно известны здешним подпольщикам и партизанам.

Архивы полиции, к сожалению, захватить не удалось. Дело в том, что весь ее личный состав и вся документация были заранее эвакуированы в Минск еще в августе-сентябре. На этом следы архива теряются, скорее всего, он был уничтожен.

Кое-кого из предателей удалось арестовать еще во время войны, некоторых — вскоре после ее окончания. Во время допросов арестованных полицаев всплывали все новые и новые фамилии — как-никак в штатах Людиновской полиции числилось единовременно свыше ста человек. Называли фамилии полицаев, а также иных пособников оккупантов и местные жители.

О Дмитрии Иванове тогда было известно очень мало, о его подлинной роли в полиции стали догадываться не сразу, а постепенно, по мере прибавления материала. Поначалу помощник оперуполномоченного Управления НКГБ по Калужской области Александра Кожевникова 19 ноября 1946 года вынесла постановление о заведении розыскного дела № 64 на Иванова Д.И. как на человека, который в период временной оккупации Людинова немецкими войсками служил в полиции, а при отступлении ушел в их тыл.

К этому времени никто из родственников Иванова в Людинове не проживал. Сотрудники госбезопасности установили, что вроде бы старшие его братья Николай и Виктор, а также старшая сестра Раиса, медсестра по образованию, в начале войны были призваны в армию.

Опрошенные соседи по новой квартире показали, что мать Иванова, его младший брат Иван и младшая сестра Валентина эвакуировались вместе с ним в Минск. Потом удалось выяснить, что мать Иванова Наталья Васильевна живет на станции Нахабино Московской области. В апреле 1947 года в Нахабино выехал ответственный сотрудник Калужского управления подполковник Гурген Сулаверидзе. Иванова показала, что никакими сведениями о местонахождении сына Дмитрия не располагает, не видела его, ничего не знает о нем — даже жив ли вообще — с весны 1945 года. Судя по всему, она говорила правду.

Проведенный в квартире обыск ничего не дал. Иванов Д.И. словно в воду канул. Да и пойди найди в нашей стране одного из миллионов, должно быть, проживающих в ней Ивановых, даже если отбросить из этого числа детей, стариков и женщин, которые никак не могут оказаться Дмитрием Ивановичем Ивановым, 1921 года рождения.

Подполковник Сулаверидзе вернулся в Калугу ни с чем, а мать Иванова поспешила при первой же возможности сменить место жительства — перебралась со своей оставшейся семьей в поселок Вострякoво, что по Павелецкой линии железной дороги в той же Московской области. Однако из своего поля зрения органы госбезопасности эту семью уже не упускали.

Меж тем показания арестованных полицейских и некоторые документы давали основания полагать, что Иванов Д.И. был далеко не мелкой сошкой и уж никак не тупым исполнителем чужих приказов.

Бывший следователь полиции Иван Хабров на допросе 15 декабря 1948 года показал, что Иванов расстрелял подпольщиков Лясоцкого, Шумавцова и Рыбкина.[11] Тогда эти фамилии следователям органов госбезопасности еще ничего не говорили.

Допрошенные по этому делу свидетели Смирнова К.В., Хрычиков Г.Н., Немцова Р.С, Илюшин Н.М. показали, что Иванов избивал их на допросах.

Обвиняемый Александр Горячкин, бывший полицай, на допросе 3 марта 1949 года рассказал, что Иванов, сопровождаемый полицейским Валентином Цыганковым, по собственной инициативе устроил в поселке «Красный воин» засаду и лично застрелил летом 1942 года двух партизан. По словам Горячкина, об этом знала вся полиция.

Да вот и бывший полицейский Василий Стулов совсем недавно, 5 ноября 1956 года, то есть всего лишь за пять дней до задержания Иванова в Москве, говорил на допросе, что Иванов с ноября по декабрь 1941 года, т. е. еще до своего формального зачисления в полицию, работал в немецкой комендатуре, кем, он не знает, а с января 1942 года уже официально служил в полиции. Стулов показал, что Иванов пользовался большим доверием у коменданта Людинова майора Бенкендорфа, называл его «отцом родным». Летом 1942 года Иванов с полицаем Иваном Апокиным приезжал к нему в поселок Бытошь Дятьковского района, грабил местных жителей, давал ему, Стулову, тогдашнему начальнику тамошней полиции, указания на аресты и применение к ним надопросах розог. Были случаи, когда он увозил с собой в Людиново арестованных советских граждан. Обратно никто из них не вернулся.

Далее Стулов произнес совершенно, казалось бы, невероятную фразу: «Все его указания я исполнял, так как боялся его хуже всякого зверя».

Это звероподобный-то Стулов боялся какого-то двадцатилетнего, на десять лет моложе его, мальчишку!

Далее Стулов добавил: «Мне говорили, что Иванов был осенью 1941 года тайным сотрудником у немцев. Он был очень жестокий человек».

Сам палач, приговоренный через несколько недель судом к смертной казни за чудовищные преступления, считал Иванова очень жестоким человеком…

Бывший полицай Сергей Сухоруков (в полиции служили еще два его однофамильца!), не сговариваясь, понятно, со Стуловым, также показал: «Иванов был полным хозяином в людиновской полиции. Все полицейские боялись его. Его указания выполнял и начальник полиции».

Полицейский Михаил Доронин, игравший когда-то с Дмитрием Ивановым в одной футбольной команде, еще в 1950 году был осужден к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Это он стоит рядом с Ивановым на той фотографии, которая была использована при экспертизе. Оба они сняты в немецкой форме с медалями на френчах. Следствию было известно, что из всей людиновской полиции лишь несколько человек были отмечены оккупантами этой, хоть и позорной, но все ж наградой. Выходит, заслужил ее Дмитрий Иванов в числе немногих. Доронин показал, что приказ о расстреле одиннадцати человек — двух семей, Лясоцких и Рыбкиных, половину которых составляли дети, он получил лично от Иванова. Такой приказ мог отдать только человек, наделенный в полиции неограниченной властью.

Наконец, в розыскном деле Иванова появились фотокопии нескольких интересных и необычных документов. Их оригиналы были обнаружены в Польше, в архивах «Армии Крайовой». Видимо, ее солдаты, «аковцы», как их принято тогда было у нас называть, взяли их в качестве трофеев при захвате какого-то немецкого учреждения или штабной машины. Среди множества бумаг оказались и такие, что свидетельствовали о сотрудничестве ряда советских граждан с немецкими оккупационными властями. 5 октября 1949 года польские коллеги переслали их в Москву, в тогдашнее Министерство государственной безопасности СССР. Среди них оказались документы, прямо относящиеся к деятельности Иванова Д.И. Тогда же их из Москвы переслали в Калугу для оперативного использования.

Ничего подобного ни молодой Киселев, ни опытный Колосков

в своей следственной практике не встречали. Не сталкивался с чем-либо похожим и начальник Калужского управления тогда уже КГБ при Совете Министров СССР полковник Михаил Андреевич Лякишев. Эти документы красноречиво и убедительно свидетельствовали, что Д.И. Иванов был не просто старательным полицаем, но человеком, имеющим перед гитлеровским рейхом особые заслуги.

Приводим их в переводе на русский язык.

«Командир части ф. Бенкендорф, Минск, 24 февраля
Минск/Остланд 1944 г.
Почтовый ящик 79

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Русский Иванов Дмитрий, род. 8.11.1921 г. в Бутчино (район Жиздры). В настоящее время проживающий в Минске (Остланд), в период с 18 янв. 1942 г. по 27.9.1943 г. находился на службе по охране порядка в прифронтовом секторе Людиново, район Жиздры (Орловская область).

Он добровольно (с семьей) зарегистрировался для эвакуации.

Использование по службе: розыскная служба, осведомитель, руководитель секретной службы района, командир роты.

Поведение: сразу же по поступлении на службу приобрел благодаря своим способностям совершенно особые заслуги в области розыска и осведомления; ему была поручена организация секретной службы и одновременно он был сделан ее руководителем.

В мероприятиях немецких вооруженных сил против партизан отлично проявил себя, особенно при поиске мин. Политически совершенно безукоризненен. Взысканий не имеет. Очень хороший характер.

За особую храбрость был награжден командиром 339 пех. див… 20.3.1943 г. серебряным крестом 2 класса с мечами за храбрость и 20.4.1943 г. дополнительно бронзовым крестом 2 класса с мечами за храбрость. 5.1.1943 г. был произведен в командиры роты и получил командование батальоном службы порядка. При этом он разработал всю систему службы порядка в политическом и военном отношении и проявил особые заслуги при

использовании службы порядка вместе с немецкими соединениями и против партизан. Сильно ненавидит большевиков. Поскольку он имеет заслуги перед немецкими вооруженными силами и в борьбе против большевизма, просьба оказывать ему в случае нужды помощь и поддержку.

Из немецкого военного обмундирования ему предоставлены: 1 суконные брюки, 1 френч, 1 шинель, 1 шапка, 1 пара сапог, 1 пара носков.

Удостоверяет.
Минск, 28.2.1944.

Командир части майор фон Бенкендорф».

Второй документ: тот же бланк, только другая дата — 16 марта 1944 года.

«Предварительное удостоверение

Виртшафтелейтер Иванов Дмитрий, род. 7.11.1921 г., имеет право до выдачи официального удостоверения от комиссара города на ношение пистолета № 38 081.

Бенкендорф, майор».

Третий документ — выдан уже не майором фон Бенкендорфом, а генеральным комиссаром Минска.

«ОХРАННАЯ ГРАМОТА.

Охранная грамота для Иванова Дмитрия (профессия) лесничего.

Владелец этой охранной грамоты находится под особым немецким покровительством. Каждая мера, направленная каким-либо немецким учреждением против его собственности или его жизни, должна быть согласована с генеральным комиссаром.

Сверх того он освобождается от следующих

повинностей и платежей:

От особых сборов и обязанностей, как квартирной повинности и реквизиции.

От физических работ или другого применения на работе вне его ведомства или места службы.

Владелец охранной грамоты должен пользоваться помощью и поддержкой всех немецких военных соединений и учреждений; она должна предоставляться ему по его желанию в необходимом объеме.

Минск, 28 июня 1944 г.

Генеральный комиссар Минска (печать) (подпись)».

В охранной грамоте перечислены также приметы Иванова, в частности, указан его точный рост — 174 сантиметра. В тридцатые и сороковые годы мужчины такого роста считались высокими.

Несколько пояснений к этим, в чем-то уникальным документам.

Воинская часть «почтовый ящик 79», которой командовал майор фон Бенкендорф, являлась ни чем иным, как военным заводом, выпускавшим, в частности, ракетницы для немецкой армии. Дмитрий Иванов в должности виртшафтслейтера, что в переводе на русский означает нечто вроде «хозяйственного руководителя», работал на заводе в качестве заместителя начальника, т. е. майора фон Бенкендорфа, по режиму. Иначе говоря, он осуществлял надзор за русским персоналом предприятия.

Отметим одну фактическую неточность «удостоверения», в действительности очень толковой и деловой характеристике, данной Бенкендорфом своему подчиненному. Как подтверждает и фотография (Иванов рядом с Дорониным), и последующие показания самого Иванова, он был награжден не крестами с мечами немецкого ордена «За военные Заслуги» (он имел несколько степеней и присуждался, в зависимости от обстоятельств, с мечами или без), а медалями «для восточных народов». Но это уже не имеет существенного значения. Существенно другое — дата повторного награждения, всего через месяц после первого — 20 апреля 1943 года. Это ведь день рождения Гитлера! В Третьем рейхе в этот день отмечали не столько за конкретные заслуги, сколько за общие, и в первую очередь за преданность фюреру.

О наличии в распоряжении следствия этих показаний и неопровержимых документов (их одних вполне хватило бы для

осуждения, по крайней мере, к максимальному сроку заключения) лейтенант Киселев, разумеется, пока Иванову ничего не сказал. Следователь вообще никогда не раскрывает подследственному всех своих возможностей сразу, он делает это постепенно, по мере надобности на дальнейших этапах работы. Пока что, на самой начальной стадии, он только слушает арестованного, задает ему уточняющие вопросы, выясняет подробности. Это именно допросы. Изобличать на подмеченных несообразностях, противоречиях, уличать во лжи, проводить очные ставки, осуществлять следственные эксперименты и т. п. он будет потом. Сейчас главное — пока подследственный еще не оправился от потрясения ареста, не выработал линию поведения и методику защиты — как можно подробнее и точнее записать его показания и получить собственноручную подпись на каждой странице протокола допроса.

Киселев уже подметил некоторые неточности и противоречия в ответах Иванова, но не придавал этому пока значение, не упрекал его в неискренности и, упаси бог, не произносил сакраментального: «Мы все знаем, вам лучше во всем признаться».

Почему и так ли уж всегда лучше? В конце концов, подследственный, в отличие от свидетеля, имеет право лгать и выкручиваться сколько угодно — это не запрещено Уголовно-процессуальным кодексом. Да и в самом деле — смешно упрекать человека в том, что он либо лжет, либо скрывает что-то, коль это может спасти ему жизнь, или сократить срок наказания. К тому же человек по прошествии стольких лет действительно может забыть какие-то факты из своего прошлого. Люди, обладающие «фотографической» памятью, встречаются не так уж часто.

Киселев уже понял за четыре года своей работы, что главное в характере следователя — терпение и выдержка.

Следственное дело Д.И. Иванова, и по сей день хранящееся в архиве Управления Федеральной службы контрразведки России по Калужской области, это два толстенных тома. Сотни страниц. Показания самого Иванова, показания многих десятков свидетелей, протоколы экспертиз, фотографии, протоколы очных ставок, обвинительное заключение, наконец, протокол заседания выездной сессии областного суда, запросы адвоката подсудимого и т. п.

Примечательная деталь — на листке, предваряющем материалы первого тома, — подписи лиц, знакомящихся с документами дела в последующие годы. Обнаруживаем, что дело неоднократно запрашивалось высшими учебными заведениями органов госбезопасности для проведения на его примере занятий

с будущими следователями. Уже одно это воздает должное профессиональному мастерству и добросовестности лейтенанта Киселева и подполковника Колоскова, который не только наблюдал за всем ходом следствия, но и принимал личное участие во многих допросах.

Изучая дела других людиновских полицейских, ранее осужденных, Киселев обратил внимание, что в подавляющем большинстве это были люди с низким образовательным уровнем, некоторые закончили лишь два-три класса школы, малоразвитые, порой откровенно туповатые. Поражал их предельно низкий моральный потолок, нравственная глухота и слепота. Проводя обыски в домах семей партизан или просто заподозренных в принадлежности к подполью местных жителей, они не гнушались обыкновенным воровством. Гащили даже не драгоценности (да и откуда тогда они могли быть?), а обыкновенные носильные вещи, в том числе и бывшие в употреблении, обувь, нижнее белье, кухонную посуду. Забирали продукты питания и, уж обязательно, все спиртное. Они, казалось, от рождения не ведали разницы между добром и злом, избивали, пытали, а затем и расстреливали арестованных так же обыденно, без малейших переживаний, не говоря уже об угрызениях совести, как равнодушно работал и до войны где-нибудь на заводе или в колхозе. Почти никто из них не был природным садистом и вряд ли получал удовольствие от участия в избиениях или расстрелах. Они просто служили за пайку, обмундирование и не бог весть какое высокое жалованье.

Ему приказали — он расстрелял. Не приказали бы — не расстреливал бы. Велели бы отпустить — отпустил бы. Для нормального человека самым ужасным в этой бесчеловечности была именно ее безразличная обыденность.

Никто из них на следствии, а затем и в суде не проявил ни малейшего раскаяния, сострадания к своим жертвам, пускай и запоздалого. Казалось, они даже к самим себе, споим искалеченным судьбам не испытывали жалости.

Дмитрий Иванов от своих сослуживцев резко отличался. Он был достаточно умен, образован, хваток, обладал определенными культурными запросами. Примечательно, что, очутившись после многих лет пребывания влагерях в Тбилиси, где провел несколько дней по пути в санатории, он ходил не только по тамошним злачным местам, но раза два посетил театр. Этот человек свои незаурядные задатки употребил, в конечном счете, себе же самому во зло, а не во благо, і іс говоря уже о страданиях, которые причинил он множеству соотечественников.

Обращало на себя внимание и то, что, начав официальную службу в полиции в январе 1942 года, ом в свои двадцать с

небольшим лет уже через несколько педель стал ее старшим следователем и руководителем «Русской тайной полиции», т. е. секретной службы, а затем командиром роты и батальона. Надо полагать, что сделать такую карьеру на одной только жестокости и исполнительности вряд ли возможно. За время оккупации пост начальника людиновской полиции занимали четыре человека. Все они были старше Иванова, и намного, обладали, следовательно, большим жизненным опытом, а вот он их всех пересидел, не только удержался на своей должности, по был дважды награжден, продвигался по служебной лестнице и заслужнл столь лестную оценку своей деятельности от немецкого военного коменданта.

Дмитрий Иванов родился в 1921 году в селе Кутчино нынешней Калужской области, в семье, как потом проходило по всем материалам, крупного кулака.

Следователь Киселев пришел к убеждению, что первым толчком к предательству для Дмитрия Иванова могло послужить не кулацкое происхождение само по себе, а факт раскулачивания и последующего репрессирования ею отца. Так одно зло — неправедность власти, породило другое — предательство, переход на сторону врага не только этой неправедной власти, но и собственного народа.

К слову сказать, уже в шестидесятые годы выяснилось, что все дело «Церковники» было буквально высосано из пальца движимыми карьеристскими побуждениями двумя мерзавцами — тогдашними сотрудниками Людиновского райотдела НКВД И.И. Островским и Г.С. Кермелем. Все лица, проходившие по этому сфальсифицированному делу, в том числе И.И. Иванов, были полностью реабилитированы за отсутствием не только состава преступления, но и события преступления.

Авторы сочли своей обязанностью сообщить об этом читателю не ддя того, чтобы оправдывать Дмитрия Иванова, но чтобы лучше понять его. Ибо только в понимании мотивов преступления, причем всех мотивов, заложен ключ к их недопущению в будущем, а вовсе не в одном лишь обезвреживании и покарании самих преступников. Что, конечно, тоже необходимо делать.

В 1940 году Дмитрий Иванов закончил в Людинове среднюю школу № 1. Учился вполне успешно, в числе отстающих никогда не значился. Особенно давались ему математика и физика, за что удостоился он благосклонности преподавателя этих предметов Александра Петровича Двоенко. Этот средних лет невысокий, сухощавый человек, с лицом несколько монголовидного типа, редко кого жаловал по причине странного озлобления, даже ожесточения. В таком состоянии он пребывал почти постоянно,

особенно когда накануне вечером перебирал спиртного. А это с ним случалось часто. Никто в школе не любил Двоенко, держался он в должности лишь потому, что преподаватели физики и математики, тем более — мужчины, были тогда, как, впрочем, и теперь, повсеместно в большой редкости, а потому в цене. Жалел по-своему Двоенко, как человека, обиженного чем-то или кем-то в жизни, лишь один преподаватель — второстепенного по тогдашним представлениям предмета — рисования и черчения, добрейший старик Бутурлин.

Успевал Дмитрий, как не удивительно, и по немецкому языку. В те предвоенные годы, когда за границу, если не считать дипломатов, ездили считаные специалисты и музыканты, а зарубежные газеты и журналы в страну не поступали, подавляющее большинство школьников считало изучение иностранного языка делом совершенно никчемным, и относились к этому предмету соответственно — лишь бы получить в году заветную отметку «посредственно» (цифровые отметки — «пос.» стало называться «тройкой» — были восстановлены в школах уже во время войны). А вот Дмитрий Иванов долбил немецкий основательно.

От школьных дел Дмитрий держался в стороне, не вступал ни в пионеры, ни в комсомол. Да его, скорее всего, и не приняли бы из-за кулацкого происхождения и клейма сына «врага народа», не дружил он даже с соседом по парте, умницей Колей Евтеевым, доброжелательным пареньком в круглых очках, которые лицу его придавали несколько удивленное выражение. К слову сказать, Коля Евтеев был превосходным музыкантом, играл на всех струнных, от мандолины до скрипки, а потому был желанным гостем в любой компании.

Казалось, у Иванова было лишь одно настоящее пристрастие — футбол, только на поле, с мячом, он и раскрывался как-то.

Получив аттестат, Дмитрий Иванов успешно сдал экзамены в Брянский лесохозяйственный институт, первый курс которого и закончил к лету 1941 года.

Когда началась война, Иванова в числе большого отряда студентов, не подлежащих пока призыву в армию, послали в район села Орлинки под Брянском на строительство оборонительных сооружений. Здесь в августе они попали в окружение и стали поодиночке и мелкими группами пробираться кто куда.

В середине ноября — по его словам — Дмитрий Иванов пришел домой, в оккупированное Людиново. Опять же, по его словам, все время, вплоть до временного освобождения Людинова Красной Армией в январе 1942 года, скрывался дома, никуда не

выходил. Потом его вдруг почему-то арестовали партизаны и посадили в небольшую тюрьму во дворе бывшей милиции. За что его посадили — не знает. Не знает также ничего и о том, куда исчез бесследно в конце ноября его брат Алексей. (Этого он действительно не знал.) Через несколько дней, когда Красная Армия вновь оставляла город, командование партизанского отряда приняло решение — всех находившихся в тюрьме полицаев и пособников оккупантов, числом около пятнадцати, расстрелять. Расстрел произвели прямо в камерах, через дверные проемы. Стреляли в спешке — к окраинам города уже подступали передовые подразделения немцев. В результате несколько человек уцелело, в том числе и Дмитрий Иванов, лишь получивший ранение в кисть правой руки.

После спасения Иванов некоторое время лечил руку в больнице у пленного военврача Евгения Евтеенко, а затем добровольно поступил на службу в полицию. Очень скоро его назначили старшим следователем, а также, по совместительству, доверенным переводчиком комендатуры, потому что, как выяснилось, он относительно хорошо знал немецкий язык.

Подчинялся Иванов номинально (на самом деле сохраняя полную автономию) трем, следующим после первого, начальникам русской полиции — Семену Исправникову-Титову, Сергею Посылкину и Валентину Цыганкову, и уже по-настоящему, немецкому оку над собой — унтер-офицеру Вилли Крейцеру и новому немецкому военному коменданту Людинова майору фон Бенкендорфу.

В его, Иванова, непосредственном подчинении были еще два следователя — Иван Хабров и Иван Сердюков, а также секретарь следственного отдела Яков Машуров. Потом отделу добавили еще одного следователя — Сергея Бобылева.

Иванов подтвердил, что состоял в должности старшего следователя до июля 1943 года, а потом в течение примерно чуть более месяца, до эвакуации, а фактически бегства в Минск, был заместителем последнего людиновского бургомистра Акима Павловича Василевского.

Сейчас нас интересуют показания Иванова о его деятельности в Людинове в период оккупации именно этого города, а не в Минске.

Следователи задавали Иванову вопрос за вопросом и на все получали отрицательные ответы. А если он и признавался в своей причастности к какому-либо преступлению, то тут же находил ему «смягчающее обстоятельство».

Да, он арестовал на улице Фокина подпольщика Николая Митрофановича Иванова с женой, но по приказу немцев. Сначала

их допрашивали в ГФП — тайной полевой полиции — немцы, потом уже он, в русской полиции. Он, следователь Иванов, своего однофамильца не бил. Приказ расстрелять его вместе с женой получил от немцев, но сам в расстреле не участвовал. Поручил сделать это полицейским, кому именно — не помнит.

Двух партизан в поселке «Красный воин» летом 1942 года убил полицейский Василий Попов, а он, Иванов, лишь приписал в рапорте этот подвиг себе, чтобы заслужить медаль, которую и получил.

Арестованных если и бил, то только в присутствии немцев, и то — всего лишь ладонью по лицу, хотя имел резиновую плетку.

Семьи Лясоцкого и Рыбкина были арестованы в октябре 1942 года, когда он, Иванов, был в командировке в Бытоше, у Стулова. Когда вернулся, следствие подходило к концу. Он, Иванов, просил коменданта Бенкендорфа не расстреливать хотя бы детей, но тот приказал казнить всех. Он, Иванов, лишь передал приказ полицейским. Сам при расстреле не присутствовал.

Шумавцова, Лясоцкого, сестер Хотеевых и других подпольщиков тоже арестовали в его отсутствие. Он присутствовал лишь при окончании следствия. Никого из них не бил.

Он, Иванов, хотел им помочь. Например, не стал арестовывать Николая Евтеева, с которым сидел за одной партой, хотя знал, что тот входит в группу Шумавцова.

Некий Гришин Федор Иванович, осужденный в январе 1953 года к 25 годам заключения в лагерях за измену Родине, в частности за то, что выдал гитлеровцам подпольную группу разведчиков во главе с Алексеем Шумавцовым, на следствии и суде показал, что свой донос лично передал в помещении полиции из рук в руки старшему следователю Иванову.

— Нет, Гришин передач донос не мне, а кому-то другому или немцам.

Да, он водил Шумавцова и Лясоцкого в лес для обнаружения места, где скрываются партизанские связные. Шумавцов и Лясоцкий стали кричать партизанам, чтобы те спасались. Партизаны открыли огонь и убили полицейского Александра Сафронова. За это сопровождавший полицейских немец приказал Шумавцова и Лясоцкого тут же расстрелять. Он, Иванов, лишь перевел этот приказ полицейским, кому именно, не помнит.

Он, Иванов, не только спас от ареста Николая Евтеева, но вообще не раз отпускал арестованных. А однажды приказал полицейским вернуть какой-то старухе муку, которую те у нее отняли.

Иванов, признавая частично свою вину, но не по самым

тяжким преступлениям, упорно отрицал свою причастность к кровавым злодеяниям против своих соотечественников. Оно и понятно — пытался спасти свою жизнь. Он рассчитывал, что время стерло многие следы и улики, что следствие не сумеет разыскать свидетелей и жертв преступных деяний. Как-никак прошло с тех пор пятнадцать лет, в которые входили еще и последние двадцать месяцев войны.

Иванов надеялся, что не справится со всем этим следствие, не соберет достаточно доказательств, чтобы вынести их на открытое судебное заседание. Знал прекрасно, что времена несудебных «троек» и «особых совещаний», не слишком утруждавших себя скрупулезным сбором доказательств вины подследственных, безвозвратно канули в прошлое.

Правда, под давлением неопровержимых улик Иванов признал, в конце концов, что он только назывался «старшим следователем», а на самом деле официально был начальником секретной службы полиции, имел звание «компанифюрер»,[12] получал в месяц жалованья 100 марок и немецкий паек. По роду службы ему приходилось иметь дело и с ГФП — «гехаймфельдполицай» («тайная полевая полиция») и выполнять Прямые поручения разведывательного отдела штаба 339-й немецкой пехотной дивизии, в частности, по его поручению подбирать и готовить агентов для заброски к партизанам.

На один из вопросов — почему он добровольно поступил на службу в полицию, то есть сделал первый шаг к измене, Иванов ответил так:

— Я не хотел служить оккупантам, отклонил предложение первого начальника людиновской полиции, своего бывшего учителя Двоенко, поступить в полицию. Изменил это решение лишь потому, что в январе 1942 года безвинно подвергся расстрелу. Только тогда у меня возникло желание отомстить за пережитый страх и ранение.

Это был бы убедительный аргумент — месть за расстрел — если бы… если бы пострадал Дмитрий Иванов действительно безвинно. Но следствие уже знало, что это не так.

Вспомним факты.

Бывший начальник Бытошской полиции Стулов, человек достаточно информированный, определенно утверждал, что Иванов был секретным осведомителем немцев уже осенью 1941 года. Об этом догадывались и поговаривали между собой многие полицейские, но втихомолку, потому как смертельно, пуще немцев, боялись Митьку Иванова. О старой связи с немецкими спецслужбами косвенно говорит и стремительная карьера Иванова в январе-феврале 1942 года. Да и майор фон Бенкендорф

в своей характеристике, весьма деловой и содержательной, прямо называет его осведомителем.

Бывший командир людиновского партизанского отряда Василий Золотухин свидетельствовал: «Мы всегда знали, что братья Алексей и Дмитрий Ивановы тайно сотрудничают с немцами. Хозяйственный Алексей, в частности, использовал это свое положение для личного обогащения, а попросту отнимал вещи и живность у семей красноармейцев или подозреваемых в содействии партизанам. В конце ноября или в начале декабря наши часовые обнаружили его шатающимся в непосредственной близости к партизанскому лагерю. При обыске у него нашли разрешение немецких властей на сооружение мельницы. За красивые глаза оккупанты таких милостей не оказывали. Отпустить Алексея мы никак не могли — он бы навел на нас карателей. Его расстреляли.

Знали мы о сотрудничестве с оккупантами и Дмитрия Иванова — потому и арестовали его в январе 1942 года вместе с несколькими полицаями, не успевшими удрать».

Наконец, было еще одно свидетельство: Анастасии Петровны Рыбкиной. С мая и по декабрь 1942 года она работала машинисткой на бирже труда, а затем до августа 1943 года тоже машинисткой, уже в полиции. Рыбкина официально показала на допросе, что самолично не раз печатала списки личного состава полиции. Из них ей стало известно о службе Иванова в полиции уже в 1941 году.

Следовательно, Дмитрий Иванов стал активно и секретно сотрудничать с оккупантами не в феврале 1942 года — из-за мести за расстрел, — а значительно раньше, когда этого мотива еще быть не могло.

Авторы даже рискуют сделать предположение (правда, ничем недоказуемое), что Дмитрий Иванов был завербован немецкими спецслужбами раньше, еще в сентябре или в октябре, и в Людиново прибыл уже фашистским агентом.

Это, в частности, может объяснить тот факт, что новый начальник полиции Двоенко явился к нему домой едва ли не на следующий день после возвращения Иванова в Людиново…

Сто дней оккупации

Первые две недели командир людиновского партизанского отряда Золотухин не предпринимал каких-либо шагов для установления связей с подпольем. Считал это нецелесообразным. Нужно было дать его разведчикам время, чтобы хоть как-то приспособиться к непривычным, более того, чуждым и

враждебным условиям оккупации, освоиться с «новым порядком», просто прийти в себя. Сейчас они легко могли наделать грубых ошибок, разоблачить себя, а это означало бы верную гибель. Да и на сбор первой, пусть и небогатой разведывательной информации о положении в городе тоже требовалось время. А его у Золотухина просто не было. Кому-либо другому, по понятным причинам, он это поручение дать не мог.

Самим партизанам оно тоже требовалось, чтобы хоть как-то обустроиться в лагере, наладить какой-нибудь быт, отработать боевое охранение, пополнить вооружение и боеприпасы — в том была крайняя необходимость, а командирам, кроме того, присмотреться еще раз к людям, к каждому бойцу — как-то поведут они себя в новых условиях, в реальной партизанской жизни. Могло же быть и такое: в мирное время человек зарекомендовал себя вроде бы с наилучшей стороны, был хорошим товарищем, считался не трусом, но, оказавшись в бою или просто столкнувшись с трудностями лесного партизанского быта, теми же холодом, недоеданием, а то и настоящим голодом, предстанет в ином свете, даст слабину.

К тому же, когда отряд покидал город, Золотухин уже имел конкретное задание от своего командования.

Дело в том, что осенью 1941 года местные леса на территории, уже находящейся за линией фронта, были наводнены мелкими группами красноармейцев и командиров, оказавшихся в окружении. Некоторые такие группы образовали небольшие, чисто военные партизанские отряды, другие упорно пробивались к линии фронта, иные чуть не от самой границы, чтобы соединиться со своими. Кое-чего, растерявшись, утратив веру и надежду, пристроился во встреченных в скитаниях деревнях, подался, как тогда говорили, в «примаки», или в «зятья». Между тем сильно потрепанные в предыдущих боях части Красной Армии, оставившие Людиново и занявшие новые оборонительные рубежи, остро нуждались в пополнении.

Перед людиновским отрядом и была поставлена задача — вернуть, сколько возможно, этих бродивших по лесам людей в строй.

Командир отряда Золотухин и комиссар Суровцев встретились с Герасимом Зайцевым, прирожденным следопытом, превосходно знавшим все местные леса — а надо сказать, что Думлово, где жил Зайцев, была деревенькой лесной и глухой, потому-то эти места и были выбраны для партизанского лагеря.

Зайцев уже основательно исходил округу, изучил обстановку и поведал, что не только группу из нескольких человек — целую толпу можно провести лесными тропами к линии фронта, не

встретив даже одного немца. По словам Зайцева, немецкие пехотные части продвигаются только там, где проходит их военная техника.

Первую группу окруженцев, численностью в несколько десятков человек, благополучно вывел к своим сам Герасим Семенович. В последующие дни такое задание получили уже и другие партизаны, умеющие ориентироваться в лесу и знавшие окрестности. Так длилось до самого января 1942 года. Всего за линию фронта было благополучно переправлено более двух тысяч бойцов и командиров Красной Армии. По меркам военного времени это два полнокровных полка.

Меж тем в Людинове оккупанты принялись за установление того, что сами они пышно называли «Новым порядком».

В наши дни не в зарубежной (это еще можно понять) — в отечественной печати и литературе можно встретить утверждения, что минувшая война была схваткой не на жизнь, а на смерть за господство в Европе между двумя могучими тоталитарными государствами — нацистской Германией и коммунистическим Советским Союзом, или же и того проще — личная борьба между двумя диктаторами, друг друга стоящими, — Гитлером и Сталиным. Появились книги, в которых утверждается, что СССР готовился первым напасть на Германию, и Гитлер просто был вынужден нанести упреждающий удар. По сути, это всего лишь повторение того, что говорил сам фюрер, объясняя в июне 1941 года причину своего нападения на СССР. Некоторые авторы сегодня договариваются до заявления, что, дескать, целью «Восточного похода» Гитлера было освобождение народов Советского Союза от большевистского режима.

Истине в этих разглагольствованиях соответствует лишь то, что Гитлер действительно люто ненавидел коммунистов, большими своими врагами, возможно, он считал разве что евреев. Последнее же утверждение — об освободительной миссии германского фашизма — злонамеренная ложь от начала до конца.

Ни в одной европейской стране, кроме СССР, не было тогда коммунистического или социалистического правления, что не помешало Гитлеру захватить Чехословакию, Польшу, Голландию, Данию, Норвегию, Бельгию, Югославию, почти всю Францию, готовить вторжение в Англию. От кого, спрашивается, он освобождал народы этих стран?

Гитлер напал на Советский Союз не для освобождения его народов, а для их закабаления. Территория, для начала, европейской части СССР была для него лишь «жизненным пространством», которое следовало заселить немецкими колонистами. А как быть с населением? Все проживающие здесь

евреи подлежали полному уничтожению. Численность остального населения — в первую очередь славянского — подлежала сокращению по крайней мере на треть. Русских, украинцев, белорусов ожидала участь грубой рабочей силы, попросту тяглового скота для будущих немецких колонистов.

И это не выдумка коммунистической пропаганды — так явствует из документов. Назовем хотя бы такие доступные сегодня не только историкам, но и каждому, кто хочет в том убедиться самолично, материалы, как книга Гитлера «Моя борьба» («Майн кампф») и опубликованные многотомные стенограммы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками.

В сентябре 1941 года на совещании с командующими группами армий Гитлер более чем откровенно заявил: «Мы не освобождаем Россию от большевистского режима. Мы ее завоевываем. А потому оккупационный режим должен быть строжайшим».

Да что документы, пускай самые красноречивые! Что может быть убедительнее практики оккупантов, того, что они реально творили на временно захваченной ими русской, украинской, белорусской земле, в том числе и в Людинове?

Само расположение города, с учетом того, как проходила линия фронта, наличие железной дороги, перекрестья нескольких большаков, некоторые другие обстоятельства делали его весьма удобным для постоянной дислокации крупного воинского соединения, временного — для запасных частей, ждущих отправки на передовую, или, наоборот, отведенных на отдых, размещения складов и т. п. Поэтому в Людинове и округе была расквартирована 339-я немецкая пехотная дивизия под командованием генерал-майора Ренике.

Под штаб дивизии оккупанты освободили от жильцов лучшие дома по всей правой стороне улицы 3-го Интернационала.

На втором этаже дома № 1 по улице Карла Либкнехта, она же Набережная, поселился комендант города. Целых десять домов по Комсомольской улице[13] заняло самое страшное учреждение оккупантов — «Гехаймфельдполицай», или ГФП, — «Тайная полевая полиция». Канцелярия ГФП во главе со штурмбанфюрером СС и майором войск СС Антонио Айзенгутом разместилась в доме № 48 по этой улице. Сам же Айзенгут поселился на первом этаже в том же доме, что и комендант. Так что сестры Хотеевы, жившие на той же Комсомольской улице в угловом доме № 13, оказались в более чем опасном соседстве…

В нашей исторической и художественной литературе, посвященной партизанам и подпольщикам, часто употребляется

название «гестапо» применительно к немецким карательным органам на оккупированной территории СССР. Тут нужно внести ясность.

На самом деле, непосредственно в компетенцию гестапо — «тайной государственной полиции» — «гехаймстатсполицай» — входила лишь территория самой Германии, а также той Западной Польши, что была включена в состав Третьего рейха, и оккупированной части Франции. Функции же этого зловещего учреждения на оккупированной территории СССР выполняли органы СД — «службы безопасности» СС — «зихерхайтдинст», а в прифронтовой полосе ГФП, этот военный аналог гестапо. Конечно, многие сотрудники ГФП были откомандированы сюда на период войны именно из гестапо и, естественно, в своей работе пользовались теми же мрачными методами. Все эсэсовцы, имевшие воинские звания, с началом войны сменили свои черные мундиры на общеармейскую форму (с некоторыми отличительными моментами) и титуловались не по эсэсовским, а по воинским званиям. Потому к тому же Антонио Айзенгуту полагалось обращаться не как к «штурмбанфюреру», а как к «господину майору».

В первые же дни оккупации немцы образовали и «местное самоуправление» — городскую управу, назначили и городского голову, или, как его обычно называли, — бургомистра — некоего Сергея Алексеевича Иванова, в прошлом зажиточного людиновского нэпмана. Разумеется, и городская управа, и бургомистр были сущими марионетками, ниточки от которых прочно держали в своих руках оккупанты. Но по отношению к местным жителям власть этих предателей была почти безграничной. В сельской местности были назначены волостные старшины и старосты деревень.

Командование партизанского отряда было чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы посты старост хотя бы некоторых деревень, особенно Думлово, в окрестностях которой были заложены тайники, заняли свои люди. Были заинтересованы в этом и думловские мужики. Едва лишь Герасим Зайцев объявился из города в свой старый дом, где жил с женой Евфимией Васильевной и четырнадцатилетней дочерью Лизой, как один за другим потянулись к нему односельчане. Сначала осторожными намеками, потом напрямую стали уговаривать — подавайся, Герасим Семенович, в старосты, не то поставят немцы своего холуя, света белого не взвидим. Выручай…

Состоялся разговор и с Золотухиным. После него направился Зайцев в Людиново к новоиспеченному бургомистру Иванову, которого знавал еще в дореволюционные времена. Среди других

людиновских торговцев известен был Иванов не только оборотистостью, что для купца свойство нормальное и желательное, но и несусветной жадностью. Вот и на должность бургомистра согласился в первую очередь из тех соображений, что давала она ему, по его представления м, хорошую возможность поживиться.

К Иванову Зайцев явился не с пустыми руками, а с рекомендацией волостного старшины Гукова, которого тоже знавал с давних времен.

Иванов встретил Зайцева не просто приветливо, но даже обрадованно, причем настолько, что решил, не откладывая, представить кандидата в думловские старосты немецкому коменданту.

Такого оборота Зайцев предвидеть не мог, но открещиваться не стал, более того, мгновенно и безошибочно избрал для себя самую верную тактику поведения. А именно: войдя в кабинет, вытянулся по-солдатски и четко представился на… немецком языке.

Тут уж несколько растерялся сам господин комендант, задал машинально вопрос, откуда этот скромно, но аккуратно одетый немолодой человек знает немецкий язык. Получил, опять же по-немецки, четкий и обстоятельный ответ. Язык изучил, находясь в плену в Первую мировую войну. И не только язык не забыл, но сохранил самые теплые воспоминания о Германии и немцах.

После двадцатиминутного разговора Зайцев не только вернулся в Думлово в должности старосты, но со зримым воплощением благорасположения к себе. Дабы поддержать нового старосту, поднять его авторитет среди населения, комендант распорядился выделить для деревни Думлово некоторое количество дефицитнейшего керосина и соли. Знал бы немецкий офицер, что часть этого щедрого дара на другой же день будет переправлена в партизанский отряд. Комендант также предоставил Зайцеву особое право в случае серьезной необходимости обращаться к нему лично, минуя волостного старшину и другие местные власти.

Но Зайцеву предстояло также выполнять и функции партизанского связника, т. е. встречаться в городе с нужными людьми, не вызывая подозрения немцев и полицаев. Герасим Семенович и тут избрал верный ход: в последующем разговоре с бургомистром он пожаловался на здоровье, в частности на больные зубы. Бургомистр вошел в его положение и дал бумагу за своей подписью, предоставляющую право лечиться в городской больнице.

Так Зайцев получил возможность регулярно и спокойно

встречаться с Клавдией Антоновной Азаровой, передавать ей очередные задания Золотухина, в свою очередь получать от нее собранную информацию. Как сестра-хозяйка, Клавдия Антоновна располагала в больнице собственной комнатой, где она могла общаться с Зайцевым, передавать ему для партизан бинты, марлю, йод и самое надежное тогда бактерицидное средство — красный стрептоцид, другие медикаменты, иногда даже медицинский спирт.

Так был установлен первый надежный канал связи отряда с городским подпольем. Он был тем более важен, что Клавдия Антоновна поддерживала дружеские отношения с Викторином Александровичем Зарецким и его семьей.

…В первые же недели войны немцам пришлось столкнуться с советскими партизанами. Размах и эффективность всенародного партизанского движения наносили оккупантам такой ощутимый урон, что уже 16 сентября 1941 года начальник штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель издал секретный приказ, ставший впоследствии известным как приказ «О борьбе с бандами». В нем, в частности, говорилось:

> «1. С самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной…
>
> Таким образом во все возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также ведет к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа.
>
> 2. Использовавшиеся до сих пор средства для подавления коммунистического повстанческого движения оказались недостаточными. Фюрер приказал применять повсюду самые решительные меры, для того чтобы в кратчайшие сроки подавить это движение…Для того чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно принимать самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей и

предотвратить дальнейшее распространение движения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50–100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия».

Приказ достаточно красноречив сам по себе, чтобы нуждаться в каких-либо комментариях. Разве что следует отметить один момент: когда генерал-фельдмаршал приказывал казнить за каждого убитого немецкого солдата 50–100 коммунистов, то он имел в виду вовсе не обязательно фактических членов ВКП(б). Казнили либо уже взятых заложников, либо первых попавшихся под руку… Если таковое происходило в сельской местности, то деревню часто сжигали дотла, иногда вместе с жителями.

Секретные положения приказа Кейтеля до населения оккупированных городов, в том числе Людинова, доходили в виде распоряжений местных военных комендантов.

— Приведем несколько таких самых характерных запретов.

— Запрещается хождение гражданского населения вне места жительства без пропуска.

— Запрещается нахождение вне дома после наступления темноты без пропуска.

— Все местные жители должны пройти регистрацию в комендатуре. Запрещается принимать на жительство не местных. О появлении чужих сообщать старосте или бургомистру. Запрещается подходить на 100 метров к железной дороге и переезжать ее без пропуска.

И особо: «За спрятанное оружие, отдельные части оружия, патроны и прочие боеприпасы, за всякое содействие большевикам и бандитам и за причиненный германским вооруженным силам ущерб виновные будут наказаны смертной казнью».

Местные коменданты могли сколько угодно дополнять эти запреты в зависимости от конкретных условий на своих территориях и собственной фантазии. В Людинове, например, патруль мог без предупреждения открыть огонь на поражение по любому прохожему, если тот… держал руки в карманах.

Поддержание «порядка» в городе, борьба с «подрывными элементами», т. е. подпольщиками и партизанами, исполнение многочисленных повинностей и распоряжений властей было

возложено на созданную оккупантами так называемую русскую полицию.

Первой из друзей Шумавцова столкнулась с нею старшая из сестер Хотеевых — Антонина.

— Представляете, — взволнованно рассказывала она, вернувшись как-то домой, младшим сестрам Зине и Шуре, — иду я мимо парка, а мне навстречу Двоенко…

По математике и физике Тоня в школе весьма преуспевала, почему и поступила без каких-либо затруднений в Московский технический институт. Естественно, что с преподавателем этих предметов у нее были, как ей казалось, хорошие отношения. Потому-то, столкнувшись с ним на улице, девушка приветливо поспешила поздороваться с ним первой:

— Здравствуйте, Александр Петрович.

Лицо учителя перекосилось, глаза недобро блеснули, и, отчетливо выговаривая каждое слово, он словно отрезал:

— Я тебе, Хотеева, теперь не Александр Петрович, а господин Двоенко. Заруби себе на носу и другим передай. Поняла?

И прошел мимо растерявшейся девушки дальше. Тут только Антонина обратила внимание, что на поясе Двоенко висит пистолет, а на левом рукаве пальто белеет повязка полицейского.

Оказывается, что ничем, кроме пристрастия к спиртному не отличавшийся, а на Руси к этой слабости всегда относились снисходительно, господин Двоенко отныне является начальником русской полиции города.

Почти все полицейские, а их набралось в городе под сотню, были из местных жителей. Первое время они ходили в обычной гражданской одежде, лишь с белой повязкой с надписью «полиция», потом их одели в немецкое обмундирование, но без знаков различия. Вооружили русскими трехлинейными винтовками.

Поначалу полицаи, как их с нескрываемым презрением стали называть между собой людиновцы, при встрече со знакомыми отворачивались или делали вид, что не узнавали. Потом, наоборот, стали смотреть в глаза нагло и с угрозой.

В одном из полицаев Леша Шумавцов с удивлением опознал Мишку Доронина, против которого не раз играл в футбол. Толя Апатьев с неменьшим удивлением узнал, что в полиции теперь служит писарем бывший инструктор его школы по труду Василий Машуров.

Русская полиция обосновалась в здании, в котором раньше размещалась милиция, потом под ее штаб отвели еще один дом на улице Фокина, рядом с бывшим военкоматом.

Старая камера предварительного задержания — в общем-то

обыкновенная комната с зарешеченным окном, куда доставляли в былые времена подвыпивших в день получки горожан, мелких воришек и известных всему городу бузотеров — нынешнюю полицию не устраивала. Потому во дворе была спешно сооружена новая КПЗ, по существу, небольшая одноэтажная тюрьма на шесть камер с дежуркой и помещением для охраны.

Нового начальника полиции Двоенко никто толком не знал, он объявился в Людинове года за два до войны, близко ни с кем за это время так и не сошелся. Из того, как он держался с людьми раньше, и особенно как повел себя в оккупации, явствует, что он был психопатической личностью с садистскими наклонностями, усугубленными хроническим злоупотреблением алкоголя.

В чем корни его звериной ненависти к Советской власти, можно только гадать. В январе или феврале 1942 года он из Людинова исчез, но память за три месяца пребывания на посту начальника полиции оставил о себе жуткую. По жестокости с ним не мог сравниться ни один из трех последующих начальников.

Чуть не в первую неделю своего пребывания в этой должности он убил выстрелом в упор из пистолета единственного учителя, который относился к нему если не с симпатией, то с сочувствием — преподавателя черчения и рисования Бутурлина. Только за то, что тот при случайной встрече с Двоенко спросил его с укором:

— И как это вас, Александр Петрович, в полицию занесло?

Потом точно так же, не-хладнокровно, нет, наоборот, брызгая от ярости слюной и выкрикивая какие-то бессвязные слова, он убил прямо на улице, на людях, двух местных жителей вообще без всякого повода. Уже зимой Двоенко вместе с полицейским Сергеем Сахаровым расстрелял двух партизан, а трупы их спустил в прорубь.

В Людинове, где никогда не стояла постоянно какая-либо войсковая часть, естественно, никогда не было никаких казарм. Поэтому во многих жилых домах разместили на постой немецких солдат, потеснив хозяев когда на кухни, а когда в чуланы.

В доме Шумавцовых обосновалась немецкая сапожная мастерская, так что отныне Алеша и бабушка жили на кухне. Сапожные мастера-солдаты особых неприятностей им не доставляли, а то, что бабушке приходилось готовить им обед из их же продуктов, было не так уж и плохо — кое-что из остатков доставалось и ей с внуком.

Семье Хотеевых поначалу тоже повезло — у них поселился немолодой интендант, явно призванный из запаса, так как он участвовал еще в Первой мировой войне, причем на Восточном фронте. Он немного говорил по-русски и, как поняли довольно

быстро и сестры, и мать, к русским относился неплохо. Позднее, из отдельных, вскользь брошенных слов, а пуще того из вполне приличного поведения по отношению к хозяйкам, они догадались, что их постоялец не одобряет развязанную Гитлером войну против России и в победу Германии не слишком-то верит.

Добродушный интендант, к сожалению, простоял в доме Хотеевых совсем недолго. Вместо одного пожилого немца в их доме разместился целый штаб во главе, как вспоминала после войны Зинаида Хотеева, с генералом. Чтобы разместить генерала с его свитой, две проживавшие в доме семьи общей численностью в двенадцать человек переселили в одну маленькую темную комнату.

И вот однажды генерал с чего-то решил побеседовать с хозяевами. Начал с Тони, поскольку ему уже было известно, что она может изъясняться по-немецки. Узнав, что девушка училась в Москве в институте, он спросил, знает ли она гостиницу «Метрополь». Тоня ответила, что знает, потому что эта гостиница находится в самом центре города и вообще очень приметное здание.

Тогда генерал с улыбкой заявил, что скоро он со своими офицерами и солдатами будет в Москве и приглашает Тоню отметить с ним это событие шампанским в ресторане гостиницы «Метрополь». Оказывается, немцы уже расписали, в ресторанах каких гостиниц будут проходить банкеты различных соединений: кому досталась «Москва», кому «Националь», кому «Гранд-отель», кому «Савой», кому «Астория», кому «Аврора». Постояльцам Хотеевых выпал «Метрополь».

Тоня вспыхнула и в самых резких выражениях, какие только могла подобрать по-немецки, объяснила генералу, Что не дождется он ни «Метрополя», ни шампанского, ничего, кроме могилы.

По счастью, либо генерал был человек незлобный, либо счел ниже своего достоинства связываться с дерзкой русской девчонкой, но эта энергичная тирада, при которой присутствовала Зина, обошлась без последствий, если не считать, что Тоне крепко досталось от младших сестер за несдержанность.

Но так, как Хотеевым и Шумавцовым, с жильцами повезло не многим. В большинстве случаев немцы вели себя нагло, а то и жестоко. Они быстро, словно своих пайков им не хватало, извели всю живность в сараях, бесцеремонно отбирали продукты, обрекая тем самым хозяев на полуголодное существование. С наступлением холодов — а зима 1941–1942 годов была и ранняя, и морозная, доходило до минус сорока, — отобрали теплые одеяла, шерстяные носильные вещи, меховые шапки и валенки, не

говоря уже о шарфах и рукавицах.

Бывало и хуже — в одном из домов в Сукремле немецкие солдаты в присутствии родителей изнасиловали молоденькую девушку. Людиново до войны было совсем небольшим городом, многие жители давно переродились друг с другом (случалось, однофамильцы, а по сути дальние родственники, оказывались по разные стороны рубежа добра и зла — одни в партизанах, другие в полицаях и карателях), потому и дурные, и хорошие вести без всякого радио и телефона разносились по нему мгновенно. Теперь редкий день обходился без того, чтобы кого-нибудь не арестовывали, не расстреливали или просто не избивали.

Забегая вперед, приведем несколько официальных цифр.

За неполные два года оккупации гитлеровцы и их приспешники публично повесили семерых, расстреляли 251 человека (а всего по району около восьмисот), угнали на работы в Германию 1107 человек. Несколько сот местных жителей погибли в ходе боевых действий. В самом городе было сожжено около пятисот домов, а в районе двадцать деревень. Эти цифры относятся лишь к установленным жертвам, а сколько никому не ведомых могил скрывают в здешних лесах свои жуткие тайны…

Потом немцы открыли в городе солдатский публичный дом, куда согнали насильно красивых девушек и молодых женщин — а это тоже искалеченные судьбы и жизни…

Все трудоспособное население города обязано было зарегистрироваться в городской управе и стать на учет на бирже труда. Поначалу эта биржа в обязательном порядке направляла людей на работы в городе — за уклонение грозила суровая кара, а уж голод само собой. Позднее это учреждение занималось отправкой, а если называть вещи своими именами, то угоном молодежи на принудительные работы в Германию.

Леша Шумавцов, не дожидаясь никаких повесток, по заданию Золотухина заблаговременно устроился на работу — электромонтером на локомобильный завод, вернее, на то, что от него осталось после эвакуации. Сюда же поступили работать Анатолий Апатьев — тоже электромонтером, Шура Лясоцкий и сосед Алексея Михаил Цурилин возчиками. Чуть позже пришел на завод в плановый отдел и Николай Евтеев.

Авторы считают необходимым предупредить читателей, что в этой книге не будет никакого вымысла, никакой писательской фантазии, не будет сочиненных ими многословных диалогов (никто из нас при разговорах между собой погибших героев не присутствовал) и прочей дурной беллетристики. И не потому, что не умеют этого делать, а просто не видят в этом никакой необходимости. Мы хотим рассказать о героических деяниях и

трагической гибели юных разведчиков только на основании подлинных документов, в том числе ранее засекреченных, а потому недоступных для историков, воспоминаний участников и очевидцев событий. Поэтому прямой речью будем пользоваться лишь изредка, в случае крайней необходимости, и то только тогда, когда-совершенно уверены, что именно эти слова могли быть произнесены.

И еще одно предупреждение. Авторы знакомы с деятельностью, т. е. боевой работой многих подпольных организаций и разведывательных групп в период Великой Отечественной войны. К великому своему сожалению, они должны честно признаться читателю, что полностью, до конца работа ни одного подполья той поры не известна никому. История каждого из них таит множество загадок и тайн, мучительных вопросов. Мы не знаем точных дат и имен непосредственных участников ряда конкретных действий, потому что никто, разумеется, не вел тогда последовательного и подробного дневника. В случае с людиновским подпольем, забегая вперед, сознаемся, к примеру, что и по сей день мы не знаем с полной достоверностью, кем был совсем молодой полицейский Дмитрий Фомин, погибший в конце 1942 года, — «своим» или «чужим».

Через несколько лет Зина Хотеева и Нина Хрычикова, давая весьма ответственные показания следственным органам, заявили убежденно, что Дмитрий Фомин, призванный на службу в полицию против своей воли, предоставлял Шумавцову весьма ценную для партизан информацию. При этом обе они, допрошенные поодиночке и в разное время, сообщили, что слышали от Алексея Шумавцова весьма высокую оценку подпольной работы Дмитрия. Если это так, то гибель Дмитрия Фомина от рук своих — трагическая ошибка, каких, должно быть, было немало и в Красной Армии, и в партизанском движении.

Видимо, никому не известно точно, по юношеской ли дурости или сознательно выдал взрослому предателю Федору Гришину Прохор Соцкий, умерший сравнительно недавно, всех, кого только знал по подполью — в первую очередь Алексея Шумавцова. Не знаем, вернее, располагаем весьма противоречивыми данными о том, как вообще попал Соцкий в организацию. Нам неизвестно достоверно — опять же из-за противоречий в документах, — кто был агентом полиции, конкретно ли Дмитрий Иванов повинен в гибели Клавдии Антоновны Азаровой.

Тот же Соцкий после освобождения Людинова был призван в Красную Армию, заслужил медаль «За отвагу», был тяжело ранен

в грудь. Знаем до конца дней он переживал, что из-за него погибла группа Шумавцова и совсем уж безвинные семьи подпольщиков. Но вот что его мучило — раскаяние за предательство или муки совести за допущенную трагическую ошибку — не знаем, потому и судить не беремся.

Жизнь и судьбы людские вообще не всегда укладываются в четко очерченные нашими представлениями рамки, ее не описать только в черном или белом свете. Один из следователей полиции, руки которого — это точно известно — обагрены кровью соотечественников, сумев скрыть свою службу у оккупантов, после бегства из Людинова тоже оказался в Красной Армии, участвовал в боях, в одном из них потерял ногу, был награжден орденом Отечественной войны. Его изобличили много позже, осудили на двадцать пять лет. Отсидев года три в лагере для инвалидов, он попал под амнистию…

А пока вернемся к бирже труда. Одним из ее сотрудников, а таковыми могли быть и были только лица, которым оккупационные власти безусловно доверяли, стал выпускник людиновской школы № 1, позднее брянский студент Дмитрий Иванов. Старый знакомец Алексея Шумавцова по футбольным баталиям довоенной поры и одноклассник Тони Хотеевой и Коли Евтеева.

Как попал он на биржу труда?

Читателю уже известно, что официально он поступил на службу в полицию лишь в начале второй оккупации Людинова. Известно также, что еще осенью 1941 года к нему домой приходил его бывший учитель, а ныне начальник полиции Двоенко. Иванов, по его словам, отказался тогда от зачисления в полицию. Возможно, что так оно тогда и было. Но, скорее всего, Двоенко предложил ему другое — пойти на «хлебную» должность на биржу труда.

Приблизительно в те самые дни, когда Дмитрий Иванов начал свою позорную деятельность на стезе предательства и измены, Алексей Шумавцов сколачивал ядро разведывательной группы. Мы не знаем доподлинно точно, когда и как это происходило, в какой последовательности он привлекал будущих соратников, какие слова при этом говорились, что ему отвечали, не знаем, сколько и чьи кандидатуры он после размышления отклонил. Остается психологической загадкой, почему ребята, вошедшие в основное ядро подполья, безоговорочно признали Алексея Шумавцова своим руководителем, как бы мы сказали сегодня — лидером. Ведь все они, кроме привлеченных позднее Семена Щербакова, Володи Рыбкина и Толи Крылова, были старше его.

Александр Лясоцкий — 17 лет.

Антонина Хотеева — 20 лет, к тому же московская студентка.

Николай Евтеев — 20 лет, тоже студент.

Анатолий Апатьев — 17 лет.

Виктор Апатьев — 17 лет.

Шура Хотеева — 18 лет.

Зина Хотеева — 17 лет.

Миша Цурилин — 18 лет.

Напомним, что Алексею Шумавцову только в марте сорок первого исполнилось шестнадцать, и закончил он всего лишь девять классов, к тому же не в городской, а в сельской школе. Да и знали его ребята только по встречам в не такие уж долгие дни летних и зимних каникул, тогда как между собой были знакомы много лет еще и по школе. К тому же Толя и Витя Апатьевы были двоюродными братьями, таковыми же приходились сестрам Хотеевым, с Зиной они еще были и одноклассниками, так же как Тоня с Колей Евтеевым.

По крайней мере трое из них вполне и сами могли по объективным качествам претендовать на руководство молодежной подпольной группой.

Антонина Хотеева — волевая, энергичная, из тех, про кого говорят «бой-девица», озорная и бедовая. В школе всегда была активной общественницей, ее избирали и в ученический комитет, и в комитет комсомола. Привыкла всегда быть на первых ролях. Этому способствовало и то, что Тоня была красива и очень нравилась всей мужской половине, по крайней мере, старших классов.

Анатолий Апатьев — тоже из тех, кого называют коноводами. Благонравием не отличался, так что кое-кто из соседей даже называл его в сердцах хулиганом. В дружбе был самоотвержен и надежен. Однажды на перемене в кровь отлупил дылду, на три года старше себя, за то, что тот обижал младших. А еще — Толя умел играть на гитаре и мандолине.

Шура Лясоцкий — в чем-то полная противоположность Апатьеву, но тоже решительный и прямой. Любитель и знаток природы, он легко сходился с людьми, был общителен и дружелюбен. Отличался разнообразием интересов: занимался в яхт-клубе, в авиамодельном и литературном кружках. По воспоминаниям товарищей, хотел стать летчиком или моряком. Шура — единственный из этого ядра, от кого не осталось ни одной фотографии. Известно, что был он среднего роста, темноволос, с правильными чертами лица. Его портрет по памяти

нарисовал один из друзей, а потом сходство удостоверил своей подписью единственный уцелевший из всей большой семьи Лясоцких старший брат Владимир, находившийся в войну в армии.

Стало быть, имелись в шестнадцатилетнем Алексее Шумавцове такие качества подлинного вожака, что и эти трое, и все другие признали его старшинство, даже не зная, что только он остался в городе не по воле случая, а по настоящему приказу контрразведки с подлинно боевым заданием.

С достаточной степенью достоверности мы можем предположить, что первыми Шумавцов привлек к подпольной работе Сашу Лясоцкого, которого знал давно, Шуру Хотееву, Тоню и потом уже Анатолия Апатьева, а тот привел брата Виктора. По-видимому, именно Тоня привлекла своего одноклассника Николая Евтеева. Само собой получилось, что следом за старшими сестрами пришла в группу Зина Хотеева. Мишу Цурилина, безусловно, вовлек сам Алексей — они были соседями и хорошо знакомы.

Зина Хотеева поддерживала дружеские отношения с женщиной гораздо старше себя — Марией Кузьминичной Вострухиной, жившей на улице Ленина. Ее муж Иван Михайлович был в партизанском отряде и в последующем не раз ходил в Людиново на связь. Именно он принес Марии Кузьминичне из леса первую партизанскую листовку, написанную от руки, — в отряде тогда еще не было пишущей машинки. Мария Кузьминична первая же переписала ее несколько раз печатными буквами, после чего расклеила их ночью на заборах. Позднее она привлекла к размножению и распространению листовок двух своих знакомых девушек — Римму Фирсову и Нину Хрычикову. А вообще-то этим делом занимались по мере возможности все участники подполья. Толя Апатьев однажды из чистого озорства, чтобы позлить полицаев, наклеил листовку на… дверь штаба полиции. К 24-й годовщине Октябрьской революции подпольщики распространили по городу около пятисот листовок, из которых жители узнали правду о положении на фронтах.

Памятуя преподанные ему уроки конспирации, Алексей Шумавцов — «Орел» — присвоил почти каждому члену группы псевдоним по собственному выбору. Нет ничего удивительного, что молодые юноши и девушки выбрали себе псевдонимы яркие и романтичные.

Шура Лясоцкий — «Огонь».
Антонина Хотеева — «Победа».
Александра Хотеева — «Отважная».

Анатолий Апатьев — «Руслан».
Виктор Апатьев — «Ястреб».
Николай Евтеев — «Сокол».

Много позднее, уже в середине сорок второго, участники подполья как бы приняли воинскую присягу — каждый из них собственноручно написал и подписал клятву на верность Родине. Подлинные тексты обязательств были переданы в штаб партизанского отряда, где и хранились, как совершенно секретные документы. Во всех донесениях городские разведчики — участников подполья будет правильнее называть именно так — отныне пользовались только этими псевдонимами.

Довольно неожиданно группа пополнилась еще одной участницей, единственной, которая сама кое о чем догадалась. Впрочем, в том ничего удивительного не было, поскольку этим проницательным человеком оказалась старшая сестра Шуры Лясоцкого двадцатидвухлетняя Мария.

Перед войной Мария Михайловна вместе с мужем — лейтенантом Владимиром Саутиным — и годовалой дочкой Тамарой жила в Белоруссии, вблизи западной границы. Уже двадцать второго июня их военный городок подвергся бомбардировке. Семьи командиров успели эвакуировать на восток до того, как воинская часть, в которой служил лейтенант Саутин, вступила в бой. Так Мария Михайловна с дочкой снова очутилась в отчем доме.

Выходцы с Украины, все мужчины рода Лясоцких работали на людиновских заводах едва не с самого их основания. Семья была огромной. К моменту оккупации Людинова в доме по улице Войкова проживали: глава семьи Михаил Дмитриевич с женой Матреной Никитичной, дочери: Нина — пятнадцати лет, Лидия — тринадцати лет, Зоя — пяти лет, сыновья: Шура и семилетний Николай. Теперь к ним присоединилась и Мария с внучкой. Еще два сына, девятнадцатилетний Виктор и двадцатичетырехлетний Виктор,[14] находились в Красной Армии.

Наблюдательная по натуре, Мария быстро подметила что-то необычное в поведении своего среднего брата Шуры, его таинственные шушуканья с дружком — Лешей Шумавцовым. А однажды, перепутав телогрейки, обнаружила в кармане написанную от руки печатными буквами листовку, которая заканчивалась словами:

«СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

Штаб народных мстителей».

Такие листовки Мария уже видела в городе наклеенными на заборах и даже столбах электросетей.

На обратной стороне листовки, обнаруженной ею в кармане братниной телогрейки, никаких следов клейстера не имелось. Марии все стало ясно, Эту листовку ее братец не отлепилс какого-нибудь забора, чтобы, скажем, показать друзьям. Он просто сам не успел ее наклеить.

Мария при первом же удобном случае начистоту поговорила с Шурой, отругала за допущенную оплошность — в случае задержания и обыска его ждали пытки в полиции и, скорее всего, гибель — и потребовала связать ее с руководителем подполья.

Лясоцкий рассказал о происшедшем Шумавцову, тот по уже действующему каналу связи сообщил об этом в отряд и получил согласие Золотухина на включение Марии Лясоцкой в свою группу.

А затем произошло прямо-таки невероятное совпадение: в людиновский отряд пришел пробивавшийся почти от границы к линии фронта лейтенант Владимир Саутин!

В разведывательной деятельности подполья Мария Михайловна Лясоцкая-Саутина, выбравшая себе псевдоним «Непобежденная», сыграла очень важную роль, но, к сожалению, по нашему мнению, недооцененную роль. Потому-то нет ее имени в списке награжденных подпольщиков. А сделала она много, очень много, рискуя при этом не только своей жизнью, но и жизнью крохотного ребенка.

Как многие жены кадровых командиров Красной Армии, Мария разбиралась в военном деле на уровне бойца второго года действительной службы, т. е. намного больше всех своих новых товарищей по борьбе с оккупантами. К тому же она была по характеру решительна, находчива и сообразительна.

Подобно Марии Лясоцкой, вычислила своих старших сестер и Зина Хотеева. Именно она стала основной связной с отрядом со стороны городских разведчиков. Не такая яркая, как ее красавицы сестры, Зина обладала одним достоинством, обнаруженным случайно: стоило ей одеть на себя какую-нибудь кацавейку, повязать голову грубошерстным платком, обуться в залатанные боты или валенки, как она мгновенно превращалась в неприметную деревенскую девчонку или пацанку с городской окраины… В таком обличье она беспрепятственно проходила мимо немецких патрулей и местных полицаев. Если останавливали, объясняла, иногда подпустив слезу, что идет в деревню менять какое-нибудь тряпье на картошку или пшено. Летом объяснение могло быть иным, тоже вполне правдоподобным — скажем, для сбора грибов и ягод.

Зина не раз ходила не только на обусловленные места встречи с Афанасием Посылкиным и Петром Суровцевым, но и на саму партизанскую базу, в расположение отряда.

Первой информацией, переданной «Орлом» в отряд, стали сведения о дислокации в Людинове немецких частей, расположении штабов, оккупационных учреждений, некоторых складов, а также об установленном в городе режиме для жителей.

По скромности не сообщил — за что потом при личной встрече ему попало от Золотухина — о своей первой, предпринятой не по заданию, а самостоятельно, диверсии.

Поначалу Шумавцова одолевало непреходящее чувство острой опасности. Порой ему казалось, что у него на лбу написано — вот он, партизанский разведчик, хватайте! Потом это чувство притупилось и сменилось другим — непреодолимым желанием совершить нечто действенное, и сбор информации или расклеивание листовок никак не могли эту потребность удовлетворить.

Так он подошел к мысли о возможности, а потому необходимости совершить диверсию на локомобильном заводе, где работал, но пока скорее числился электромонтером.

Как уже известно читателю, основное оборудование завода было своевременно демонтировано и эвакуировано. Электростанция подорвана в последний день. Немцы, однако, не теряли надежды восстановить предприятие, наладить в нем какое-нибудь производство. А пока что приспособили один-единственный цех для ремонта военных повозок и изготовления… гробов и намогильных деревянных крестов.

Остальные громадные цеха пустовали. Однако недолго. Вскоре Алексей, имевший возможность как электромонтер шастать по всей заводской территории, заметил, что в один из цехов немцы завезли на грузовиках большое количество чем-то заполненных железных ребристых бочек. Он поговорил со своим соседом Михаилом Цурилиным, и тот сообщил, что в бочках этих — бензин и керосин. Михаил знал это совершенно точно, потому что его младший брат, шестнадцатилетний Шура, нашел в заводском заборе лаз и повадился через него незаметно проникать в этот цех, ставший складом горюче-смазочных материалов, за дефицитнейшим керосином. Алексей и Михаил решили вдвоем, что хорошо бы устроить немцам тут фейерверк, а проще говоря — склад спалить.

Первая мысль была — учинить диверсию ночью. Но от нее пришлось тут же отказаться. Во-первых, у них не было пропусков для ночного хождения по городу. Во-вторых, ночью вся заводская территория усиленно охранялась, в том числе часовыми с

собаками.

Поэтому решили иначе — поджечь склад днем, когда охрана ведется достаточно небрежно и бывают промежутки, иногда по часу, когда на складе вообще никто из немцев или персонала завода не появляется. Идти на эту акцию наметили втроем — младший Цурилин, Шурка, должен был проникнуть на территорию через ведомый ему лаз и вести от забора за воротами цеха наблюдение: не покажутся ли грузовики. В случае опасности дать свистом сигнал, после же возгорания немедленно смыться через тот же лаз.

В намеченный день и час никем не замеченные Алексей и Михаил проскользнули в цех. Вдоль одной из стен были аккуратно, как и положено у немцев, расставлены железные ребристые бочки. Алексей вывернул из одной пробку, понюхал. Так и есть — бензин. Осторожно, чтобы не облить одежду — специфический запах мог стать неопровержимой уликой против них — опрокинули бочку на бок. По бетонному полу растеклась огромная лужа… Алексей вынул из кармана заранее припасенную водомерную стеклянную трубочку, наклонился и наполнил ее горючим. Потом поднес к одному ее концу зажженную спичку — из нее тут же пыхнуло пламя. В ту же секунду он швырнул трубку подальше, в центр бензиновой лужи, туда же кинул и коробок с оставшимися двумя спичками. Предусмотрительность была не лишней — в случае обыска некурящий Алексей никак не мог бы объяснить, зачем носит с собой спички.

И тут же с Михаилом кинулись прочь, но не к забору, а, наоборот, в глубь территории, туда, где им и положено было в этот час находиться. Другое дело — Шурка, этому следовало дать деру и улепетнуть от завода как можно дальше, что он успешно и сделал.

В считаные секунды огонь охватил весь цех, с оглушительным грохотом стали рваться бочки с горючим, языки пламени, казалось, взметнулись до самого неба.

Склад горюче-смазочных материалов выгорел дотла. Все, что могли сделать немцы, — это не позволить пожару, в тушении которого самое деятельное участие, так, чтобы все видели их старание, приняли Алексей и Михаил, распространиться на другие цехи и заводские постройки.

Видимо, немецкие спецслужбы и русская полиция еще не успели завести на заводе своих осведомителей. Во всяком случае, никто из рабочих арестован не был, хотя допросили, разумеется, всех, кто находился здесь во время пожара.

Следующую диверсию подпольщики совершили по приказу командования отряда. Читателю уже известно, что перед уходом

из города бойцы группы Сазонкина и военные минеры взорвали платину верхнего озера, что дало возможность частям Красной Армии относительно спокойно отойти и занять новые оборонительные рубежи.

Но ниже плотины, у Сукремля на Ломпади, был деревянный Гусенский мост, не настолько прочный, чтобы пропускать даже средние танки и тяжелую военную технику, но все же — переправа… По ней немцы перебрасывали к линии фронта подкрепления и боеприпасы.

Два подрывника отряда по заданию командира предприняли попытку взорвать мост, но их постигла неудача. Взрыв повредил лишь один пролет, и немецкие саперы быстро все восстановили. Движение по мосту оказалось прерванным лишь на несколько часов. Второй раз партизаны подойти к мосту уже не смогли — немцы значительно усилили его охрану со стороны леса. Тогда-то Золотухин и поручил довести дело до конца группе Шумавцова. Из отряда была доставлена взрывчатка, которую до поры до времени спрятали в Сукремле, в погребе доверенного лица партизан молодого парня Виктора Фомина.[15]

Несколько дней Шумавцов, Лясоцкий, Фомин и Толя Апатьев вели за объектом поочередно скрытное наблюдение. Поняли — днем ничего не сделать, слишком интенсивное движение. Остается ночь, поэтому придется с вечера заночевать в Сукремле, в сарае Вити Фомина. Напрямую к мосту не подойти — часовые непременно заметят, без предупреждения могут открыть огонь на поражение. Значит, надо спуститься к берегу на некотором удалении от моста и идти к нему, прикрываясь высоким прибрежным кустарником. Лучшее время для операции — перед рассветом, когда движение по мосту еще не возобновляется, а уставшие часовые невольно ослабляют бдительность.

К ночи, выбранной для операции, погода резко ухудшилась. Поднялся порывистый, пронизывающий ветер, способный пробрать немецких солдат в их тонких шинелях до костей. Если же оценивать такую погоду с позиций диверсанта-подрывника, то она — самая подходящая.

Фомин и Апатьев укрылись напротив моста для наблюдения, Шумавцов и Лясоцкий же спустились в стороне к берегу и начали осторожно пробираться к цели. Сколько на то ушло времени, они потом толком припомнить не могли. Но промокли и продрогли основательно. Знали, что толовым шашкам и бикфордову шнуру вода не страшна, но опасались, что отсыреют, хоть и завернуты в клеенку, спички. На всякий случай коробок был у каждого. Опасались не зря — в отряде кончился запас специальных спичек, не боящихся влаги, пришлось взять обычные.

Наконец ребята подобрались к мосту. Сверху их теперь никто не увидит, и главное — не выдать себя неосторожным стуком, не сорваться с плеском в воду с осклизлых бревен опор. И вот уже юные минеры изоляционной лентой прикрепляют к сваям головые шашки, устанавливают взрыватель со змейкой бикфордова шнура. Остается последнее — зажечь негнущимися, замерзшими пальцами спичку и поднести крохотное пламя, прикрывая его ладонями от порывов ветра, к концу бикфордова шнура. Раздалось тонкое, едва слышное шипенье — это затлел, с постоянной скоростью приближаясь неумолимо к взрывателю, негасимый скрытый огонек…

— Теперь уходим, — шепчет, а самому кажется, что кричит во весь голос, Алексей.

Лясоцкий скорее угадывает, чем слышит, эти слова.

Тем же путем — назад. Потом — рывок наверх и в сторону, в спасительную темень за пожарное депо. Теперь уже не страшно, если со стороны моста их заметят часовые — из автоматов, на таком расстоянии да в полутьме, не попадут, а погоня уже не настигнет. Потому что преследователям надо сначала перебежать мост, а ему существовать осталось всего несколько сек…

Взрыв!

Просвистел над головой Алексея обломок какой-то доски, а может, просто крупная щепка. Так хочется обернуться, вернуться назад, взглянуть — что там, где только что темнел мост.

Нельзя.

Надо уходить.

Дворами, только им ведомыми проулками и огородами, чтобы не напороться на немецких солдат и полицаев, которые через несколько минут помчатся со всего города к месту взрыва…

И все-таки главным делом подпольщиков была разведка. Они внимательно следили за перемещениями воинских частей, следующих через город, отмечали для себя появляющиеся новые склады и оборонительные сооружения.

Собранную информацию бесперебойно переправляли в отряд — либо через основного связника партизан Афанасия Посылкина, встречи с которым происходили в лесу, за окраиной города, либо, позднее, через Зину Хотееву. Иногда сообщения передавались бесконтактным способом — иными словами, донесение закладывалось в условном месте: дупле дерева, расщелине пня и т. п.

Этот канал связи действовал настолько успешно, что Золотухин счел удобным подключить к нему еще одну свою разведчицу — молодую учительницу из села Заболотье Олю Мартынову, тихую, застенчивую девушку, которую очень любили

ее ученики из младших классов. Совсем недавно Оля вышла замуж, но семейной жизнью пожить почти не успела — началась война, и мужа призвали в армию.

По заданию Золотухина, Ольга побывала в Жиздре и Кирове. Собранную информацию она передала по возвращении Марии Лясоцкой, которая с первой же оказией переслала ее в отряд. В своем донесении Мария Михайловна писала:

> «Из Жиздры и Кирова вернулась «Весна». Последняя сообщила: в г. Кирове расположен немецкий гарнизон численностью 150–200 человек. По городу проходят автомашины с грузами и живой силой, как в сторону передовой, так и обратно. Оккупантами ведется сильная пропаганда о падении Москвы. Местное население смутно представляет положение дел на фронтах Отечественной войны, крайне нуждается в правдивой информации.
>
> По рассказам беженцев, возвращающихся к своим очагам, в Волхове и Белеве стоит фронт. По правой стороне Оки наши войска, по левой — немецкие войска. В районе Белева большое скопление немецких войск.
>
> В Жиздре оккупанты спешат установить «Новый порядок», в городе есть городская управа и бургомистр города, в деревнях назначены старосты и волостные старшины, есть полиция не более 20–30 человек. Районная структура упразднена. Жиздра будет уездным городом, но какой губернии, неизвестно. Городская больница стала немецким госпиталем.
>
> В районе Зикеева на каменном карьере работают русские военнопленные и гражданские лица, содержащиеся в концлагерях на одной из колхозных ферм. В лагере бывают частые побеги. В городе и районе «Весна» установила новые связи со своими людьми…
>
> *«Непобежденная».*

Эта информация была использована партизанами — и не только людиновскими — очень скоро, всего через две недели…

«Ночь перед рождеством»

28 ноября 1941 года произошло событие, сыгравшее важную роль во всей последующей боевой деятельности брянских и калужских партизан: в районе Людинова появился прибывший

сюда с белорусских земель отряд «Митя» под командованием капитана госбезопасности — что соответствовало званию полковника в Красной Армии — Дмитрия Николаевича Медведева.

Только немногие посвященные знали тогда, что это необычный отряд, каких на оккупированной территории действовали уже сотни и тысячи, а разведывательно-диверсионная резидентура (РДР) № 4/70 Особой группы при наркоме НКВД СССР, заброшенная в немецкий тыл со специальными заданиями. Отряд «Митя» в сентябре перешел линию фронта в Клетнянском направлении у деревни Белоголовль неподалеку от райцентра Жуковки в количестве всего тридцати трех человек, но очень быстро вырос до нескольких сот бойцов и командиров за счет присоединившихся к нему окруженцев, бежавших из плена красноармейцев и местных жителей. И это при том, что Медведев «отпочковал» от «Мити» несколько дочерних отрядов, назначив в них хорошо проявивших себя в боях командиров и начальников штабов.

В отличие от многих местных отрядов, «Митя» вел активную боевую, диверсионную и разведывательную деятельность. Его бойцы едва ли не ежедневно нападали на гарнизоны и автоколонны врага, сжигали и взрывали мосты, склады, узлы связи, уничтожали живую силу, в частности, на их счету было даже два убитых немецких генерала.

И, что весьма важно, всюду, где появлялся Медведев, он непременно встречался с командирами местных отрядов, помогал им практическими советами, порой боеприпасами и вооружением, когда требовалось — укреплял командный состав, наконец, что на этом этапе партизанской войны было новинкой, — координировал их деятельность по проведению совместных операций, что значительно увеличивало эффективность боевых действий. За короткий срок — всего несколько недель — Медведев, как это явствует из архивных материалов, активизировал деятельность около двадцати местных отрядов.

В одном из архивных документов, хранящихся в Брянске, отмечено: «В ноябре 1941 года через Дятьковский район проходил партизанский отряд особого назначения под командованием товарища Медведева. Этот отряд сыграл существенную роль в жизни Бытошьского отряда. Товарищ Медведев проинструктировал руководство Бытошьского отряда по развертыванию партизанской борьбы, он указал путь и методы расширения народного движения, порекомендовал создать группы сопротивления в деревнях и селах, подчинить действия

этих групп руководству отряда. После этого были созданы боевые группы в населенных пунктах Немиричи, Будочка, Савчина, Старая Рубча и так далее. Всего было создано пятнадцать групп».

Так обстояло дело по всему боевому маршруту отряда «Митя», в том числе и на территории Людиновского района.

Уже по возвращении в Москву в конце января 1942 года в своем отчете, в котором он, в числе прочего, давал характеристики этим отрядам, Медведев, в частности, сообщал: «Людиновский отряд под командованием тов. Золотухина В.И. и комиссара тов. Суровцева А.Ф. численностью в 60 человек… по получении от нас инструктажа и заданий подорвал паровоз с вагонами, курсирующий от ст. Куява до ст. Киров. Насаждал партизанские ячейки и группы в населенных пунктах района, а также активизировал разведывательную работу в самом гор. Людиново, где активно свирепствовала немецкая комендатура и полицейское управление. Отдельные группы людиновского отряда привлекались нами для выполнения некоторых операций».

В отчете Медведев отметил также, что Людиновское полицейское управление относится к числу самых крупных, на вооружении более ста полицейских имеются не только винтовки и автоматы, но также ручные и станковые пулеметы, крупнокалиберные пулеметы и даже минометы.

Сейчас, в начале декабря, отряд «Митя» избрал районом своих боевых действий треугольник Дятьково — Людиново — Жиздра.

Около месяца медведевский и людиновский отряды стояли рядом — в лесу возле деревни Волынь на границе Людиновского и Жиздринского районов. Охранение лагеря несли партизаны обоих отрядов. Естественно, их командиры и комиссары виделись ежедневно.

Уже при первом знакомстве Медведев произвел и на Василия Ивановича Золотухина, и на комиссара Афанасия Федоровича Суровцева большое впечатление. Это был очень высокий — под метр девяносто — и очень красивый мужчина лет сорока, с чеканным профилем, редкого зеленого цвета глазами, с отличной выправкой кадрового строевого командира. Уж не из бывших ли офицеров, вдруг показалось Золотухину. Позже он был немало удивлен, узнав, что Медведев не из царских офицеров и не из дворян родом, а из многодетной семьи высококвалифицированного рабочего Брянского завода. Приметил Золотухин и то, что Медведев заметно прихрамывает, потому как, об этом тоже узнал позже, Дмитрий Николаевич за короткое время пребывания в немецком тылу был уже и ранен пулей в колено, и контужен.

Почти неотлучно рядом с Медведевым находился его адъютант — тоже высокий, хоть и пониже, но зато в плечах вдвое шире молодой мужчина могучего телосложения с густой, окладистой бородой. Кулаки, точно уж, пудовые. Лицо бородача показалось Золотухину знакомым. Когда его представили, понял почему — видел не раз в газетах и в кадрах кинохроники. Потому как адъютантом Медведева был самый знаменитый в ту пору боксер-тяжеловес, абсолютный чемпион СССР по боксу Николай Королев. Уже позже бойцы отряда рассказали Золотухину, что Королев дважды выносил раненого командира с поля боя, причем один раз нёс его по морозу на руках около километра.

Медведев познакомил людиновцев с начальником штаба «Мити» Героем Советского Союза (за Финскую кампанию) майором Михаилом Ивановичем Сиповичем и комиссаром, в недавнем прошлом инженером-электриком одного из московских предприятий, Георгием Николаевичем Кулаковым.

Коротко, но обстоятельно Золотухин доложил Медведеву о составе и вооружении отряда, о проведенной, пока еще небольшой работе. Поделился некоторыми сомнениями и заботами. В частности, посетовал, что не имеет собственной связи с Москвой. Приходится переправлять собранную разведывательную информацию с нарочными за линию фронта, в ближайшую воинскую часть Красной Армии. Это значит рисковать жизнью связного, да и самой информацией, которая к тому же может в пути и устареть.

— Сейчас вы располагаете чем-нибудь? — спросил Медведев.

— Так точно, — ответствовал Золотухин, — есть донесение моего разведчика в Людинове «Орла» о передвижении войск по большаку в сторону фронта и оборонительных сооружениях на подступах к городу.

Медведев тут же вызвал радиста отряда Анатолия Шмаринова и распорядился в первый же сеанс радиосвязи с Москвой (была среда, по средам сеансы проводились в 21.00) передать информацию людиновских разведчиков.

— А в воскресенье, — продолжил разговор Дмитрий Николаевич, — на утреннем сеансе в 9.00 я свяжу вас непосредственно с начальником Особой группы старшим майором госбезопасности[16] Судоплатовым. Подготовьте краткий отчет о проделанной работе, изложите просьбы.

Впоследствии Людиновский отряд получил-таки собственную рацию.

У Медведева тоже была просьба к Золотухину. Все эти месяцы отряд «Митя» находился почти в непрерывном движении. Меж тем в отряде имелись раненые и больные, а зима стояла суровая,

ртутный столбик в термометрах порой опускался до сорока градусов и не подымался выше двадцати пяти, разумеется, со знаком «минус». Чтобы не замерзала вода во фляжках, бойцам приходилось класть их за пазуху на голое тело.

Договорились, что Золотухин примет раненых в свою медчасть, располагавшуюся в теплой избе одной из отдаленных лесных деревенек, куда немцы и носа не совали. Там раненых обеспечивали и горячей пищей, и медикаментами, которые поступали из Людиновской больницы, где у Золотухина были свои люди.

По исхудалым лицам медведевцев Василий Иванович догадался, что они в своих скитаниях по немецким тылам изрядно оголодали, да и обмундирование поистрепали вконец, некоторые бойцы были обуты в самодельные лапти, которые Золотухин не видел со времен далекого детства. Так оно и было на самом деле: партизаны «Мити» долгое время «питались одной мерзлой кониной, грибами да ягодами, а о вкусе печеного хлеба вообще успели позабыть. Однако же люди были бодры, спокойны, уверены в своих силах, ни на что не жаловались. Золотухину понравилось, как быстро и умело бойцы Медведева соорудили для себя, как они говорили, «чумы» — что-то среднее между землянкой и шалашом.

В одной из бесед Дмитрий Николаевич изложил Золотухину и командирам еще нескольких партизанских отрядов, действовавших в округе, свою концепцию войны во вражеском тылу.

— Нам пришлось столкнуться с такими фактами, — говорил он, — когда некоторые отряды занимали где-нибудь отдаленную от дорог деревню и оседали в ней, забивались, как медведь в берлогу на зимнюю спячку, ни о чем, кроме как о самообороне, а если называть вещи своими именами, выживании, и не помышляли. А деревню свою в десять дворов гордо именовали «партизанским краем».

Немцев такое положение до поры до времени устраивает. Вреда им реального эти партизаны не причиняют, силы на них отвлекать не приходится. С приходом весны их, конечно, обложат со всех сторон и уничтожат. Есть случаи, когда бойцы таких отрядов от безделья начинают пьянствовать, а то и обижать местное население. Этим они уже наносят вред партизанскому движению, дискредитируют его перед населением, а оно — наша опора. Не скрою, мне пришлось несколько подобных так называемых партизанских отрядов попросту разогнать.

Первая заповедь партизан — активность, — продолжал Дмитрий Николаевич, — непрерывность боевых действий,

естественно, с учетом реальных сил и возможностей. Разумеется, нужны передышки, но между боями. Нельзя терять соприкосновения с врагом даже при отходах, только так можно чувствовать его, предугадывать намерения, главное — уходить вовремя от самого опасного — карательных экспедиций заведомо превосходящими силами.

Далее — непременное взаимодействие с соседними отрядами. Вы воюете в специфических условиях, тут и непосредственная близость фронта, и наличие большого числа населенных пунктов с немецкими гарнизонами и крупными полицейскими управлениями. Отсюда вывод — для проведения серьезных операций, отпора карателям нужно согласование действий с проверенными соседями.

Третье — разведка. И чисто военная, силами бойцов отряда, и агентурная. И для собственной безопасности, и в интересах командования Красной Армии. Я обратил внимание на донесения «Орла» — хорошие донесения. Он наблюдателен, точен, лаконичен и очень конкретен.

Золотухин не мог не испытать чувства гордости от таких слов куда более опытного, чем он, старшего товарища, но не мог не оценить и его чисто профессиональной деликатности — Медведев и виду не подал, что хотел бы знать, кто скрывается за криптонимом «Орел». Таково уж одно из главных правил разведки — не раскрывать источников информации. Знал бы многоопытный разведчик, что этому самому «Орлу», о донесениях которого он отозвался столь одобрительно, не исполнилось еще и семнадцати лет.

Словно не заметив такой реакции Василия Ивановича, Медведев продолжал:

— Я заметил также, что некоторые руководители подполья за версту обходят управы, комендатуры, полицейские управления. Это ошибка. Надо внедрять в немецкие учреждения своих людей, а также искать среди русских служащих таких, кто пошел работать на оккупантов по малодушию, но не потерял еще совесть и не замарал руки кровью соотечественников. Ёсли умело подойти к таким людям, то они смогут и свою вину искупить, и большую помощь нам оказать.

К себе «домой» Золотухин возвращался в хорошем настроении, чему, кроме полезного, умного разговора, способствовала и последняя, принятая радистом Шмариновым, сводка Совинформбюро.

На фронте происходили важные события, воистину стратегического значения. В первой половине ноября гитлеровское командование создало две новые мощные

группировки войск, которые 15 и 16 ноября перешли, как оно полагало, во второе, решительное наступление на Москву, стремясь обойти столицу с севера через Клин и Солнечногорск и с юга через Каширу. Последующие две недели Красная Армия вела здесь тяжелые оборонительные бои. К концу ноября немцы на северо-западе вышли к каналу Москва—Волга и форсировали его у Яхромы, на юго-востоке достигли Каширы. На этом наступательный порыв дивизий группы армий «Центр» иссяк, но не сам собой, а после того, как они потеряли в этих боях более 155 тысяч человек убитыми и ранеными, около 600 танков, большое количество орудий, самолетов и иной военной техники. В первых числах декабря немецкие войска были вынуждены сами перейти к обороне.

5 и 6 декабря, то есть как раз в те дни, когда людиновский отряд столь гостеприимно встретил в своем расположении медведевцев, началось контрнаступление войск Калининского и правого крыла Западного фронтов в полосе шириной свыше 200 километров. Так началась первая в ходе Великой Отечественной войны крупная наступательная операция Красной Армии стратегического значения. Немецкие войска под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на 100, а местами и 250 километров. Была ликвидирована угроза и столице страны, и всему Московскому промышленному району. К началу января полки Красной Армии вышли на рубеж Наро-Фоминск — Малоярославец — населенные пункты западнее Калуги — Сухиничи — Белев.

В ходе наступления командующий войсками Западного фронта генерал Г.К. Жуков приказал 50-й армии генерала И.В. Болдина овладеть Калугой. Для выполнения приказа генерал Болдин создал подвижную группу в составе стрелковой, танковой, кавалерийской дивизией, а также Тульского рабочего полка. Командование группой было поручено генералу В.С. Попову.

Двигаясь только ночами, избегая не то что боев, даже мелких стычек с немцами, группа к концу дня 20 декабря подошла к Калуге с юга, а на рассвете, молниеносно захватив мост через Оку, ворвалась в город.

По приказу Гитлера к Калуге были срочно подтянуты четыре дивизии, которые, обладая численным преимуществом, окружили группу Попова. Положение облегчил кавалерийский корпус генерала П.А. Белова. Его активные и эффективные действия позволили стрелковым дивизиям 50-й армии подойти к Калуге и соединиться со сражающимися на улицах древнего русского города частям Попова. Опираясь на успех 50-й армии, перешла в наступление и 49-я армия. 30 декабря, потеряв свыше 5 тысяч

человек и большое количество военной техники, немцы были из Калуги выбиты.

Потрясенный внезапностью этого прорыва, Гитлер снял с поста командующего 2-й танковой армии генерала Гудериана, считавшегося до того основателем всей немецкой доктрины использования крупных танковых соединений в современной войне. Взбешенный неудачей, фюрер снял с должности и других фельдмаршалов и генералов, совсем недавно удостоенных им и новых высоких чинов, и «Рыцарских Железных крестов»: Бока, Лееба, Рунштедта, Штрауса — всего до сорока человек. Более того, уволив в отставку генерал-фельдмаршала Браухича, Гитлер, желая показать, что он ни в грош не ставит высший эшелон командования вермахта, назначил вместо него главнокомандующим сухопутными войсками… самого себя.

Впервые за всю мировую войну непобедимый доселе гитлеровский вермахт потерпел настоящее поражение. В битве под Москвой немцы потеряли более полумиллиона солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч автомашин и много иной военной техники. Были полностью освобождены от оккупантов Московская, Тульская, Рязанская, а частично Калининская, Смоленская и Орловская области.

Рухнул, чтобы больше никогда не возродиться, план блицкрига — молниеносной войны.

…Обо всех этих подробностях, тем более конечных результатах сражения, разумеется, ни Медведев, ни другие партизанские командиры тогда знать не могли. Знали в пределах того, что сообщали принимаемые более-менее регулярно сводки Совинформбюро, а также радиограммы Центра. Но главное — о начавшемся разгроме немцев под Москвой они знали прекрасно, более того, могли судить о его масштабах уже и потому, что видели в тылу вермахта собственными глазами и глазами своих разведчиков.

И даже без особых указаний Центра понимали, что в эти дни и недели необходимо предельно активизировать и разведывательную, и боевую работу. Наконец, необходимо донести до населения оккупированных районов правдивую информацию о том, что Москва не только выстояла (а гитлеровская пропаганда не раз объявляла о падении столицы), но что ее защитники нанесли немцам у ее стен серьезное поражение.

Дмитрий Николаевич и другие командиры прекрасно сознавали, что означает сейчас каждый не доехавший до передовой солдат подкрепления вермахта, каждый не доставленный туда ящик снарядов, каждая цистерна горючего,

каждый танк. В этой ситуации Медведев посчитал обычную партизанскую тактику недостаточно эффективной.

Медведев исходил из того, что главную роль в войне играет, разумеется, действующая армия, партизаны — вспомогательную. Следовательно, чем теснее будет их взаимодействие, тем более эффективными будут усилия их в решении общей задачи — полного разгрома врага. Так вначале возникла, а затем выкристаллизировалась и приобрела конкретные формы идея проведения первой в ходе войны совместной операции партизан и действующей армии, в данном случае — ее военно-воздушных сил. Задним числом эта мысль кажется чуть ли не по-детски простой. Впрочем, так всегда кажется, когда речь идет об идее, которая впервые пришла в голову, во-первых, достаточно давно, и, во-вторых, не тебе.

Медведев собрал в своем штабном чуме командиров всех действующих по соседству отрядов. Прямо на лапнике разложил карту квадрата, привлекшего его внимание.

— Взгляните, товарищи, что происходит на железных дорогах в нашей округе… Большая часть эшелонов с подкреплениями следует по магистралям от Кирова к Рославлю и на магистрали Брянск — Москва со стороны Сухиничей к Брянску. Прицельно бомбить их во время нахождения в пути трудно, особенно ночью.

А теперь посмотрите, что получится, если мы позволим нескольким эшелонам сосредоточиться на каком-то ограниченном пространстве, — он очертил синим карандашом овал, охвативший Брянск, Рославль, станцию Зикеево, — а потом сделаем так, — несколькими короткими штрихами Медведев перерубил линии на карте, обозначающие железные дороги. — Получится…

— Пробка, — закончил за него Золотухин.

— Правильно, — подтвердил Медведев, — пробка. Затор. Эшелоны не смогут ни продвинуться к фронту, ни отступить назад, чтобы воспользоваться окружным путем. Да, собственно говоря, тут никакого окружного пути и нет вовсе. Чтобы ликвидировать пробку, немцам потребуется не меньше суток, а то и больше, особенно в том случае, если мы сумеем подорвать мост у станции Зикеево. А за это время наша авиация успеет разбомбить это скопление поездов, причем прицельно и не в движении, то есть с наивысшей результативностью. Что скажете, товарищи-командиры?

— Здорово, — восторженно протянул кто-то.

— Будем голосовать? — шутя, спросил Дмитрий Николаевич.

— Принято! Принято! — послышались голоса.

— Значит, принимается единогласно, — все тем же тоном,

вроде бы в шутку, а на самом деле абсолютно серьезно подвел итог Медведев. — Теперь о подготовке к операции. Первое — разведкам всех отрядов усилить наблюдение за железной дорогой и станциями. В том числе местами, где формируются воинские части для отправки на передовую, особенно это относится к Людиново. Второе — всем командирам для осуществления диверсий выделить лучших подрывников и группы прикрытия. Золотухину, дополнительно, подобрать хороших проводников, чтобы не только местность по пути следования, но каждую кочку на ней знали. Обеспечить боевые группы всем необходимым: лучшими лошадьми, теплой одеждой, обувью, продовольствием. Я уже не говорю о вооружении и взрывчатке. Все проверить лично, чтобы никакой осечки не случилось. И третье — соблюдение абсолютной секретности. Команды должны получить приказ непосредственно перед выходом на задание.

Указания старшего, более опытного товарища и командира были в высшей степени разумны и конкретны, а потому приняты без возражений всеми присутствующими.

Через несколько дней, собрав и обобщив поступившие от разведчиков, в том числе и агентурных, данные, Медведев доложил о разработанном им плане в Москву.

План был одобрен и утвержден. Но только вернувшись в Москву и работая над отчетом о деятельности отряда «Митя» в тылу врага, Медведев узнал, на каком уровне.

Дело в том, что в Москве, после расшифровки радиограммы из отряда, произошло нечто необычное: заместитель наркома внутренних дел, ознакомившись с предложением Медведева и оценив его, 22 декабря направил спецсообщение пяти адресатам: Председателю Государственного Комитета Обороны И.В. Сталину, членам ГКО В.М. Молотову и Г.М. Маленкову, Начальнику Генерального Штаба РККА Маршалу Советского Союза Б.М. Шапошникову и начальнику Оперативного управления Генштаба РККА генерал-майору А.М. Василевскому:

> «21 декабря сего года командир партизанского отряда капитан госбезопасности тов. Медведев сообщил следующее:
>
> «Железная дорога Рославль—Киров—Фаянсовая работает напряженно. 25 декабря сего года под Кировом подорвем эшелон, создадим пробку. 26-го бомбите с воздуха».

Операция, которой Медведев дал кодовое название «Ночь перед Рождеством», была утверждена и вступила в стадию проведения. Командование военно-воздушных сил получило

необходимые указания.

Замысел Медведева был блестяще осуществлен.

Почти одновременно на участке Киров—Рославль был подорван эшелон с немецкой воинской частью и техникой, перебрасываемой на Восточный фронт, под Москву, из Франции, разгромлена станция Судимир на участке Брянск—Сухиничи и взорван железнодорожный мост южнее станции Зикеево на той же магистрали. Образовалась громадная пробка, в которую попало сразу несколько эшелонов с живой силой и военной техникой врага.

Своевременно предупрежденные и получившие необходимые приказы наши авиаторы в течение нескольких дней интенсивно бомбили скопления составов на станциях Рославль, Фаянсовая, Брянск, Зикеево и других. Десятки вагонов, локомотивов, станционные постройки, оборудование превратились в груды лома. Потери немцев были огромны. Работа двух важных железнодорожных магистралей на длительное время парализована.

Следует отметить, что «Ночь перед Рождеством» стала прообразом будущих крупных операций, когда партизанские соединения совершали диверсии на транспортных магистралях, шоссейных и иных мостах уже по прямому указанию командования Красной Армии в соответствии с его замыслами и планами, часто в тесном взаимодействии. Особенно эффективной оказалась эта боевая деятельность партизан в так называемой рельсовой войне накануне и в ходе осуществления крупнейшей наступательной операции Красной Армии в Белоруссии в 1944 году.

По прошествии более чем полувека трудно восстановить в деталях весь ход славной «Ночи перед Рождеством». В скупых отчетах зафиксированы только результаты, сопутствующие обстоятельства тогда никого не интересовали. Участники событий думали о том, как лучше выполнить задание, меньше всего их заботило, что потомкам придется по крохам воссоздавать общую картину операции.

Но все же, перечитывая документы той поры, немногие и обрывочные воспоминания партизан, это можно сделать более или менее точно.

Пройдя тридцать километров по глубокому снегу, после тщательной разведки мост на железнодорожной магистрали Москва—Брянск южнее станции Зикеево восьмикилограммовой миной подорвала группа в основном из партизан отряда «Митя» под командованием бывшего проводника международного экспресса Харбин—Негорелое Петра Лопатина. Война застала

этот экспресс в Москве, и почти вся бригада проводников, большей частью уроженцев Белоруссии, добровольно вступила в ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР, а оттуда уже попала в отряд «Митя».

Мост был взорван очень квалифицированно — он обрушился не целиком, левая его часть с исковерканными плетьми рельсов зависла в воздухе. Это крайне затруднило его последующее восстановление. Прежде чем приступать к ремонтным работам, немцы должны были демонтировать эту зависшую часть моста, а это драгоценное лишнее время.

Следовавший к Брянску воинский эшелон вынужден был разгрузиться в Зикеево.

На самой станции в это время шла большая пьянка по поводу пресвятого Рождества. Гуляли офицеры местного гарнизона и их гости, тоже офицеры, специально с этой целью приехавшие из Жиздры. К ним присоединилась большая группа офицеров из застрявшего эшелона.

В разгар веселья на станцию ворвалась группа партизан и забросала помещение ресторана ручными гранатами. Затем партизаны прошлись пулеметными и автоматными очередями по вагонам, в которых, естественно, пили оставшиеся в них солдаты. Не дав уцелевшим немцам опомниться, партизаны захватили, сколько могли унести, трофейного оружия и скрылись.

Под утро советские самолеты успешно бомбили зикеевскую пробку. При бомбардировке только в здании одной из местных школ было убито около семидесяти разместившихся в ней немецких солдат и офицеров.

Самые трудные испытания выпали на долю семидесяти партизан, которые под командованием Георгия Кулакова и Михаила Сиповича на двенадцати санях отправились к станции Киров. Им пришлось преодолеть пятьдесят километров в сильный мороз. Из продовольствия у них была только мороженая конина.

С самого начала рейда выяснилось, что главным препятствием оказался вовсе не сорокаградусный мороз, а глубокий, местами более чем метровый плотный снег. Выручили могучие бельгийские лошади, тяжеловесы першероны, доставшиеся партизанам в качестве трофеев. Они пробивали дорогу санному обозу.

В районе Людинова партизаны натолкнулись на группу немцев, произошла короткая стычка. Чтобы не ввязываться в ненужный бой (на выстрелы к противнику могло подоспеть подкрепление), партизаны обошли немцев по замерзшему людиновскому озеру и устремились дальше. Чтобы дать отдых лошадям, да и самим обогреться, решили сделать короткую

остановку в глухой лесной деревушке Шепиловке. Когда подходили к ее околице, головной дозор под командованием людиновского партизана Василия Копырина заметил и задержал подозрительного человека. При обыске у него обнаружили подвешенный на шнурке к шее русский наган и… донесение со списком крестьян, помогающим партизанам, в людиновскую полицию. После короткого допроса вражеского агента расстреляли. С наступлением темноты боевая группа двинулась дальше, к намеченному для диверсии пункту магистрали Киров—Рославль в районе станции Бетлица, примерно в двадцати пяти километрах от Кирова.

Расположившись на железнодорожном полотне, партизаны заложили под рельсы четыре мины с натяжными шнурами длиной по 60–80 метров. Установили мины расчетливо, с целью достигнуть максимального взрывного эффекта: две под паровоз, одну под предполагаемую середину состава и одну в хвост.

Через час со стороны Кирова показалась разведывательная мотодрезина, ее пропустили беспрепятственно.

Работать нужно было быстро и сноровисто, соблюдая все меры боевого охранения — немецкие гарнизоны располагались совсем неподалеку.

Наконец появился эшелон смешанного состава — и с живой силой, и с техникой, следовавший, как уже было ранее сказано, на Восточный фронт из Франции. По общей команде все четыре мины были взорваны практически одновременно, после чего на искореженные вагоны обрушился еще и интенсивный пулеметный и автоматный огонь. Потом звуки стрельбы перекрыл гром рвущихся в вагонах боеприпасов.

Когда с эшелоном было покончено, партизаны с обеих сторон пути установили две электромагнитные мины. На одной из них вскоре подорвалась уже знакомая партизанам разведывательная мотодрезина.

А утром советская авиация уже успешно бомбила железнодорожные станции Рославль, Киров и Фаянсовая.

На станцию Судимир, расположенную между Зикеево и Брянском, Медведев направил настоящую ударную группу — свыше ста партизан из трех отрядов. На этой станции тоже застрял воинский состав — партизаны разгромили его, забросав гранатами и прострочив пулеметными и автоматными очередями.

Примечательно, что, пытаясь скрыть от населения успех партизанской операции под Бетлицей, немцы распространили по округе слух, что, дескать, в этом месте произошло случайное столкновение двух поездов. Но шила, как известно, в мешке не утаишь. Через несколько дней жители всех окрестных городков и

сел знали правду.

Во всех этих сводных боевых группах находились и партизаны людиновского отряда. Кроме того, уже вполне самостоятельно, хотя и в рамках общего плана, людиновцы подорвали мост на большаке Людиново—Жиздра и железнодорожное полотно на участке Куява—Людиново, при этом был разбит паровоз и вагон, убито три немецких солдата.

Вечером 24 декабря группа медведевцев из семи человек под командованием пришедшего в отряд из окружения старшего лейтенанта Василия Починикина совершенно спокойно — якобы везли на базар сено — проникла в Жиздру. Зная от разведки, что почти все немцы отправились в Зикеево отмечать Рождество, партизаны беспрепятственно проехали на санях через весь город и ворвались в полицейское управление. Находившихся в помещении полицейских уничтожили.

На шум примчался на великолепном рысаке в сопровождении трех полицейских сам начальник жиздринской полиции Новосельцев. Их истребили тут же, у входа в здание.

Желая выяснить, дошла ли до Зикеева весть о налете на Жиздру и поднялась ли там уже тревога, следовательно, ждать ли встречного боя, Починикин из кабинета Новосельцева позвонил его зикеевскому коллеге. Произошел следующий разговор.

— Зикеево?

— Зикеево.

— Кто у аппарата?

— Дежурный полицейский.

— Указание бургомистра Матусова получили?

— Какое указание?

— Разве вам еще не передали?

— Нет.

— Ну, тогда ждите…

На сем Починикин оборвал провод.

Рассчитав, что поскольку в Зикеево все спокойно и, следовательно, он располагает по меньшей мере часом времени, Починикин дотла сжег Жиздринский лесозавод, поставлявший на фронт пиломатериалы для фортефикационных работ.

Затем с захваченными в управлении документами и большой суммой денег группа, уничтожив попутно немецкую грузовую машину, благополучно вернулась в отряд.

Верный своему принципу ничего не откладывать на «потом», Медведев, как ни был он занят в эту ночь, тут же бегло просмотрел трофейные бумаги. Прочтение одной из них привело его в крайнее возбуждение…

Дело в том, что при последнем переходе в район Людинова,

да и уже здесь, на месте, отряд «Митя» стал объектом пристального внимания со стороны гитлеровских спецслужб, прежде всего СД. Видимо, по «почерку» медведевцев немецкие контрразведчики вычислили, что имеют дело с не совсем обычным партизанским отрядом, и устроили за ним настоящую охоту. Партизаны задержали несколько подозрительных лиц, крутившихся на подступах к лагерю. Они оказались фашистскими агентами, перед которыми была поставлена задача установить численность отряда, вооружение, намерения и планы командования и т. п.

На допросах все агенты показали, что их завербовал в Жиздре и некоторых других местах один и тот же человек, вроде бы из числа военнопленных — высокий, худой, с длинным искривленным носом и короткой стрижкой, лет под сорок, носивший на рукаве потрепанной красноармейской шинели повязку санитара с красным крестом. Человек этот, по фамилии Корзухин — русский, хотя свободно говорит по-немецки. Не оставалось ни малейшего сомнения — похоже, именно Корзухину, русскому по происхождению, гитлеровские спецслужбы поручили «взять» командование отряда. К слову сказать, подготовка этих агентов, хоть и краткосрочная, свидетельствовала о том, что Корзухин не какой-нибудь там обычный полицейский, а явный разведчик-профессионал.

Документ, который привлек внимание Медведева, был прошением на имя немецкого коменданта Жиздры. В нем, в частности, говорилось:

> «Я представляю при этом прошении свою автобиографию и прошу разрешить мне до конца войны жить и работать в г. Жиздре при местной городской управе.
>
> Я думаю, что репутация моей семьи и моя прошлая деятельность позволят Вам удовлетворить мою просьбу. Однако, если германское командование либо гражданские власти моей освобожденной от большевиков родины будут считать, что я должен работать в ином месте или на иной работе, я сочту за счастье выполнять любую работу по установлению нового порядка в России. Я думаю, что оправдаю доверие моего народа, работая в духе понимания великой исторической миссии германского народа, предначертанной ему Провидением.
>
> *Львов».*

Некоторые другие бумаги, а также собственные размышления позволили Медведеву прийти к заключению, что автор вышеприведенного прошения «Львов» и «санитар Николай Корзухин» одно и то же лицо. И лицо это необходимо немедленно, пока немцы не очухались, из города Жиздры изъять и переместить для начала в штаб отряда.

Искать санитара следовало, скорее всего, в госпитале для советских военнопленных, но как найти сам госпиталь? Как вообще сразу после налета проникнуть в город по возможности тихо, без пальбы, и так же тихо из него убраться, уже с Корзухиным?

И тут неожиданно на выручку пришел Золотухин, по счастью, находившийся в этот момент рядом с ним.

— Дмитрий Николаевич, — сказал командир людиновцев, — в нашем отряде есть партизан Алексей Белов, это бывший председатель Жиздринского райсовета. В Жиздре знает не то что каждую улицу — каждый дом. Проведет и выведет так, что никто и не заметит.

— Он не на задании? — с надеждой спросил Медведев.

— Оставлен в расположении, в охранении. Так звать?

— Непременно!

То была настоящая удача. Белов точно, кратчайшими проулками и дворами вывел группу медведевцев под командованием лейтенанта Абдуллы (впрочем, в отряде все почему-то называли его Володей) Цароева к госпиталю, который располагался в двухэтажном здании бывшей школы. Уже в дверях в нос ударил тошнотворный запах крови, пота, гноя, заживо разлагающегося человеческого мяса. А внутри здания, в палатах и коридорах, партизанам открылась страшная картина. Здесь, вперемежку с умершими, лежали около ста пятидесяти тяжелораненых бойцов и командиров Красной Армии, все — ампутанты, кто без одной, кто без обеих ног, а то и без рук. Никакой медицинской помощи им фактически не оказывалось. Люди умирали, кто от гангрены, кто просто от голода, и некому было даже вынести трупы. И ничем, решительно ничем не могли им помочь несколько партизан. Кроме как оставить им свои индивидуальные медицинские пакеты и поклясться, что отомстят оккупантам за смертные муки своих соотечественников и братьев по оружию.

Человека в потрепанной красноармейской шинели с повязкой на рукаве партизаны обнаружили в маленькой подсобке возле бывшего буфета — единственном теплом помещении во всем здании. Никакого сопротивления он оказать не сумел, да и не смог бы. При нем оказалось выданное местными властями

удостоверение на имя Николая Владимировича Корзухина, кое-какие бумаги и… старая групповая фотография. Среди двух десятков преимущественно бородатых господ в сюртуках и визитках Цароев легко опознал одного безбородого с прической ежиком — Александр Федорович Керенский, вначале министр юстиции, а затем министр-председатель Временного правительства. Один из министров на фотографии обладал поразительным сходством с «санитаром Корзухиным».

В отряде на допросе все выяснилось: агент СД Николай Корзухин был сыном богатейшего самарского помещика (18 тысяч десятин земель в трех губерниях!), бывшего депутата III Государственной думы, члена Временного правительства, обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Николаевича Львова (не родственника, а однофамильца первого главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова). Львов-младший совсем юным воевал прапорщиком в отряде атамана Дутова, а затем в армии Колчака. По окончании Гражданской войны после многих приключений, включая трехлетнее пребывание в томской тюрьме, Львов, сменив незаконным путем фамилию и документы, перебрался в Москву, где у него был двоюродный брат.

В Москве «Корзухин» вступил в «Общество по изучению Сибири», одновременно сотрудничая с… японской разведкой, чьим давним агентом являлся. К началу Великой Отечественной войны Корзухин работал в Торжке, преподавал географию в сельскохозяйственном техникуме. Его призвали в армию. Уже в августе при первой же возможности он сдался в плен и предложил гитлеровским спецслужбам свои услуги, которые и были приняты. На допросе Корзухин признался, что именно он вербовал, готовил и засылал в отряд «Митя» и некоторые другие отряды лазутчиков и агентов.

26 декабря нарком НКВД СССР направил Сталину, Молотову, Маленкову, Шапошникову и Василевскому следующее спецсообщение:

> «Командир партизанского отряда НКВД СССР капитан госбезопасности тов. Медведев сообщает:
>
> 25 декабря 4-мя минами подорван воинский эшелон на железной дороге Рославль—Сухиничи, шедший в сторону фронта. Разбиты паровоз, 15 вагонов, убито до 300 солдат, много раненых. Движение остановлено на несколько дней. Созданы пробки на станциях Киров, Фаянсовая в сторону Рославля.
>
> Того же числа при вторичном налете окончательно

ликвидирована немецкая комендатура полиции, разбита грузовая машина, захвачено пятьсот тысяч рублей, взят живым Львов — Корзухин, сын князя Львова, перешедший к немцам».

Как видим, в этом сообщении нарком допустил неточность, решив, что Корзухин является княжеским отпрыском. Как бы то ни было, двойной — немецкий и японский — шпион представлял значительный интерес для советской контрразведки, и за ним был выслан из Москвы специальный самолет. После двух ранений Медведеву было трудно ходить, а ближайшая площадка, пригодная для приема легкомоторного самолета, находилась в нескольких километрах от лагеря. Поэтому Дмитрий Николаевич поручил доставить туда Корзухина Золотухину. Две ночи кряду Василий Иванович ходил с группой партизан и арестованным к этой площадке, а точнее, к обычной, не такой уж и большой поляне, которую еще надо было расчищать от снежных сугробов. Стояла непогода, и самолет смог совершить посадку на партизанские костры на лыжах лишь на третью ночь, 4 января. Летчик майор Зонов доставил партизанам медикаменты, батареи к рации исвежие газеты. Меставбиплане было лишь надвух — ито в страшной тесноте — пассажиров, поэтому майор Зонов не смог принять на борт ни раненых, ни мешки с деньгами, а лишь арестованного со связанными руками да пачку партизанских писем на «Большую Землю».

Буквально через считаные минуты (летчик даже не глушил мотор) самолет взмыл в черное ночное небо, чтобы пересечь линию фронта (причем его несколько раз едва не сбили, сначала немецкие зенитчики, потом наши) и совершить посадку, опять же с большими приключениями, на советской территории.

Разведчики медведевского, людиновского и других местных отрядов держали под контролем не только железные дороги, но и три большака: Людиново — Жиздра — Дятьково и Киров — Фаянсовая. Поэтому они своевременно заметили, что в эти же дни к Жиздре движутся своим ходом танки и автомашины, как с живой силой, так и с грузами. В Центр немедленно — это произошло уже после встречи Нового 1942 года — была отправлена очередная шифровка.

3 января 1942 года нарком НКВД СССР доложил Сталину и Шапошникову:

«Медведев сообщает о необходимости бомбежки центра города Жиздры, где в настоящее время замечено скопление большого количества немецких автомашин.

Налет нашей авиации на станции Зикеево 25/

XII-41 г., по данным тов. Медведева, был весьма удачным».

На следующий день на основании сообщения Медведева было доложено и о прибытии в Жиздру танков противника.

Разумеется, на Жиздру были совершены налеты наших бомбардировщиков, и их результаты также «были весьма удачными».

Обращает на себя внимание, что в этих спецсообщениях нарком уже не указывает должность и звание Медведева: у обоих — и Сталина, и Шапошникова — была отменная память, они запомнили и название отряда, и звание его командира, к тому же имели возможность убедиться как в достоверности его информации, так и эффективности его боевой деятельности.

Успехи отряда «Митя», людиновцев, других партизанских отрядов нынешних Брянской, Калужской, Орловской областей, помимо чисто военного, имели еще одно принципиально важное значение: они убедили командование Красной Армии и высшее руководство страны в том, что всенародное партизанское движение на оккупированной территории может стать и действительно стало важным фактором в разгроме немецко-фашистских войск.

Это нашло свое выражение в последующем в создании Центрального, республиканских и областных штабов партизанского движения, в образовании крупных партизанских соединений Ковпака, Сабурова, Федорова, Наумова и других, в выделении специального авиаполка для связи с партизанскими отрядами, централизованном обеспечении их вооружением, боеприпасами, в том числе и специального назначения, и всем прочим, необходимым для ведения вооруженной борьбы в тылу врага. Партизанским командирам стали присваивать воинские звания, вплоть до генеральских.

Но все это будет позднее. А пока что произошло неожиданное, можно сказать, непредвиденное: отряды «Митя», людиновский и несколько брянских вдруг очутились в тылу… наступающей Красной Армии.

Потому что 9 января 1942 года части 323-й и 330-й стрелковых дивизий, наступавшие по глубоким тылам немецких войск со стороны Рязани, стремительным ударом выбили гитлеровцев из Людинова и овладели городом.

Следствие 2

Читателю уже известно, что на каждом допросе Иванов вначале отказывался признать предъявляемое ему конкретное обвинение или говорил, что такого факта не помнит, а когда эта тактика не проходила, искал смягчающие, а то едва ли не оправдывающие его обстоятельства. Повторяем: осуждать его за это нельзя, Иванов боролся за свою жизнь, и это прекрасно понимали следователи. Впоследствии в обвинительное заключение не были включены эпизоды, в причастности к которым Иванова они не сомневались, но доказать это документами или показаниями свидетелей не смогли. Есть такое правило, и непреложное: каждое сомнение трактуется в пользу обвиняемого. Но и тех доказательств, что они сумели собрать, было достаточно, чтобы 29 января 1957 года предварительное следствие было закончено. В соответствии со статьей 206 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР все материалы были предъявлены обвиняемому.

Ознакомившись с двумя томами дела, Дмитрий Иванов заявил о своем нервном заболевании. В связи с чем по указанию прокурора Калужской области, в соответствии со статьями 63 и 171 УПК РСФСР, Иванов был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Калужскую областную психиатрическую больницу.

Заключение врачей-специалистов было категоричным: признаков психического заболевания у Иванова Д.И. не обнаружено. Вменяем, влечении не нуждается.

11 февраля после всех положенных по закону процедур дело было передано председателю Калужского областного суда Елене Ивановне Куц, которая и назначила его к слушанию выездной сессией облсуда в Людинове на 10 часов утра 20 марта 1957 года.

А теперь вернемся на пятнадцать лет назад, в первые недели повторной оккупации города. Чудом спасшийся после расстрела, Иванов лечит раненую руку в городской больнице. Здесь теперь работают три военных врача, в результате стремительного наступления немцев наши не успели полностью эвакуировать госпиталь, и поэтому вместе с ранеными остались: Лев Михайлович Соболев, Евгений Романович Евтеенко и Хайловский (его имя и отчество остались неизвестными). Кто-то донес немцам, что Хайловский еврей, вскоре его забрали и, должно быть, расстреляли. Лечащим врачом Иванова был Евтеенко, до войны работавший на «Скорой помощи» в Днепропетровске. Лечение заняло около двух месяцев, что не помешало Иванову

уже официально поступить на службу в полицию и в считаные недели сделать головокружительную карьеру — от рядового полицая до старшего следователя и компанифюрера.

Своим возвышением Дмитрий обязан прежде всего новому немецкому коменданту — майору фон Бенкендорфу. Этот среднего роста, коренастый темноволосый офицер лет пятидесяти с небольшим происходил из прибалтийских немцев и превосходно говорил по-русски. Ходили слухи, что комендант из потомков знаменитого графа Бенкендорфа, шефа жандармов из пресловутого III отделения собственной его императорского величества Николая Первого канцелярии. Его и звали как графа — Александром. Майор Бенкендорф не только изъяснялся со своими подчиненными без переводчика, но даже любил, чтобы в неофициальной обстановке к нему обращались на русский манер по имени-отчеству: «Александр Александрович». Свободно владела русским языком и его жена Магда.

Бенкендорф фактически был хозяином города, он лично курировал и деятельность русской полиции, и работу локомобильного завода, где у него даже был свой кабинет.

Дмитрий Иванов сразу стал любимцем Бенкендорфа и его доверенным лицом. Старший следователь не только ловил налету указания шефа, Но умел угодить ему и по бытовой части: из командировок в населенные пункты района он привозил «Александру Александровичу» лукошки свежих яичек, парную телятинку, душистый — не то что немецкий эрзац — мед, другие натуральные деревенские продукты, а также раздобывал словно из-под земли настоящую «Московскую» водку, которую майор явно предпочитал отечественному шнапсу, хотя пьяницей и не был.

Очень скоро с благословения Бенкендорфа Иванов с матерью, сестрой Валентиной и братом Иваном (они были моложе его на несколько лет) перебрался с улицы Плеханова на новую, куда лучше, квартиру по улице Фокина, ближе к работе.

Постепенно вырисовывались и факты собственно «следственной» работы Дмитрия Иванова.

Как уже отмечалось, он поначалу отрицал, что возглавлял секретную службу полиции, но потом вынужден был признать, что имел тайную агентуру, что именно тайный агент Василий Иванович Глухов, заместитель управляющего локомобильным заводом, выдал ему появившегося в городе из Дятькова Николая Митрофановича Иванова, и по его приказу тот вместе с женой Натальей был арестован. Дмитрий Иванов отрицал, что избивал этого пожилого человека, направленного в Людиново на подпольную работу, били, мол, другие. Подтвердил, что Николай

Митрофанович выдержал все пытки, ничего не выдал, только кричал истязателям: «Смерть немецким оккупантам!»

Отрицал Иванов и свою причастность к гибели местного жителя Константина Дмитриевича Шагова, также арестованного по подозрению в причастности к подполью. Но бывший полицай Иван Апокин на допросе показал: «Я лично вместе с Василием Поповым арестовал Шагова по приказанию Иванова. Через два дня его расстреляли».

Кузьма Федорович Титкин, отец бывшего полицейского Ивана Титкина, участвовавшего в опознании Иванова, показал:

«В начале 1942 года Иванов расстрелял жителя Людинова с улицы Урицкого Самошкина Владимира Мамоновича. Я шел в Людиновское лесничество. За переездом, около моста через реку Ломпадь, мне навстречу попались Иванов и еще несколько полицейских. Они вели на окраину, к детдому, Самошкина, которого я знал с детства, мы жили в одной деревне Савино.

Они привели его к разрушенному детдому, завернули за угол, и тут я сразу услышал выстрелы. Я испугался и бегом побежал в лесничество.

Иванов был в штатском, но с пистолетом на поясе. Самошкин в одной рубашке и босиком. За что его расстреляли, не знаю. А вскоре умерла от голода младшая дочь Самошкина».

После освобождения Людинова там нашли много трупов, едва прикрытых землей.

В конце концов Иванов признал, что имел отношение к подготовке засылки к партизанам тайного агента, некоей Натальи Громовой из деревни Березовки, не признать этого он никак не мог. Бывшая машинистка полиции Анастасия Петровна Рыбкина показала:

> «Он готовил агентов. Одного я знаю — учительница Наталья[17] Громова. Она несколько раз приходила к Иванову. Однажды я нашла ее донесение на столе, что староста деревни Вербежичи Горбачев помогает партизанам».

Командир Людиновского партизанского отряда Василий Золотухин рассказал, что он своевременно получил донесение из города от Викторина Зарецкого, чья дочь Нина работала переводчицей и в управе, и в полиции, в котором говорилось:

> «Из достоверных источников стало известно, что для засылки в партизанский отряд готовится некто Громова, лет 30, темно-русая, среднего роста, одета по-городскому, по характеру вспыльчива, питает страшную

ненависть к коммунистам и активистам. С каким заданием пойдет, неизвестно, умалчивает. По логике она должна вернуться вскорости.

«Ясный».

Отряд стоял тогда в сорока километрах от Людинова на территории Дятьковского района. Получив сообщение Зарецкого, Золотухин предпринял необходимые меры, и Громова была задержана с немецким пропуском возле деревни И вот. По приговору партизанского суда она как немецкий агент была расстреляна. Позднее Иванов показал, что у Громовой было задание проникнуть в отряд, узнать его численность, вооружение и т. д. Он лично отвез ее в санях за деревню Куява — дальше она должна была идти к отряду пешком. «Ясный» своевременно предупредил партизан о засылке в отряд еще несколько агентов Иванова, дал их приметы.

Иванов неоднократно заявлял, что никогда не избивал арестованных, потом нехотя признал, что только иногда бил их по лицу ладонью, если на допросах присутствовали немцы.

Те людиновцы, что были расстреляны, ни подтвердить, ни опровергнуть этого не смогут. Но немногие, пережившие ад в шести камерах местной полиции, рассказали о том, что испытали, и на следствии по делу Иванова, и на судебном процессе над ним. Дали свои показания и несколько бывших людиновских полицаев. Их доставляли в кабинет следователя и, позднее, в зал суда прямо из дальних лагерей. Кое-кто, правда, к этому времени уже отбыл свой срок наказания.

Авторы уже предупреждали читателей, что в этой книге не будет никакого вымысла, никакой литераторской фантазии. В этом просто нет надобности. Мы располагаем навечно зафиксированными в протоколах подлинными рассказами и жертв, и их палачей.

Вот что показал уже упоминавшийся нами полицай Иван Апокин: «Также я арестовал учительницу Воронкову Марию Петровну. Я сам водил ее на допрос из КПЗ к Иванову, по возвращении видел у нее на лице ссадины и кровоподтеки.

Примерно в апреле 1942 года я видел, как Иванов и начальник полиции Сергей Посылкин били резиновой палкой подростка лет 13–14, били зверски. Фамилии его я не помню, он был неродным сыном Екатерины Стефановны Вострухиной…

Летом 1942 года меня подсаживали к партизанке в камере предварительного заключения, она ничего не сказала. Я доложил Иванову, он ее вызвал и избил. На другой день ее при мне расстрелял Сахаров Сергей. Ей было лет девятнадцать, из деревни

то ли Будочка, то ли Бобровка».

О том, что Иванов не просто бил, а пытал неизвестную девушку партизанку, говорил и бывший следователь полиции Иван Сердюков.

Полицейский Сергей Сухорукое показал: «Я лично видел, как Иванов избивал арестованных в полиции и в КПЗ».

Бывший писарь полиции Василий Машуров, знавший Иванова еще по школе, где работал инструктором по труду, показал: «Иванов избивал резиновым шлангом пленного лейтенанта, ломал ему пальцы. Потом по его приказу лейтенанта били полицейские.

Летом 1942 года он при мне избивал девушку до бессознательного состояния, она валялась во дворе, потом ее увезли».

Клавдия Васильевна Смирнова была арестована весной 1942 года по подозрению, что ее муж — в партизанах, а она вообще не имела о нем никаких вестей. Она показала:

> «Иванов приказал полицейским избить меня. С меня сняли штаны, положили на стол, били чем попало, пороли, а Иванов кричал: «Бейте сильнее!» Вечером на допросе опять уложили лицом вниз, избили ремнями и резиновой трубкой. В камере велели стоять, не давали сесть. На допросах били также учительницу Воронкову».

Семнадцатилетняя девушка Галя:[18]

> «На допросе Иванов велел мне раздеться, снять рейтузы и повернуться. Полицейский Стулов[19] десять раз ударил меня по ягодицам резиновой плеткой.
>
> На следующий день вечером Иванов пьяный пришел в тюрьму, вызвал из камеры, завел в служебную комнату и изнасиловал».

Екатерина Хрычикова, жена лейтенанта Красной Армии, впоследствии партизана, мать двоих детей:

> «Меня арестовали вместе с детьми. На первом же допросе Иванов ударил меня в лицо, потом ударил ребенка, так что тот по лестнице скатился со второго этажа на первый. Потом велел ребенка отдать моей сестре, а меня отправить в КПЗ.
>
> Иванов вызывал меня на допросы еще два раза, раздевал и бил плеткой. Вся кожа на спине у меня полопалась. Потом, якобы за связь с партизанами, меня

по приказанию Иванова избивал Яков Машуров».

Одна из свидетельниц показала, что при аресте ее к тому же и ограбили. Полицейские забрали отрезы ткани, костюмы мужа, кусок хромовой кожи на сапоги, две пары часов. Впоследствии она сама видела одни из этих часов на руке Иванова, другие часы опознали родственники на руке его сестры, когда случайно оказались рядом с нею в церкви. О том, что полицаи при обысках и арестах воруют, знало все Людиново.

Отчаянно отбиваясь от предъявляемых ему все новых обвинений, Иванов утверждал, что такого-то из арестованных он отпустил, кого-то потом даже устроил на работу и т. п. Скорее всего, это было правдой, но ни в коей мере его не оправдывало. В полиции ни одного оккупированного города всех задержанных не уничтожали. Кого-то по разным причинам и освобождали. В частности, либо для того, чтобы, установив слежку, выявить связи подозреваемого, либо по той, увы — бывало и такое, причине, что его, сломив сопротивление пытками и угрозами, скажем, репрессировать семью, завербовывали, делали секретным осведомителем. В таком небольшом городе, как Людиново, где все или родственники, или знакомые, могли сыграть свою роль и личные отношения, и взятки, а то и просто желание похвастаться своей властью, дескать, «хочу казню, хочу милую». Камеры тюрьмы все равно не пустовали, на освободившееся место на другой день уже приводили нового несчастного.

Примечательно, что, в отличие от многих других оккупированных городов, тут сказалась политика, проводимая лично комендантом Бенкендорфом — в Людинове сами немцы даже в ГФП почти не допрашивали захваченных партизан и подпольщиков, а передоверяли это грязное дело русской полиции. И вовсе не по какой-то доброте или нежеланию запачкать руки. Ими руководил чистый прагматизм, иначе говоря, трезвый, сухой расчет.

Большинство людиновских полицаев были из местных, они, естественно, хорошо знали своих земляков, в частности, догадывались, кто из них может содействовать партизанам или быть подпольщиком, кто, наоборот, готов к сотрудничеству с оккупантами по душевной склонности, из-за корысти или страха. Они были прекрасно осведомлены, кто кем работал до войны, состоял в партии или комсомоле, знали многие семьи тех, кто служил в Красной Армии или ушел в партизаны. Одним словом, они знали в городе все, а чего не знали, то могли предположить со значительной степенью достоверности. Тот же Иванов на допросах показал — ему было прекрасно известно, что командует

партизанским отрядом Василий Золотухин, а ударной группой Иван Ящерицын, знал он и другие фамилии.

Арестованные тоже понимали, что допрашивающие их полицаи доподлинно знают многое, и играть в молчанку им было потому гораздо труднее — ничего, мол не ведаю, — чем если бы их допрашивали немцы.

А Бенкендорф… Добрейший Александр Александрович любил позволить себе время от времени дать Иванову или очередному начальнику полиции распоряжение освободить такого-то арестованного, разумеется, перед этим строго-настрого предупредив, чтобы тот помалкивал обо всем пережитом или виденном в полиции.

Этим он убивал сразу двух зайцев: показывал тому же Иванову, кто в городе подлинный хозяин, дескать, не зарывайся, и, во-вторых, демонстрировал счастливчику едва ли не отеческое добродушие.

Майор фон Бенкендорф лучше других немецких офицеров знал Россию и полагал, что не следует полагаться в отношении к русским на одну жестокость, лучше придерживаться политики «кнута и пряника». Это замечали многие сталкивавшиеся с ним. Правда, к кнуту он прибегал куда чаще, чем к прянику… И ни один настоящий партизан или подпольщик из его прикрытых бархатными перчатками когтей живым не вырвался.

Разобралось следствие и с тем «подвигом», за который Иванов получил свою первую медаль.

Произошло это примерно в августе 1942 года. Сам Иванов на одном из допросов утверждал, что его наградили за то, что он якобы лично убил двух партизан, в то время как на самом деле их застрелил полицейский Василий Попов. Названный Попов ничего по этому поводу сообщить следствию не мог, поскольку еще в 1947 году был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В деле его, в котором хватало всякого, об этом эпизоде не было ни слова. Между тем многие уцелевшие полицаи утверждали — в полиции все знали, что убил этих партизан именно Иванов, а его напарником при этом был вовсе не Василий Попов, а Валентин Цыганков, осужденный в 1946 году к десяти годам заключения.

Цыганкова нашли, и вот что он показал следствию.

Летом 1942 года староста поселка «Красный воин» Илья Антохин, по уличной кличке «Шумов», донес, что в этот поселок часто наведываются партизаны за продуктами. Он, «Шумов», сумел войти к ним в доверие, в такой-то день они снова придут к нему, вернее, в дом его дальней родственницы Марфы Кретовой, за обещанным провиантом.

В засаду направились вдвоем — Иванов и он, Цыганков, вооруженный ручным пулеметом Дегтярева.

В поселок приехали днем. Улицы были пусты, все жители ушли в поле жать рожь. Иванов и Цыганков спрятались в большом чулане. Антохин остался снаружи и дал им условный сигнал, как только заметил направляющихся к дому двух партизан. Едва те вошли в комнату, как Иванов выскочил из чулана с пистолетами в руках и мгновенно наповал застрелил обоих партизан, у которых, как выяснилось, и оружия-то никакого с собой не было.

Когда Цыганков вошел в комнату, то свой пулемет так и оставил в чулане. Стрелять из него в доме все равно было бы немыслимо. Иванов, по словам Цыганкова, снял потом с партизан одежду, простреленную и всю в крови, и отвез Бенкендорфу в качестве вещественного доказательства. Фамилии убитых — Петр Новиков и Сергей Сорокин.

Допросили и отсидевшего свои десять лет Илью Антохина. Тот показал, что когда он вошел в дом, то увидел Иванова с двумя пистолетами в руках, при этом Иванов кричал, что только что убил двух партизан, и велел Антохину убрать трупы. Цыганков, показал Антохин, находился в другой комнате, т. е. в чулане.

Цыганков рассказал еще об одном эпизоде, о котором Иванов предпочитал до того умалчивать. Летом того же 1942 года в деревне Хотня Дятьковского района партизаны убили трех полицейских. В деревню направили карательную экспедицию. Многих местных жителей полицейские и немцы убили, а все дома сожгли. Подобных экспедиций было несколько, и во всех них Дмитрий Иванов принимал участие, хотя по своему положению вовсе не обязан был этого делать.

К слову сказать, старший следователь, т. е. в принципе кабинетный работник, также не обязан был лично ехать в поселок «Красный воин» и участвовать в засаде. С этим вполне могли справиться несколько рядовых полицейских. А вот поехал же, однако… И застрелил двух партизан, которых ничего не стоило пленить. Объяснение тут одно: Иванов хотел выслужиться перед немецким начальством, показать себя героем.

С этой же целью Иванов напросился на разминирование дорог. Его проводили немецкие минеры, а русские полицейские им помогали. Иванов приказал гнать по заминированной дороге бывших своих соотечественников. Это особо отметил в своей лестной характеристике и майор фон Бенкендорф, однако сам Иванов на следствии заявил, что на разминирование его послали… в наказание за недостаточное усердие. Но такового-то как раз в работе старшего следователя было предостаточно, что и

было по достоинству оценено оккупантами.

В марте 1943 года Дмитрий Иванов был удостоен поощрения, о котором авторам до сих пор и слышать не приходилось. А именно — он был направлен… нет, не на разминирование, а на экскурсию в Германию! За полтора месяца (!) Иванов побывал в Берлине, Лейпциге, Штутгарте, Мюнхене, Нюрнберге и Вене. Его возили на заводы, в школы, сельские хозяйства, стадионы и — в лагеря для военнопленных.

По возвращении в Людиново по заданию и с помощью офицеров штаба дивизии Иванов написал пропагандистскую брошюру о своих впечатлениях от поездки в Германию. Ее бесплатно раздавали всем желающим. Кроме того, он выступил несколько раз с лекциями перед полицейскими, бургомистрами и старостами, созванными со всей округи.

Не очень-то все это походило на наказание… Походило на другое: у немцев, и лично у Бенкендорфа, явно были большие, далеко идущие виды на этого сообразительного, энергичного, старательного и еще такого молодого русского. Его с очевидностью готовили для какой-то большой работы в будущем на оккупированной русской земле…

Хроника подвига

Людиново снова стало советским… Увы, всего лишь на девять дней. Об этом, правда, никто 9 января 1942 года, когда вместе с частями Красной Армии в город вошли партизаны — несколько отрядов, не только Людиновский, — знать, конечно, не мог. Люди радовались, поздравляли друг друга, срывали со зданий доски оккупационных учреждений и таблички с немецкими названиями улиц. Вернулся в свой, показавшийся родным, словно отчий дом, райздравотдел лихой командир подрывников Афанасий Посылкин.

Хотя вроде бы никто не помышлял о возможности вторичной оккупации города, партизанский отряд решено было не распускать, предполагалось, что, когда прояснится военная ситуация, он уйдет на юг или юго-запад и продолжит борьбу с гитлеровцами на еще не освобожденной территории.

По этим соображениям Василий Золотухин разместил штаб отряда не в бывшем райотделе НКВД, а чуть в стороне от центра города, на сравнительно тихой улице Крупской.

Отряд «Митя» пробыл в Людинове всего три дня, а затем Дмитрий Медведев получил приказ из наркомата вернуться в Москву через Тулу, которую немцы, охватившие город русских оружейников с трех сторон, взять так и не сумели. Перед

отъездом Дмитрий Николаевич провел совещание, а точнее — обстоятельный инструктаж командного состава Дятьковского, Бытошского, двух Орджоникидзеградских, трех военных и Людиновского партизанских отрядов.

Из той же предусмотрительности Золотухин встретился со своими городскими разведчиками поодиночке, по-прежнему соблюдая при этом все требования конспирации.

В эти считаные дни пребывания в Людинове Золотухину пришлось интенсивно заниматься и чисто контрразведывательными делами. Читателю уже известно, что партизанам удалось захватить в городе около пятнадцати русских полицейских — остальные бежали. Причем некоторые были так напуганы зримой перспективой понести суровое возмездие за предательство, что скрылись в неизвестном направлении навсегда. Так, первый начальник людиновской полиции Александр Двоенко больше в городе никогда не появлялся, и дальнейшая его судьба не выяснена по сей день.

Но заниматься приходилось не только полицаями — с ними все было ясно: при захвате немецкой комендатуры была обнаружена часть донесений законспирированных агентов фашистских спецслужб. В том числе, например, донесение лесника Монинской дачи Никифорова, в котором содержались данные о численности, вооружении и месторасположении одной из партизанских групп. Этих выявленных агентов требовалось обезвредить.

Потом армейская радиоконтрразведка выявила работу в городе двух коротковолновых передатчиков и сумела запеленговать их. Радистами оказались два местных жителя, в период оккупации явным сотрудничеством с немцами себя не проявившими. Один из них — Мельников, проживавший на Запрудной улице, в Первую мировую войну находился в плену в Германии и был там завербован разведкой, а спустя много лет был активизирован. Вторым оказался некто Щербаков, работавший на немецкую разведку вместе со своей дочерью.

Когда пятнадцатого января стало ясно, что город придется снова оставить, Золотухин вторично переговорил с разведчиками — никто из них и не заикнулся об эвакуации, все подтвердили готовность и впредь продолжать свою опасную работу в оккупированном городе. Правда, однако, причем горькая правда, никто из них не мог предвидеть, что вторая оккупация продлится куда дольше первой: год, семь месяцев и двадцать три дня, и что лишь немногим суждено дожить до дня подлинного освобождения — 9 сентября 1943 года.

Накануне ухода из города дежурный по штабу Павел Ерохин

доложил Золотухину:

— Тут к вам какой-то малый рвется, товарищ командир, уж очень настырный.

— Давай его сюда, — махнул рукой Золотухин.

Дежурный впустил в комнату таки настоящего оборванца — одетого в лохмотья грязного подростка с дерзкими глазами, сверкающими на чумазом лице.

Вглядевшись, Золотухин припомнил, что не раз видел этого парнишку в дежурной части райотдела милиции, когда проходил мимо в свой кабинет. Так оно и оказалось. Семен Щербаков — так звали пацана — был хорошо известен до войны местной милиции как неисправимый беспризорник, не чуравшийся и мелкого воровства. Его регулярно пристраивали в детдома, но он сбегал оттуда, пускался в дальние странствия, едва не до самого Владивостока, но неизменно возвращался в родное Людиново, вызывая головную боль у начальницы детской комнаты милиции.

— Чего тебе? — хмуро спросил Золотухин.

— Возьмите меня в отряд, — попросил мальчишка, и впрямь оказавшийся Семеном Щербаковым.

Золотухин по предыдущему опыту знал, что гонять таких ребят бесполезно, они способны приставать, как банный лист.

— А чем ты собираешься с немцами воевать? — осведомился он, вроде бы размышляя вслух. — Каким оружием?

— Так оружия я вам сколько угодно соберу, — ответил Семен, — и винтовок, и автоматов, в лесу всего хватает, а то и у немцев сопру.

— Вот когда соберешь, тогда и приходи, — спокойно предложил Золотухин.

— А снаряды, мины, гранаты сгодятся? — с явным оживлением осведомился оборвыш.

— Сгодятся, — согласился Золотухин и распрощался с пареньком, полагая, что навсегда.

Меж тем семнадцатого января 1942 года части Красной Армии под натиском превосходящих сил противника вынуждены были снова оставить Людиново и перейти на этом участке к обороне. Правда, не на прежние позиции — так, важный во многих отношениях город и транспортный узел Киров в двадцати четырех километрах к северу от Людинова вторично сдан не был.

Фронт здесь надолго, более чем на полтора года, прочно стабилизировался. Причем первая линия обороны гитлеровцев проходила от Людинова в восемнадцати километрах, а вторая — местами всего в семи. Город в прямом смысле слова стал прифронтовым, что определило и особую суровость в нем оккупационного режима.

Людиновский партизанский отряд, значительно разросшийся, отошел в глубь лесов, штаб его расположился близ деревни Волыни, а подразделения в деревнях Курганье, Еловка, Крынки, Косичино, Куява на правом берегу Болвы.

Немцы, разумеется, вовсе не собирались мириться с тем, что непосредственно в прифронтовой полосе, едва ли не на окраине Людинова, в каких-нибудь двенадцати-пятнадцати километрах от штаба их 339-й дивизии скрывается партизанский отряд, с тем, что жители окрестных деревень помогают им всем, чем могут, вплоть до того, что выпекают им хлеб. Дело, разумеется, было вовсе не в одном лишь ущемленном самолюбии немецких генералов. Такое положение — нахождение партизан в непосредственной близости от линии обороны — с военной точки зрения действительно нетерпимо. Фронтовое командование справедливо требовало от тылового ликвидировать вооруженные отряды русских у себя за спиной.

Однако без содействия местных проводников не могло быть и речи, чтобы сунуться в здешние глухие леса. Оккупантам требовалась помощь следопытов, и они поручили своим пособникам найти нужных людей. Вот так и получилось, что волостной старшина Гуков вызвал к себе старосту Зайцева и сообщил ему, что назавтра карательный отряд из немцев и полицейских прочешет окрестные леса в районе, где по предположениям находится партизанская база. Ему, Зайцеву, по рекомендации бургомистра господина Иванова, как человеку, хорошо знающему округу на много верст, назначено быть проводником карателей.

Тут-то Гуков и совершил ошибку: не подозревая о связи думловского старосты с партизанами, он разрешил ему вернуться домой, наказав, чтобы с утра пораньше был в полной готовности и встречал отряд на околице деревни. На обратном пути Герасим Семенович имел время навестить двух своих соседей, также верных помощников партизан: старосту поселка Петровский деда Шаклова (именно в этом поселке стоял перед переходом в Людиново последние дни отряд Медведева) и лесника Жудина. Те же поспешили передать эту важную информацию-предупреждение в отряд. Вернувшись в Думлово, Герасим Семенович для страховки отправил в штаб еще и своего связного Ивана Потапова.

Ранним утром в Думлово прибыл целый обоз — около двадцати саней, на них не менее роты карателей, вооруженных не только винтовками и автоматами, но и пулеметами.

Вполне достаточно, чтобы теоретически в случае внезапного нападения разгромить не такой уж многочисленный

Людиновский отряд.

Но вот этого-то — застать партизан врасплох — не произошло. Проводник Зайцев точно вывел немцев на уже оставленную ими стоянку, каратели обнаружили здесь лишь пустые землянки и следы костров. А на обратном пути они сами напоролись на засаду. Первые подводы подорвались на заложенных партизанами минах, последующие подверглись недолгому, но интенсивному обстрелу.

Через неделю немцы устроили вторую карательную экспедицию, на сей раз силами уже до батальона. И снова Зайцев вывел их к месту другой уже партизанской стоянки, но точно так же оставленной. И, как в прошлый раз, каратели попали на обратном пути в засаду, понеся довольно значительные потери.

Дальнейший риск со стороны думлевского старосты был уже необоснован. Зайцев успел уйти в отряд раньше, чем гитлеровцы вычислили его роль в провале двух подряд карательных экспедиций. К сожалению, Герасим Семенович не сумел увести с собой семью. Летом на окраине деревни немцы расстреляли жену Зайцева Евфимию Васильевну. Четырнадцатилетнюю дочь Лизу спас, отправив к дальним родственникам в деревню Кургановку, новый думловский староста Иван Калиничев, тоже связанный с партизанами.

Герасим Иванович Зайцев погиб в тяжелых боях с гитлеровцами, которые отряд вел в середине мая уже 1943 года, как и многие другие партизаны. К этому времени он был награжден орденом Красного Знамени, особенно ценимым в войсках и народе вообще. С орденом на груди его и похоронили…

Меж тем людиновское подполье продолжало свою боевую и разведывательную деятельность.

Уже описанный ранее взрыв моста стал первой в цепи эффективных диверсий, осуществленных группой Шумавцова.

Когда немцы вторично вошли в город, в числе прочих трофеев они захватили на железнодорожной станции два паровоза: один среднего тоннажа серии «ЭР» и малого тоннажа серии «ОВ» — знаменитый по фильмам о Гражданской войне локомотив, издавна прозванный в народе «овечкой». Давным-давно снятый за маломощность с магистралей, он еще долго и исправно служил в качестве маневрового.

Паровоз «ЭР» немцы стали использовать для подвоза дров и вообще древесины на завод — читатель уже знает, что фактически единственным производством тут было изготовление гробов и крестов. «Овечка» же бегала по внутризаводским путям, развозя разные грузы.

Первый локомотив без особых затруднений уничтожили

подрывники Григория Сазонкина и Ивана Стефашина. Но до второго локомотива, не выходившего за стены завода, партизаны, естественно, добраться не могли. Его уничтожение было поручено городским разведчикам.

Мы знаем, как осуществлялась эта диверсия, вернее — диверсии, потому что их было две, но не можем с уверенностью утверждать, кто именно их осуществил. Ясно, однако, что это могло быть делом рук только тех ребят группы Шумавцова, кто имел доступ на завод. Таких тогда было пятеро: сам Алексей, Анатолий Апатьев, Александр Лясоцкий, Николай Евтеев и Михайл Цурилин.

Быть может, уточнять и нет смысла: тут работала команда, и которой каждый делал свое дело, и конечный результат был итогом общих усилий.

Поначалу ребята на одном из участков внутризаводских путей — где был довольно крутой поворот — просто вытащили из нескольких шпал костыли и развели в стороны рельсы. Однако локомотив хоть и сошел с рельсов, но не свалился, и его быстро поставили на место, а путь отремонтировали. Тогда было решено злосчастную «овечку» взорвать. Опять же мы не знаем с достоверностью, кто именно — сами ребята или подрывники Сазонкина — превратил с этой целью стандартную головую шашку в кусок каменного угля, обмазав ее клеем и вываляв в угольной крошке. Теперь оставалось только подбросить замаскированную мину в тендер паровоза и дождаться, когда она оттуда попадет в топку. Заряд тола был взят небольшой — достаточный лишь для того, чтобы развороти́ть котел, но не причинить вреда кочегару и машинисту.

Читателю уже известно, что заводская электростанция была частично выведена из строя еще летом, при первой бомбардировке города немецкими самолетами. При отступлении ее, вернее, то, что от нее оставалось, взорвали минеры-красноармейцы. Немцы начали работы по ее восстановлению, а пока что приспособили для выработки электроэнергии захваченный ими локомобиль. Командование отрада поручило Шумавцову вывести и его из строя.

На этот раз мина была замаскирована в выдолбленном самими подпольщиками березовом полене, а затем подложена в поленницу дров возле работающего локомобиля, когда истопник на минуту отлучился. Взрыв полностью разрушил паросиловую установку.

В штаб отряда за подписью «Орла» ушло следующее донесение:

«Выведен из строя последний паровоз в заводе. Заодно подорван и установленный для электростанции локомобиль…»

И все-таки главным в деятельности людиновских подпольщиков были не диверсии (хотя они и продолжались, о некоторых еще будет рассказано), а разведка. Ею занимались все без исключения. За очень короткое, в сущности, время совсем молодые ребята и девушки, не прошедшие, кроме Шумавцова, никакой разведывательной и контрразведывательной подготовки, научились скрытно для окружающих вести наблюдение за передвижением воинских частей, выявлять вновь прибывшие или, наоборот, убывающие из города, устанавливать их номера, следить за сооружением огневых точек, расположением зенитных батарей, новых складов боеприпасов, горючего и снаряжения. Даже девушки научились различать калибры орудий, минометов и типы танков, которые раньше все казались им «очень большими».

Сам Шумавцов научился сопоставлять наблюдения разных разведчиков, сопоставлять их, тем самым перепроверять, отбирать важное от случайного, не имеющего значения для командования. А о том, какое значение подчас придавалось этой информации «наверху», видно из следующего документа, обнаруженного в архиве Генерального штаба РККА.

Это — спецсообщение Наркома внутренних дел СССР высшему политическому и военному руководству страны.

«17 марта 1942 года.

Сов. секретно.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ тов. Сталину

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ КРАСНОЙ АРМИИ тов. Шапошникову

…16 марта 1942 года по радио командир партизанского отряда, действующего в Людиновском районе Орловской области, тов. Золотухин сообщает: «Карта 1;100 000,[20] координаты 7094, Людиново, на улице от центра на Киров — танки, бронемашины. Южнее территории завода отдельный большой красный дом с вышкой — склады боеприпасов, северо-восточнее завода — склады снаряжения и боеприпасов.

Юго-западнее от центра города на Сукремль в корпусе ФЗУ с трубой — конюшни.

Бомбите».

Подписал спецсообщение Нарком НКВД СССР.

Когда много лет спустя бывшего командира отряда впервые ознакомили с этим документом, он, естественно, был поражен, пожалел только, что никогда так и не узнали об этом Алексей Шумавцов и его товарищи. На обороте копии спецсообщения В.И. Золотухин написал следующее пояснение, сегодня для нас крайне важное:

> «Это — копия радиограммы, составленной на основании донесения руководителя подпольной группы разведчиков Алексея Шумавцова, действовавшей в оккупированном Людинове. Март 1942 года характеризовался началом длительной обороны противника в районе Людиново — Жиздра — Киров, маневренностью его сил. Такое положение вызывало крайнюю необходимость ударов по противнику с воздуха».

И советская авиация неоднократно бомбила военные объекты, расположенные в самом Людинове и его окрестностях, бомбила выборочно, нанося удары с той точностью, какую только позволяли применяемые в то время бомбардировочные прицелы и профессиональное мастерство штурманов.

Немецкие штабные офицеры не могли не понимать, что воздушные налеты советской авиации производятся не наобум, что кто-то в городе наводит самолеты на цели, что в Людинове есть советские разведчики, располагающие быстрой и надежной связью с командованием Красной Армии. Но почти до конца 1942 года немецкие спецслужбы и русская полиция так и не смогли напасть на след подполья.

Не следует думать, что визуальная разведка — иначе говоря, путем обычного наблюдения — дело несложное: ходи, мол, гляди внимательно вокруг себя и запоминай. На самом деле, такой наблюдатель сам может легко оказаться объектом наблюдения вражеского контрразведчика или просто бдительного часового, а то и просто проходящего мимо солдата. Если разведчик будет слишком долго толкаться возле, скажем, сооруженного дзота или слишком пристально разглядывать танковую колонну, машинально шевеля губами при подсчете боевых машин, он может вызвать подозрение и быть задержан. И можно только восхищаться тем фактом, что эти ребята и девушки, занимаясь разведкой на протяжении года с лишним, ни разу не вызвали подозрения ни у немцев, ни у полицаев и не были схвачены на месте. А в тех случаях, когда их останавливали для проверки — тех же сестер Хотеевых часто опрашивали полицаи в разных

деревнях, — то они столь убедительно объясняли свое нахождение в лесу (собирали ягоды) или на дороге (шли менять вещи на продукты), что их тут же отпускали.

Об объеме собираемой информации, ценности не только для высшего, но и для армейского командования, т. е. непосредственно для данного участка фронта, говорит и докладная записка командира Людиновского партизанского отряда В. Золотухина и комиссара А. Суровцева за один только месяц — тот же март 1942 года.

«Разведкой отряда установлены следующие данные о противнике:

а) По г. Людиново противник располагает численным составом до батальона пехоты и кроме того 300 человек различной специальности интендантской службы. 29 и 30 марта через Брянск — Жиздра — Букань в Людиново прибыло подкрепление до 2-х рот пехоты на грузовых автомашинах — национальность главным образом чехи.

б) В городе организованы склады боеприпасов и вооружения — установлено 4 склада, 1 — в здании техникума по улице Энгельса, 2 — в здании рабочего клуба на ул. Ш-го Интернационала и в заводе в здании химлаборатории и пристройке ко 2-му цеху.

в) Грузовых автомашин в городе имеется 90, расположены по ул. Фокинской 39 машин, ул. Ш-го Интернационала — 25 машин, ул. Красноармейской — 5 машин, ул. Пролетарской — 15 машин и ул. Комсомольской — 5 машин.

г) Горючее в бочках по ул. Энгельса от 4-этажного дома до дороги, ведущей в Сукремль. д) Огневые средства установлены на окраинах города по дорогам, ведущим на Киров, Букань, Войлово, Сукремль.

1. Автоматическая пушка и 3 противотанковых орудия в конце ул. Ill-го Интернационала по дороге на Киров.

Ул. Маяковского — 1 орудие ПТО на Сукремль.

В каменных гнездах в указанных выше направлениях устроены укрепленные пулеметные гнезда.

Противником заняты дер. Войлово — 40–45 гитлеровцев, 1 орудие ПТО и 1 станковый пулемет.

Дер. Слободка — 50–70 гитлеровцев при 2-х пулеметах.

Дер. Тихоновка 50–60 гитлеровцев, есть пулеметы…»

Легко заметить, что некоторые из этих данных, например, расположение бочек с горючим, имели значение лишь на считаныедни: сегодня есть бочки, завтра их повезли к линии

фронта. Иное дело — расположение долговременных оборонительных сооружений и огневых точек. Такая информация имела непреходящее значение до последнего дня оккупации. Знание точного местонахождения тех же орудий противотанковой обороны или пулеметных гнезд помогло через полтора года командирам подразделений Красной Армии, наступая на город, избежать лишних людских потерь. Так, уже мертвые к тому времени Алеша Шумавцов и его товарищи спасали жизни сотен бойцов и командиров.

Поток информации, поступавшей в отряд из Людинова и других населенных пунктов района, так возрос, что у Золотухина возникла нужда в новых связных.

Однажды в марте партизанская разведка, вернувшаяся с очередного задания близ Сукремля, доложила ему, что в пути ей повстречался подросток по имени Семен Щербаков, который попросил их сообщить командиру, что он, то есть Семен, как они и договаривались, собрал много оружия и боеприпасов. Дескать, пусть командир присылает за ним людей. Ему, Щербакову, одному всего не унести.

Не унесли всего и трое взрослых партизан, которых Золотухин послал в названное место. Оказывается, Семен собрал в местах боев и перетащил к себе десятки русских и немецких винтовок, карабинов, автоматов и множество боеприпасов, включая несколько ящиков с минами и артиллерийскими снарядами разных калибров.

Все это добро, аккуратно прикрытое сверху конскими ногами и головами (в лесах валялось много убитых и замерзших лошадей), он на саночках провозил мимо немецких патрулей и часовых к себе домой. Немцы не возражали, чтобы местные жители ходили в лес за мерзлой кониной — это избавляло от заботы об их пропитании.

Возле своего дома Семен выкопал под поленницей дров большую яму, куда и складывал, обернув в тряпки, все это богатство. Разумеется, постепенно оно перекочевало в отряд. Выполняя данное им слово, Золотухин принял Семена Щербакова в отряд.

Случилось так, что в это время прервалась связь с группой Азаровой, и в отряд перестали поступать медикаменты и перевязочные материалы. Нужно было кого-то послать в город, и Семен, при его щуплой внешности (на самом деле, при малом росте он был жилистым и сильным) и навыках беспризорника проскользнуть незаметно в любую щель, подошел на роль связного как никто другой…

Семен Щербаков стал одним из самых юных разведчиков и

связных отряда. Моложе его оказался только Володя Рыбкин, сын людиновского партизана Николая Рыбкина. Семен был дерзок, находчив, до нахальства деятелен и предприимчив. К сожалению, командование не распознало в нем свойственную многим беспризорникам и приблатненным пацанам психологическую неустойчивость, что, в конце концов, привело к трагедии.

Первым крещением Щербакова стала разведка в Сукремль, куда он направился со своим сверстником Женей Кабановым. Болва только что ушла в берега, ребята переправились через реку и достигли поселка. Огородами они незамеченными добрались до нужного им места, но едва вышли на улицу, как напоролись на немецкий патруль. Солдаты окликнули их криком «Хальт!», но ребята не остановились, а кинулись бежать. Солдаты преследовали их и загнали во двор местной жительницы старушки Конюховой, сын которой был в отряде.

Женя решил спрятаться во дворе, что было ошибкой, а более смекалистый Семен вбежал в дом.

— Бабушка, печь топила? — с порога крикнул он хозяйке.

— Топила, топила, а что?

— Давно?

— Давно…

— Тогда открывай заслонку, я там спрячусь, а ты закрой за мной и немцам ни ну-гу.

Старуха приоткрыла заслонку, раздвинула горшки, и тощий Щербаков мгновенно юркнул внутрь и забился в дальний угол.

Едва Конюхова привела все в порядок, как в дом вбежали немецкие солдаты, успевшие уже поймать Женю в сарае.

— Где партизан, матка?

Конюхова стала открещиваться:

— Какой-такой партизан? Я одна в доме…

Немцы обыскали дом, заглянули и на чердак, и в погреб, и под кровать, и в шкаф, и в сундук. Поднялись и на полати. Не обследовали только нутро печи, от которой еще тянуло жаром.

Когда немцы ушли, Конюхова выждала некоторое время, потом открыла заслонку, раздвинула горшки и крикнула:

— Вылезай!

Семен выбрался, едва не задохнувшийся, весь в саже. Немало усилий пришлось потратить и ему самому, и хозяйке, чтобы отмыться и вычистить одежду.

С наступлением темноты Щербаков вернулся в отряд. Впоследствии он не раз ходил и на связь с городскими подпольщиками, и в разведку. Прикрытием ему было обличье беспризорника. Как-то он прошел сквозь весь город, гоня перед собой ногами пустую консервную банку, в которой лежало…

очередное донесение.

Однажды он все же попался. Задержали его два полицая и заперли в бане (дело случилось в деревне). Один полицай куда-то ушел, а второй остался сторожить задержанного, но, разморенный жарой и самогонкой, заснул. Заслышав храп за дверью, Семен нашел лаз на чердак, выбрался на крышу, спрыгнул оттуда на землю и, заколов разбуженного шумом полицая его же штыком и прихватив винтовку, благополучно скрылся. Но везенье редко длится до бесконечности. Недолго длилась полоса удач и для Семена Щербакова, людиновского Гавроша…

Потом случилась и первая жертва…

Клавдия Антоновна Азарова увидела на улице Ленина лежащую женщину — молодая или старая, сразу и не поняла, лицо сплошной кровоподтек, глаза закрыты, из уголков рта стекала розовая слюна… Платье на женщине было изорвано, нижнее белье отсутствовало. Все тело тоже было покрыто синяками, на грудях — следы укусов и небольшие круглые ожоги — такие оставляют запекшиеся на коже горящие сигареты… И еще ужаснуло — женщина явно была подвергнута грубому и многократному насилию. Азарова откинула с лица почти бездыханной жертвы пряди слипшихся русых волос и не удержалась от крика:

— Господи, Оленька! Что же с тобой эти ироды сделали!

Да, то была Оля Мартынова, молодая учительница из деревни Заболотье, одна из разведчиц, действовавших в районе, та самая «Весна», что совсем недавно ходила в тогда еще оккупированный Киров и Жиздру.

Лишь позднее стало известно, что Ольгу Мартынову задержал в Людинове полицейский Орлов. Этот мерзавец за что-то с давних пор ненавидел девушку и, видимо, подозревал, что она связана с партизанами. Завидев ее в городе, Орлов решил, что она неспроста заявилась сюда не в базарный день, остановил и препроводил в полицию. При обыске у Оли ничего не нашли, какую-либо связь с партизанами или подпольщиками она отрицала, и обозлившиеся полицаи выместили на беззащитной девушке свою досаду.

Самое ужасное заключалось в том, что Олю Мартынову убили не как оно бывает на войне, когда враг уничтожает в бою своего заведомого и тоже вооруженного противника, а просто так, в сущности, ни за что, лишь бы поглумиться, отдаться низменным побуждениям, отнять самым мучительным и гнусным образом жизнь — беспричинно и безнаказанно. Такое могло в оккупированном городе в любой день и в любой час случиться с

каждой и каждым. И случалось. И не единожды…

Азарова знала Олю с давних, довоенных времен, более того, это по ее рекомендации девушку привлекли к разведывательной работе. Потому еще с такой болью восприняла Клавдия Антоновна трагедию с Олей, словно была в том ее личная вина…

Оля и ходила-то в Людиново из своего Заболотья потому, что сама связи с отрядом не имела и собранную информацию передавала через Азарову или Марию Лясоцкую, через них же, как правило, получала и очередные задания. Полицай Орлов был не только негодяем, но и дураком — если бы он незаметно проследил за молодой учительницей, а не кинулся ее задерживать, мог бы зацепить какую-то ниточку, ведущую к подполью.

Не знать о том, что грозит им в случае ареста, подпольщики не могли. Из встреч со многими бывшими партизанскими разведчиками авторы знают, что между собой никогда не рассуждали о том, как поведут себя, если окажутся в пыточной камере наедине с палачами. То была запретная тема. Никто не может сказать наперед, как поведет себя под мучительными, изощренными пытками. Потому-то и существует первая и самая главная заповедь в разведке — знать только то и ровно столько, что необходимо для выполнения задания. Чтобы в случае провала, если и сломают тебя на допросах и развяжут язык, ущерб был минимальный.

Профессиональные разведчики-нелегалы всегда готовы к задержанию, и допросам, на этот случай им заранее даны необходимые инструкции и выработана тактика поведения, причем в нескольких вариантах. Профессиональным разведчикам нет смысла просто отпираться, все отрицать с порога, дескать, произошла ошибка, знать ничего не знаю и не ведаю. Потому что они прекрасно понимают: их, нелегалов-профессионалов, контрразведка противника никогда не арестовывает случайно либо по одному лишь подозрению. Их задерживают только когда располагают неопровержимыми уликами и доказательствами. Часто вообще не задерживают, позволяют работать, но под «колпаком». К тому же к профессионалам по ряду чисто профессиональных же соображений крайне редко применяют грубое физическое воздействие, не из гуманности, разумеется, а из целесообразности. К ним применяют принципиально иные методы воздействия, чтобы склонить к сотрудничеству.

Как бы то ни было, людиновские подпольщики и подпольщицы прекрасно знали, на что шли, они не обманывали себя, не рассчитывали на традиционное русское «авось пронесет». Они пришли в подполье, чтобы бороться с врагами своего

государства, своего народа, своей семьи, близких и друзей, себя лично, наконец. Пришли, чтобы бороться и побеждать, но готовы были и к худшему… Как готов к этому каждый солдат накануне боя.

По счастью, по молодости мысли о собственной смерти, даже вполне реальной, легко отторгаются и не отравляют сознание дурными предчувствиями и ожиданиями, от которых у человека в более зрелом возрасте порой опускаются руки, а самообладание может уступить место безысходности и отчаянию. Бурная молодая энергия, помноженная на сознание своего долга, требует выхода в поступках и действиях. И неудивительно, что занимаясь тихим делом — разведкой, ребята не могли удержаться от того, чтобы при случае не устроить хоть и маленькую, но диверсию.

К примеру, Шура Лясоцкий и Толя Апатьев обнаружили, что обыкновенная баня при городской больнице превращена немцами, чрезвычайно и обоснованно опасавшимися всяческих инфекционных заболеваний и, следовательно, того, что на языке медиков называется педикулез, а если попросту — вшивость, в самый настоящий военный санпропускник. Через него в обязательном порядке (исключений не делалось ни для кого) прогонялись все подразделения, следующие через Людиново на фронт, и особенно тщательно солдаты, отводимые с передовой на отдых, переформирование или перебрасываемые на другие участки. При бане, естественно, был устроен склад чистого обмундирования и белья.

Конечно, в те дни, когда в баню доставляли очередную роту, или хотя бы взвод, и речи быть не могло, чтобы сунуться сюда, но в «пустые» дни и по ночам санпропускник и склад фактически не охранялись, и ребята решили, что совершить здесь диверсию особого труда не составит.

Чтобы немцы не заподозрили, что пожар вызван поджогом, ребята решили устроить в помещении короткое замыкание, с чем Анатолий Апатьев», уже овладевший многими маленькими хитростями профессии электромонтера, успешно и справился.

Санпропускник и склад — а ребята выждали некоторое время и устроили замыкание в ночь, последовавшую за днем, когда сюда завезли два грузовика с бельем и новым обмундированием — сгорели полностью.

Немцы провели следствие, их специалисты быстро выяснили, что пожар возник из-за замыкания в изношенной, старой электропроводке. Виновников, естественно, не обнаружили, потому как и не искали.

В очередном донесении об этом эпизоде было упомянуто всего двумя строчками:

«В ночь с 5 на 6 мая уничтожен склад с обмундированием и санпункт обработки немецких войск. «Орел».

К весне 1942 года уже отлаженно действовала вторая городская подпольная группа, впоследствии получившая название «врачебной». Примечательно, что о прямой связи Азаровой с партизанским отрядом знала — и то не с первых дней — лишь Олимпиада Зарецкая. Еще две медсестры — Мария Ильинична Белова и Евдокия Михайловна Апатьева (мать Анатолия), а также оба военнопленных врача: Лев Михайлович Соболев и Евгений Романович Евтеенко о том только догадывались. Однако это не мешало всем им признавать негласное старшинство Азаровой, как нечто само собой разумеющееся.

Партизаны нуждались прежде всего в медикаментах и перевязочных средствах. И не только для лечения раненых, но и болевших обычными, «гражданскими» болезнями, которые в условиях лесной жизни в холоде, зачастую в отсутствие горячей пищи, а то и вовсе мало-мальски чего-нибудь съедобного, протекали в особенно острой форме. Командир отряда Золотухин вспоминал, что иногда из-за отсутствия дезинфицирующих средств партизанской медсестре Каиитолине Калининой приходилось обрабатывать раны… трофейным немецким бензином.

Клавдия Азарова добывала медикаменты, даже обыкновенную марганцовку, с превеликими ухищрениями. Женщина-врач, которой в административном отношении подчинялась Азарова, выдавала таблетки по счету, на учете был каждый флакончик йода и лоскут от разорванных на полосы старых хлопчатобумажных простыней, которые после кипячения и проглаживания использовались как бинты. А в отряде, в котором уже насчитывалось свыше 200 бойцов, нужны были и ланцеты, и хирургические иглы, и шелковые нити для сшивания ран, и инструменты для удаления больных зубов — о лечении их мечтать уже и не приходилось.

Рискуя вызвать на себя вполне обоснованное подозрение Азарова прекрасно понимала, что среди персонала больницы может быть секретный осведомитель полиции (таковой имелся и на самом деле), — она с помощью других медиков доставала все, что только было возможно, и переправляла в отряд.

Более того, она и ее товарищи исхитрялись под, казалось бы, всевидящим оком администрации лечить в больнице раненых и больных беглых военнопленных, а порой и партизан, подделывая учетные карточки, а затем выписывать их… прямиком в лес.

На Азаровой лежала еще одна обязанность: отец Викторин был слишком на виду и у немцев, и у русской администрации,

чтобы поддерживать с партизанами непосредственную связь.

Поэтому свои донесения «Ясный» переправлял по назначению через Клавдию Антоновну либо сестру Олимпиаду. Азарова еще до войны поддерживала приятельские отношения и с Викторином Александровичем, и с его женой. Полина Антоновна к тому же помогала ей обновлять ее достаточно скромный гардероб. Потому тот факт, что сестра-хозяйка больницы время от времени навещает семью Зарецких, сам по себе никакого подозрения вызывать не мог. Тем более естественны, разумеется, были визиты к священнику его родной сестры.

Меж тем положение отца Викторина было вовсе не таким уж прочным, как могло показаться на первый взгляд, и это при том, что у него сложились вполне приличные отношения и с бургомистром Ивановым, и с комендантом майором Бенкендорфом, и особенно с женой последнего Магдой.

Очень осторожно, тщательно взвешивая каждое слово, он внушал своей пастве — а в церковь теперь ходили не одни лишь старушки, как в довоенные годы, но и молодые, — что власть оккупантов — не от Бога, что не должно мириться с игом захватчиков, что не смирением, а сопротивлением токмо можно одолеть врага и супостата, вторгшегося в святую русскую землю. Его пастырское слово находило дорогу к измученным сердцам и душам, поддерживало в людях дух и надежду.

И грудному младенцу было ясно, что хотел сказать отец Викторин, когда повторял слова Евангелия: «Всякий убивший мечом от меча и погибнет». Поэтому перед каждой проповедью священник внимательно обводил взглядом свой небольшой храм, дабы убедиться, что нет среди прихожан чужого, злого человека, способного донести, а то и самому арестовать его прямо в церковных стенах.

Впрочем, вкладом отца Викторина было не одно только слово. Случилось однажды, что городская управа, с подачи, естественно, полиции, обложила неимоверным налогом семьи лиц, подозреваемых в том, что их главы или сыновья находятся в партизанах. За неуплату грозили суровые репрессии.

А где было людям взять деньги? В голодную зиму не только скромные сбережения, но все хоть сколько-нибудь ценное ушло в обмен на хлеб и картошку.

Пошушукавшись с церковным старостой, которому вполне доверял, отец Викторин дал Клавиши Антоновне десять тысяч рублей[21] церковных денег, а та — не сама, тоже через верных людей — передала их в партизанские семьи.

И дома Викторину Александровичу приходилось быть начеку. К нему повадились приходить без приглашения в гости двое от

которых он бы предпочел держаться подальше, старший следователь полиции Дмитрии Иванов и некто Столпин.

Иванова, Зарецкий, стараясь это всячески скрывать, и презирал, и ненавидел. Меж своими, с женой Полиной, сестрой Олимпиадой и дочкой Ниной, называл его в разговорах не иначе как Митька-Козолуп. Шел до воины такой фильм про Гражданскую войну на Украине — «Дума про казака Голоту». В том фильме был персонаж, бандитский атаман Козолуп…

Иванов тоже почему-то невзлюбил с первого дня знакомства и Викторина Александровича, и сестру Олимпиаду. Более того, он явно подозревал в чем-то священника и не скрывал этого. Допытывался не раз, как так получилось, что большевики репрессировали столько лиц духовного звания, а вот его, Викторина, не тронули. Зарецкий многократно и терпеливо объяснял, что, во-первых, не всех же репрессировали, а, во-вторых, он ведь оставлял налолгосвященничество, многие годы работал обыкновенным бухгалтером в управлении лесным хозяйством.

Очень скоро Викторину Александровичу и Полине Антоновне стало ясно, что Митька-Козолуп зачастил в их дом из-за дочери, семнадцатилетней Нины, закончившей в предвоенный год семилетку. Не имея возможности указать старшему следователю на порог, Зарецкие постарались все же оградить девушку от его назойливых ухаживаний, отсылали ее под благовидным предлогом то к соседям, то еще куда-нибудь.

Ходил к Зарецким еще один, самый загадочный человек в Людинове, некто Столпин, имени-отчества его никто в городе по сей день не помнит, да и фамилию он носил, скорее всего, вымышленную. До сих пор неизвестно, откуда он объявился в Людинове и куда подевался перед приходом Красной Армии. Поговаривали, что якобы родом Столпин из крымских немцев-колонистов. Какую точно должность он занимал при управе, а может, и не при управе, а у немецкого коменданта, никто толком не знал. Полицейские называли его «господин инспектор». Во всяком случае от Столпина зависела карьера каждого из них, вплоть до начальника полиции. Он мог снять с должности или повысить крго угодно. На допросах задержанных Столпин никогда не присутствовал, в КПЗ не появлялся, в карательных экспедициях не участвовал.

На взгляд Зарецкого, за Столпиным наблюдались и другие странности. Так, он распорядился, чтобы Викторин Александрович повесил в церкви принесенный им портрет наследника-цесаревича Алексея, убиенного вместе со всей императорской семьей в Екатеринбурге в 1918 году. Столпин

приводил в церковь вновь принятых на службу полицейских, выстраивал перед портретом и принимал от них присягу на верность.

Выяснив, что Нина Зарецкая хорошо владеет немецким языком, Столпин почему-то загорелся намерением взять ее на службу в управу или полицию переводчицей. Их действительно не хватало. Зарецкому очень не хотелось отпускать семнадцатилетнюю дочь на эту работу, которая, по его справедливым представлениям, была для неокрепшей нервной системы, в сущности, подростка даже и опасной. Отец хорошо понимал, чего может Нина наглядеться в той же полиции.

Терзаемый противоречивыми чувствами, Зарецкий все же понимал возможности, которые могли бы открыться в случае его согласия. Потому и счел нужным послать в отряд такую записку:

> «Столпин упорно настаивает, чтобы устроить Нину переводчицей немецкого языка в полицию. Полагаю, что можно будет извлечь пользу для общего дела.
>
> *«Ясный».*

Надо полагать, последняя строчка, свидетельствующая о чувстве долга, далась отцу нелегко.

Ответ пришел такой, какой Зарецкий и предвидел: Золотухин не мог, а с профессиональной точки зрения просто не имел права упустить подобный шанс внедрить своего человека в полицию.

Так Нина Зарецкая стала переводчицей в полиции и управе, а у Золотухина появился еще один важный источник информации. Трудно сказать, зачем нужно было это Столпину — разве что он рассчитывал в лице Нины иметь в полиции на всякий случай еще одно свое «око».

К лету 1942 года на германских предприятиях, в первую очередь военных, а также в сельском хозяйстве все острее стал ощущаться недостаток рабочей силы. Блицкриг на Востоке явно сорвался, русский фронт требовал все новых и новых подкреплений, следовательно, призыва в армию дополнительных контингентов. Восполнить эту нехватку людских ресурсов и решено было за счет «остарбайтеров» — «восточных рабочих»: русских, украинских, белорусских парней и девушек, которых вначале завлекали на отъезд в Германию всяческими посулами сладкой жизни в «культурной Европе», а затем, когда пропагандистские методы не сработали, стали угонять насильно.

Не стало исключением и Людиново. Началась рассылка по многим адресам мобилизационных повесток…

Полностью сорвать эту кампанию горстка подпольщиков,

разумеется, не могла, но спасти хоть часть людиновской молодежи от угона на фашистскую каторгу почла своим святым долгом. Работу повели в двух направлениях.

Клавдия Антоновна Азарова позаботилась о том, чтобы некоторые ребята и девушки, либо уже получившие повестки, либо ожидавшие их со дня на день, оказались в больнице, где врачи ставили малоприятный диагноз, который заведомо отбивал у оккупационных властей желание посылать их в Германию: туберкулез либо другие инфекционные заболевания, вплоть до венерических. Это, конечно, не прошло незамеченным, и через некоторое время в больницу примчался Дмитрий Иванов. Он устроил настоящий скандал и учинил проверку всей картотеки. Но старший следователь опоздал: Азарова такую возможность предусмотрела и подменила часть карточек на новые, где проставила нужные диагнозы задним числом: сороковым и тридцать девятым годами. Иванов, хоть и был разозлен до крайности, ушел несолоно хлебавши.

К сожалению, Азарова, видимо, в разговоре с Ивановым не сумела сдержать своих эмоций, чем-то выдала себя, поскольку старший следователь определенно взял сестру-хозяйку на подозрение, что и сказалось через полгода на ее судьбе. Но дело свое «врачебная» группа сделала: несколько десятков человек были освобождены от мобилизации и отправки в Германию.

В.И. Киселев

Е.И. Колосков

Г.В. Браженас

М.А. Лякишев

Семья Шумавцовых (в центре — Алеша в возрасте трех лет)

Д.И. Иванов и М.С. Доронин

Д.И. Иванов

Супруги Тереховы

Алексей Шумавцов с товарищем. 1939 г.

Алеша Шумавцов (1-й ряд, второй слева)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 12095266

Фамилия Шумавцов

Имя и отчество Алексей Дмитриевич

Год рождения 1925

Время вступления в ВЛКСМ сентябрь 1940 г.

Наименование организации, выдавшей билет Людиновский ГК ВЛКСМ Орловской обл.

Секретарь

Подпись владельца

15 мая 1941 г.

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Месячный заработок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Комсомольский билет Алексея Шумавцова

НКТМ СССР

Народный Комиссариат Тяжелого Машиностроительный Людиновский завод

«___» дня 194_ г.

№ _____

Людиновского Орл. обл.

Директор Людиновского завода

Удостоверение

Настоящим удостоверяется что тов. Шумавцов Алексей Дмитриевич рабочий № _____

рабочим

является _____ Людиновского Машиностроительного

членом семьи работника

ного завода НКТМ направляется с железнодорожным составом № _____ в город Сызрань на новое место работы.

Директор Людиновского завода

Эвакуационное удостоверение А.С. Шумавцова

В.И. Золотухин

А.Ф. Суровцев

Алексей Шумавцов

Афанасий Посылкин

А.Лясоцкий

Антонина Хотеева

А. Апатьев

Александра Хотеева

А. Апатьев (верхний ряд, третий слева)

Зинаида Хотеева. 1970 г

Зинаида Хотеева

В. Апатьев

К.А. Азарова

Н. Евтеев

Ольга Мартынова

Р. Фирсова

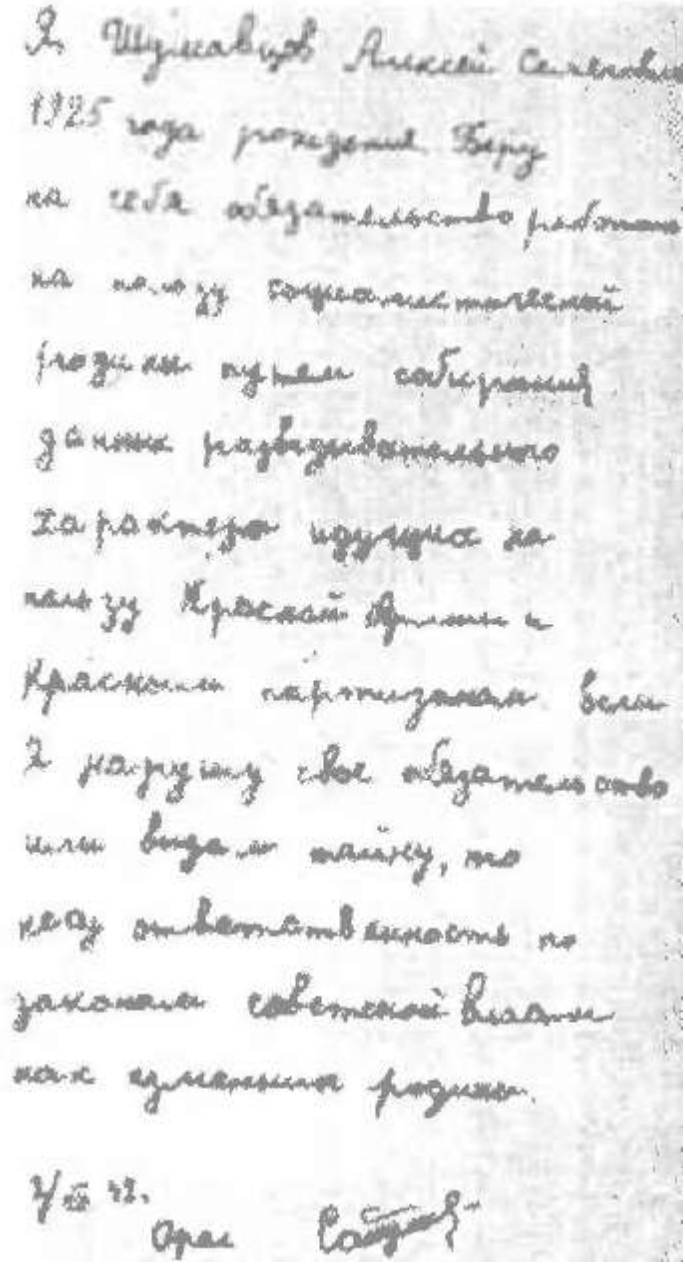
Гроб с телом О. Мартыновой. Январь 1942 г.

Н.Зарецкая

О.А. Зарецкая

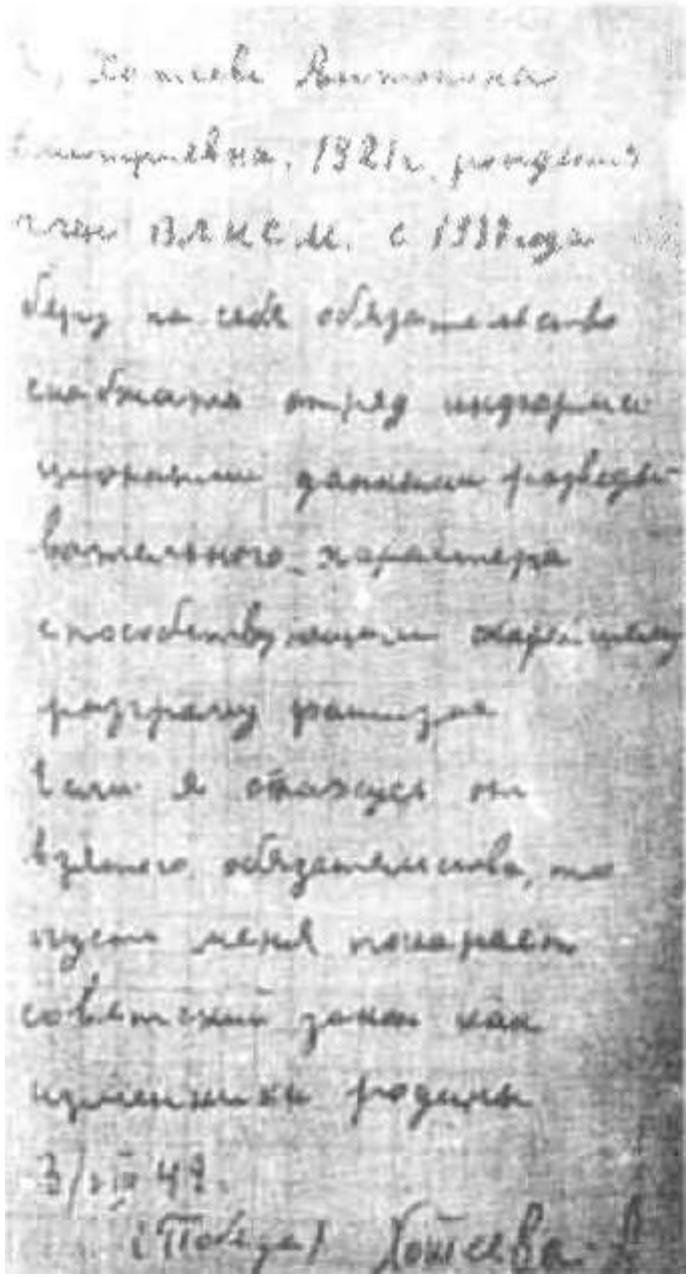
А.П. Егоренкова

А.В. Хрычикова



Я, Шумавцов Алексей Семенович
1925 года рождения. Беру
на себя обязательство работать
на благо социалистической
родины, ценить и собирать
данные разведывательного
характера идущие на
пользу Красной Армии и
Красным партизанам всей
страны и нарушу свое обязательство
или выдам врагу, то
несу ответственность по
законам советской власти
как изменник родины.

1/III 42.
Орел

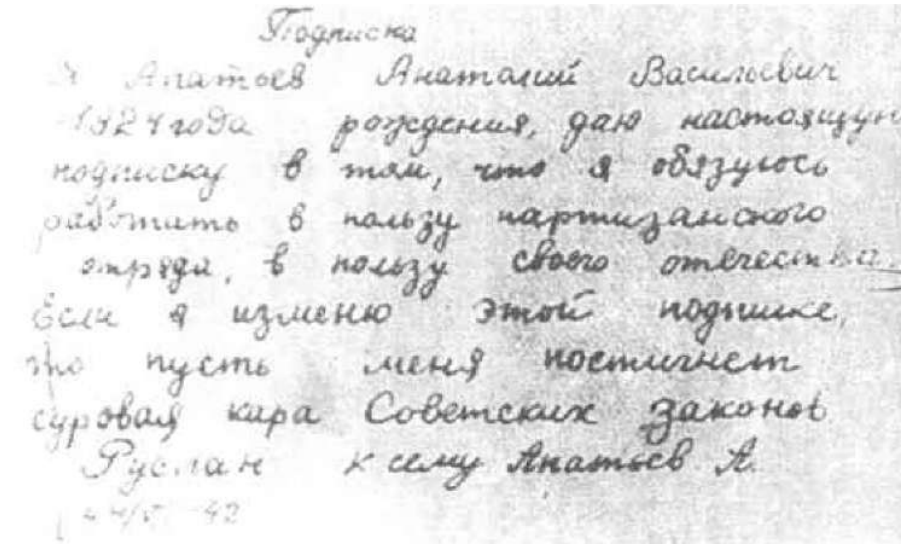


Я, Хотеева Анастасия Дмитриевна, 1921 г. рождения член ВЛКСМ с 1938 года беру на себя обязательство сообщать отряд партизан ценными данными разведывательного характера способствующими скорейшему разгрому врагов. Если я нарушу мои обязательства, то пусть меня покарает советский закон как изменницу родины.

3/IV 42 г.

(Подпись) Хотеева

Клятва А. Хотеевой



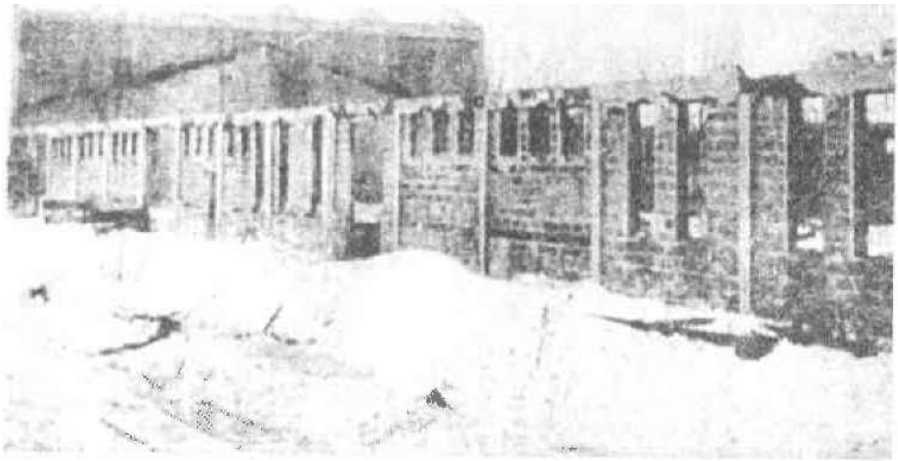
Подписка

Я Апатьев Анатолий Васильевич 1922 года рождения, даю настоящую подписку в том, что я обязуюсь работать в пользу партизанского отряда, в пользу своего отечества. Если я изменю этой подписке, то пусть меня постигнет суровая кара Советских Законов.

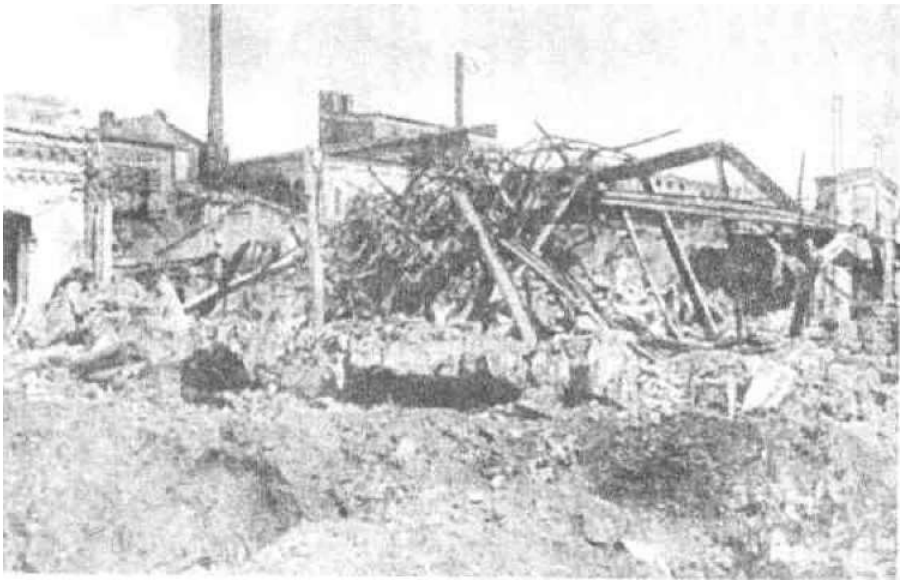
Руслан к селу Апатьев А.

24/V-42

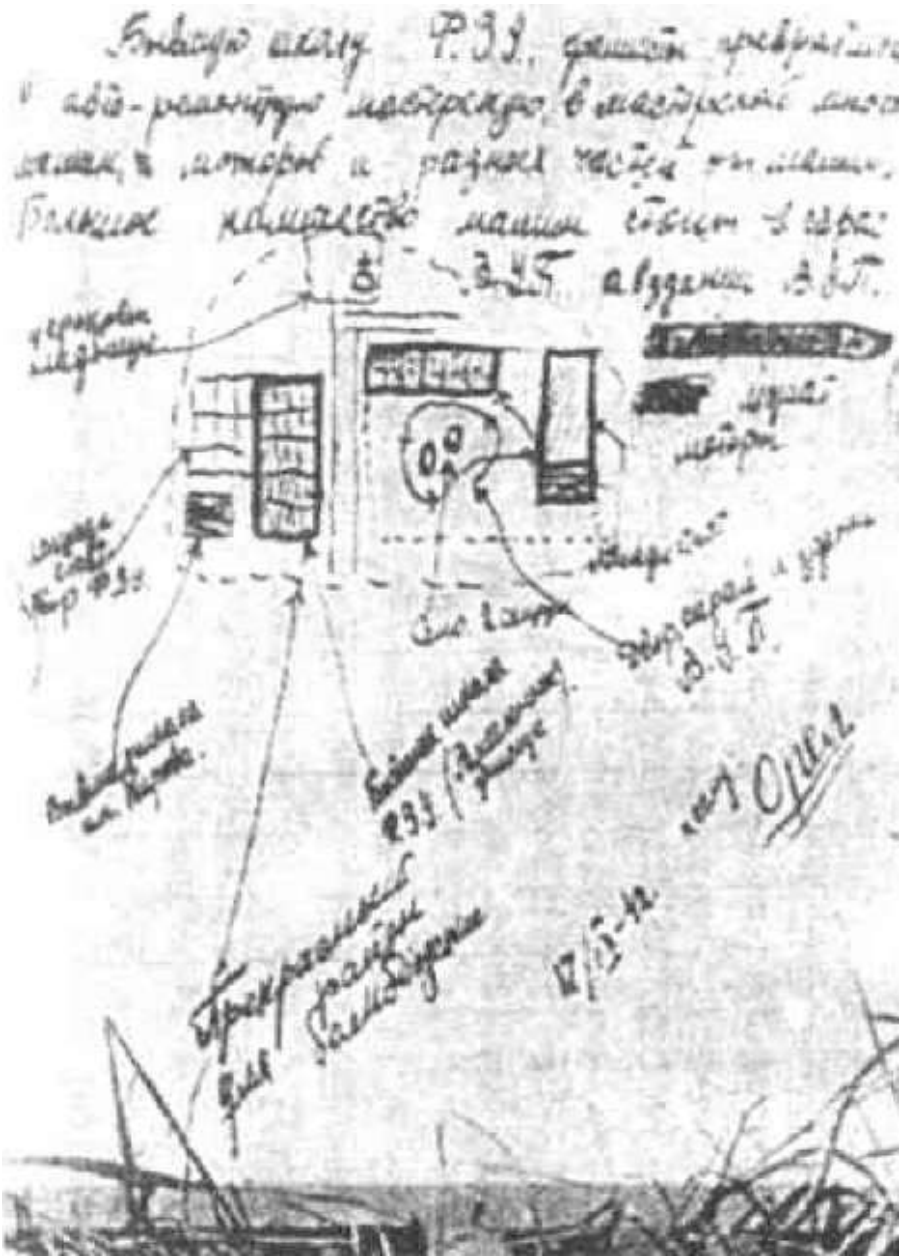
Клятва А. Апатьева



Руины взорванного склада



Заводское пожарное депо

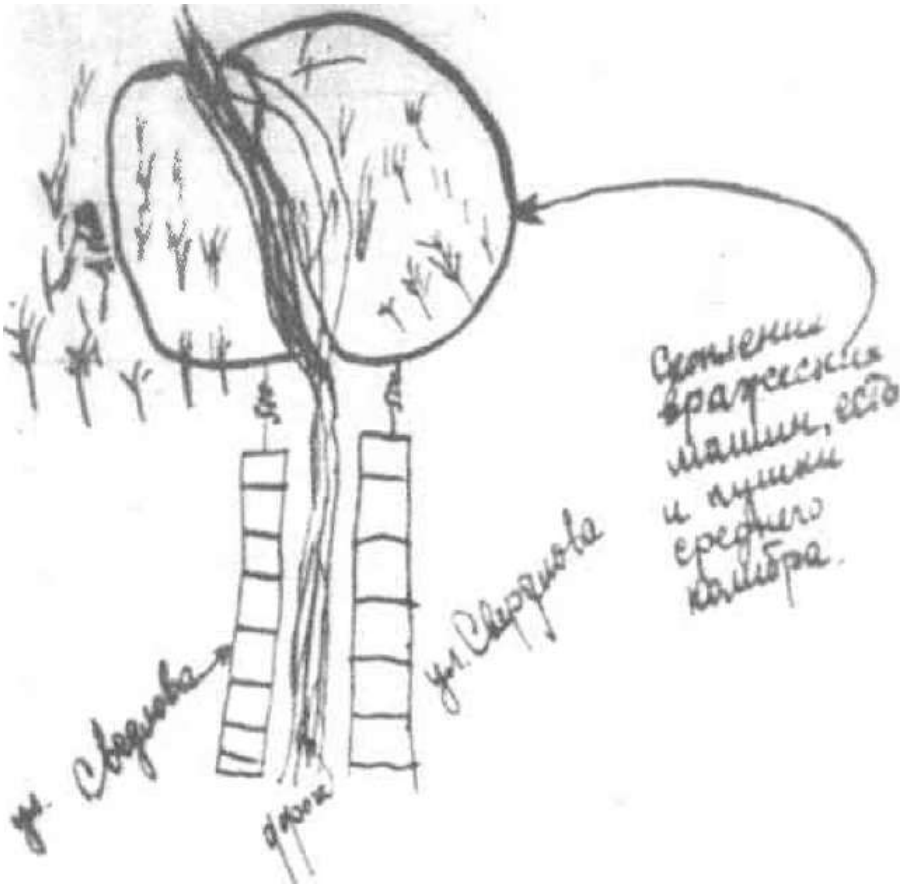


За ул. Свердлова, в лес. по обе стороны Алтевской дороги, 500 мтр. от улицы на протяжении 1 км. стоит большое количество неприятельских машин Приблизительно около 100-120. Пушечная же и 5-в пушек среднего калибра, пулеметы и пехотная сила противника

— Прекрасное место для бомбежки, товарищ Командир!

Капитан Орел.

26/X-42



Донесения А. Шумавцова

Петя Петров. Москва, 1940 г.

Петя Петров с матерью и отцом

Школьный снимок. Петя Петров — крайний справа в нижнем ряду

Другие подпольщики — Мария Лясоцкая, «тетя Маруся»

Воетрухина, Римма Фиреова и Нина Хрычикова, сестры Хотеевы, Георгий Хрычиков распространяли по городу листовки, обращенные к молодежи, с призывом не поддаваться обману властей, укрываться от явки на сборные пункты. Об этом же говорил в проповедях и Викторин Зарецкий. Девушки не довольствовались листовками, они стали как бы случайно встречаться со знакомыми сверстниками, говорили с каждым по душам и в ряде случаев преуспели. Некоторые из собеседников не только отказались от выезда в Германию, но даже выразили желание вступить в вооруженную борьбу с оккупантами.

В этой связи Мария Лясоцкая сообщила в отряд:

> «Из сорока человек, предназначенных для отправки в Германию на работу, 28 человек дали согласие уйти в партизанский отряд, что в д. Косичино. Пять человек изъявили желание уйти в партизаны, что в д. Куява.
>
> Попавшего в плен молодого партизана из п. Сукремль Кабанова Женю спасти от угона в Германию невозможно.
>
> *«Непобеждённая».*

В последней строчке речь шла о том самом парнишке, который попал в плен, когда выполнял разведывательное задание вместе с Семеном Щербаковым.

* * *

1942 год стал пиком гитлеровской Германии. Под пятой оккупантов пребывала вся Западная Европа; если не считать союзных Германии стран, нацистского ига избежали лишь Швеция, Швейцария и огрызок Франции с марионеточным правительством в Виши. В Северной Африке немецкие экспедиционные силы под командованием генерала Роммеля громили английские войска. Впрочем, одна только Британия по-настоящему и вела на западе борьбу с агрессором.

На восточном фронте немецкие войска, оправившись после зимнего поражения под Москвой, возобновили наступательные действия, вышли к Волге, захватили Крым, на Кавказе егеря-альпинисты из горных частей водрузили флаг со свастикой на вершине Эльбруса.

Нужна была поистине несокрушимая вера в правоту своего дела, безмерная преданность народу и стране, готовность к борьбе до последнего дыхания, личная храбрость и мужество,

чтобы не сломаться душевно в условиях жесточайшего оккупационного режима, продолжать сражаться с, казалось бы, непобедимым врагом.

То был не порыв, пускай и прекрасный, но быстролетный, то было долгое и изнурительное сражение патриотов с чудовищной по мощи и безжалостности злой силой, на взгляд иных трезвомыслящих, не оставляющей ни малейших шансов на победу.

И все же миллионы людей на оккупированной территории тогдашнего Советского Союза, в том числе людиновские партизаны и подпольщики, не смирились с предназначенной им участью стать рабами расы господ. Не смирились, потому что были воспитаны, приучены с детских лет считать себя свободными людьми. И хотя на самом деле тогдашний строй в стране вовсе не давал им настоящей свободы, а господствующая идеология — коммунистическая — в конечном итоге оказалась утопией, убежденность тогдашнего поколения в реальности коммунистических идеалов, безмерная любовь к Отчизне, безотносительно к царившему в ней режиму, наконец, воинские традиции российского народа и его армии обеспечили моральное превосходство, следовательно, и боевого духа наших людей над оккупантами. Эта убежденность не только помогала подлинным патриотам в их борьбе, но сама по себе на эту борьбу подвигала. Вот почему Алексей Шумавцов и его товарищи просто не могли не включиться во всенародную борьбу с иноземными захватчиками.

Как уже отмечалось, главным оружием людиновского молодежного подполья стала и оставалась до конца разведка.

Причем, подчеркнем еще раз, поскольку это крайне важно, по конкретным заданиям партизанского отряда, который, в свою очередь, получал их от командования Красной Армии.

После повторного захвата Людинова, ставшего ближайшим прифронтовым городом, немцы начали усиленно крепить его оборону не только на земле, но и с воздуха. Последняя ощутимо мешала нашим самолетам бомбить уже разведанные цели.

Особенно успешно немцы использовали лесной массив и возвышенность в районе Кировских улиц — таковых в городе было четыре. Здесь где-то они установили и хорошо замаскировали зенитные оружия и пулеметные установки. Весь этот район от самого озера и дальше, в глубь леса, тщательно охранялся; появляющихся здесь гражданских лиц немцы рассматривали как партизан и обращались с ними соответственно.

Получив от Золотухина задание разведать этот район, найти

орудия ПВО и установить их координаты, Шумавцов поручил его выполнение сестрам Хотеевым. Девушки отправились на задание под предлогом сбора ягод.

Тоня и Шура успели набрать по лукошку ранней земляники, когда налесной поляне их остановил часовой с автоматом, появившийся откуда-то из-за деревьев. На оклик «Хальт!» девушки послушно остановились, иначе бы немец — они это точно знали — открыл огонь на поражение. Главное теперь было как-то объясниться на месте, чтобы не отправили в комендатуру. Часовой свистком вызвал офицера — молодого лейтенанта. На умышленно ломаном немецком языке (слишком хороший в устах по-деревенски одетой девушки мог бы вызвать подозрение) Тоня сказала с испуганным видом, что она с сестрой ходила собирать ягоды, и очень естественно протянула лейтенанту свое лукошко с душистой земляникой.

И офицер поверил… Ягоды взял, поблагодарил и отпустил девушек, посоветовав им больше здесь никогда не появляться. Сестры и не собирались этого делать — все, что требовалось, они уже успели выявить, в том числе и в те несколько минут, что объяснялись с лейтенантом.

На следующий день Шумавцов передал в отряд донесение:

> «Победа» и «Отважная» сообщили, что западнее Кировских улиц, 1500–1700 м по северному склону в лесу обнаружены две зенитные батареи с расчетами, замаскированные ветвями. Ориентиры: от станции Ломпадь прямо на север 1500–1600 метров. От западной окраины склона 1400–1500 метров.
>
> *23. VI.42. «Орел».*

Спустя несколько дней советская авиация уничтожила зенитные батареи, а затем уже беспрепятственно разбомбила выявленные военные объекты в городе. В том числе один, обнаруженный самим Алексеем неделей раньше:

> «На территории локомобильного завода в сборочном цехе № 1 расположен склад патронов в ящиках, и каждый день машины загружаются легионерами и уходят на передовую. Проникнуть гражданскому человеку невозможно, круглосуточно охраняются усиленной охраной… Ориентиры: западнее котельной 200 метров, юго-западнее отдельного белого здания 50 метров. Заход: северный угол верхней плотины озера.

«Орел».

Советским авиаторам-летчикам нужно было знать не только цели, но и результаты бомбовых ударов по военным объектам врага. Городские разведчики информировали их и об этом:

> «После бомбежки нашей авиацией зенитные установки в районе Ломпади замолчали.
>
> *«Орел».*

И вскоре после сообщения о складе на заводе: «Наша авиация бомбила склады. Первые бомбы упали рядом. Вторым заходом прямым попаданием был вызван взрыв огромной силы. Разрушен корпус. Оккупанты боятся, ищут партизан. «Орел».

Потом Алексей как-то обратил внимание на странные звуки, доносившиеся примерно оттуда же, где были ранее обнаружены зенитные батареи, только восточнее. Это были явно звуки орудийных выстрелов, но необычно гулкие и редкие. Похоже, что било одиночное, но весьма мощное орудие, на перезаряжание которого требовалось большее, чем обычно, время.

На разведку снова отправились сестры Хотеевы, снова под видом сбора ягод, но теперь уже с другой стороны, чтобы не нарваться на уже знающих их часового и лейтенанта.

История повторилась: их опять остановил часовой, по счастью, другой, но офицера звать не стал, просто отобрал одно лукошко с ягодами и знаками дал понять, чтобы поживее убирались прочь. И вновь девушки успели разглядеть все, что требовалось.

Золотухину в отряд ушло очередное донесение:

> «Северо-восточнее станции Ломпадь — 1200 метров и юго-западнее мальцовского моста — 800 метров находится дальнобойное орудие».

Через две ночи на третью советский ночной бомбардировщик, буквально прокравшийся на малой высоте в безлунном небе, уничтожил это орудие, бившее по военным объектам в тылу нашей 16-й армии.

Почти каждый поход сестер, вдвоем или поодиночке, приносил важные сведения.

В начале лета Шумавцову стало известно, что в районе деревни Агеевка, что в семи километрах западнее Людинова, замечено появление большого числа немецких солдат, автомашин и мотоциклов с колясками. Информацию, первоначально очень

неопределенную, нужно было проверить и уточнить. Идея, как проникнуть в этот район, родилась, когда ребята узнали, что жители Агеевки в прилегающем лесу пасут свой скот. Вот Шумавцов и решил, что проще всего заявиться сюда под видом пастухов. А точнее — пастушек, поскольку роль эту было поручено сыграть тем же Тоне и Шуре, приобретшим в общении с немецкими часовыми уже некоторый опыт.

Девушки обошли несколько окраинных домов и вызвались помочь местным старушкам в выпасе их буренок. Догадались ли о чем старушки, или просто обрадовались подмоге, сказать трудно, но согласились охотно.

Одевшись соответственно и вооружившись кнутами, девушки, как водится, ранним утром выгнали коров пасти и часа через три вышли к лесу близ Агеевки.

Как выяснилось, сюда был отведен с передовой для отдыха и пополнения полк моторизованной пехоты.

На следующий день «Орел» докладывал штабу:

> «Разведка в Агеевку установила, что в деревне располагается большое количество отдыхающих фронтовиков с техникой. Солдаты ведут себя беспечно, раздеваются, без оружия. Для бомбежки объект удобен. В прилегающем к деревне лесу замаскировано много автомашин. Разведка обозрела только юго-западную часть деревни».

Не дожидаясь, разумеется, пока эта немецкая часть, отдохнув, вернется на фронт, советские самолеты нанесли по району ее дислокации бомбовый удар.

О его результатах Щумавцов докладывал:

> «В Агеевке наши авиаторы нанесли значительный урон оккупантам. Более сотни разных машин уничтожены или повреждены, десятки солдат и офицеров были убиты, более пятидесяти доставлены в лазарет».

В то лето на всех трех сестер Хотеевых, действительно, легла огромная нагрузка. Антонина и Шура едва не каждую неделю ходили в разведку за пределы Людинова, что само по себе было сопряжено с большим риском, потому что немецкие патрули и посты полиции контролировали все выходы из города. Зина же стала постоянной связной между городом и «маяком» Афанасия Посылкина, но не раз, когда требовалось доставить информацию срочно, совершала многокилометровые ходки и непосредственно

в расположение штаба отряда.

Однажды Шумавцов получил задание обследовать, как теперь сказали бы, микрорайон в северо-восточной части Людинова, который жители по старой памяти называли «Красный городок». [22] Представлял он из себя десятка полтора бараков, построенных в давние времена для рабоч их локомобильного завода, и большие складские помещения. Требовалось выяснить, как их теперь используют оккупанты. Тоня и Шура успешно справились и с этим заданием. В отряд было доставлено следующее сообщение:

> «Обследованием «Кр. городка» установлено, что строения используются под склады. Объект усиленно охраняется часовыми на вышках и собаками. Ориентиры: северо-восточная оконечность верхнего озера, 400 метров севернее колеи железной дороги. От основной дороги «Кр. городок» — деревня Шепиловка свеженаезженная лежневка… в двух часах ходу склады боеприпасов…»

Подобная информация с указанием конкретных военных объектов, прежде всего воинских частей и складов боеприпасов, использовалась командованием Красной Армии незамедлительно. Как правило, через два-три дня самолеты с красными звездами на плоскостях бомбили указанные им цели, так что городские разведчики каждый раз воочию видели результаты своей работы, что не могло не способствовать подъему их боевого духа. Но по крайней мере дважды информация, собранная сестрами Хотеевыми, и один раз Шумавцовым, была использована командованием Красной Армии и для принятия тактических решений.

В июле 1942 года, когда уже началось ожесточенное сражение за Сталинград, немцы предприняли местное наступление с целью снова захватить важный железнодорожный узел и город Киров. После нескольких дней боев гитлеровцы потеснили части Красной Армии. Меж тем командование нашей 10-й армии затруднялось определить: имеет ли оно дело с серьезным наступлением на этом участке фронта или немцы проводят всего лишь отвлекающий удар. Выяснить это можно было, осуществив разведку в тылу наступающих гитлеровских войск. Разведчики должны были определить, располагают ли здесь немцы значительными резервами, без чего, общеизвестно, немыслима сколь-либо крупная наступательная операция.

На разведку были посланы Тоня и Шура Хотеевы.

Уже к весне 1942 года население Людинова голодало.

Заготовленные с лета и осени не такие уж обильные запасы продовольствия были съедены, часть продуктов попросту отняли оккупанты, они же изрядно истребили и живность — от кур-несушек до буренок. На пайки, которые получали рабочие и служащие, и то нерегулярно, едва можно было влачить голодное существование. Жители вынуждены были менять носильные вещи, постельное белье, посуду в ближайших деревнях на картошку, муку, а то и зерно, которое потом сами толкли дома в ступках. Оккупационные власти, чтобы не лишиться рабочих рук, вынуждены были давать горожанам разовые пропуска для таких походов в сельскую местность.

Русские полицейские, которые держали посты на всех въездах-выездах, а также у многих сел, таким ходокам препятствий не чинили, потому как сами были в них заинтересованы: проверяя документы, они, как правило, отбирали для себя часть выменянных продуктов.

Шумавцов решил и на сей раз послать сестер на задание, якобы для такого натурального товарообмена. Тут возникло некоторое затруднение: в доме Хотеевых почти ничего для обмена уже не оставалось. Выручила более умудренная в житейских делах, чем девушки, Мария Лясоцкая.

— В конце концов, — рассудительно сказала она, — продукты нам всем действительно нужны. Так что сделаем складчину наоборот.

Попросту говоря, она собрала у себя и знакомых кое-какие тряпки и принесла их к сестрам. Так образовался более или менее приличный обменный фонд.

Выйдя из города, сестры разделились. Тоня пошла к линии фронта через деревню Колчино, а Шура через деревню Манино, это уже совсем близко от передовой. Отсюда Шура повернула на юг, где, по некоторым предположениям, должны были находиться немецкие воинские части. На третий день сестры, как и договаривались, встретились в одной деревушке западнее большого села Мокрое. Отсюда через деревни Савино и Вербежичи они вернулись в Людиново. В пути девушек несколько раз останавливали полицаи, проверяли документы, просматривали содержимое кошелок, но, ничего подозрительного не обнаружив, пропускали дальше. Кое-что из съестного, конечно, отобрали.

Главный результат разведки заключался в следующем: нигде по всему маршруту девушки не встретили никаких немецких частей, кроме обычных небольших гарнизонов и полицейских постов.

Командование отряда получило и передало дальше по

назначению следующее донесение «Орла»:

> «Возвратилась разведка из района Мокрое, а также юго-западных населенных пунктов на протяжении 15–20 километров. Вражеских резервов в этом районе не установлено. Поход прошел успешно».

Командование Красной Армии, использовав это сообщение, а также данные войсковой и авиаразведки, быстро разобралось в них и установило, что немцы проводят отвлекающий маневр, а заодно пытаются сравнительно незначительными силами изменить прохождение линии фронта на этом участке в свою пользу. Наступление немцев было отбито, город Киров остался советским.

В июле от командования поступило еще одно, схожее задание. На этот раз немцы предприняли наступление из района города Жиздра в направлении села Ульяново. Требовалось уточнить, какими резервами противник располагает на этом участке фронта.

С выполнением задания возникли сложности. Прилегающий к передовой тыловой район охранялся весьма строго. Ни один мужчина проникнуть сюда не мог. Всех подозрительных лиц мужского пола, здесь очутившихся, немцы без лишней волокиты расстреливали. Девушка? Но жительница Людинова никак не могла выменивать тряпки на продукты в зоне боевых действий. И все же разведчики придумали легенду, позволившую проникнуть в интересующий командование район.

До войны в Жиздрнинском районе жили потомки немецких колонистов, обосновавшихся тут с незапамятных времен. После оккупации района все здешние немцы по каким-то соображениям были вывезены в Германию. Но кое-кто из детей старшего возраста, обучавшихся в других городах, этой депортации избежал. Теперь они, попав снова в родные края, пытались разыскать свои семьи или хотя бы разузнать их новые адреса. Поскольку они имели официальный статус фольксдойче, т. е. лиц немецкой национальности, проживающих за пределами Германии, то пользовались определенными привилегиями, и оккупационные власти им в таких поисках способствовали.

Роль девушки-фольксдойче и была поручена Тоне Хотеевой. В смелости, решительности, находчивости ее сомневаться не приходилось, а то, что Тоня владела немецким языком не вполне свободно и говорила с русским акцентом, было даже хорошо — как потомок немецких переселенцев бог знает в каком поколении, никогда на исторической родине, в Германии, не бывавшая, она и не могла говорить по-немецки безукоризненно. Большинство этих

давно обрусевших немцев вообще знали немецкий язык лишь на бытовом уровне, их лексикон ограничивался несколькими сотнями самых ходовых слов и выражений.

Тоня приняла достаточно рискованное задание едва ли не с восторгом, оно как нельзя больше подходило к ее беспокойному характеру.

До войны в Людинове жил ломовой извозчик Антон Рерих, этнический немец. Его дочь Анна, почти ровесница Тони, училась в одном из московских вузов. На каникулы летом 1941 года она почему-то не приехала, следовательно, объявиться здесь уж никак не могла. Золотухин для Тони изготовил несколько справок на имя Анны Рерих и пропуск для свободного передвижения по району — якобы в поисках семьи. Сама московская студентка, Тоня, в случае допроса, могла проявить и знание студенческой московской жизни, и предметов, изучаемых на первом курсе технического вуза.

Для такой поездки деревенская одежда не годилась, девушке нужно было придать более пристойный вид. Держаться ей следовало также совершенно иначе — не с испугом и просительным выражением лица, а уверенно и даже требовательно. С внешностью у Тони все было в порядке, но вот с одеждой дело обстояло хуже. Вся мало-мальски приличная и в самом деле давно ушла в обмен на продукты. Выручила смекалка — Мария Лясоцкая достала где-то кусок купола от немецкого парашюта. Шелковистую ткань покрасили в фиолетовый цвет, и Полина Антоновна Зарецкая быстренько сшила из нее Тоне Хотеевой хорошенькое, даже нарядное платье.

На протяжении нескольких дней Антонина Хотеева, она же фрейлен Анна Рерих, благополучно объехала весь район, побывала в десятке населенных пунктов. Несколько раз патрули— и немецкие солдаты, и русские полицаи — проверяли ее документы. Все обошлось. Более того, в ряде случаев солдаты охотно подвозили ее на машине, даже угощали съестным. Тут, кстати, Тоня сделала для себя в некотором роде открытие: оказывается, немецкие солдаты и офицеры-фронтовики значительно отличались в лучшую сторону от тех, кого она встречала в относительном тылу, в Людинове, особенно, от эсэсовцев.

Колеся по району, Тоня, к своему удивлению, не встретила ни одной свежей войсковой части, только мелкие, разрозненные подразделения, не больше взвода. Местные жители в умело направляемых разговорах также рассказывали, что, как только в стороне Ульянова начались бои, все немцы оставили те деревни и поселки, в которых до того стояли, и были отправлены на

передовую. Примерно то же самое девушка почерпнула из болтовни со своими попутчиками немецкими солдатами.

В результате девушка второй раз за лето пришла к твердому и обоснованному мнению, что никаких резервов у немцев в этом районе нет и предпринятое ими наступление, следовательно, является всего лишь еще одним отвлекающим маневром. О чем и доложила Шумавцову, когда вернулась домой.

Алексей уже тоже пришел к тому же выводу, поскольку в эти дни в Людинове ни на железной дороге, ни на большаках не было заметно какого-либо особого оживления.

Золотухину в отряд пошло донесение, что никаких резервов в Жиздринском районе у немцев для наступления нет. Это позволило Красной Армии нанести контрудар наличными силами и восстановить утраченные на время позиции.

В летних боях 1942 года партизаны понесли чувствительные потери не только убитыми и ранеными — несколько человек оказались пропавшими без вести. Так, в отряде ничего не знали о судьбе Сергея Апокина, Михаила Зевакова, Алексея Белова (того самого бывшего председателя Жиздринского горсовета, который был проводником медведевцев при повторном налете на город), еще некоторых бойцов.

По просьбе командования отряда Мария Лясоцкая достала через знакомого в городской управе пропуск на посещение Жиздринского лагеря для военных и гражданских лиц, якобы в поисках пропавшего без вести мужа. Немцы действительно иногда в пропагандистских целях отпускали пленных домой, если, разумеется, те не были командирами, коммунистами или евреями.

Мария Лясоцкая проникла в лагерь, встретила здесь знакомых партизан, в частности, Николая Рыбкина.[23] От них узнала судьбу остальных. Выяснилось, в частности, что Алексей Белов настолько ослаб после ранения, что немцы пристрелили его еще по пути в лагерь.

Пленные партизаны сообщили Лясоцкой для передачи в отряд фамилии нескольких содержащихся в лагере лиц, которые дали согласие сотрудничать с оккупантами, в том числе служить в полиции. Назвали ей и фамилию русского вербовщика, наезжавшего регулярно в лагерь из Людинова.

Прошло всего несколько недель, и, увы, в одном из боев погиб муж Марии Лясоцкой — командир партизанской роты Владимир Саутин, о чем ей сообщил в прочувственном письме командир отряда.

В ответ Мария Михайловна написала:

«…тяжела утрата любимого человека, отца и друга. Но это не только мое личное горе, а горе и моего народа, что каждый день теряет своих родных и близких. Все мои помыслы и стремления остаются с вами — народные мстители, с моей Родиной и коммунистической партией, которой честно служил мой муж — Владимир Саутин. И теперь разрешите мне продолжать его идеи до конца моей жизни.

В городе идут аресты семей патриотов, не знаю, минует ли меня судьба… враг знает про нас, и если что и случится, я буду бороться и там. Жаль, что так мало сделала здесь, но не все от меня зависело. За свое поколение я спокойна… Спасибо вам за моральную поддержку.

19. X.42. «Непобежденная».

До конца жизни… До него воистину «Непобежденной» Марии Лясоцкой было отмерено всего лишь девятнадцать дней. Это было ее последнее письмо…

Не следует думать на основании вышеизложенных эпизодов, что разведкой занимались только девушки. Ее вели все участники группы и, разумеется, сам Алексей Шумавцов. Просто девушки для ходок за пределы города подходили лучше, чем ребята, — они вызывали меньше подозрений. К тому же все ребята днем были заняты на работе, отлучиться с которой было практически невозможно. Правда, Шумавцов, Толя Апатьев, Георгий Хрычиков в целях проведения разведки использовали свое положение электромонтеров, зачастую работавших на линиях электропередач в разных местах города.

Тем не менее одно чрезвычайно важное задание именно за пределами города выполнил сам Алексей. Этому предшествовала работа с одним из военнопленных, служивших у немцев переводчиком. Таких людей — бывших пленных — в городе на службе у оккупантов в разных ролях, в том числе и в полиции, в Людинове было достаточно много, во всяком случае, не менее сотни, а то и двух. Еще в начале лета Золотухин дал указание привлечь к работе на подполье и разведку одного из них, кто еще не утратил окончательно совесть и желал бы искупить свою вину перед Отечеством.

Рассказывая о партизанском движении и подпольных организациях на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, невозможно, хотя бы очень сжато, не коснуться проблемы советских пленных. Это горькая тема, и острота ее не притупляется с годами и десятилетиями, потому

что трагедия военнопленных коснулась десятка миллионов советских людей, если считать их семьи и потомков.

Ни командир партизанского отряда Золотухин, ни комиссар Суровцев, ни тем более Леша Шумавцов не могли, разумеется, тогда знать, сколько бойцов, командиров и даже генералов Красной Армии были захвачены немцами в плен в первые, самые трагические месяцы войны. Понимали лишь, что много, очень много. Мы и сегодня не знаем их точного числа. По достаточно приблизительным данным, лишь в 1941 году в плену оказались свыше трех миллионов советских военнослужащих, причем, что важно отметить, это были в большинстве своем кадровые командиры и красноармейцы, находящиеся на действительной службе, т. е. обученные, а не попавшие на фронт прямо с призывных пунктов. Шестьсот с лишним тысяч человек было пленено лишь в одном только недоброй памяти окружении четырех советских армий под Вязьмой в октябре сорок первого года.

Даже уверенное в успехе блицкрига немецкое командование оказалось неподготовленным к содержанию такого огромного количества военнопленных. Впрочем, ни в вермахте, ни в высшем руководстве Германии никто и не помышлял, чтобы создать для этих несчастных сколь-либо людские условия содержания.

Мы точно знаем, что на всей оккупированной территории тогдашнего СССР немцы не соорудили ни одного стационарного лагеря для военнопленных, отвечающего нормам международного права, законам ведения войны, в частности, Женевской конвенции 1929 года. Чаще всего немцы просто огораживали колючей проволокой огромный участок пустопорожней земли, сколачивали наспех там несколько бараков, устанавливали по периметру этого участка сторожевые вышки и загоняли туда десятки тысяч людей, многие из которых были ранены, больны, раздеты и разуты. Никакой почти что медицинской помощи, питание — черпак жидкой баланды, кормовая свекла, кусок непропеченного хлеба, наполовину со всякими малосъедобными Примесями. Хорошо, если на территории оказывался колодец или природный источник, а иначе сюда завозили на лошадях в железных бочках из-под бензина тухлую, зацветшую воду, да и той всегда не хватало. Неудивительно, что смертность в этих так называемых лагерях достигала ужасающих размеров. Лишь небольшая часть пленных была вывезена, преимущественно, в первые недели, в Германию в заранее подготовленные лагеря. Из-за болезней, голода, холода, расправ охраны большая часть пленных погибла в первые же месяцы. По официальным немецким данным, до нового, 1942 года дожило лишь около миллиона

советских военнопленных из трех, а по некоторым подсчетам, и четырех миллионов.

Чтобы как-то оправдаться в глазах международного общественного мнения за жестокое обращение с советскими пленными, гитлеровское руководство ссылалось на то, что правительство СССР не подписало Женевскую конвенцию 1929 года. На этом основании верховное командование сухопутными силами вермахта 6 августа 1941 года отдало директиву, в которой, в частности, говорилось:

> «…Советский Союз не присоединился к соглашению относительно обращения с военнопленными. Вследствие этого мы не обязаны предоставлять советским военнопленным снабжение, которое бы соответствовало этому соглашению как по количеству, так и по качеству».

Разумеется, это нисколько не оправдывало жесткость германских властей, но факт остается фактом: советское правительство и в самом деле бросило своих граждан, оказавшихся в плену, на произвол судьбы.

Американские, английские, французские, даже польские военнопленные содержались в относительно сносных условиях, они получали продовольственные посылки от Международного Красного Креста, через посредничество этой благородной организации, хоть и изредка, переписывались со своими семьями, которые, естественно, знали, что их мужья, отцы, сыновья, братья — живы… По возвращении из плена эти офицеры и солдаты, разумеется, не подвергались никакой дискриминации, тем более репрессиям.

Увы, обо всем этом советские пленные и мечтать не могли.

Ни для кого не секрет, что в подавляющем большинстве бойцы и командиры Красной Армии попали в плен не по своей доброй воле, а исключительно по вине сталинского руководства, не только не подготовившегося к войне, но преступно обескровившего в ходе репрессий тридцатых годов командный, в том числе высший, состав Красной Армии, оборонную промышленность, да и всю страну в целом.

Уже в самом ходе войны, особенно на ее первом этапе, были допущены грубые стратегические ошибки. Так, из-за амбициозного нежелания Сталина вовремя отвести войска на левый берег Днепра в районе Киева, на чем настаивали знающие свое дело военные, в том числе тогда еще генерал армии Г.К. Жуков (а Киев все равно пришлось оставить), Красная Армия потеряла свыше 450 тысяч человек, большинство из которых очутилось в плену.

Верхом цинизма и жестокости со стороны диктатора, занимавшего тогда все высшие должности в стране — Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совнаркома СССР, Председателя Государственного Комитета Обороны, Председателя Ставки Верховного Главнокомандования, Верховного Главнокомандующего и наркома Обороны, — было свалить вину за все поражения на бойцов, командиров и генералов Красной Армии, оказавшихся в плену.

Только так можно расценить лицемерный, несправедливый и бесчеловечный приказ № 270, подписанный Сталиным 16 августа 1941 года.

По этому приказу, в частности, командиры и политработники, попавшие в плен, считались злостными дезертирами, а семьи их подлежали аресту. Семьи пленных рядовых красноармейцев лишались государственного пособия и помощи.

Этот сталинский приказ стал сущим подарком немецким пропагандистам. Они незамедлительно позаботились, чтобы этот приказ был оглашен во всех лагерях для советских военнопленных с соответствующими Комментариями. А впоследствии его использовали и эмиссары генерала-предателя Андрея Власова, вербуя в лагерях «добровольцев» в так называемую Русскую освободительную армию — РОА.

И многие, сломленные лишениями и невзгодами, морально опустошенные и измученные, не видящие впереди никакого просвета люди, полагавшие, что Родина от них отвернулась, поддавались этим увещеваниям и совершали зачастую непоправимый шаг: не видя иного выхода, порой, спасая жизнь, шли на службу к оккупантам. Были, правда, среди них и такие, кто делал это с единственной целью — оказавшись за пределами лагеря, уйти к своим, к партизанам. Некоторым это удавалось. Но в то же время сегодня приходится с болью в сердце признавать, что немалое число пленных шло на службу к оккупантам, в том числе в полицию и разведывательно-диверсионные школы, вполне сознательно: из-за старых обид, причиненных той же бездумной и жестокой коллективизацией, из-за желания отомстить за репрессированных родных и по иным подобным мотивам. В этом тоже есть доля, и значительная, Сталина и большевистского режима.

Военнопленным сулили освобождение из лагеря, хорошее обращение, питание по немецким воинским нормам, обмундирование, денежное вознаграждение, возвращение в родные дома по окончании войны, которое тогда, в сорок первом, казалось таким близким.

Этот метод кнута и пряника оказался достаточно эффективным. В результате в вермахте появились русские, которых, в основном, использовали в качестве возничих, на строительстве фортификационных сооружений и т. п. К ноябрю 1941 года потери личного состава германских вооруженных сил были очень велики, так, в группе армий «Центр» они достигали 20 процентов, и, естественно, командиры полевых частей и подразделений были рады получить пополнение за счет тех же немцев-ездовых и обозников, которых заменили русские, вчерашние пленные. Со временем за ними закрепилось наименование hilfswillige, что в переводе с немецкого означает «добровольные помощники», или, сокращенно, «хиви». Они носили обычную немецкую солдатскую форму с соответствующей нашивкой на рукаве. Самых проверенных из них стали привлекать к несению охраны на железной дороге, военных объектах, даже к участию в карательных экспедициях против партизан.

В Людинове также имелось целое подразделение таких «добровольных помощников» в поношенных немецких шинелях второго срока. Местные жители почему-то называли их неточно «легионерами»[24] и старались дела с ними, когда те появлялись на улицах, не иметь.

Командование отряда, однако, полагало, что не все легионеры запятнали себя кровью соотечественников, как почти каждый полицай, и вообще они не совсем пропащие люди. К тому оно имело некоторые основания. Однажды к партизанам перешло два таких легионера, оба колхозники из Вологодской области. Они рассказали, что многие их сослуживцы и рады бы уйти в леса, но боятся даже заикнуться об этом, поскольку в батальоне царит дух соглядатайства и доносительства. По той же причине легионеры избегают и контактов с местными жителями, и не только потому, что те относятся к ним недружелюбно, как к предателям, но все из-за того же страха перед возможной провокацией. Воевали потом оба вологжанина хорошо.[25]

Как бы то ни было, Шумавцов получил задание: завербовать среди легионеров человека, которого можно было бы использовать в интересах разведки и подполья, хотя бы на первых порах, и «втемную», по профессиональному выражению.

Поразмыслив, Шумавцов решил поручить это дело Тоне Хотеевой, полагая здраво, что она сможет сделать это лучше кого-либо другого при своем природном уме, природной же красоте и девичьем обаянии.

Поначалу Тоня разбушевалась.

— Ты за кого меня принимаешь! — кричала она Алексею. — Чтобы я стала немецкой овчаркой, как эта краля, дочь нашего

бургомистра?

— Почему «немецкая овчарка»? — с невинным видом удивился Алексей. — Легионеры же вовсе не немцы, такие же русские, как и мы с тобой.

— Такие же русские?! — уже совсем задохнулась от гнева Антонина. — Да они хуже немцев, те хоть за своего Гитлера воюют, а эти предатели!

— Ну, не все же там предатели, — уже серьезно возразил Алексей, — там есть и просто оступившиеся, кого еще можно перетянуть на нашу сторону.

— А как определить, кто из них кто, что у кого на душе? — уже поостыв, спросила Антонина.

— А за нас, вернее, за тебя, Тоня, этого никто не сделает. Ты и должна найти такого человека, понимаешь, у кого совесть еще не пропала. Он нам очень нужен, пойми.

Тоня это прекрасно понимала, просто уж очень не по душе ей было такое задание. Все же она подчинилась приказу и через несколько дней познакомилась с одним легионером. Точнее, он сам подошел к ней и, смущаясь и робея, заговорил первый. Еще неделю назад Антонина попросту энергично отшила бы его, но тут… Права поговорка — на ловца и зверь бежит. К тому же парень не то чтобы ей понравился, об этом заведомо и речи не могло быть, но чем-то вызывал если не доверие, то сочувствие.

Звали его Владимир Сергеев, родом он был из Ростова-на-Дону, в связи с чем ему для переписки с отрядом был присвоен негласный псевдоним «Ростовский».

Владимир рассказал о себе, что был в плену, намаялся и согласился податься в легионеры. Он хорошо, гораздо лучше Тони, в чем она быстро убедилась, знал немецкий язык, почему, в конце концов, оказался личным переводчиком командира немецкого карательного батальона майора Фогеля. Командиру переводчик мог потребоваться в любое время суток, потому Сергеев жил не в казарме с остальными легионерами, а на частной квартире в одном из домов по улице Сталина, неподалеку от квартиры самого майора.

После нескольких встреч на улице и в парке Тоня пригласила Владимира домой, куда вроде бы в этот вечер случайно к ней зашла приятельница — Мария Лясоцкая. Завязался общий разговор.

И Мария, и Тоня после более короткого знакомства с «Ростовским» пришли к выводу, что он парень запутавшийся и надломленный, но никак не пропащий. Они прощупывали его шаг за шагом, потом стали заводить разговоры о том, что каждый русский человек, оказавшийся в таком, как он, положении, и

может, и должен искупить свою вину, и дали понять, что могут ему в этом помочь. Своей женской интуицией они чувствовали, что эти разговоры находят в нем искренний отклик. К тому же Владимир был явно влюблен в Тоню и ради нее был готов на многое.

8 июня Лясоцкая докладывала в отряд Золотухину:

> «Ростовский» развязал язык. В плену он находится с первых дней войны. Был в лагере для русских пленных. Испытал все ужасы холода, голод, бесчеловечное отношение, смерть товарищей. Был морально сломлен, дал согласие служить у врага. Теперь опомнился, проклинает себя за малодушие. Мучает совесть, спрашивает, что он может сделать, чтобы искупить вину. Изучаем возможности его и его связи. Ждем дальнейших указаний.
>
> *«Непобежденная».*

И указание поступило — использовать «Ростовского», желательно «втемную». Тогда же Шумавцов получил через Золотухина задание от штаба Западного фронта — собрать сведения о второй линии обороны немцев в районе деревень Мерный Поток и Ясенки.

Под видом родственника Хотеевых Шумавцов зашел к ним как-то вечером домой — на самом деле в обусловленный день и час — и познакомился с «Ростовским». Парень ему понравился, да и отступать было некуда, Владимир уже не только был готов к какому-то конкретному разговору, но и ждал гакового. Ктому же Шумавцов понимал, что без помощи ему в указанный район не проникнуть — городскому электромонтеру там делать было нечего. По ходу разговора Алексей и решился изложить «Ростовскому» все, что от того требовалось, не упоминая, однако, что это — задание партизан, тем более, командования Красной Армии. Впрочем, говорить об этом нужды не было — «Ростовский» был парень не дурак, постарше и образованнее Алексея, сам мог в уме сложить два и два.

Шумавцов сказал новому знакомцу, что предлагает ему в один из ближайших дней проехаться на велосипедах до Черного Потока и Ясенок, потом вернуться обратно. Только и всего. «Ростовский» прекрасно знал, что там — вторая линия обороны немцев, но и бровью не повел. Сказал, что приглашение принимает, но может поехать на такую экскурсию лишь в воскресенье, свой выходной. Шумавцов тоже бывал свободен только по воскресеньям, и то не в каждое. Так что туг у них все

совпадало. «Ростовский» сказал, что может без труда достать на день два велосипеда армейского образца, а также комплект обмундирования для Алексея и, подумав, добавил: за стандартную благодарность старшине — бутылку самогона — бланки увольнительных.

В ближайшее воскресенье Алексей И Владимир совершили свою велосипедную экскурсию и благополучно проехали вдоль второй линии обороны в интересующем командование районе. При этом «Ростовский», как прослуживший в армии, Красной и немецкой, около двух лет, оказался Шумавцову весьма полезен: он куда лучше Алексея разбирался в характере и назначении различных оборонительных сооружений, в частности, он сообщил о наличии минных полей по всему Екатерининскому тракту.

На обратном пути Алексей, поддавшись импульсивному порыву, совершил оплошность: кусачками вырезал кусок немецкого телефонного провода. Этого делать не следовало — немецкие связисты могли увязать диверсию на линии с нахождением в этих местах двух велосипедистов в форме легионеров и забить тревогу. К счастью, все обошлось благополучно.

В сообщении в отряд Шумавцов отметил: «Ростовский» много сделал в проведении разведки, а главное, вел себя смело и мужественно. Разрешите использовать его и в дальнейшем. «Орел».

В ответном послании Золотухин писал:

> «Наши юные друзья, «Орел» и «Победа». Мы рады вашим успехам. Благодарим за ваш труд на алтарь Отечества. Желаем новых успехов. Вашего друга держите покрепче в руках, он будет нам полезен в будущем.
>
> *В И».*

По давней договоренности Золотухин подписывал письма городским подпольщикам своими инициалами и заверял их печатью Людиновского горисполкома.

В последующем «Ростовский» еще несколько раз оказывал подпольщикам разные услуги, в частности доставал пропуска, сообщал о намечаемых карательных экспедициях и т. п. К сожалению, столь многообещающее знакомство с ним вскоре оборвалось. «Ростовский» вдруг пропал. Встревоженная Тоня Хотеева, выдав себя за «девушку» Владимира, узнала у его сослуживцев, что «Ростовский»-Сергеев выехал вместе с командиром батальона майором Фогелем по служебным делам в Жиздру, и там они оба погибли при бомбардировке города

советской авиацией.

В конце апреля 1942 года в Людинове побывала группа войсковых разведчиков под командованием старшего лейтенанта Г.С. Гладкова. Никаких данных о том, что армейцы встречались в Людинове с Шумавцовым, нет. Однако в своем отчете старший лейтенант указал, что перед заходом в город он встречался с командиром партизанского отряда В.И. Золотухиным, а в самом городе — с одним рабочим, у которого группа и заночевала. С большой степенью достоверности можно предположить, что эту явку Г.С. Гладкову дал именно В.И. Золотухин и что это была квартира кого-то из группы Алексея, если не его самого.

На следующий день разведчики обследовали Людиново, «уточняя, — как писал в отчете старший лейтенант, — места расположения основных баз и военных средств населенного пункта».

Для нас важно, что в основных положениях сведения, собранные опытными войсковыми разведчиками, совпали с данными, что сообщили командованию юноши и девушки из группы Шумавцова.

Летом 1942 года партизанское движение на территории нынешних Орловской, Брянской и Калужской областей достигло наивысшего размаха. Фактически образовался настоящий партизанский край, охвативший Людиновский, Дятьковский, Куйбышевский, Рогнединский, Дубровский и Жуковский районы. Возникла необходимость большей координации деятельности здешних многочисленных, воюющих самостоятельно, без достаточной взаимосвязи отрядов.

С этой целью в Центральном штабе партизанского движения было принято решение о создании в этом регионе трех партизанских бригад: Дятьковской, Рогнединской и Бытошской.

15 октября 1942 года приказом Главнокомандующего партизанским движением Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова[26] была, в частности, образована Бытошская партизанская бригада, в которую вошли Людиновский, Бытошский и Ивотский партизанские отряды с общим числом бойцов до пятисот. Командиром бригады был назначен В. И. Золотухин. В этой связи бывший Люлиноюжий отряд был вынужден отойти в глубь лесного массива, к поселку Старь Дятьковского района, примерно сорок километров от Людинова. Это, разумеется, затруднило связь штаба уже бригады с людиновскими городскими разведчиками. Однако она по-прежнему поддерживалась регулярно воистину неутомимыми связными. Более того, именно в этот период передаваемая от группы Шумавцова информация приобрела особенно важное

значение.

* * *

Попытки немцев предпринять наступательные операции на этом участке фронта привели к значительной активизации подполья. Городские разведчики возобновили, причем в серьезном масштабе, и диверсии. Из отряда в город было доставлено некоторое количество взрывчатки и уже снаряженных мин. И теперь почти каждую ночь ребята — особенно успешно это получалось у Шуры Лясоцкого и Толи Апатьева — устанавливали мины на улицах, переходящих в дороги, ведущие в сторону Жиздры, Агеевки, Букони. Именно по ним немецкие воинские подразделения передвигались наиболее интенсивно. Так, только в один день на минах, установленных ими на большаке Людиново—Букань, подорвались два грузовика, погибло около 40 солдат.

Потом обнаружилось, что эта работа оказалась весьма по душе девушкам — Римме Фирсовой и Нине Хрычиковой, которые до сих пор занимались вместе с «тетей Марусей» Вострухиной главным образом распространением листовок.

Взрывы мин на окраинах города немцы приписывали партизанам и потому искали диверсантов не со стороны города, а с леса. Теперь каждое утро на выездах из города можно было видеть, как немецкие саперы с миноискателями тщательно рыскают по дорогам, выискивают, а потом разминируют поставленные с ночи заряды. А тем временем транспорты с живой силой и боеприпасами, а также боевая техника простаивали, что тоже было не так уж плохо.

Но так продолжалось сравнительно недолго — вскоре взрывы на дорогах даже после прохода саперов возобновились. Дело в том, что по совету Григория Сазонкина подпольщики стали устанавливать заряды без металлических коробов и с картонными, а не с металлическими капсюлями. Такие заряды миноискатели обнаружить не могли.

Потеряв подряд несколько автомашин и, соответственно, солдат, немцы изменили порядок выезда из города на большаки: они стали гонять машины и иную технику не по проезжей части, а по тротуарам, так что грузовики едва не касались стен домов. Минирование улиц пришлось прекратить, иначе могли бы пострадать жители.

Теперь ребята стали минировать дороги подальше от города. Это, конечно, было опаснее, так как на открытом пространстве обнаружить подрывников было легче, но ребята и девушки об

опасности не думали и своей диверсионной деятельности не прекратили.

Наконец подпольщики получили из штаба доставленные с Большой земли английские магнитные мины с часовым механизмом. Алексей, Шура, Толя с любопытством и одобрением разглядывали заморскую новинку — небольшую, чуть толще папиросной пачки, металлическую коробочку с круглым набирателем на желаемое время. Многие годы советская цензура почему-то не разрешала писать, что наши партизаны и военные разведчики пользовались этими взрывными устройствами, поступившими от британских союзников. О том, что мы получали от американцев и англичан танки, самолеты, знаменитые грузовики «Студебеккеры», военные легковушки «Виллисы», а также свиную тушенку, писать можно было, а про мины нельзя. То ли считалось это жутким секретом, то ли кто-то счел, что это унижает наше национальное достоинство. А между тем это было поистине замечательное устройство. Нужное время устанавливалось простым поворотом набирателя. Саму мину, помещающуюся в кармане, не нужно было крепить к вагону или грузовику. Достаточно было одним движением руки подсунуть ее снизу или сбоку, как она напрочь прилипала к металлической поверхности и взрывалась в нужное время, когда тот же грузовик, скажем, мог отъехать от места диверсии километров за сто. Чтобы произвести диверсию с помощью такой мины, не требовалось обладать знаниями и навыками минера. Нужно было только незаметно подобраться к минируемому объекту.

Фронтовики-шоферы, прибывая с передовой, часто оставляли машины просто под окнами домов, в которых ночевали. Задача состояла в том, чтобы подгадать время, когда машина загрузится и выйдет в обратный рейс, чтобы не тратить взрывное устройство на порожний грузовик. Мощность мины была не такая уж большая, чтобы нанести серьезное повреждение танку, но, если ее подкладывали под машину с боеприпасами или бочками с горючим, эффект был превосходным.

Большей частью немцы загружали машины ранним утром на территории завода, где, как уже известно, часть бездействующих цехов использовалась как склады. Если ночью на стоянке у дома, то уже здесь им и придавали «лишний груз» в несколько сот граммов.

Все шло хорошо, пока один из грузовиков то ли задержался почему-то, то ли кто-то из подпольщиков ошибся в определении времени, не взлетел на воздух, даже не доехав до ворот еще на заводском дворе. После этого чрезвычайного происшествия немцы установили строгий контроль за машинами, устраивали

им самый дотошный осмотр. Это усложнило работу подпольщиков, но взрывы, тем не менее, не прекратились. Ребята стали подлавливать машины уже на улицах, хотя это было по-настоящему опасно.

Шумавцов даже предпринял попытку взорвать легковой «Опель Капитан» самого командира немецкой дивизии генерал-майора Ренике. Несколько дней он караулил, шляясь возле дома бывшего директора локомобильного завода Аброскина, где располагался штаб дивизии, пока не установил «Магнитку» под крыло переднего колеса. Но судьба в тот день хранила генерала — машиной вдруг воспользовался кто-то из штабных офицеров. Об этой поре деятельности подполья Шумавцов сообщал в отряд так:

> «Магнитные мины хороши и удобны. Свыше двух десятков автомашин, груженных боеприпасами, не вернулись из рейса. Одна взорвалась преждевременно на выезде из завода. Последовал приказ оккупантов без тщательного осмотра машины в завод не впускать на погрузку.
>
> Наша длительная охота за генеральской автомашиной не принесла результатов. Машину заминировать удалось. Но в ней поехал штабной офицер в сторону Букани. Обратно машина не вернулась. Теперь снова последовал приказ, запрещающий пешеходам ходить по правой стороне улицы Ш-го Интернационала, где расположен штаб немецкой дивизии. 3.VIII.42.
>
> *«Орел».*

Меж тем судьба неумолимо, как часовой механизм на мине замедленного действия, отсчитывала последние недели и дни людиновского подполья. Тем более дороги нам чудом сохранившиеся оригиналы последних же четырех донесений Алексея Шумавцова, словно подводящих итог боевой работы и самого «Орла», и его товарищей. Приводим и тексты этих донесений и факсимильное их воспроизведение без комментариев. В них нет нужды.

> «Немцы в Людинове строят линию обороны. Она тянется от лесопилки вдоль линии до Псурского, а возможно и дальше, моста.[27] На это строительство фашистские сволочи ломают наши дома. Выгоняют из домов мирных жителей, дома и надворные постройки они увозят на строительство Д.З.О.Т. ов.

Терпеливые русские люди все эти издевательства скрепя сердце переносят. Но они знают, что скоро настанет тот час, стыда великая Красная Армия освободит от этого фашистского ига и отомстит за все эти издевательства. Они уверены в нашей победе.

13-го/IX-42. К сему «Орел».

Через три дня, 17 сентября, в отряд поступает новое сообщение: «Бывшую школу ФЗУ фашисты превратили в авторемонтную мастерскую, в мастерской много машин, моторов и разных частей от машин. Большое количество машин стоит в сарае ВУИ, а в здании ВУП лежат моторы».

На этом же листке вычерчена подробная схема с ориентирами. Под ней приписано: «Прекрасный район для бомбежки».

Третье донесение, также снабженное выразительным чертежом, датировано 26-м сентября.

«За ул. Свердлова, в лесу, по обе стороны Агеевской дороги, 500 метр, от улицы на протяжении 1 км стоит большое количество неприятельских машин. Приблизительно 100–120. Имеется также и 5–6 пушек среднего калибра, пулеметы и живая сила противника.

Прекрасное место для бомбежки, товарищ командир!

К сему «Орел».

В тот же день Алексей посылает еще одно донесение-чертеж: «На этом чертеже представлено расположение вражеских войск около Псурского моста по ж. д. Немцев здесь стоит большое количество. Здесь есть солдаты, лошади, машины.

Немцы делают землянки и роют окопы по Псурской канаве. Установлены зенитки и пулеметы. Имеется всего 9 кухонь. Точное количество вражеских войск, живой силы и техники противника не знаю».

Гибель подполья

В годы Великой Отечественной войны подпольные организации и группы существовали в сотнях больших и малых городов и поселков. И все они, в отличие от партизанских отрядов, рано или поздно были разгромлены спецслужбами оккупантов, не уцелела ни одна. Спаслись лишь отдельные их участники, которым по разным причинам просто повезло.

Видимо, существует какая-то скрытая закономерность, до конца еще исследователями не познанная. Трагический конец наступает, по нашему мнению, в силу сплетения ряда обстоятельств.

Гораздо реже, чем принято считать, провалы происходили из-за прямого предательства кого-либо из подпольщиков. При этом не следует считать предательством, когда арестованный, не выдержав изощренных пыток или пыток членов его семьи, начинал давать показания. Об этом можно только горько сожалеть, но обвинять в этом никого нельзя. Видимо, существует предел мучений, которые способен выдержать человек, у каждого он свой, и предугадать его заранее невозможно.

Но куда чаще спецслужбы оккупантов, особенно СД и ГФП, использовали свои специфические контрразведывательные методы, вычисляли подпольщиков и разведчиков. Не следует забывать, что в этих спецслужбах работали не только садисты-костоломы, но и высококвалифицированные специалисты сыска.

В небольших городах была своя особенность. Здесь, повторимся, русские полицейские часто еще с довоенных времен лично знали многих местных жителей, а потому могли брать под наблюдение тех, кто, по их представлениям, мог стать подпольщиком.

Наконец, в жизни почти каждого подпольщика наступал критический момент невыносимой психологической усталости, когда от непрестанного нервного напряжения, мобилизации всех душевных сил выдержка сдавала и человек начинал совершать ошибки. Ослабевала бдительность, порой приходило обманчивое чувство собственной неуязвимости.

Можно предположить, что у Дмитрия Иванова были сильные подозрения на принадлежность к подполью его одноклассников Тони Хотеевой и Коли Евтеева. Антонину, к тому же, он невзлюбил еще со школьных времен. Возможно, из-за пустяка, к примеру, когда-то она могла отказать ему на танцах. А может, и потому, что она была активной общественницей. Он определенно подозревал Клавдию Антоновну Азарову и с большим недоверием относился к Викторину и Олимпиаде Зарецким. Но всего этого было недостаточно, чтобы нанести по подполью сильный и действенный удар.

Роковую ошибку совершил, увы, сам Алексей Шумавцов, когда принял в группу Прохора Соцкого. Этот тихий, неприметный, с абсолютно незапоминающейся внешностью парень, родом из деревни Игнатовка, в нескольких километрах от Людинова, появился в городе совсем недавно и поступил на работу на локомобильный завод. Сначала он был разнорабочим, а

потом сделался кладовщиком в ремонтно-строительном цехе. У его деревенской семьи были какие-то давние отношения с бывшим мастером, а теперь начальником этого цеха Федором Ивановичем Гришиным, на квартире которого он и поселился. Платил Прохор за жилье скорее всего продуктами, за которыми раз в неделю ходил в родную деревню.

Начальником цеха Гришин был старательным. Имея в своем подчинении свыше ста рабочих, он лично руководил восстановлением производственных цехов завода, электростанции, ремонтом зданий немецкой комендатуры, полиции и тюрьмы, а также квартир немецких офицеров. Позднее, в 1943 году, он выехал с немцами в Минск, где в должности мастера работал на военном заводе под началом того же майора Бенкендорфа.

Как попал Прохор Соцкий в организацию, кто его порекомендовал, или привлек сам Алексей — остается неизвестным, вернее, есть несколько противоречивых свидетельств, разобраться в которых сегодня невозможно. По законам конспирации привлекать Соцкого, даже «втемную», было никак нельзя: за несколько месяцев его четыре (!) раза на два-три дня задерживала полиция. Как-то возили в Жиздру, где предлагали стать полицейским, но он якобы отказался. Однажды его даже допрашивал начальник ГФП майор войск СС Айзенгут.

Нам неизвестно, знал ли Шумавцов об этих задержаниях или нет. Сам Соцкий на следствии утверждал, что рассказывал об этом Алексею, но проверить это невозможно.

Загадочным остается и то задание, которое Шумавцов дал Соцкому: составить список работников завода, сотрудничающих активно с оккупационными властями. Загадочным потому, что сам Шумавцов, работающий уже с первых дней оккупации, т. е. больше года, знал всех ответственных работников завода, начиная от управляющего Ивана Мамонова и до бригадира вахтеров, куда лучше Соцкого, на заводе, да и вообще в городе новичка.

Возможно, Шумавцов хотел сопоставить список Соцкого с собственными наблюдениями.

Как бы то ни было, Соцкий, повторяем, то ли по недомыслию, то ли сознательно, но, работая под дурачка, обратился за помощью к… своему домохозяину.

Федор Гришин, как установил на своем заседании 30–31 января 1953 года военный трибунал войск МГБ Тульской области, был еще в марте 1942 года привлечен комендантом фон Бенкендорфом к секретному сотрудничеству, он должен был выявлять рабочих, недовольных оккупационным режимом, и доносить о них. Именно он и выдал в конечном счете группу

Алексея Шумавцова, за что и был осужден к двадцати пяти годам заключения в лагерях.

Как показал на суде сам Гришин, Соцкий сообщил ему не только о самом задании, но и то, что получил его от электромонтера Алексея Шумавцова.

Гришин пообещал Соцкому (разговор происходил у них дома, по окончании рабочего дня) помочь в составлении такого списка, а сам на следующее утро рассказал обо всем своему приятелю, тоже немецкому агенту бухгалтеру Федору Алексеевичу Степичеву.

Степичев разволновался, сказал Гришину, что его сын Сергей, работающий вместе с Шумавцовым, давно подозревает Алексея в принадлежности к подполью, в частности, в том, что тот причастен к совершенным на заводе диверсиям.

Степичев заявил Гришину, что им следует немедленно сообщить обо всем майору Бенкендорфу. Они тут же пошли к коменданту, у которого, как известно читателю, был на заводе свой кабинет, где он регулярно проводил часть рабочего дня. Бенкендорф внимательно выслушал устный донос двух предателей, остался весьма оным доволен и велел им тут же написать письменное заявление и отнести его в полицию старшему следователю Иванову. Прямо в кабинете Гришин и Степичев составили требуемое заявление и подписали его. Однако в полицию донос отнес один Гришин и вручил там лично, из рук в руки, старшему следователю Иванову в присутствии немецкого унтер-офицера Вилли Крейцера. Спустя день-два, 31 октября 1942 года, по приказу Иванова полицейский Горячкин арестовал Александра Лясоцкого. Днем позже он же арестовал Марию Лясоцкую, а другие полицаи взяли Антонину и Александру Хотеевых. Задержали еще несколько человек, в том числе и Соцкого, которого, однако, по распоряжению Бенкендорфа, тут же освободили. Через несколько дней освободили еще кое-кого: либо против них полицаи не нашли достаточно улик, либо решили взять их под плотное наблюдение для выявления связей. Зину Хотееву спасло от ареста счастливое стечение обстоятельств: она в это время находилась в отряде и домой так больше и не вернулась.

Алексей Шумавцов 1 ноября уже знал об аресте Шуры Лясоцкого и совершил ошибку: вместо того чтобы немедленно скрыться, оторваться от наблюдения (если такое было) и уйти в лес к партизанам, он вышел утром на работу. Менять износившуюся проводку на улице Калинина. Его сняли прямо со столба. Подъехала крытая машина, из нее вылез полицай Сергей Сахаров, направил на Алексея автомат и крикнул: «Слазь!» Когда

Алексей спустился, полицай велел ему сбросить с ног «кошки» и сам забросил их в кузов — не оставлять же казенное добро на улице.

В тот же день и тоже на рабочем месте был схвачен Анатолий Апатьев.

Тут мы тоже встречаемся с несколькими загадками. Из показаний и Гришина, и Соцкого явствует, что Прохор назвал своему домохозяину и начальнику фамилию одного Шумавцова. Почему же, в таком случае, были арестованы Щура и Мария Лясоцкие, Апатьев, сестры Хотеевы, задержаны другие подпольщики? Можно сделать два предположения. Первое — Гришин и Соцкий не все рассказали на следствии. Второе — очень профессионально сработал Дмитрий Иванов, в считаные дни и часы выявил и проследил связи Шумавцова. Тем более что всех этих ребят и девушек он знал лично.

Не исключено, впрочем, что имело место и первое, и второе. Следователь Владимир Иванович Киселев рассказывал, что Соцкий Прохор Борисович на суде по делу Иванова в марте 1957 года отказался от своих показаний, данных в ходе предварительного следствия. За дачу заведомо ложных показаний он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР. Соцкий признал себя виновным в этом, пояснил, что правдивые показания о своей роли — случайном провале группы Алексея Шумавцова — он давал именно на предварительном следствии по делу Гришина Ф.И. в 1953 году и по делу Иванова в 1956 году. На суде же, по делу последнего, у него не хватило смелости публично, в присутствии сотен жителей города, повторить это. Он смалодушничал и готов нести за это ответственность.

Ему грозило наказание сроком до 2-х лет лишения свободы. Однако дело по его обвинению было прекращено на основании Указа Президиума ВС СССР от 1 ноября 1957 года об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В статье 5 этого Указа говорилось: «…прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о преступлениях, совершенных до издания настоящего Указа, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3-х лет…»

Так закончилась еще одна драма.

По словам Соцкого, он знал о принадлежности к организации Анатолия Апатьева, Николая Евтеева, Георгия Хрычикова, но Гришину, мол, назвал фамилию лишь Шумавцова. О расстреле подпольщиков ему 8 ноября рассказал Михаил Цурилин.

Трое оставшихся в живых ребят ушли после освобождения

Людинова на фронт, и все трое погибли в боях. Николай Евтеев был убит почти сразу — 23 декабря 1943 года, Михаил Цурилин ненамного позже — 21 февраля 1944 года, а Виктор Апатьев погиб последним уже в 1945 году. Соцкий знал это точно, потому что служил с ними в одной дивизии.

Так что же происходило в стенах людиновской тюрьмы и за их пределами в ту роковую первую неделю ноября 1942 года?

Из показаний оставшихся в живых арестованных людиновцев, а также бывших полицейских, нам известно почти все.

Авторы не считают возможным для себя как-то развертывать эти показания, акцентировать их. Полагаем, что живописать пером сторонних людей, не испытавших даже подобия перенесенных подпольщиками в полицейском застенке мук — непристойно и неэтично. Читатель и без этого может представить и прочувствовать всю меру страданий их в предсмертные часы, равно как и всю мерзость и глубину падения палачей.

Мария Ярлыкова (арестована за то, что ее зять Александр Королев был в партизанах. Он погиб в 1943 году).

«Я сидела в женской камере четверо суток. Допрашивал меня Иванов. Я по ошибке назвала его товарищем. Он на меня заорал: «Я тебе не товарищ, а господин».

Однажды меня привели на допрос в полицию, там я увидела Анатолия Апатьева. Он мне рассказал, что их зверски пытают, что ему Иванов велел дать 29 розог.[28]

Я сама слышала доносившиеся из кабинета дикие крики Шумавцова и Лясоцкого. Меня тогда не успели допросить и увели обратно в камеру. Потом я подсчитала, что из двадцати семи человек, находившихся тогда в тюрьме, расстреляли двадцать одного».

Когда-то, в сороковые и пятидесятые годы, в книгах о войне можно было прочитать о том, как гордо молчали под пытками захваченные в плен партизаны. Это неправда, молчать под пытками невозможно. Люди не могут удержаться от крика, когда их порют шомполами, загоняют иголки под ногти, водят по коже пламенем паяльной лампы, пропускают через тело электрический ток. Они кричат, иногда матерятся… Пока не потеряют сознание.

А когда приходят в себя, после того как окатят их ведром холодной воды, то думают не о том, чтобы, стиснув зубы, назло мучителям сдерживать крик и стоны, а чтобы не проговориться, не выдать товарищей… Увы, это не всем удавалось. Однако мы с достоверностью знаем, что ни Шумавцов, ни Лясоцкий, ни Апатьев, ни Мария Михайловна, ни сестры Хотеевы не выдали никого…

Уже известная читателю семнадцатилетняя девушка:

«Мария Лясоцкая пришла с допроса его [Иванова] вся избитая. Бурмистрову Акулину избивали Иванов и Стулов за то, что ее сын был в партизанах. Я сама видела на ее теле следы ужасных побоев».

Сын Бурмистровой Николай точно был в партизанах. Его схватили при переходе линии фронта и раненого доставили в ГФП. Установив, что перед этим он посетил дом партизана Николая Рыбкина, немцы велели полицаям арестовать его семью…

Мария Моисеева (в замужестве Тарасова):

«Лясоцкую Марию и Бурмистрову Акулину приводили в камеру с допросов избитыми, платья на них были разорваны. Лясоцкая даже не могла сама держаться на ногах.

Шумавцов и Лясоцкий, с которыми мы переговаривались через дыру в стенке, рассказывали, что их сильно избивал Дмитрий Иванов».

Капитолина Астахова:

«Меня арестовали за брата-партизана…

Я сама слышала за дверью звуки ударов и ужасные крики Алеши Шумавцова».

Володя Рыбкин (ко дню ареста ему было четырнадцать лет):

«Меня допрашивал Иванов. Избивал резиновой плеткой. Угрожал паяльной лампой. Потом снял со стены саблю и ударил ею несколько раз. Потом меня по его приказу били еще Егор Сухорукое и Стулов.

Шумавцова, Лясоцкого и Апатьева избивали на допросах у Иванова. Я сам видел кровь на лице Лясоцкого после его возвращения с допроса. Лясоцкий в камере рассказывал, что его избивал Дмитрий Иванов. Я сам видел, как полицейские, фамилий не Помню, били Шумавцова ногами прямо в коридоре КПЗ. Из камеры я слышал крики Апатьева, Шумавцова и Лясоцкого во время допроса в дежурке КПЗ».

Они очень спешили, следователи и просто полицаи. Еще бы! Впервые они вышли не просто на подозреваемых, или родственников партизан, таких в Людинове и округе было множество, а на настоящих подпольщиков, имеющих, похоже,

связи и с бригадой, и с Красной Армией. А потому вели допросы круглые сутки, и в помещении полиции, и прямо в КПЗ, чего вообще-то делать не полагалось.

Георгий Хрычиков:

«Меня арестовал 2 ноября 1942 года Егор Сухоруков. Когда привели в полицию, там уже находились Шумавцов, Лясоцкий, Анатолий Апатьев, сестры Хотеевы, Володя Рыбкин. Оттуда полицейские под командой отвели нас в тюрьму.

Я находился в одной камере с Апатьевым и Рыбкиным. Через два дня к нам перевели Шумавцова и Лясоцкого. Они были сильно избиты. У Шумавцова были выбиты зубы. Он рассказал, что его допрашивал Иванов. Он издевался над ним, потом выбил зубы.

То же самое рассказывал и Лясоцкий.

Меня допрашивали Иванов и еще несколько полицаев. Немцев не было. Иванов обвинил меня в том, что я участник группы Шумавцова, что я связан с партизанами. Я ни в чем не признавался. Тогда Иванов приказал мне положить голову на стол. Я вынужден был подчиниться. Иванов два раза сильно ударил меня по шее резиновым шлангом, требуя, чтобы я во всем сознался. При этом он приговаривал: «Вся ваша свита попалась». Затем он стал бить меня по лицу. Я тоже ничего не сказал. Он замахивался на меня саблей, угрожал отрубить голову. Я молчал. Тогда Иванов велел дать мне двадцать пять розог. Меня раздели, сняли штаны, задрали рубашку, заставили лечь на скамейку, и двое полицейских стали бить меня шомполами.

Потом бросили в камеру. Вся спина у меня была в крови.

Вслед за мной допрашивали сестер Хотеевых.

Молодцом держался маленький, щуплый на вид Володя Рыбкин. Весь избитый, оборванный (у него почему-то оставался только один ботинок, вторая нога была босая), он даже пританцовывал в камере, приободряя нас всех.

В тюрьме я пробыл восемь дней. Меня допрашивали еще три раза и дали еще двадцать шомполов».

Егор Сухорукое, бывший полицейский:

> «Я сам видел, как Иванов зверски избивал шомполом и резиновой трубкой Хотееву прямо в камере. Он также бил Шумавцова, Лясоцкого и других арестованных».

Когда следствие перешло к эпизоду с группой Шумавцова, нервы Иванова по-настоящему дрогнули. Он засуетился, стал отрицать какое-либо свое к нему причастие. Уже не в состоянии придавать своим ответам на вопросы следователей хоть какое-то правдоподобие, он даже утратил способность сопоставлять даты.

Он отказался признать, что получил письменный донос от Гришина. Потом стал утверждать, что все эти аресты происходили в октябре 1942 года, когда он находился в командировке в Бытоше у Стулова. Что дело Шумавцова вел Хабров, а он, Иванов, приехал лишь к его завершению и только однажды допрашивал Лясоцкого.

Опровергнуть эти утверждения никакой трудности не представляло. По показаниям полицейских Ивана Апокина и Василия Стулова, Иванов ездил в Бытошь не в октябре, а летом. К слову сказать, сам Стулов в это время в Бытоше уже не служил, в сентябре еще был переведен в Людиново и в ноябре участвовал в допросе подпольщиков группы Шумавцова вместе с… Ивановым.

Все допрошенные поодиночке полицаи, бывший следователь Хабров и уцелевшие подпольщики показали, что аресты производились по приказам Иванова, а само следствие, вернее, допросы арестованных велись под его руководством и при его личном участии.

Из арестованных подпольщиков отпустили после допросов только Георгия Хрычикова, у которого дома при обыске ничего не нашли, и Марию Кузьминичну Вострухину — после трех дней содержания в КПЗ.

У других арестованных было найдено оружие, взрывчатка, гранаты, бикфордовы шнуры, листовки, даже одна английская магнитная мина — неопровержимые улики.

Шумавцова, как рассказала вернувшимся после освобождения родителям Алексея бабушка Евдокия Андреевна, на обыск привозили домой. Руки у него были связаны за спиной проволокой, все зубы спереди выбиты. Вот так, со связанными руками, Иванов заставлял его лазать на чердак. Кроме Иванова, обыск проводили также полицейские Семен Исправников, Сергей Сахаров и Александр Сафонов.[29]

Или они плохо искали, или Шумавцов умел-таки хорошо прятать… Во всяком случае, когда в 1952 году в доме проводили ремонт, то под крышей были найдены немецкая винтовка, пистолет «парабеллум», солдатская шапка, несколько листовок. Нашли тщательно завернутый, а потому прекрасно сохранившийся комсомольский билет Алексея. Откуда взялся у Алексея «парабеллум»? Об этом стало известно из рассказа подпольщика Георгия Хрычикова. Однажды в июне 1942 года они вдвоем с разведывательной целью пошли в лес. Прикрытием служили пропуска, разрешающие покос травы. В лесу они наткнулись на телефонный провод, и тут Алексей вдруг предложил:

— Давай уничтожим немца…

— Но как? — спросил Хрычиков.

— Вырежем метров двадцать провода, немцы пошлют связиста на устранение обрыва на линии, тут мы его и возьмем.

Георгий согласился, и они тут же распределили роли. Первую часть плана — вырезать кусок провода — было выполнить просто. Труднее далось напряженное ожидание в кустах. Действительно, минут через тридцать появился немецкий солдат на велосипеде. Когда он слез наземь и приступил к наращиванию провода, ребята набросились на него, и Алексей нанес ему смертельный удар финским ножом. Собственным ножом солдата… Потом вынул из пристегнутой к поясу кобуры тяжелый «парабеллум». Нам неизвестно, удалось ли Алексею в оставшиеся до гибели недели пустить в ход захваченное оружие.

В камерах предварительного заключения было грязно, сыро и холодно, к тому же заключенные голодали — лишь один раз в день им давали какую-то жидкую баланду. Мисок не полагалось, вместо них пользовались ржавыми консервными банками.

По свидетельству оставшихся в живых, ребята и девушки трогательно заботились друг о друге, особенно после возвращения с допросов. Смывали кровь, делали примочки, ободряли, как могли. Они прекрасно сознавали, что надеяться на чудо не приходится, жить им осталось считаные дни, а то и часы. Нет, они не были фанатиками, не готовность к самопожертвованию ради прекрасной, но отвлеченной идеи подвигала их на путь бескомпромиссной борьбы с врагами Отечества, народа и — каждого их них в отдельности.

Право на жизнь действительно первое и самое главное право, данное нам от рождения. Но ведь и право народа на существование складывается из прав на жизнь каждого члена общества. И бывают ситуации и обстоятельства, когда эти права — каждого и всех — настолько сплетаются, что образуют некое нераздельное единство. Осознание этой общей судьбы — всего народа в целом, и каждого его сына и дочери в отдельности — и позволяет человеку сознательно идти на смертельный риск. Таким обстоятельством в жизни подавляющего большинства всех людей, населяющих тогдашний Советский Союз, и была Великая Отечественная война.

Воинский долг перед Отечеством означал для каждого патриота долг перед народом, перед своей семьей, перед самим собой. Спасение своей жизни было немыслимо для них без спасения Отечества.

…Меж тем приближалась развязка.

Мы не знаем, каким образом, но полиция и ГФП правильно рассчитали, что наиболее вероятным, к тому же ближайшим к

городу местом встречи подпольщиков со связными отряда должен быть лес, подступающий к Людинову с юго-восточной стороны от деревни Войлово.

И тогда майор Бенкендорф поставил перед старшим следователем Ивановым задачу: используя арестованных руководителей подполья (то, что таковыми являются Шумавцов и Лясоцкий, было ясно с самого начала), захватить партизанских связников. Для этого можно посулить молодым ребятам жизнь. Можно не сомневаться, что майор выполнил бы свое обещание. Он был искренне убежден, что самыми верными прислужниками становятся те, кто по малодушию либо корысти ради отрекается от своих… Потому как для них нет обратной дороги. Иванов думал иначе. Он лучше знал этих ребят и был уверен, что, раз уж они выдержали испытание внезапностью ареста (а это уже само по себе сильнейшее потрясение, даже если тебя при этом и пальцем не тронули) и последующими жестокими избиениями, то их уже не купишь обещанием сохранить жизнь — да и не поверят они ему. Лично он бы — не поверил.

И все же, выполняя приказ, Иванов предложил Шумавцову и Лясоцкому (он догадывался, что только они могут точно знать и место, и дни встреч со связниками) пойти на сотрудничество.

Получив презрительный отказ, Иванов не удивился и не обозлился — на другое он всерьез и не рассчитывал. Но в глазах Бенкендорфа дело нужно было довести до конца. С этой целью он решил вывезти Шумавцова и Лясоцкого в лес, начинавшийся почти сразу за последними домами на улице Войкова, и хотя бы по их поведению определить возможные места встреч.

4 ноября, ранним утром, группа захвата на двух подводах отправилась в сторону деревни Войлово. На одной разместились, посадив между собой связанного Шумавцова, полицаи под командованием самого Иванова, на второй подводе под старшинством следователя Хаброва везли Лясоцкого.

Проехав улицу Войкова (мог ли Шура предположить, когда миновали они его родной дом, что когда-нибудь эта улица будет носить его имя?), подводы остановились на просеке лесного массива, и две группы полицаев двинулись цепью с разных сторон по направлению к деревне. Оружие держали наготове, ожидая с минуты на минуту столкновения с партизанами. Иванов внимательно наблюдал за Шумавцовым и не заметил на его лице ни малейших следов какого-либо волнения, тем более тревоги.

Алексей и в самом деле не волновался: была среда, а регулярные, очередные встречи с Посылкиным и кем-нибудь из его сопровождающих происходили по пятницам.

Примерно через час блужданий группа Иванова наткнулась

на остатки выгоревшего костра. Никаких других следов партизан обнаружено не было.

Полицаи вернулись обратно ни с чем.

Через день, в пятницу 6 ноября, Иванов повторил экспедицию. На этот раз отряд уже не делился на группы — к кострищу пробирались в одной цепи, загибая ее с флангов. Рядом с Ивановым шел немецкий унтер-офицер из ГФП, следователь Хабров, полицейские Доронин, Горячкин, Сафронов, Селифонтов…[30]

В отряде еще не знали об арестах в Людинове, и на условленном месте ждали кого-нибудь из городских разведчиков связные Афанасий Посылкин и Петр Суровцев.

Вот что показал следствию и суду сам Дмитрий Иванов: «Когда мы прошли по улице Войкова и вышли из города в лес, Шумавцов закричал, чтобы партизаны спасались, что с ними идут немцы. После этого партизаны обстреляли нашу группу и убили одного полицейского, Сафронова Александра. Партизаны отошли в глубь леса, мы не решились их преследовать и пошли обратно в Людиново. Полицейские несли труп убитого Сафронова. Когда мы шли лесом и были недалеко от улицы Войкова, немец приказал мне расстрелять арестованных Шумавцова и Лясоцкого. Я в свою очередь приказал двум полицейским, фамилий их не помню, расстрелять арестованных. Шумавцов и Лясоцкий были расстреляны там же в лесу. Я не стал смотреть, как их расстреливают, и пошел вместе с другими в Людиново».

Знакомый уже следствию ход: мол, я, Иванов, только (!) приказал другим расстрелять, и то по указанию немца, а сам даже не стал смотреть, надо полагать, берег свои нервы. Тут, правда, возникает сомнение, чтобы немецкий унтер-офицер, которому поручено было всего лишь проследить за захватом партизанских связных, взял на себя ответственность отдать приказ на расстрел двух основных подследственных. Дисциплина в немецкой армии была строгая, служебная иерархия соблюдалась неукоснительно, и подобное самоуправство было просто невозможно.

А вот что показал следствию полицейский Михаил Доронин:

> «Я вместе с другими полицейскими нес на носилках труп убитого полицейского Сафронова. Иванов с арестованными Шумавцовым и Лясоцким шел позади нас. С Ивановым тогда был немец и полицейский Селифонтов. Мы шли лесом. Вдруг позади раздались выстрелы. Через несколько минут Иванов вместе с немцем и Селифонтовым догнали нас и пошли вместе с нами. Арестованных Шумавцова и Лясоцкого с ними уже

не было. Тогда я понял, что они расстреляны».

Следователь Иван Хабров по этому поводу показал, что на обратном пути Иванов отстал вместе с арестованными, потом сзади в лесу раздались выстрелы. Через некоторое время Иванов нагнал Хаброва и сказал ему: «Дело закончено».

Все допрошенные по этому эпизоду полицаи подтверждали, что на опушке леса убили арестованных именно Дмитрий Иванов с неизвестным им немцем.

В процитированном выше показании Иванова значение имела лишь одна фраза: Шумавцов крикнул партизанам, чтобы те спасались. Этот последний подвиг Алеши Шумавцова, послуживший причиной немедленной расправы, нашел подтверждение и в других показаниях.

Зина Хотеева засвидетельствовала, что, вернувшись В отряд, Афанасий Посылкин рассказал ей и другим товарищам, что когда он с Петром Суровцевым ходил на встречу в условленное место, то услышал крик Шумавцова, чтобы партизаны скрывались. Он, Посылкин, увидел его рядом с полицаями. Они с Суровцевым стали отстреливаться, убили одного полицейского и скрылись в лесу.

Подтвердил позднее этот факт и Петр Суровцев. Добавил только, что и Шура Лясоцкий тоже крикнул: «Если много вас, помогите, а нет, бегите!»

На следующий день увели из тюрьмы на казнь Антонину и Александру Хотеевых, Анатолия Апатьева, Акулину Бурмистрову и оставшегося безымянным военнопленного. По слухам, их расстреляли за железнодорожным мостом через Сукремльское водохранилище близ железнодорожной ветки, ведущей к станции Людиновое. После освобождения Людинова Зина Хотеева сама ходила туда — там было обнаружено множество трупов, но ни сестер Хотеевых, ни Анатолия опознать среди них не удалось. Были и другие слухи — что их расстреляли возле железнодорожного моста через Ломпадь, а тела спустили в прорубь…

Останки Шумавцова и Лясоцкого были обнаружены весной 1943 года, когда сошел снег, войловским пастухом в пятистах метрах от улицы Войкова. Тело Лясоцкого опознал его одиннадцатилетний двоюродный брат по материнской линии Геннадий Кульганик. Тело же Шумавцова оказалось обезглавленным, его опознали лишь по одежде и меткам на белье. Обезглавлено… Немецкий унтер-офицер не мог знать, что по русскому обычаю в каждой телеге непременно положено быть топору. Особенно если ехать предстояло в лес, к тому же в

предзимнюю пору. Зато об этом прекрасно знал сын крестьянина и возчика Дмитрий Иванов. Поэтому сходить за топором к телеге мог только он…

Найденные тела убитых тогда же и там же в лесу были закопаны. Их перезахоронили в одном гробу на городском кладбище с воинскими почестями уже после освобождения Людинова.

В те же первые числа ноября были арестованы две партизанские семьи — Лясоцких и Рыбкиных. Кроме уже взятых ранее Александра и Марии Лясоцких, полицаи отвели в тюрьму их отца Михаила Дмитриевича, мать Матрену Никитичну; сестер: шестнадцатилетнюю Нину, четырнадцатилетнюю Лидию, шестилетнюю Зою; восьмилетнего брата Николая и двухлетнюю дочь Марии Тамару. В доме Рыбкиных полицаи схватили жену партизана Екатерину Николаевну и сына-подростка Володю. Словно чуя приближение беды, Рыбкина отнесла накануне трехлетнюю дочку Веру к бабушке, но девочку и там разыскали всезнающие полицаи.

На следствии Иванов утверждал, что арестовал семьи Лясоцких и Рыбкиных по прямому приказанию Бенкендорфа. Возможно, это и правда. Но Бенкендорф никак не мог знать, что в этих семьях только трое взрослых, все остальные — подростки и дети, в том числе совсем малолетние, к примеру он не мог, разумеется, знать, где находится трехлетняя Вера Рыбкина, если вообще подозревал об ее существовании. Но все это прекрасно знали Дмитрий Иванов и его ищейки.

Допускаем, что приказ расстрелять семьи поступил от Бенкендорфа, но почти наверняка — в общей форме. В любом случае, Иванов, заговори в нем чуть-чуть совесть и слабое желание, мог спасти хотя бы двух-трехлетних детей, «не разыскать» у бабушки ту же Веру Рыбкину… Нет, он лично ночью с отделением палачей — шесть человек, старший Михаил Доронин, дошел почти до самого места казни, дождался выстрелов, принял доклад Доронина, а затем велел ему пересчитать трупы. Их должно было быть одиннадцать — к девяти членам семей присоединили Марию Лясоцкую и Володю Рыбкина.

Доронин, командовавший расстрелом, из пяти, кроме него, участников преступной акции, смог припомнить только одного Павла Птахина. Позднее стали известны фамилии еще двоих — Носов и Николай Растегин.

Утром с заданием пересчитать трупы (очень волновал его этот момент!) Иванов послал к месту казни еще и следователя Хаброва. Когда убитых пересчитали, то одного не хватало —

трупа Володи Рыбкина. За его поимку Иванов — не Бенкендорф! — назначил премию.

Как происходила чудовищная расправа, рассказал на суде чудом спасшийся сам Володя Рыбкин:

«В ночь с 5 на 6 ноября[31] меня вывели из КПЗ во двор, где была моя мать и сестренка. Там же была семья Лясоцкого из 8 или 9 человек. Нас охраняли полицейские. Затем нас повели по направлению к железнодорожной станции Людиново. Из числа полицейских помню Доронина.

До железнодорожного моста вместе с полицейскими шел и Иванов Дмитрий Иванович.

Иванов остался На мосту, а нас повели дальше. Когда нас отвели метров за 250 от моста и мы проходили мимо разрушенного подвала, раздались выстрелы. Я в тот момент нес на руках свою двухлетнюю сестренку Веру. Сестренка была убита у меня на руках. Я машинально упал в подвал. Там уже было несколько трупов. Сверху на меня стали падать еще трупы. Я затаился. Полицейские еще несколько раз выстрелили в подвал. Кто-то из них говорил, что нужно бросить в подвал пару фанат, однако вместо этого они бросили сверху две половинки от ворот и ушли.

Через несколько минут я выбрался из подвала, посмотрел, увидев, что полицейские были на мосту, подождал, а затем отполз в лес и пошел в город Людиново к своей бабушке Потаповой, ее звали Анна Павловна.

Я прятался несколько дней у родственников в городе Людиново, а затем ушел в лес к партизанам. У партизан я был дня три. В начале декабря 1942 года в штабе партизанского отряда мне приказали пойти в Людиново вместе с партизаном Посылкиным Афанасием и Щербаковым Семеном.

Мы пошли. На окраине Людинова меня и Щербакова Семена задержали полицейские. Посылкин остался в лесу, за городом, он велел нам зайти в больницу, пояснил, что Щербаков знает зачем…»

Ни партизаны, ни сам Володя Рыбкин не знали, что его ищут, что за его поимку назначена награда. Именно поэтому Володю не только опознал, но и задержал с удовлетворением вместе с его спутником Семеном полицай Фирсов Петр, за что и получил вожделенную награду, а именно — козу…

В полиции Иванов допросил Рыбкина, выяснил, как тому удалось спастись от расстрела. Потом стал допытывать, где располагается партизанский отряд, расстелил перед подростком карту-километровку и потребовал указать на ней стоянку партизан. Рыбкин не отрицал, что был в отряде, но сказал, что

показать базу на карте не может, так как в картах не разбирается…

С Щербаковым дело обстояло иначе. При обыске у него нашли несколько записок. Одна из них была адресована медсестре городской больницы Марии Ильиничне Беловой. Писала ее племянница, партизанская медсестра Капитолина Калинина. Семилетний сынишка Калининой Мища оставался в городе на попечении Беловой.

В записке содержалось также указание командира отряда, уже знавшего об арестах в городе, Клавдии Азаровой немедленно уходить в отряд. Так как Белова никак не могла знать псевдонима Азаровой «Щука», Золотухин вынужден был проставить ее инициалы — К.А.

Другая записка вроде бы предлагала уходить в отряд и обоим военнопленным врачам — Соболеву и Евтеенко.

На одном из допросов Иванов категорично заявил, что найденные у ребят записки он отнял, а самих партизанских связных отпустил подобру-поздорову.

Писарь полиции Василий Машуров на допросе показал:

> «Иванов и Посылкин [полицейский Сергей Мих. Посылкин — однофамилец Афанасия Ильича] обыскали подростков и нашли у них записки к врачам. От них узнали о связном Посылкине. Иванов и Крейцер устроили операцию…»

Снова лопается, как мыльный пузырь, очередная ложь Иванова.

В самом деле: если Иванов порвал записки, никому ничего не сказав, то откуда о них знал Машуров? Откуда он знал о врачах? Почему, в таком случае, все же были арестованы Азарова и Белова? Почему вышли на след связного Афанасия Посылкина? К тому же, как известно, ни Рыбкин, ни Щербаков не были отпущены, вернее, их до этого использовали, чтобы поймать Посылкина.

Клавдия Антоновна Азарова была арестована ночью 9 декабря на своей квартире. Тогда же полицейский Егор Сухоруков арестовал в ее доме на улице Молотова[32] и Марию Ильиничну Белову.

Примечательно, что Иванов на допросах выдавал себя за спасителя Олимпиады Зарецкой, в присутствии которой (напоминаем, они были соседками по квартире) и была арестована Азарова.

Это вообще абсолютно неправдоподобно. Иванов никак не мог отпустить Зарецкую хотя бы потому, что никогда ее не

задерживал.

Олимпиаду Александровну действительно 19 декабря вызывали на допрос, но не в полицию, а в ГФП, к самому Антонио Айзенгуту. Тот выяснял, знала ли Зарецкая о связях Азаровой с партизанами и т. п. К самой Зарецкой у немцев никаких претензий не имелось, допрашивали ее не как подозреваемую, а как соседку и сослуживицу Азаровой.

В доме Беловой несколько дней безрезультатно сидела полицейская засада. А в двадцатых числах декабря ее расстрелял на Вербежическом тракте полицай Василий Стулов. Тогда же после пыток была расстреляна и Клавдия Антоновна Азарова…

Дмитрий Иванов битьем и обманом все же заставил Щербакова отвести его, унтер-офицера Крейцера, следователя Хаброва и группу полицейских в район деревни Вербежичи к тому месту, где его и Володю Рыбкина должен был ждать Афанасий Посылкин. В неравной короткой схватке Афанасия Ильича Посылкина тяжело ранил очередью из ручного пулемета полицейский Селифонтов.

В бессознательном состоянии Посылкин был доставлен в госпиталь, где через несколько часов и скончался, так и не придя в себя.

Щербакова и Рыбкина на сей раз действительно помиловали, скорее всего потому, что они уже никому не были, нужны. Бенкендорф и Иванов могли упиваться достигнутым успехом: группа Шумавцова и Клавдия Азарова ликвидированы, две партизанские семьи — Лясоцких и Рыбкиных — для острастки населения казнены, связник отряда Посылкин убит… Двух мальчишек можно было, сделав жест милосердия, теперь и отпустить… Володю отправили ездовым в немецкий батальон, дислоцированный в поселке Курганье, Семена — в немецкое подразделение, стоящее в поселке Бытошь…[33]

Продолжая утверждать, что он спасал жизни многих соотечественников, Иванов привел и такой пример: дескать, хотя в одной из записок, найденных у Щербакова, фигурировали имена врачей Соболева и Евтеенко, он их арестовывать не стал. Действительно, не стал. На то у Иванова было достаточно известных лишь ему оснований, кроме милосердия и, тем более, патриотизма.

Одна из таких причин могла быть самая банальная: врач Евгений Евтеенко на протяжении двух-трех месяцев лечил раненую руку Иванова, и между ними установились за это время, а потом поддерживались по-своему приятельские отношения. Возможно, Евтеенко и рад был бы от них отказаться, но боялся. За это он впоследствии жестоко расплатился: в сорок четвертом году

был осужден военным трибуналом к длительному сроку заключения. Арестовать же Соболева, оставив на свободе его напарника Евтеенко, противоречило всем азам деятельности спецслужб.

Последней жертвой людиновского подполья стал Толя Крылов — тот самый подросток, которого, как показал полицейский Иван Апокин, жестоко избивали в его присутствии Иванов и Посылкин. Этот не по возрасту маленький, но очень смекалистый, с отличной памятью мальчуган действительно был сиротой и воспитывался в Людинове своими родственниками Екатериной Стефановной Вострухиной и ее мужем Алексеем Григорьевичем, у которых было двое и своих детей. Алексей Григорьевич был партизанским связным в одной из подпольных групп.

Расширяя свою разведывательную сеть, Василий Золотухин решил пристроить этого паренька в какое-нибудь немецкое учреждение и обратился за помощью — запиской — за содействием к своей знакомой по мирному времени медсестре Настасии Егоровне Луганской. У этой женщины была дочь — красивая молодая женщина по имени Наташа, обладавшая хорошим певческим голосом. По этой причине на квартире Луганских по воскресеньям собирались на музыкальные вечера немецкие офицеры. Вскоре Наташе удалось через знакомого офицера, своего поклонника, устроить Толю Крылова истопником в немецкую комендатуру, в помещении которой находился и штаб немецкого карательного батальона.

В обязанности Толи входило вечером, по окончании рабочего дня, протапливать все печи и вообще поддерживать в помещениях должную температуру. Ночевал он тут же, вместе с полицейскими охраны.

В кабинете командира батальона висела большая карта района, на ней флажками и условными значками отмечались места, где, поданным немецкой разведки, базировались или передвигались партизаны и т. п. Это была важная информация. Кроме того, Толя слышал разговоры немецких солдат (а он уже понимал язык) и полицейских между собой о потерях партизан и карателей, о намечаемых экспедициях.

Эти сведения, естественно, уходили в отряд, а затем в бригаду и служили партизанам хорошую службу.

Погубила Толю нелепая случайность. Майор, командир батальона, потерял или забыл где-то свои часы и, раздосадо-, ванный к тому же какими-то служебными неприятностями, решил, что их украл работающий в здании русский мальчишка.

Крылова тут же избили, а потом передали в русскую

полицию. Там его тоже избили. В конце концов, чтобы избавиться от побоев, мальчишка взял на себя вину: сказал, что действительно украл часы и продал их какому-то мужику на улице, которую все в городе называли по-старому «Грядка».[34]

Дмитрий Иванов и полицейские Василий Попов повели его туда, но нужного дома, разумеется, не нашли. По возвращении в полицию Толю снова жестоко избили. Тогда он сказал, что ошибся, на самом деле покупатель живет на улице Энгельса. На этот раз его повели по новому адресу Николай Чижов и еще один полицейский, чье имя осталось неизвестным.

О том, что произошло дальше, рассказали несколько женщин, проживавших на улице Энгельса.

Мария Прохоровна Фунтикова:

> «Я днем пошла за водой, колодец у нас посреди улицы, за два дома от моего. Я видела, как два полицая вели подростка, он был весь избит, без пальто, одежда изорвана.
>
> Когда он поравнялся с колодцем, то бросился туда и утонул. Полицейские хотели туда стрелять, но я закричала… Один из них сделал из веревки петлю и стал набрасывать ему на голову. Тот не давался. Потом пришел отец мальчика и достал труп, я ему помогла. Фамилии не знаю. Позднее он умер, а неродная мать сошла с ума».

Аграфена Ильинична Барсукова показала, что полицейский Николай Чижов закричал ей: «Будешьсвидетельницей, что он сам бросился». «Я видела труп — он весь был избит, в синих полосах от шомполов».

Примерно то же самое рассказала и Александра Андреевна Рысина.

Разногласия у свидетельниц были лишь по поводу судьбы неродного отца Толи — по мнению Барсуковой, он не умер, а погиб позднее на фронте.

По всему выходит, что Дмитрий Иванов повинен еще в одном тяжком преступлении — доведении путем зверских избиений до самоубийства подростка Анатолия Крылова.

Следствие 3

Разумеется, следователи не могли обойти своим вниманием вопрос, каким образом Дмитрий Иванович Иванов превратился в Александра Ивановича Петрова, хотя это уголовно наказуемое преступление — проживание по поддельным документам — кажется сущим пустяком в сравнении с тем, что совершил старший следователь людиновской полиции в 1942–1943 годах.

Вот что было установлено.

Незадолго до освобождения Людинова Дмитрий Иванов, тогда уже заместитель бургомистра, вместе с матерью, братом Иваном и сестрой Валентиной эвакуировался в Минск, где, как документально установлено, работал под началом того же Бенкендорфа на военном заводе. Когда Красная Армия подошла уже и к столице Белоруссии, Иванов с семьей вторично эвакуировался — в Польшу, в город Калиш, где работал лесником в имении, принадлежащем Бенкендорфу. Самого майора здесь не было, после Минска его направили в Данию. В Калише находились его жена Магда и дочь.

В начале 1945 года Иванов перебрался уже на территорию Германии в город Торнау-Зюйд на реке Мельде.

Когда и сюда пришла Красная Армия, ему удалось выдать себя за военнопленного красноармейца Смирнова Николая Петровича, уроженца Гомеля. Под этой фамилией он по поддельным документам, которыми запасся загодя, был зачислен рядовым в состав 716-го отдельного саперного батальона 27-го стрелкового корпуса.

До осени того же 1945 года он служил на территории советской оккупационной зоны в Восточной Германии, а затем батальон был переведен в город Овруч Киевской области, где Иванов в его составе работал на ремонте казарм.

Однажды знакомый сержант-писарь из штаба батальона на совместной пьянке шепнул Иванову-Смирнову, что им интересуется военная контрразведка.

Почувствовав реальную угрозу разоблачения, Иванов, воспользовавшись ротозейством своего собутыльника, похитил в штабе несколько чистых красноармейских книжек, денежных и продовольственных аттестатов, проходных свидетельств, проездных документов, командировочных удостоверений и в мае 1946 года дезертировал из части.

Сначала он поехал в Киев, затем в Харьков, оттуда перебрался в Тбилиси. На знаменитом послевоенном тбилисском базаре в Авлабаре ему удалось познакомиться и сойтись с каким-

то аферистом по имени Гриша, который помог ему в городе Зестофани — это было уже в мае 1947 года — получить за взятку паспорт и военный билет на имя Александра Ивановича Петрова. Под этой фамилией он устроился работать в артель проводников грузов, перевозимых в товарных вагонах по железной дороге.

В июле 1948 года вместе с несколькими сослуживцами Иванов был арестован за составление фиктивных актов на бой большого количества бутылок шампанского. На самом деле бутылки, конечно, не бились, а перепродавались. В начале 1949 года он был осужден к 15 годам заключения. Таковы были парадоксы тогдашнего советского правосудия: многие полицаи, изменники, обагрившие свои руки кровью соотечественников, получали по… 10 лет и освобождались через 3–4 года по амнистии или с зачетом рабочих дней. И 15 лет давали за «хищение социалистической собственности» в виде нескольких ящиков шампанского…

Наказание Дмитрий Иванов отбывал в лагерях в Сольвычегодске, затем в Нижней Туре Свердловской области, наконец, в поселке Усть-Нере в Якутии. Здесь в феврале 1955 года он был освобожден, получил безукоризненные, законные документы на фамилию Петрова, закончил, как уже известно читателю, курсы шоферов и около года работал там же уже как вольнонаемный.

В августе 1956 года Иванов с работы уволился, оформил направление в санаторий и выехал в Москву, где должен был получить свои путевки, а заодно попробовать завербоваться в Дальстрой, чтобы, вернувшись в Усть-Неру, где у него была гражданская жена, работать уже в качестве контрактника, что давало немалые материальные выгоды и льготы. Иванов также намеревался подать заявление на… реабилитацию, так как считал, что осужден был неправильно.

До Магадана Иванов доехал на попутной машине, от Магадана до Находки плыл пароходом. Надо же такому случиться, что на пароходе он встретил своего бывшего сослуживца по полиции Александра Горячкина, который, также досрочно освободившись из заключения, возвращался домой. На пароходе они выпивали, но своей новой фамилии Иванов из предосторожности Горячкину не назвал, а в Находке постарался с ним расстаться.

В Москве Иванов получил в курортном отделе Дальстроя путевки в санаторий и прожил несколько дней у какого-то пьяницы, с которым познакомился в столовой и хорошо того угостил — благо в те благословенные времена водку подавали с незначительной наценкой не только в ресторанах, но в любой

харчевне и в любой час.

Через адресное бюро он узнал адрес матери и съездил к ней в Вострякoво, где впервые после мая 1945 года встретился с нею и другими родственниками. Иванов не знал, что уже тогда его появление у матери не осталось незамеченным со стороны органов госбезопасности, но задержать его, ввиду кратковременного пребывания в Вострякoво, просто не успели. Однако глаз с дома уже не спускали.

Из санатория Иванов вернулся в Москву 3 ноября. Гулял по городу, выяснял возможность и условия вербовки в Дальстрое. Ночевал на вокзалах и у случайных знакомых, в том числе у одиноких женщин, с которыми знакомился в поездах и чьи адреса и телефоны предусмотрительно записывал. В Вострякoво поехал только 9 ноября, а на следующий день и был задержан на Павелецком вокзале…

К концу следствия, которое продолжалось около четырех месяцев, Иванов сильно сдал. От недостатка движения и свежего воздуха — тюрьма не санаторий в Орджоникидзе и даже не якутская тайга — он обрюзг, лицо оплыло и приобрело какой-то мучнистый цвет.

По завершении предварительного следствия лейтенант Киселев разрешил Иванову свидания с матерью и одной из сестер, а также передачу.

Один раз Иванов сорвался: он написал заявление на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в котором пожаловался, что в его случае имело место… попрание советской революционной законности, но он, Иванов, верит, что адресат свято чтит заветы великого Ленина.

Предоставляем читателю самому расценить это необычное заявление.

Эпилог

На протяжении трех дней с 20 по 22 марта 1957 года судебная коллегия по уголовным делам Калужского областного суда рассматривала в открытом судебном заседании в городе Людиново дело по обвинению Иванова Дмитрия Ивановича, он же Смирнов Николай Петрович, он же Петров Александр Иванович, в преступлении, предусмотренном статьей 58–1а Уголовного кодекса РСФСР.

Зал Дворца культуры тепловозостроительного (бывшего локомобильного) завода был заполнен до отказа. Сотни людей стояли на площади перед дворцом и, невзирая на мартовскую ненастную погоду, не расходились часами, жадно слушая трансляцию из зала судебного заседания. Для этого на улицу были вынесены мощные громкоговорители.

Не станем описывать обстановку в зале — мы на том суде не присутствовали, но представить ее вместе с читателем можем, если вспомним, что в передних рядах сидели десятки родственников, близких, друзей жертв фашистских оккупантов и их пособников, множество бывших партизан и оставшихся в живых подпольщиков со всего района, а также просто людей, живших в 1941–1943 годах в Людинове и на себе испытавших, что такое гитлеровский «Новый порядок».

Как сказано в приговоре, «проверкой материалов предварительного следствия в судебном заседании, обвинение Иванова Дмитрия Ивановича нашло свое подтверждение».

Учитывая особую тяжесть преступлений Иванова Д.И., судебная коллегия приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу.

Сам Иванов Д.И. вину свою признал лишь частично и в кассационной жалобе в Верховный Суд РСФСР просил сохранить ему жизнь, обещая, что в этом случае он встанет в первые ряды борцов за мир.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила приговор в силе.

Президиум Верховного Совета РСФСР отклонил и ходатайство осужденного о помиловании.

В Калуге обозначенный в приговоре, вступившем в законную силу, акт правосудия — ВМН — уже давно не производился. Поэтому 15 июня 1957 года Д.И. Иванов под усиленной охраной был этапирован в Москву.

21 июня 1957 года приговор Калужского областного суда над Ивановым Д.И. был приведен в исполнение в Бутырской тюрьме.

По существовавшему тогда и сохраненному поныне положению, место захоронения осужденных к смертной казни является секретным.

То был акт Возмездия.

12 октября 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, Шумавцову Алексею Семеновичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день другим Указом были награждены посмертно: орденом Ленина — Апатьев Анатолий Васильевич, Лясоцкий Александр Михайлович, Хотеева Александра Дмитриевна, Хотеева Антонина Дмитриевна; орденом Красного Знамени — Азарова Клавдия Антоновна, Апатьев Виктор Иванович, Евтеев Николай Георгиевич.

Орденом Красного Знамени была также награждена Михаленко (Хотеева) Зинаида Дмитриевна, орденом Красной Звезды Ананьева (Хрычикова) Антонина Васильевна, Вострухина Мария Кузьминична, Зарецкая Олимпиада Александровна и Савкина (Фирсова) Римма Дмитриевна.

То были акты Воздаяния.

Юрий Сафонов
В ОСОБЫЙ ОТДЕЛ НЕ ВЕРНУЛСЯ…

От автора

Работа в КГБ СССР свела меня с интересным человеком, военным контрразведчиком Никитой Федоровичем Ковалдиным. Участник Великой Отечественной войны с первого и до последнего дня, награжденный многими орденами и медалями, знаток разных увлекательных историй и превосходный их рассказчик, он много поведал мне из своей богатейшей практики и участия чекистов в битве с фашизмом. Однажды Никита Федорович принес ко мне книгу Ванды Василевской,[35] открыл заложенную маленьким листом зеленой бумаги страницу, встал с кресла и, не торопясь, звучным голосом прочитал:

— Наши дети — героические, великолепные советские дети, которые с мужеством взрослых, с разумом взрослых борются за Родину. Дети, в крови которых горит любовь к свободе, дети, для которых Родина не мертвое слово, а сама жизнь, само биение сердца, пламенный призыв, глубочайшая любовь. И их борьба — это самый убедительный документ нашей правды.

Ковалдин тяжело вздохнул, положил книгу на стол и молча стал ходить из угла в угол. Я почувствовал, что сегодня являюсь свидетелем какого-то особого повествования Никиты Федоровича. И героями его рассказа, по-видимому, будут советские дети в Великой Отечественной войне. И я не ошибся.

Через некоторое время Никита Федорович взял книгу и сказал:

— Очень часто я вспоминаю эти слова Ванды Василевской о подвигах наших ребят во время небывалой схватки с немецким фашизмом. И всегда передо мной встает образ юного разведчика Пети Петрова. Писательница не знала этого парнишку, но все то, что она писала о советских детях, полностью относится к этому маленькому герою. Вся его юная жизнь, биение его маленького сердца были полностью отданы Родине, которую он так горячо любил. Ты знаешь, этот юный разведчик в течение непродолжительного времени совершил десять ходок в тыл противника. Ты вдумайся в эту цифру — десять раз он ходил туда, в логово фашистов. Десять раз возвращался обратно. На такое способен не каждый взрослый человек, а ведь он был мальчишка…

Волнуясь, Ковалдин опять заходил по комнате, отпил большим глотком полстакана воды и продолжил:

— Да, Петя был большим патриотом своей Отчизны, и он с разумом взрослого боролся с ее врагами.

Затем он сел в кресло и уже спокойно повел рассказ о жизни

и деятельности разведчика Особого отдела НКВД Ленинградского фронта пионере Пете Петрове. Я внимательно слушал Никиту Федоровича, делая изредка записи в блокноте. Когда он закончил свой рассказ, я предложил ему написать об удивительной судьбе юного героя. Он посмотрел на меня и сказал:

— Я и сам уже не раз думал об этом, но вот мотор сильно поизносился…

И Никита Федорович ткнул пальцем в свое левое плечо.

— Не дает он мне работать, — продолжал военный контрразведчик, — часто валяюсь в госпитале, да и ранения дают о себе знать. Но надо… Надо будет собраться. Петя заслужил, чтобы о нем знали наши люди…

Не смог написать о юном разведчике Никита Федорович. Вскоре тяжелая болезнь заставила его лечь в госпиталь, а через несколько месяцев перестало биться искалеченное немецким фашизмом сердце еще одного ветерана войны, чекиста и прекрасного рассказчика. Не стало Никиты Федоровича Ковалдина, и я посчитал своим долгом выполнить мечту военного контрразведчика — написать о Пете Петрове. Однажды я совершенно случайно натолкнулся в Центральном архиве КГБ СССР на ряд интереснейших документов, в которых рассказывалось о юном разведчике. Пожелтевшие от времени докладные записки руководства Особого отдела НКВД Ленинградского фронта, разведывательные сводки Пети, его друзей и другие документы с уже несколько угасающим текстом подтвердили то, о чем когда-то рассказал Никита Федорович. Эти документы помогли осветить некоторые факты и эпизоды из короткой, но героической жизни юного разведчика.

Мне много стало ясно в жизни Пети, но вот судьба его… Она еще долго оставалась неизвестной. В свою последнюю, одиннадцатую ходку в тыл противника он ушел 29 октября 1941 года вместе с опытными и бывалыми разведчиками Особого отдела Николаем Кузьминым и Иваном Голубцовым. Они успешно были выведены в районе железнодорожной станции Погостье во вражеский тыл. А дальше… Известно было только одно: группа с задания не вернулась. Разведчики значились без вести пропавшими.

После разгрома фашистской Германии Ковалдин и его боевые друзья по Ленинградскому фронту неоднократно пытались установить судьбу пропавших разведчиков, но ежедневный тщательный, кропотливый розыск желаемого результата не дал. У военных контрразведчиков, знавших лично Петю и его друзей, было твердое мнение: разведчики погибли. Погибли героической смертью, не склонившиеся перед фашистами, не выдавшие

никаких секретов. В этом они были твердо уверены. Их волновал только один вопрос: «Когда?.. Где оборвалась жизнь разведчиков?»

По роду работы Ковалдин и его боевые соратники знали, что разведчики, попавшие в руки врага, погибали, как правило, неизвестными героями. Под чужими фамилиями или просто одними именами. Их мужественные и смелые поединки с палачами из гитлеровских специальных служб почти всегда проходили без свидетелей. Их смерть скрывали фашисты. Поэтому установить судьбу патриотов, погибших в гитлеровских застенках, всегда очень и очень трудно. Процесс этот всегда длительный и необыкновенно сложный. Чекисты понимали все это, но не теряли надежды выйти на след Пети и его товарищей. Свою уверенность в гибели этих разведчиков они должны были доказать новому руководству, пришедшему в органы госбезопасности по партийному набору, относившемуся всегда с какой-то подозрительностью и перестраховкой ко всем тем предложениям, когда вопрос касался судеб людей, пропавших без вести в годы войны с гитлеровским фашизмом. На все предложения у них, этих горе-руководителей, проведших войну в основной в тиши кабинетов обкомов и загородных дач, был ответ: «А если он жив?..» И многозначительно показывали пальцем туда, «за бугор», намекая на то, что, может, живет этот Петя Петров припеваючи там, за границей.

Ох, как трудно было доказывать боевым товарищам Петрова обратное. Но, несмотря на все ведомственные и бюрократические «рогатки», они искали разведчиков. Они должны были доказать, чтобы в биографиях каждого из них слова «пропавшие без вести» заменить словами «погибли героической смертью за свободу Родины». Поиск шел долго. И результат пока был отрицательным.

В 1974 году судьбой Пети и его друзей занялись следопыты пионерской дружины имени Героя Советского Союза чекиста В.А. Лягина из школы-интерната № 18 города Ленин града и Совет ветеранов ленинградских военных контрразведчиков. В их благородной работе большую помощь оказывали средства массовой информации и местные советские органы. А возглавлял этот поиск ветеран органов госбезопасности, бывший начальник зафронтового (контрразведывательного) отделения Особого отдела НКВД Ленинградского фронта полковник в отставке Дмитрий Дмитриевич Таевере.

Чекисты-ветераны и красные следопыты провели огромную, титаническую по масштабам работу. Им пришлось проанализировать большой комплекс различных архивных материалов, привлечь к поиску местную прессу, опросить

родственников пропавших разведчиков, десятки жителей Ленинградской области. И вот им наконец удалось установить, что трое разведчиков в конце ноября 1941 года были схвачены гитлеровцами вблизи линии фронта, в деревне Виняголово, а 5 декабря 1941 года, как показали бывшие жители этой деревни, на берегу реки Мга фашисты расстреляли группу молодых людей. Теперь нужно было найти место захоронения расстрелянных героев. Чекисты и красные следопыты искали его долго и настойчиво. И только в 1980 году им удалось наконец найти их могилу. Находилась она в болотистой низине реки Мга.

С большим трудом из могилы извлекли останки шестерых человек, которые сразу были направлены в Ленинградский университет на судебно-медицинскую экспертизу. После необыкновенно трудоемкого и сложного исследования доктор медицинских наук профессор Б.П. Петров и судебно-медицинский эксперт Леноблздравотдела Б.В. Петров вынесли заключение, что среди группы расстрелянных фашистами советских патриотов имеются останки разведчиков Н.И. Кузьмина и И.Г. Голубцова. 20 декабря 1980 года Фрунзенский районный народный суд города Ленинграда, изучив многочисленные документы, представленные чекистами и красными следопытами, признал факт их смерти 5 декабря 1941 года в деревне Виняголово. В 1981 году на мемориальном кладбище в Сестрорецке состоялось захоронение праха Н.И. Кузьмина и И.Г. Голубцова.

Судебно-медицинскими экспертами также установлено, что среди расстрелянных останков четырнадцатилетнего мальчика не имелось.

Чекисты и красные следопыты выяснили, что ожидавшие расстрела разведчики темной ночью организовали Пете побег. Мальчик перешел линию фронта и добрался до Ленинграда. Сестра Николая Кузьмина, Т.И. Худякова, рассказала Д.Д. Таевере, что в декабре 1941 года к невесте Николая, Тамаре Петерсон, умершей после войны, приходил подросток, который передал ей последние слова Кузьмина: «Он схвачен фашистами, пусть она мужается и не ждет его, так как его скоро расстреляют». Это важное свидетельство дополнила двоюродная сестра разведчика Ивана Голубцова, Т.И. Гетманец. Она сообщила, что в конце 1941 года, когда гитлеровцы сильно бомбили Ленинград, родрых Вани разыскивал прибывший из-за линии фронта мальчик. Он рассказал дворничихе, что Иван Голубцов содержался фашистами в бане и ждал расстрела.

Зная результаты судебно-медицинской экспертизы, можно сделать только один вывод: к родным и близким Коли Кузьмина и Вани Голубцова, выполняя последнее желание своих боевых

друзей, приходил с прощальным приветом их верный товарищ Петя Петров.

Ну, а дальше? Что стало с этим юным, но уже опытным и бывалым разведчиком? Почему не дошел он до Особого отдела фронта? Ведь он располагался совсем рядом, в каком-то километре от Херсонской улицы. К сожалению, ни чекистам-ветеранам, ни красным следопытам, ни автору этой публикации выяснить это до конца не удалось.

Зная характер Пети, можно сделать вывод, что он не стал спускаться в бомбоубежище. А ведь в этот день город подвергся необыкновенно сильной бомбардировке фашистов. Может быть, это была наиболее интенсивная бомбардировка Ленинграда за всю его блокаду.

Мальчик надеялся, что опыт разведчика поможет ему и на этот раз. Он очень спешил сообщить военным контрразведчикам о судьбе своих товарищей, спешил передать собранные ими разведывательные данные о противнике.

Не сумел добраться наш юный разведчик до Особого отдела Ленинградского фронта. Вражеский снаряд оборвал его жизнь. Произошло это на Херсонской улице или где-то рядом с ней.

Так, благодаря кропотливой работе чекистов-ветеранов и красных следопытов из пионерской дружины имени Героя Советского Союза В.А. Лягина из ленинградской школы-интерната № 18 восстановлены последние дни жизни без вести пропавших разведчиков. Большое вам спасибо за эту благородную работу, которую вы вели в течение нескольких лет. Ваша работа помогла мне дописать эту повесть, о которой мечтал друг и наставник Пети Петрова военный контрразведчик Никита Федорович Ковалдин.

«Теплое» лето 41-го…

Сентябрь 1941 года. Огромная гитлеровская армейская группировка «Север», словно гигантский спрут, вот уже больше двух месяцев медленно ползла к Ленинграду. Советские войска заставляли гитлеровцев делать частые остановки, отрубая щупальца этому зловещему спруту то в одном, то в другом месте, и тогда немецко-фашистское командование бросало в бой свежие резервы, и враг, неся огромные потери в живой силе и технике, на какое-то время одерживал верх и опять продолжал ползти к намеченной цели. «Коричневая чума» спешила задушить, задавить, растоптать население Ленинграда, а сам город стереть с лица земли.[36] Таков был приказ Гитлера в отношении великого города, войска которого должны были взять его к 20 июля 1941 года. Сколько затем будет таких приказов фюрера Германии! Его солдатам уже не раз казалось, что еще миг — и они будут в этом сказочно богатом и красивом городе. Ведь до желанной цели оставались какие-то километры.

И тут вдруг для гитлеровских генералов случилось непредвиденное. Начатое в районе Колпино очередное наступление гитлеровцев было отражено советскими войсками. И вскоре, к удивлению фашистских военачальников, они вынуждены были перейти к обороне на всех направлениях. Фронт стабилизировался.

В эти первые, необыкновенно трудные месяцы войны сотрудники Особого отдела НКВД Ленинградского фронта совместно с командованием и политорганами фронта активно работали над созданием действенной системы мер по вскрытию и пресечению подрывных акций гитлеровской разведки на ленинградском направлении. И такая система ими была создана. Уже в самом начале битвы за Ленинград при помощи советских воинов и местного населения Особым отделом был разоблачен не один десяток фашистских шпионов и диверсантов. Военными контрразведчиками успешно велась борьба с дезертирами и паникерами. Сотрудники Особого отдела помогали командованию фронта и в сохранении военных тайн. Военными контрразведчиками отдела велась большая работа по дезинформации противника.

Наряду с этим Особым отделом Ленинградского фронта активно велась разведывательная работа — в августе 1941 года в отделе было создано 6-е отделение, основной целью которого являлось проведение разведывательно-диверсионной работы в тылу противника. В это отделение были направлены наиболее

опытные сотрудники военной контрразведки, участники советско-финской войны и других горячих точек, которых к началу Великой Отечественной войны было немало. А возглавил его старший лейтенант госбезопасности[37] Дмитрий Дмитриевич Таевере — человек незаурядной, поистине легендарной судьбы. С пятнадцати лет он участвовал в Гражданской войне. Осенью 1922 года петроградский комсомол направил его на учебу в Коммунистический университет, по окончании которого он служил в Красной Армии, а в 1928 году был направлен на работу в органы госбезопасности. За плечами у Дмитрия Дмитриевича была большая оперативно-чекистская работа в разных регионах Советского Союза. Прошло не так много времени, и 6-е отделение ОО Ленинградского фронта уже имело свыше 100 своих агентов и разведчиков, которые, показывая беспримерную храбрость и мужество, добыли за август—сентябрь 1941 года много ценной разведывательной информации о немецко-фашистских войсках, а также провели в тылу противника ряд успешных диверсионных актов, их работа была положительно оценена как руководством Особого отдела Ленинградского фронта, так и командованием самого фронта.

Однажды поздним сентябрьским вечером сотрудники 6-го отделения были собраны в небольшом кабинете начальника Особого отдела комиссара госбезопасности 3-го ранга[38] П.Т. Куприна. Он успешно уже руководил Особым отделом НКВД Северного фронта, который был образован 24 июня 1941 года на базе Ленинградского военного фронта. А с разделением 23 августа 1941 года Северного фронта на Ленинградский и Карельский фронты возглавил Особый отдел Ленинградского фронта. До этого он в 1938–1940 годах руководил УНКВД Читинской области и Особым отделом Забайкальского военного округа, а также управлением НКВД по Хабаровскому краю. 26 февраля 1941 года по личному указанию И.В. Сталина возглавил управление НКГБ по Ленинградской области и городу Ленинграду. И вот этот высокий, но уже седой 33-летний комиссар госбезопасности 3-го ранга с орденом Красного Знамени и знаком Почетного чекиста на груди окинул всех добродушным взглядом и, обращаясь к начальнику отделения старшему лейтенанту госбезопасности Д.Д. Таевере, тихо сказал:

— Кажется, все собрались?

Тот быстро встал и четко отрапортовал:

— Все, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга.

— Тогда начнем, — предложил Куприн. — Собрал я вас, товарищи, чтобы поговорить по такому вопросу. Сегодня меня вызывал командующий фронтом Маршал Советского Союза

Климент Ефремович Ворошилов и дал сложное задание. По данным войсковой разведки, где-то в лесу около Красного Бора находится прекрасно замаскированная гитлеровская батарея дальнобойных орудий. Очень много неприятностей доставляет она жителям города Колпино. Каждый день от снарядов этой батареи гибнут советские люди. Достается от нее и бойцам Колпинского участка фронта. Батарею пытались установить воздушной разведкой. Безрезультатно. Тогда в этот район были направлены две разведгруппы войсковой разведки, состоявшие из опытных и бывалых разведчиков. В лес они так и не смогли пробраться. Причина — большая концентрация гитлеровцев в районе Красного Бора. И вот командование фронта решило подключить к установлению координат этой проклятой батареи и нас.

Начальник Особого отдела замолчал. В кабинете стояла тишина, нарушаемая только кашлем простуженного лейтенанта госбезопасности Иванникова. Два дня тому назад, возвращаясь с очередного задания из тыла противника, ему пришлось вплавь пересекать Неву. Но никто не слышал его тяжелый, довольно частый кашель. Мысли каждого уже всецело были заняты новым заданием командования фронта. Куприн подошел к Таевере, положил руку на его плечо:

— Выручай, Дмитрий Дмитриевич. Сам понимаешь — это дело ваше, разведки. Командование фронта надеется на вас. Со своей стороны, считаю, что задание нужно выполнить как можно быстрей. Гибнут дети, женщины, старики.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга обвел всех чекистов пристальным взглядом и поставил перед ними вопрос:

— Как же найти эту проклятую батарею?

Предложений было много, обсуждались они горячо и долго. Но пока ни одно не удовлетворяло начальника отдела. Последним попросил слово младший лейтенант госбезопасности Ковалдин, недавний слушатель Ленинградского филиала Высшей школы НКВД СССР, а теперь старший оперуполномоченный в разведывательном отделении Д.Д. Таевере. До работы в органах госбезопасности он учился в Бердянском учительском институте. В марте 1938 года был направлен на работу в органы госбезопасности. С сентября 1938 года находился на оперативной и следственной работе в органах военной контрразведки Киевского Особого военного округа, откуда и был направлен на учебу в Ленинград.

Он встал, подтянулся и четким, громким голосом, словно объяснял урок своим ученикам, сказал:

— Мне кажется, что в этот район посылать группу

разведчиков, как предлагают некоторые наши товарищи, нецелесообразно. Почему? Поясняю. Если туда не прошли асы войсковой разведки, то нет гарантии, что в нужный нам район пройдет группа наших разведчиков. По моему мнению, в район Красного Бора нужно направить только одного человека. Одному будет гораздо легче пробраться через многочисленные секреты и заставы фашистов.

Все повернулись в сторону Ковалдина и с интересом слушали его.

— И я думаю, — продолжал он, — направить на выполнение этого сложного задания командования фронта подростка. Такой парнишка у меня на примете есть. Он отличается малым ростом, но это шустрый, находчивый мальчик, он быстро и легко ориентируется в обстановке, обладает сильной волей и прекрасной памятью. Вы все его знаете — это Петя Петров.

Лицо Павла Тихоновича Куприна, отца двух малолетних дочерей, Лидии и Нины, находившихся с недавних пор вместе с их матерью где-то в эвакуации, налилось кровью, он с каким-то осуждением посмотрел на Ковалдина и сухо отчеканил:

— Товарищ младший лейтенант, вы забываетесь. Вы же почти учитель. А предлагаете послать на такое опасное дело парнишку. Ведь ему нет еще даже четырнадцати лет. У нас для этого имеется ряд хороших разведчиков, взрослых, товарищ Ковалдин. Рисковать жизнью мальчика не позволю. На долю Пети выпало уже столько горя, что его хватило бы на несколько человек.

И перед каждым из военных контрразведчиков, знавших биографию Пети, промелькнула, как в калейдоскопе, жизнь этого мальчика, познавшего уже на себе многие прелести «нового порядка».

…Петя Петров родился 27 сентября 1927 года в деревне Молосковицы Волосовского района Ленинградской области в семье крестьянина. Его отец, Иван Петрович, трудолюбивый крестьянин, всю свою молодость проработал батраком у местных богатеев. Он с радостью встретил Октябрьскую революцию 1917 года и вскоре с оружием в руках на стороне красных бьется за лучшую жизнь. В 1929 года он одним из первых вступает в колхоз, и вскоре колхозник Петров — активный агитатор за новую жизнь на селе.

Мать Пети, Екатерина Петровна, сильная духом женщина, активная ударница колхозного строительства, много делала для семьи. Она имела большое влияние на своего сына, прививала ему любовь к труду, земле.

Учиться Петя начал в возрасте семи лет в школе родной деревни. Учеба ему давалась сравнительно легко. В этом

мальчику помогала его хорошая память.

В семье и школе любили веселого и живого Петрушу. Окончив начальную школу в своей деревне, он переходит в Отроговицкую неполную среднюю школу, где окончил шесть классов. В 1937 году Петя стал пионером, он активно участвовал в художественной самодеятельности, занимался спортом: любил лыжи, велосипед, легкую атлетику.

Летом с товарищами и учителями ходит в походы по родному краю, участвует в военных играх. Он хорошо уже ориентируется на местности, по карте и компасу, может одной спичкой разжечь костер в сырую погоду. Впоследствии все это оказало Пете большую услугу в трудной и опасной работе разведчика.

А на его маленьких плечах еще масса общественных поручений, он звеньевой в пионерском отряде. Звено Пети помогает родному колхозу, его пионеры работают на животноводческой ферме, собирают ягоды, грибы, лекарственные травы.

Товарищам и учителям нравятся такие черты его характера, как честность, благородство, смелость, постоянная собранность, находчивость. Несмотря на загруженность, Петя находит время на чтение, особое предпочтение он отдает исторической литературе, где рассказывается о героях, павших за Родину.

Летом 1940 года у Пети произошло знаменательное событие. Его мать, Екатерина Петровна, отличная доярка, уже вторично направляется на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. На этот раз она решила взять в столицу и своего Петрушу.

О, сколько радости, сколько впечатлений осталось у него от посещения столицы! В новой белой рубашке, с красным галстуком на шее он важно шагал по сказочной Красной площади, любуясь Кремлем и золотыми куполами его церквей. Вместе с мамой и другими членами их делегации он посетил Мавзолей вождя революции, был в Парке им. А.М. Горького, где веселился на разных аттракционах. И, конечно, без устали Петя бродил по многочисленным павильонам ВСХВ, иногда кое-что записывая, а больше запечатлял в своей памяти, чтобы потом рассказать все товарищам в классе. А его мама, Екатерина Петровна, которой он так гордился, была удостоена вместе с другими передовиками сельского хозяйства правительственного приема. Она видела почти рядом с собой И.В. Сталина, М.И. Калинина и других руководителей страны.

Все хорошо складывалось в юной жизни нашего героя. В 1941 году он успешно закончил шестой класс и в июле готовился к поездке в пионерский лагерь, путевку в который вручили маме

как лучшей доярке.

На войну поехал на велосипеде

Нет, не пришлось отдыхать в пионерском лагере Пете. Началась война. Война беспощадная, с небывалыми жертвами. Кончились веселые пионерские игры и походы по родной земле. «Когда теперь они возобновятся? И будут ли вообще они в его жизни?» — не раз задавал себе такие вопросы Петя. Он посуровел, несколько замкнулся.

А через месяц Петя впервые увидел раненых и убитых осколками фашистских бомб. Это были жители его родной деревни. И среди павших был его лучший друг Гриша Суров. «Что он сделал? Зачем его убили фашисты?» — рыдая, шептал он на могилке друга.

А вскоре Петя уже отчетливо слышал артиллерийскую канонаду и пулеметно-ружейные очереди. Фронт приближался к его деревне. Мать и отец в эти дни отправляли колхозное стадо в глубокий тыл страны.

Подошло время, стала готовиться к эвакуации и семья Пети. Вечером 5 августа он обошел такой родной, недавно построенный с помощью колхоза дом, зашел в сад, попрощался с посаженной им яблонькой, постоял около огромной березы, где совсем недавно собирались пионеры его звена, и, тяжело вздохнув, пошел помогать родителям связывать вещи. Завтра ранним утром с односельчанами они решили покинуть деревню и двинуться на подводах в глубь страны.

Однако Петя избрал себе другой путь. Он задумал, не говоря ни слова об этом родителям, уйти в Красную Армию. Мальчик боялся, что мама слезами заставит его поехать вместе с ними, поэтому он решил уйти тайком. Как-то, месяц назад, он видел среди проходивших через деревню красноармейцев мальчика в военной форме, который был не старше его. Значит, и его должны взять. Он пойдет мстить проклятым фашистам за смерть своего друга Гриши Сурова, за слезы и горе, которые они принесли его Родине. Поздним вечером Петя уложил в вещмешок простую карту Ленинградской области, компас, каравай хлеба, которого напекла мама в достатке для дальней дороги, а также два куска розового сала, взяв их у отца из большой корзины, стоявшей в сенях. Вещмешок он спрятал в сарае, решив завтра утром уйти из родной деревни.

Утро 6 августа выдалось ясным и теплым. Как всегда, над окном Пети заливались птицы, и все также заглядывала в его окно зеленая ветка сирени. Совсем не слышны были выстрелы и канонада. В это такое мирное утро ему казалось, что война уже

окончилась и уезжать с родных мест никуда не надо. Он быстро вскочил с постели и в одних трусиках вышел во двор. Отец запрягал лошадь, а мать складывала узлы на подводу. Значит, скоро в путь. Он вернулся в комнату, оделся и ушел в сарай за вещмешком и велосипедом, купленным ему в прошлом году мамой на премию за высокие надои молока. Вдруг земля затанцевала у него под ногами. Тут же невдалеке раздался сильный взрыв. За ним второй, третий. «Гитлеровцы начали очередной обстрел деревни», — подумал Петя. Из сарая он видел, как мама с отцом бросились в погреб, крикнув ему бежать к ним, где они уже не раз скрывались от фашистских обстрелов. Тут слезы сами собой хлынули из глаз Пети. Ему стало так жалко родителей. А обстрел продолжался. Он постоял в сарае, успокоился, затем забросил вещмешок на спину, вывел велосипед, на котором он ездил в походы, вскочил на него и быстро поехал по дороге в поселок Красные Прологи. За околицей деревни он встретил свою одноклассницу Маню Прохорову, которой сказал, что уходит в Красную Армию бить проклятых фашистов, и попросил ее рассказать об этом его родителям. Удивленная девочка долго махала ему вслед рукой, пока он на велосипеде не скрылся из виду.

В поселке Красные Прологи Петя рассчитывал найти какую-нибудь воинскую часть и присоединиться к ней. В этом полуразрушенном вражеской авиацией поселке красноармейцев не оказалось. Лавируя на велосипеде между воронками и обломками бревен, он подъехал к ветхому старику, копавшемуся в развалинах дома, поздоровался и спросил, где можно найти красноармейцев. Дед долго смотрел на мальчика, затем беззубым ртом прошамкал:

— Подавайся, внучек, в Черенковицы, там полно наших.

Первая ходка внештатного бойца

Вскоре Петя был в указанной дедом деревне. Проезжая по улице, он видел солдат, маскирующих огромные танки. Петя еще не знал, что попал в расположение Второго Отдельного танкового полка, доставившего уже много неприятностей гитлеровцам. Он поставил велосипед около колодца, а сам подошел к группе танкистов, расположившихся рядом с походной кухней. Бойцы аппетитно жевали из алюминиевых котелков гречневую кашу с мясом. А невысокий, пожилой повар, жестикулируя огромным помятым черпаком, рассказывал что-то очень смешное красноармейцам. Временами раздавался их громкий смех и веселые возгласы. Несколько минут Петя стоял и молчаливо наблюдал за бойцами. Тут степенный, усатый танкист, похожий на отца Пети, поманил его пальцем. Мальчик подошел и стал около кухни.

— Что смотришь? Садись. А ну, Кузьмич, дай-ка сынку котелок и каши, — приказал он повару.

— Есть, товарищ старшина, — весело отозвался повар. — Эх, и накормлю я сейчас этого велосипедиста!

И он захватил своим огромным черпаком в котле рассыпчатую жирную кашу и бросил ее в котелок. Тот оказался наполненным почти доверху.

— На, кушай. Только не проглоти язык. Ибо лучше Кузьмича, повара первой танковой роты, никто готовить не может. Это я говорю — шеф-повар ленинградского ресторана «Кавказский».

И он, подняв гордо голову, важно прошелся около сидевших бойцов. Те засмеялись и ласково смотрели на Кузьмича. Видно было, что этого веселого балагура они любили.

Петя взял за железную дужку котелок, поставил его на землю, развязал вещмешок и вытащил завернутый в белую тряпочку большой кусок розового домашнего сала. Среди красноармейцев раздались веселые голоса:

— Ух, и богат же наш велосипедист! Смотри, какое сало! Вот это сало!

Мальчик молчаливо разрезал своим походным складным ножиком на десять равных частей кусок и предложил сало бойцам. Те знали, как трудно сейчас местному населению с продовольствием, поэтому шутливо отказались. А танкист со свежими шрамами на лице хлопнул его по плечу и сказал:

— Неси-ка, мальчуган, сало домой. Мамке.

На глазах у Пети появились слезы, он шмыгнул носом и тихим дрожащим голосом произнес:

— Нет у меня больше мамы, нет и папы. Сегодня похоронил их, погибли от немецкой мины. У… проклятые фашисты!

И он погрозил своим маленьким кулаком в сторону фронта. Так Петя первый раз артистично соврал красноармейцам. Простим, дорогой читатель, нашего героя. Ведь он так хотел стать в ряды борцов с фашизмом, защитником своей Родины.

— Да… — только промолвил старшина и подумал: «Может, и мои сорванцы сейчас вот так скитаются по родной Белоруссии». Он погладил Петю по голове, посмотрел на примолкших бойцов и, словно они в чем-то провинились, гаркнул:

— А ну, взять сало! Кузьмич, хлеба!

Куски моментально были разобраны, и вскоре танкисты аппетитно жевали вкусное сало Ивана Петровича. Через некоторое время старшина отправил бойцов ремонтировать танк, подбитый вчера гитлеровцами.

Петя остался с приветливым старшиной, Константином Владимировичем Беловым, отцом трех мальчиков, находившихся где-то в оккупированной фашистами Белоруссии. Пацан закончил есть действительно вкусную кашу Кузьмича, и теперь они молча видели со старшиной, думая каждый о своем. Вот танкист посмотрел на него и добрым, ласковым голосом спросил:

— Что же мне делать с тобой, Петя? Может, отправить тебя в тыл страны? В детдом, конечно, не хочется?

Петя кивнул головой, соглашаясь с ним в отношении детского дома, а затем быстро заговорил:

— Дядя Костя, я мог бы остаться и в деревне, у тети Марфы, маминой сестры. Но мне хочется в армию. Мне нужно в армию. Возьмите меня с собой, я должен мстить фашистам. Возьмите, дядя Костя.

Тут старшина решительно встал, подтянул ремень, поправил гимнастерку и сказал:

— Пойду-ка я к командиру роты. Наш капитан Пустовалов добрейшая душа. Думаю, что он разрешит оставить тебя. А ты, Петруша, сиди и жди меня.

И он быстро пошел к маленькому деревянному дому, куда часто входили и выходили танкисты. И вот уже около часа с волнением и надеждой смотрел Петя на этот домик, где решалась его судьба. Старшина вышел с улыбкой на лице. Мальчик понял, что вопрос его решен положительно. Он вскочил, подбежал к Белову, ухватил его за сильную шею, прильнул к его широкой, теплой груди и проговорил:

— Спасибо, дядя Костя.

А сияющий от счастья танкист ответил:

— Сам командир полка разрешил зачислить тебя на все виды

довольствия. Вот так, знай наших.

И старшина нежно потрепал мальчика по волосам. Так в 1-й танковой роте 1-го танкового батальона 2-го Отдельного танкового полка появился внештатный тринадцатилетний боец Петя Петров.

На следующий день Белов достал ему самый маленький размер красноармейской формы. Петя с помощью бойцов подогнал ее под свой рост и тут же включился в работу. Ему поручили помогать старшине Белову в ведении вещевого и продовольственного хозяйства в роте. Много времени он проводит у кухни, помогая Кузьмичу в его работе. Бойцы старались освободить Петю от наиболее тяжелой работы, а он отказывался от их помощи и продолжал безропотно делать свое маленькое, подчас совсем незаметное дело, но сердцу его хотелось чего-то большего, необыкновенного.

И мальчик дождался своего часа. Однажды он познакомился с разведчиками полка. Находчивого, решительного и смышленого парнишку быстро полюбили эти мужественные и смелые люди, смотревшие не раз смерти в глаза. Вскоре Петя стал у них своим человеком. Его приглашают на все специальные занятия разведчиков, он учится с ними бесшумно ходить по звездам в лесу, занимается ориентированием на местности.

Пете много уже было известно из этого по пионерским походам, и он быстро добивается хороших результатов. Ему рассказывают о немецких танках, в которых он вскоре довольно хорошо разбирается. Он уже знает калибры почти всех орудий, находившихся на вооружении у гитлеровцев, ориентируется в фашистских самолетах и может даже по звуку определить их тип.

В эти дни мальчика можно было увидеть за чтением специальной военной литературы о немецко-фашистской армии. И всегда он внимательно слушает увлекательные рассказы танкистов о боях с гитлеровцами, радуясь каждой удачно проведенной операции. «Это вам, сволочи, — шептал в таком случае Петя, — бойцы мстят за Гришу, за слезы нашей многострадальной Родины».

Утром 15 августа Петя работал на кухне Кузьмича. Как всегда, он колол дрова, бегал с ведрами за водой. Здесь и нашел его ординарец заместителя командира полка по разведке. Мальчика срочно вызывали в штаб полка. Быстро одевшись в свою новенькую красноармейскую форму, он уже через несколько минут, вытянувшись по стойке «смирно», звучно докладывал:

— Товарищ майор, боец Петров по вашему приказанию явился.

— Вольно, — улыбнувшись в пышные усы, проговорил

разведчик. — Садитесь, боец.

Петя расположился за столом, на котором лежала карта, и внимательно смотрел на майора. А тот прошелся по комнате и, вздохнув, сказал:

— Думаем направить тебя, Петя, в разведку, конечно, если ты согласишься.

Глаза у мальчика радостно вспыхнули, он посмотрел на майора, не шутит ли тот, и, забыв про субординацию и устав, не дав договорить разведчику, быстро отчеканил:

— Я согласен, готов к выполнению любой задачи. — И уже умоляющим тоном добавил: — Только вы не передумайте, дядя Петя. Ведь я давно жду настоящего задания.

Командир разведчиков подошел к столу, наклонился над картой и сказал:

— Нужно пробраться в село Ивановское и разведать в нем наличие гитлеровских танковых сил. Какие там танки? Сколько их? Вот на эти вопросы ты, Петруша, и должен ответить. Честно скажу — не хочется тебя посылать. Но мы почти ничего не знаем о противнике в этом районе. Пройти туда наши разведчики не смогли. Теперь надеемся на тебя. Мы подготовили тебе легенду — вымышленную биографию. Прочитай ее несколько раз и хорошенько все запомни…

На рассвете 22 августа с маленьким узелком за спиной, в котором лежали краюха хлеба и несколько отваренных картошин, Петя перешел линию фронта. И вот уже несколько часов он шел по столь знакомому ему по пионерским походам и такому чудесному, родному краю, где теперь хозяйничали немецко-фашистские оккупанты.

На дорогах и маленьких проселках встречал своих, некогда веселых, улыбавшихся и таких приветливых земляков и не узнавал их. Выглядели они измученными, почерневшими, плохо одетыми. А в одной маленькой деревушке он увидел виселицу, на которой раскачивались тела совсем молоденьких парня и девушки. И в этой ленинградской деревушке «коричневая чума» начала устанавливать так называемый новый порядок.

Мальчику часто встречались гитлеровские машины, мотоциклы и велосипедисты. В машинах пьяные немецкие солдаты горланили песни, пиликали на губных гармошках, громко смеялись и чувствовали себя уже хозяевами его родной земли. О, как хотелось ударить ему из автомата, который он нашел на солнечной опушке в лесу, по самодовольным мордам этих завоевателей. Но Петя сдержался, спрятал автомат в дупло дерева и подумал: «В первую очередь — задание. На меня надеются. Меня ждут. Этим я отомщу проклятым фашистам за

кровь и муки советских людей. А сейчас в путь…»

Пройдя около трех километров по лесу, он вышел к его окраине. Рядом находилось большое село, откуда доносился вой моторов и частый стук по металлу. Вот она, его цель — Ивановское. Он сел около огромной сосны, поел хлеба с картошкой, затем вскочил, размялся и быстро пошел к селу. Уже у первой избы он увидел гитлеровцев и большой тяжелый танк. Петр спокойно прошел около них и медленно двинулся по центральной улице села. На домах и заборах на русском и немецком языках висели большие и маленькие объявления, приказы и постановления оккупационных властей, за нарушение которых полагалась только одна мера наказания — расстрел. Солдат в селе было много. Из каждого дома доносилась гортанная немецкая речь. Местных жителей мальчик не видел. Петя прошелся туда и обратно по центральной улице, потом обошел кругом все село. В памяти его намертво запечатлялись гитлеровские танки и места хранения горючего и боеприпасов. Он насчитал 31 тяжелый танк, 15 средних и 11 танкеток. В центре села у штаба находилась зенитная батарея.

Мальчик вышел опять на центральную улицу, подошел к двум танкистам и попросил хлеба. Здоровый рыжий верзила схватил его за плечо и поддал ему пинка. Петя отлетел на несколько метров к забору и упал, ударившись сильно о столб. А гитлеровцы, уплетая огромные куски отварного мяса, весело ржали над мальчиком.

Лицом к лицу с врагом

Петя встал, смахнул для вида слезы и медленно пошел из села. И тут в одном из садов он заметил хорошо замаскированную батарею противотанковых пушек. Он бросил взгляд в соседний сад, и там стояла такая же батарея. Мальчик решил подойти поближе и сосчитать пушки. И вдруг он услышал:

— Малтшик, ком, бистро, сюда…

Петя обернулся и увидел немецкого офицера, стоявшего с какой-то палочкой в руке около небольшого сарая. Палкой он приглашал Петю подойти к себе. Увидев, что мальчик не спешит, он зло крикнул:

— Бистро! Бистро!

В голове у Пети промелькнула мысль: «Бежать… Нет, только не это. Будет стрелять. Не уйдешь, кругом солдаты».

Со страдальческим выражением на лице и слезами в глазах он подошел к офицеру. Тот взял его рукой в перчатке за подбородок, поднял, подержал на весу, затем резко опустил на землю и отрывисто проговорил:

— Что делать здесь, малтшик? Считай немецки танки? Говори…

Петя горько заплакал, не так от боли, как от обиды. Он не мог сейчас ничем ответить за издевательства этому надменному фашисту. Ему нужно вернуться к своим целым и невредимым. А значит, он должен терпеть. И Петя, всхлипнув, тихим голосом выложил гитлеровцу свою легенду:

— Я ищу маму. Вчера в лесу во время артиллерийской перестрелки мы разбежались в разные стороны. И вот уже сутки не могу ее найти. Обежал все окрестные деревни, а ее нет… Отпустите меня. Мне надо ее найти, я пойду искать маму. Отпустите…

Гитлеровец ткнул его стеком в подбородок и зло прошептал:

— Ты все врешь, противны малтшик. Я вижу, ты врешь, ты все врешь. Ты считай танки. Говори правда, я тебя сейчас буду стрелять.

И офицер вытащил пистолет и приставил его к спине Пети. Мальчик опять залился слезами, испуганно смотрел на долговязого немца, а в душе проклинал его и лихорадочно искал путь к спасению. Опять и опять повторял свою легенду.

Фашист долго и зло смотрел на мальчика, а затем взмахнул стеком. Петя нагнулся и тут же почувствовал страшную боль на спине, словно ему приложили каленую проволоку. Офицер в бешенстве процедил сквозь зубы:

— Руссише швайне. Руски свинка. Ты мне все скажешь, будешь сидеть в тюрьма. Там тебя бистро научат говорить правда.

Долговязый подозвал солдата, что-то ему сказал, и тот, толкнув мальчика в шею, погнал его к приземистому каменному дому, построенному еще в царские времена. Его бросили в подвал этого дома, где находилось около десятка мужчин разного возраста. Старик с кровоподтеками на лице тяжело закряхтел, вздохнул, перекрестился и проговорил:

— Что делается? Что делается, люди родные? Уже стали бросать и детей. Разве это люди?.. Ироды — вот им имя. Звери!

Старик подвинулся на соломе и предложил Пете устраиваться. Не разговаривая, мальчик лег на освобожденное место и от усталости и пережитого сразу заснул. Проснулся Петя от сильного пинка в в бок. Он разомкнул глаза и увидел рыжего полицейского со свастикой на пилотке и повязкой на левой руке с немецкой надписью: «На службе германских военных сил». Рыжий детина опять замахнулся ногой в кованом сапоге, от которого уже и так болел бок у мальчика, и, обдав самогонным перегаром, прорычал:

— А ну, гаденыш, вставай! На допрос!

Петя вскочил и, подталкиваемый полицейским, вскоре оказался в небольшой соседней избе, где его встретил холеный, высокого роста, полный эсэсовец. Он долго изучающе смотрел на мальчика, а затем на чистом русском языке ласково произнес:

— Я вижу, ты голоден. Вот тебе курица, молоко, хлеб, яйца. Кушай, потом поговорим.

Эсэсовец, оставив мальчика одного с такой аппетитной едой на столе в большой железной миске, удалился из комнаты. Петя был очень удивлен такому началу допроса. Он готов был к самому худшему, а здесь темно-русый, полный офицер предлагает ему покушать. Только в камере мальчик узнал, что попал в руки хитрого и жестокого следователя полиции службы безопасности и СД белоэмигранта Бориса Пшека. Для своих подследственных он признавал только два приговора: человек с простреленной головой оказывался либо во рву за селом, либо в лагере военнопленных в Ивановском, где господствовали голод, болезни, издевательства и в конечном итоге смерть.

А Петя смотрел на оставленную эсэсовцем пищу и думал: «Кушать ли ему фашистские продукты?» И тут он, приняв решение, что силы ему еще понадобятся, набросился на курицу. Он обгладывал ее последние косточки, когда вошел следователь. Одобрительно крякнув, эсэсовец усмехнулся и сказал:

— Молодец. Быстро управился. А теперь приступим к делу. Расскажи-ка, что ты делал в селе? Кто послал тебя сюда?

Петя тяжело вздохнул, посмотрел твердо в глаза гитлеровцу и продолжил свою легенду. Его никто никуда не посылал. Он искал свою маму. Она во время артиллерийской перестрелки сильно испугалась и куда-то убежала. Теперь он занят ее поиском. Может, мамы уже нет и в живых. И Петя заплакал, растирая грязным рукавом по щекам обильные слезы.

Допрос длился уже больше двух часов. Петя, всхлипывая иногда, продолжал говорить одно и то же. Гитлеровца начало покидать самообладание, он стал кричать, топать ногами, пугать Петю всеми смертными карами. Мальчик стоял на своем. И он опять заплакал. Тогда эсэсовец вызвал солдата огромного роста, почти полностью загородившего окно, от чего в комнате стало совсем темно. Он стал около Пети в одной рубашке с засученными рукавами и с улыбкой смотрел на мальчика.

Следователь надел кожаную перчатку, сильно тряхнул Петю за плечо и зло сказал:

— Я отдаю тебя в распоряжение бывшего боксера Ганса Клюге. Посмотри на этого верзилу, на его руки. Он добивается признаний не у таких цыплят, как ты. Мне жалко тебя, поэтому я даю тебе еще две минуты. Итак, кто тебя послал в село? Повторяю, я жду всего две минуты.

Эсэсовец снял с руки часы и положил их перед Петей. Секундная стрелка быстро обежала циферблат и пошла на второй круг. Петя молчал.

И тогда следователь махнул рукой палачу, а сам вышел из комнаты. Солдат с улыбкой подошел к Пете и легонько ударил по лицу. Потом сильнее и сильнее. Мальчик молчал, лишь слезы обильно текли по его щекам. А его истязатель достал тонкую проволоку, покрытую резиной, и дважды протянул ею по спине мальчика. Петя закричал, солдат ударил его в челюсть, и он потерял сознание.

Сколько времени избивал его бывший боксер Клюге, Петя не помнил. Очнулся он на соломе от добрых и ласковых прикосновений чьих-то рук. Мальчик приоткрыл глаза и узнал старика с кровоподтеками на лице. Он плакал, проклиная Гитлера и всех его солдат, а крупные слезы падали на Петю. Юный разведчик взял руку старика, тихо пожал ее и прошептал:

— Не надо, дедушка, плакать, мне уже почти не больно.

В подвале Петя находился уже третьи сутки. На допрос его больше не вызывали, и мальчик отлеживался, залечивая свои раны. Почему оставили его гитлеровцы в покое? Можно только предположить — они решили, что он действительно искал свою пропавшую мать и случайно появился в Ивановском. А старика, дедушку Ксенофонта, как представился он Пете, фашисты вскоре

увели, и больше тот его не видел.

Утром 20 августа Петя с шестью обитателями подвала под крики и пинки гитлеровцев был доставлен в Ивановский лагерь для советских военнопленных. Мальчика по каким-то соображениям не добили в полиции безопасности и СД, и вот теперь здесь, в этом страшном лагере, его должны были уничтожить-другие фашисты.

Но прежде гитлеровцы решили использовать его на постройке дотов и других оборонительных сооружений. Петю включили в команду военнопленных-красноармейцев, которой негласно руководил небольшого роста, широкоплечий пожилой артиллерист. Этому человеку беспрекословно подчинялись в команде. К удивлению многих, к нему с каким-то уважением относились даже некоторые охранники. А красноармейцы не только подчинялись, но и любили его за веселый нрав, шутку и сильную волю. Было видно, что и в самые трудные минуты он никогда не терял бодрости духа. Около этого человека решил держаться и Петя.

В лагере гитлеровцы вместе с виселицами, постоянной слежкой и постыдными телесными наказаниями применяли подкуп и идеологические воздействия, разжигали национальную вражду среди военнопленных. И несмотря на это, среди оборванных и крайне истощенных красноармейцев группы артиллериста царила атмосфера дружбы и взаимопомощи. Каждый делился последним куском хлеба, махоркой, а если не было этого, старались подбодрить друг друга добрым словом. Особое внимание уделялось раненым и больным.

Мальчика сразу заметил артиллерист и приказал тому находиться рядом с ним. Вместе они таскали тачки, пилили доски, рыли землю. А вечером артиллерист в углу ветхого и сырого барака слушал рассказ Пети о его нелегкой судьбе. Однако тот ни словом не обмолвился ему о разведке и впоследствии будет долго об этом сожалеть. Здесь, в бараке, его новый товарищ предложил план побега из этого страшного лагеря, в осуществлении которого помогут Пете военнопленные. Этим постоянно голодным, ожидавшим каждую минуту пулю в спину людям было жалко шустрого и находчивого мальчишку, который вряд ли мог долго протянуть в этой гитлеровской «кухне смерти». И они решили устроить мальчику побег, который был назначен на следующий день.

Ночной побег

Ночь у Пети прошла в томительном ожидании выхода на работу. А днем он следил за артиллеристом и ждал от него условленного сигнала. И он дождался его. По сигналу Петя моментально нырнул в небольшой ящик, стоявший в углу полуразрушенного блиндажа. Военнопленные тут же забросали ящик обрезками досок, ржавым железом и промасленной бумагой.

Мальчик притаился и стал ждать окончания работы. Вскоре он услышал звонкие удары по подвешенному рельсу. Работа окончена. Тут же раздалась команда строиться, и измученные непосильным трудом военнопленные медленно собрались в колонну и, шаркая одетыми на ноги деревянными колодками, подгоняемые лаем огромных овчарок, криками гитлеровцев, двинулись в лагерь.

На строительстве укрепрайона установилась необыкновенная тишина. Слышалось только пение птиц, да из болота доносилось кваканье лягушек. Мальчик дождался темноты. Затем бесшумно разобрал наваленные на него отходы и вылез из ящика. Он размял затекшие ноги и двинулся в сторону леса.

Петя шел всю ночь по темному и уже несколько прохладному лесу. Под утро он нашел огромную ель, наломал березняка, забрался под широкие и густые ветки и лег спать. Проснулся мальчик, когда солнце стояло высоко в зените. Петя набрал в кепку брусники, которой здесь было видимо-невидимо, и с аппетитом ее съел. А вечером он опять двинулся к линии фронта. Уже ясно слышались орудийные залпы и пулеметные очереди. Вскоре мальчик был у деревни Голубовицы. Вот здесь и проходила линия фронта. Петя притаился в небольшой воронке и стал ждать полной темноты.

Через час он по-пластунски преодолел первые сто метров этого необыкновенно тяжелого пути и остановился передохнуть. Рядом послышалась немецкая речь и кто-то запиликал на губной гармошке. Петя, словно уж, отполз на десяток метров в сторону и продолжил свой путь вперед. По его подсчетам, он уже находился на ничейной полосе. Этого пути мальчик боялся больше всего. Впереди могло быть минное поле. Поэтому он так часто останавливался, отдыхал-, вглядываясь в такое черное поле, а затем продолжал свой путь.

И вот, когда Петя отдыхал около срезанной взрывом снаряда сосны, он вдруг услышал родную русскую речь. Окая, молодой голос с восхищением рассказывал кому-то о красоте волжской

деревушки Краснянки, рыбалке, где за час-полтора можно наловить ведро красноперки.

Сердце у Пети радостно забилось. Ему хотелось крикнуть: «Ура! Я у своих!» Да, мальчик уже давно миновал передовую советских войск и находился в расположении артиллерийского полка, дислоцировавшегося в двух километрах от линии фронта. Петю срочно доставили в штаб, а оттуда во Второй Отдельный танковый полк, где его уже считали погибшим. О, как обрадовались возвращению мальчика его друзья-танкисты! Кузьмич быстро приготовил ему вкусный обед. Дядя Костя натопил баню, где больше часа отмывал от Пети грязь. Скрипя зубами, старшина проклинал фашистов, оставивших на теле мальчика рваные полосы. Он нежно растирал исхудавшую, но выдержавшую побои гитлеровца Клюге спину, а сам думал о мести: «За побои, слезы, унижения, издевательства и кровь советских людей — месть врагу. За поруганное и тяжелое детство Пети, сыновей и всей советской ребятни — месть фашистам».

А через некоторое время, одетый в свою красноармейскую форму, Петя четко докладывал командованию полка о собранных разведывательных данных. Ими заинтересовались и в штабе дивизии, куда мальчик был доставлен в тот же день. Петю внимательно выслушал высокий, моложавый генерал-майор Григорьев, делая часто записи в блокноте. По его просьбе мальчик подробно отметил на карте строительство гитлеровцами оборонительных сооружений, показал расположение дотов. Генерал долго расспрашивал его о вражеских танках, зенитной и противотанковых батареях в Ивановском. Спокойно, ясно и доходчиво Петя отвечал на многочисленные вопросы командира дивизии. В конце беседы генерал встал, протянул мальчику руку и торжественным голосом произнес:

— Боец Петров, от лица службы выношу вам благодарность за добытые сведения о противнике.

Потом улыбнулся и ласково сказал:

— Молодец, Петенька!

Петя вскочил с табуретки, вытянулся по стойке «смирно» и четко отрапортовал:

— Служу трудовому народу!

А генерал погладил мальчика по голове, вздохнул и продолжил:

— Сейчас тебя, Петя, отвезут в Ленинград. С тобой хотят побеседовать военные контрразведчики из Особого отдела фронта. Расскажешь там о положении на оккупированной гитлеровцами территории и возвращайся в полк, к танкистам.

Не хотелось Пете уезжать от своих друзей. Но генералу

Григорьеву он только сказал:

— Есть!

Пока он добирался до Ленинграда, дальнобойная артиллерия фронта и летчики полка бомбардировщиков нанесли массированный удар но указанным им целям. Враг понес существенные потери в танках, артиллерии и живой силе. Об этом Петя узнал только на следующий день. В Особом отделе фронта его горячо поздравили с успешной разведкой и ознакомили с результатами бомбардировки Ивановского. «Нет, не зря я терпел», — подумал мальчик, улыбаясь от счастья и сознания, что он воюет с фашистами. В то же время он стоял смущенный от общего внимания, оказанного ему военными ко нтрразведч и ками.

Петя находился в Особом отделе уже несколько суток. Шефство над ним взял младший лейтенант 6-го отделения Н.Ф. Ковалдин. Подробно рассказав ему о своих приключениях в тылу противника, он ждал приказа вернуться в свой полк. В один из дней Никита Федорович попросил Петю написать автобиографию. Чекист объяснил ему, что это нужно сделать обязательно, так как на него в Особом отделе фронта решили завести личное дело, а значит, его, по-видимому, руководство отдела решило оставить в 6-м отделении, сотрудники которого взяли негласное над ним кураторство. Мальчик удивился этому решению и ушел от Ковалдина каким-то расстроенным, с опущенной головой. Никита Федорович же подумал, что мальчишка взгрустнул по своим боевым друзьям из танкового полка, к которым, как он однажды высказался, готов даже сбежать.

На следующий день Петя с какой-то неохотой передал Н.Ф. Ковалдину два листа бумаги, исписанных детским почерком, под названием «Моя биография», которая не вызвала никаких вопросов у военных контрразведчиков Ленинградского фронта. А вот когда ветеранами органов военной контрразведки КГБ Ленинградского военного округа и красными следопытами в 70-е годы проводилась проверка по установлению судьбы Пети Петрова и пропавших с ним товарищей, то выяснилось, что описанные им некоторые события не соответствовали действительности. Так, в этой своей автобиографии он писал: «Когда немцы находились в 12 километрах, мы с семьей уехали в поселок Красные Прологи. Но находившиеся там бойцы велели нам забрать все, и мы поехали в деревню Молосковицы. Придя в деревню, мать с отцом пошли в дом, а я остался на улице. В это время немцы начали обстрел с минометов, одна из мин попала в дом, где находился отец с матерью. Я вскочил в дом и увидел, что

отец лежит убитый, а мать тяжело ранена, но вскоре она скончалась».

Во время вышеназванной проверки было установлено, что отец Пети, И.П. Петров, и мать, Е.П. Петрова, не погибли в августе 1941 года, как об этом он писал, а были живы и умерли в 70-е годы. Не в этом ли крылась перемена настроения Пети, когда он по просьбе Ковалдина должен был написать свою биографию? Ведь ему предстояло пойти опять на обман, чего так не хотелось.

Далее в своей автобиографии Петя писал, что «родных братьев и сестер у меня нет». В действительности он имел родного брата Анатолия, который в 1981 году проживал в г. Кингиссепе.

Таким образом, страстное желание Пети Петрова сражаться с фашизмом заставило его пойти на такой шаг, он боялся, что его могут отчислить из армии и вернуть к родителям, поэтому и стал выдавать себя за сироту. Ведь на Руси сирот всегда жалели военные люди.

А в это время 2-й Отдельный танковый полк вел тяжелые бои с противником. Почти каждый день танкисты атаковали авангардные части армейской группировки «Север», тут же исчезали, а вскоре ошеломляли фашистов в другом месте и опять скрывались. Среди танкистов были большие потери, но врагу казалось, будто перед ним не обескровленный и измотанный непрерывными боями полк, а целая группа хорошо организованных танковых частей.

Военные контрразведчики знали, в какие переделки попадали танкисты, и решили оставить Петю в отделе. Вскоре шустрый и сообразительный мальчик стал и здесь общим любимцем. Он помогает в работе хозяйственникам, иногда его используют в качестве курьера.

Петя, конечно, не был посвящен во все тонкости работы Особого отдела. Он делал свое маленькое дело, но чувствовал, что этот орган ведет какую-то неизвестную, таинственную работу. У следователей он видел гитлеровских шпионов, диверсантов и разных головорезов, задержанных чекистами и местными гражданами.

Однажды у старшего лейтенанта Д.Д. Таевере он встретил людей, вернувшихся оттуда. Из фашистского тыла. После этого он почти не отходил от всегда внимательного и отзывчивого младшего лейтенанта госбезопасности Никиты Федоровича Ковалдина. Тот много занимался с мальчиком, рассказывал ему увлекательные истории из работы разведки и органов ВЧК. И каждый раз такие беседы кончались просьбой Пети послать его с каким-нибудь заданием в тыл гитлеровских войск. Ковалдин

лишь улыбался, успокаивал мальчика и просил подождать.

Азы спецподготовки

И вот сегодня старший оперуполномоченный 6-го отделения Н.Ф. Ковалдин решил, что именно Петя сможет выполнить задание командования фронтом. Он понимал начальника Особого отдела П.Т. Куприна и сам, наверное, будь на его месте, вот так же резко ответил бы на предложение послать в тыл к фашистам тринадцатилетнего мальчика. Но он лучше комиссара госбезопасности 3-го ранга знал Петю, его способности, и поэтому был уверен в успехе.

Он упрямо посмотрел на начальника отдела и хотел было тому что-то сказать.

Тут младшего лейтенанта госбезопасности поддержал его непосредственный начальник Дмитрий Дмитриевич Таевере. Увидев, что начальник Особого отдела фронта раздражается все больше и больше, а значит, его трудно потом будет в чем-то переубедить, он попросил дать ему слово.

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, — нат чал Дмитрий Дмитриевич, — я поддерживаю предложение Ковалдина. И прошу выслушать меня.

Павел Тихонович Куприн махнул рукой, улыбнулся и уже несколько мягче произнес:

— Уж не сговорились ли вы со своим старшим оперуполномоченным? Если два человека делают одно и то же предложение — значит, оно заслуживает внимания. Ну, а я, по-видимому, немного погорячился. Но в этом нет ничего страшного, в споре рождается истина. Мы все внимательно слушаем вас, товарищ Таевере.

Дмитрий Дмитриевич уверенно продолжил:

— Петя имеет сильную волю, наделен хорошей памятью, смелостью, находчивостью, умеет держать себя в опасной обстановке. Это физически очень сильный мальчик, может без устали пройти не один десяток километров. Он отлично ориентируется в любом лесу, хорошо ходит по компасу и карте. Уже знает повадки и психологию гитлеровцев. Прибавьте к этому его лютую ненависть к фашистам, его горячее желание бороться с этим заклятым врагом. Он не раз уже фозился убежать от нас на фронт. На мой взгляд, этот мальчик уже почти готовый разведчик. Конечно, чтобы успешно выполнять задание командования фронта, ему нужно будет пройти ускоренный курс специальной подготовки. Я уверен — Петя нас не подведет.

Начальник Особого отдела встал, прошелся по своему небольшому кабинету, посмотрел в заклеенное полосками бумаги

окно и сказал:

— Что ж, может, вы и правы? Мальчику действительно будет легче добраться до этой проклятой батареи.

Он замолчал, прошелся опять по кабинету, побарабанил пальцами по столу и уже приказным тоном добавил:

— Я согласен на такой вариант. С сегодняшнего дня Таевере и Ковалдин займутся спецподготовкой Пети…

Он вздохнул, посмотрел на своих военных контрразведчиков и уже мягче сказал:

— Не забудьте о легенде для мальчика. И помните — от батареи ежедневно гибнут мирные советские люди. Времени у вас совсем мало.

Вскоре Петя был у начальника 6-го отделения старшего лейтенанта госбезопасности Д.Д. Таевере. Он очень обрадовался заданию. Понимая всю его важность, Петя сразу дал согласие идти в тыл противника. Вечером мальчик жадно набросился на все то, что считали нужным внести в его специальную подготовку Таевере и Ковалдин. В маленькой комнатке чекисты учили его приемам, как быстро и незаметно уходить от глаз агентов фашистов. Ему предоставили целый альбом рисунков и фотографий гитлеровских дальнобойных орудий. И вскоре он свободно ориентировался в их калибрах. А темной ночью Петя совершает пятнадцатикилометровый марш-бросок по лесу. Ориентир у него был один — звезды. И он успешно добрался в указанное место.

Военные контрразведчики разрабатывали различные положения и варианты, в которые мог бы попасть мальчик в тылу врага. И Петя моментально находит им решения: то он играет недалекого по уму парнишку, то просит найти удравшую в лес корову, то с корзиной грибов и слезами на щеках просит указать путь из векового леса.

В это же время Петя занимается своей новой биографией. Каждый час он десятки раз повторяет составленную чекистами легенду, вживается в образ кулацкого сынка. Да, по легенде он — Петр Ермолаев, сын кулака, высланного в 1930 году из поселка Волосово. Если бы гитлеровцы попытались проверить это, то факт такой они установили бы. Но настоящий Петр Ермолаев был в глубоком советском тылу. Поэтому ничего опасного для Пети такая проверка не представляла.

А мальчик, в который уже раз, повторял:

— Папа с 1930 года находился в ссылке где-то под Архангельском, а мы с мамой жили в Голубовицах, у родственников. Он иногда присылал нам деньги и письма, в которых намекал, что скоро все должно кончиться и мы опять

станем владельцами крупного хозяйства. Когда немецкие солдаты подошли к деревне, ее жители снялись и двинулись в глубь страны. Вместе с ними на подводе поехали и мы. Ночью, в лесу, мама разбудила меня, прошептав: «Сынок, вставай. Нам не по пути с ними». Мы повернули лошадь и поехали назад. В пути попали под артиллерийский обстрел, наша лошадь была убита осколком снаряда. С мамой собрали узел и пешком двинулись к Волосово. Сюда, по словам мамы, должен вернуться мой отец. Это передал ей какой-то его друг, бежавший перед войной из ссылки. В лесу около станции Поповка мы опять попали под сильный обстрел. Мама испугалась и бросилась по тропинке в гущу леса. Вдруг раздался сильный взрыв, я упал на землю. Когда встал, то в метрах пятидесяти увидел искромсанные, вырванные с корнем сосны и огромную воронку. Мамы нигде не было. На мой крик она не отзывалась. По-видимому, ее разорвал снаряд. Сидя на краю воронки, я долго плакал, а затем решил продолжать путь в Волосово. И вот уже несколько дней, побираясь по деревням и попрошайничая у гитлеровских солдатских кухонь, пробираюсь я в этот поселок. Здесь надеюсь найти своего отца, которого знаю только по фотографиям.

При этом Петя делал такое страдальческое лицо, что трудно было не поверить его рассказу. «В этом мальчике, — не раз уже думал Таевере, — заложен талант большого артиста».

Учителя довольны своим необыкновенно прилежным учеником. Он быстро достигает нужных результатов. Ход его подготовки контролирует сам начальник Особого отдела. П.Т. Куприну было очень жалко посылать мальчика в тыл противника. Но теперь он понимал, что от этого юнца зависит выполнение задания командования фронта. Зависят судьбы многих жителей Колпино, а также бойцов этого участка фронта. Поэтому он еще и еще требовал, чтобы Таевере и Ковалдин как следует проработали с мальчиком все ситуации, которые могли возникнуть с ним в тылу фашистов.

Утром 5 сентября 1941 года начальник Особого отдела вызвал Ковалдина, крепко пожал ему руку и пригласил сесть за небольшой стол, покрытый зеленым сукном. Куприн долго смотрел на младшего лейтенанта госбезопасности, а затем спросил:

— Итак, как дела у Пети? Готов к походу? Времени у нас больше нет. Нужно приступать к выполнению задания. А может…

И он, не окончив изложение своей мысли, посмотрел в глаза Ковалдину и продолжил:

— А может, послать взрослого разведчика? Или группу?

Никита Федорович встал из-за стола, одернул гимнастерку и

твердо произнес:

— Посылать никого не надо. Петя готов идти в разведку, мальчик серьезно и целеустремленно готовил себя к ней.

Начальник Особого отдела, довольный ответом своего подчиненного, тяжело вздохнул и сказал:

— Тогда, Никита Федорович, завтра… Готовьте Петю. Завтра он уйдет в тыл к фашистам.

В тот же день старший оперуполномоченный 6-го отделения Н.Ф. Ковалдин составил начальнику ОО НКВД Ленинградского фронта комиссару госбезопасности 3-го ранга П.Т. Куприну докладную записку, в которой писал: «…За время подготовки Петя Петров вдумчиво, по-деловому и с большой охотой воспринимал все новое, неизвестное ему. Видно было, что он серьезно и настойчиво готовит себя к походу в тыл врага. Мы уверены, что он готов выполнить любую поставленную перед ним задачу, в том числе и задания командования фронта».

И вот настало время прощания. В кабинете начальник Особого отдела П.Т. Куприн, Д.Д. Таевере и Н.Ф. Ковалдин угощали Петю чаем с конфетами и печеньем. За столом они вспомнили мирное время, помечтали о Дне Победы. Ох и трудно было отправлять Павлу Тихоновичу мальчика в тыл врага! Он внимательно смотрел на веселого, улыбающегося Петю и, когда тот закончил пить чай, ласково спросил:

— Ну как, разведчик, с заданием справишься?

Мальчик быстро вскочил со стула, подтянулся и про себя подумал: справится ли он?.. Будет, конечно, трудно. А разве не трудно на фронте? Разве не трудно его друзьям-танкистам и другим нашим солдатам. Всем сейчас трудно. Трудно всей стране. Всему нашему народу. И виноват во всем фашизм. Поэтому он должен справиться. На него надеются, и он сделает все возможное, чтобы выполнить задание.

Несколько волнуясь, Петя ответил:

— Думаю, все будет хорошо, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга. Задание выполню.

— И мы так все думаем, — сказал, улыбнувшись, Куприн.

— Конечно, справишься, — поддержал начальника Таевере.

— Я прошу дорогой, Петруша, — продолжил комиссар госбезопасности 3-го ранга, — будь только осторожным. Помни, у фашистов имеется громадный аппарат агентов и сыщиков. Это хитрый и ловкий враг. Помни об этом и будь бдительным. И, конечно, береги себя, сынок.

И чекист ласково прижал голову мальчика к своей груди, а сам подумал: «Что ждет такого, несомненно одаренного мальчика на этой страшной войне? Ведь она только-только началась, а

столько уже горя принесла советскому народу».

Что ждало впереди самого комиссара госбезопасности 3-го ранга, этого незаурядного человека, отменного начальника и превосходного боевого товарища? Весной 1942 года его вызвали из осажденного Ленинграда в Москву и 2 мая 1942 года назначили начальником Особого отдела НКВД по Московскому военному округу. И.В. Сталин предполагал, что летом 1942 года Гитлер и его военачальники могут нанести по Москве один из главных своих ударов, поэтому на основные командные должности назначались опытные кадры. Однако начальником ОО НКВД МВО Павел Тихонович пробыл совсем не долго. 12 августа 1942 года его по предложению И.В. Сталина назначили на более ответственную должность — он возглавил 3-е Управление НКВД СССР, так называемое секретно-политическое управление, которое занималось идеологической контрразведкой на территории Советского Союза.

В это время, а точнее 1 сентября 1942 года, в глубокий тыл Ленинградского и Карельского фронтов «Абвер»[39] забросил несколько разведывательно-диверсионных групп, которые должны были подготовить плацдарм для высадки крупного немецкого десанта в районе города Коноши, чтобы изолировать советский Север от центральных районов СССР и начать наступление на Вологду. Местные органы госбезопасности с приданными им красноармейскими частями нанесли ряд ударов по этим фашистским группам. Однако основная их часть ушла в глухие леса и болота, откуда от них в один из центров «Абвера» в Таллине регулярно поступали разведывательная информация и метеосводки. Естественно, нужно было срочно ликвидировать эти действовавшие в глубоком советском тылу немецко-фашистские группы. Павлу Тихоновичу Куприну, как бывшему начальнику 00 НКВД Ленинградского фронта, знавшему хорошо местные условия, было поручено возглавить операцию по ликвидации этого вражеского десанта. С порученной задачей он справился успешно, о чем было доложено Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину.

11 ноября 1942 года самолет, на котором возвращался в Москву комиссар госбезопасности 3-го ранга П.Т. Куприн, был сбит немецкими истребителями и упал в одно из озер на Севере, которых так много там. Эта была самая крупная потеря на северо-западе СССР для органов госбезопасности за всю Великую Отечественную войну. При выполнении заданий и в боях за Родину погибли 1275 сотрудников органов военной контрразведки Ленинградского фронта. Старшим среди них по званию значится комиссар государственной безопасности 3-го

ранга Павел Тихонович Куприн.

Когда доложили Наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии о гибели П.Т. Куприна, то он долго сокрушался и скорбел, что лишился такого ценного, высокопоставленного сотрудника. Затем нарком приказал работникам своего секретариата никому не говорить о гибели П.Т. Куприна и ушел к И.В. Сталину. Переговорив с Верховным Главнокомандующим, Л.П. Берия дал указание своему кадровому аппарату зафиксировать, что комиссар госбезопасности 3-го ранга П.Т. Куприн умер 11 ноября 1942 года в Хабаровске. 19 ноября 1942 года приказом НКВД СССР № 3554 начальник 3-го Управления НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга П.Т. Куприн был исключен из списков личного состава «за смертью», о чем были сделаны соответствующие записи в картотеке Управления кадров НКВД СССР и в его личном деле.

О том, что Павел Тихонович Куприн погиб в самолете, сбитом немецкими истребителями, утаивалось от общественности многие годы.

Второй бросок в тыл врага

Ночью 6 сентября 1942 года Петя в сопровождении минера и двух войсковых разведчиков пересек линию фронта. В густом лесу, около железной дороги Ленинград — Москва, он распрощался с красноармейцами, которые здесь, в этом лесу, должны были ждать его возвращения. Темная ночь — союзница юного разведчика и надежный его хранитель — и лес приняли мальчика в свои объятия и сразу спрятали от посторонних глаз. По тихому, ночному лесу Петя шел около трех часов. Когда мальчик удалился от линии фронта на достаточное расстояние, он забрался под ветки большой ели и сразу заснул. Разбудил Петю резкий, отрывистый стук дятла. Он открыл глаза и улыбнулся ласковым солнечным лучам, пробивавшимся через густые еловые ветви. Медленным взглядом окинул стоявшую напротив огромную сосну. На засохшей ее верхушке мальчик увидел разноцветную птицу. Держась вертикально когтями своих сильных лап за ствол дерева, дятел длинным клювом добывал себе корм. «Так вот где ты… Нашел я тебя, лесной барабанщик», — подумал, улыбнувшись, Петя.

Лежа на спине, юный разведчик несколько минут наблюдал за ловкой работой птицы. Затем он вылез из своего убежища, чтобы согреться, пробежал сотню метров и наткнулся на огромное поле несколько уже переспевшей, почти бордового цвета брусники. Он быстро наполнил кепку сочной ягодой и уселся на солнечной опушке на пенек, достал привязанный за спину узелок, выложил из него краюху деревенского хлеба, четыре яйца и несколько отварных картошин. Позавтракав, он завернул оставшийся хлеб и два яйца в узелок и пошей по тихому, солнечному лесу. Издалека до него доносились артиллерийские раскаты и взрывы снарядов. Там, за его спиной, уже совсем далеко находилась линия фронта.

Теперь предоставим слово нашему герою. Сохранившиеся документы, написанные еще не отработанным, почти детским Почерком, подробно рассказывают, как Петя выполнил трудное задание командования Ленинградского фронта. Вот выдержки из отчета, который Петя писал сразу после возвращения из тыла противника:

«Утром я вышел к железной дороге Ленинград — Москва и двинулся по левой стороне к станции Ульяновка. Не доходя километра два до платформы, перешел на правую сторону железной дороги. У крайних домов поселка Красный Бор встретил немецкий пост. У будки, стоящей рядом с железной

дорогой, находилось несколько немецких солдат и офицер с биноклем. Тут же замаскированы два крупнокалиберных пулемета и легкая пушка. Фашисты меня не задержали, они только посмотрели в мою сторону.

Пройдя 500 метров, спустился с насыпи, где заметил телефонный провод. И я, нарушив инструкцию тов. Таевере — заниматься только разведкой, не удержался и перебил его на камне. По тропинке, с правой стороны насыпи, я прошел Красный Бор. Кругом было много солдат, вооруженных в основном, автоматами, но орудий нигде не было. Тогда я еще раз обошел этот поселок и окрестные леса, где предположительно могли быть пушки. Тщательно осматривал лесные дороги, но каких-либо признаков тяжелой артиллерии не было.

В пути я уже находился несколько часов, но усталости не чувствовал, так как хотелось быстрее найти эту чертову батарею. Решил пойти к станции Поповка. Между Красным Бором и Поповкой видел большое немецкое кладбище с касками на могилах и свастикой на крестах. Прошел Поповку, и тут вдруг сзади меня раздалось несколько тяжелых взрывов, похожих на громовые раскаты. Через несколько минут они опять повторились. День был солнечный, и признаков грозы не было. Поэтому я решил, что здесь где-то и находится нужная нам батарея. Я вернулся обратно, сошел с насыпи и вошел в кустарник. Рядом находился лес. Прошел метров 700 и увидел девять дальнобойных орудий, замаскированных ветками и какими-то сетками. Я спрятался в молодом березняке и стал наблюдать. Рядом находился небольшой дом, хлев и другие хозяйственные постройки. Место мне было знакомым. Здесь до войны жила семья путевого обходчика. Через некоторое время из дома вышли два офицера, которые, смеясь, прошли около меня. Пушки стояли на больших резиновых колесах диаметром полтора метра, стволы их были под углом 45 градусов и направлены часть на Колпино, часть на Красногвардейск. Около каждого орудия находилось по 5–6 гитлеровцев, они вели стрельбу. Расположены орудия в шахматном порядке в 55–60 метрах друг от друга.

За батареей я наблюдал минут тридцать. После этого я возвращался не по железной дороге, а по Московскому шоссе. Близ станции Ульяновка, на опушке леса, видел 22 противотанковых орудия, а рядом, на шоссе, стояла большая колонна автомашин с гитлеровцами. Машины были обтянуты брезентом…»

Ночью в сопровождении тех же красноармейцев Петя вернулся к своим. Его тепло и радостно встретил младший лейтенант госбезопасности Н.Ф. Ковалдин. На «эмке» без единого

стекла, изрешеченной с самолета пулеметной очередью, разведчик был доставлен в Ленинград. Ему отвели маленькую комнату, дали ручку, чернила и бумагу. И мальчик уселся за составление отчета о разведке в тылу противника. Вскоре отчет был готов. Затем Пете предоставили карту. На ней он сразу нашел бывшую усадьбу путевого обходчика и поставил крест.

— Вот здесь и находится гитлеровская батарея дальнобойных орудий, — уверенно сказал он.

8 сентября 1941 года отчет Пети Петрова и карта с координатами батареи дальнобойных орудий были отправлены командующему Ленинградским фронтом Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову. На следующий день по фашистской батарее, доставившей столько неприятностей жителям Колпино и бойцам фронта, был нанесен сокрушительный удар. Враг получил по заслугам.

А дела в эти дни на Ленинградском фронте складывались неважные. Советскими войсками был оставлен Шлиссельбург, и 9–10 сентября 1941 года после потери этого города Ленинград оказался в окружении. 10 сентября И.В. Сталин принял решение сместить К.Е. Ворошилова и назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии Георгия Константиновича Жукова.

Особенно обрадовало это назначение начальника Особого отдела фронта П.Т. Куприна. С Георгием Константиновичем его связывали бои 1939 года на Халхин-Голе. В то время старший майор госбезопасности П.Т. Куприн организовывал защиту тыла 1-й армейской группы Г.К. Жукова, сражавшейся в районе этой реки. И орден Красного Знамени, которым П.Т. Куприн был награжден в начале 1940 года, он получил за успешное выполнение заданий от этого, набиравшего уже известность советского военачальника.

Через минное поле — к своим

Отдохнув, Петр через пять дней опять отправился в тыл противника. На этот раз ему предстояло разведать район по маршруту Красный Бор — Саблино — Любань — Липки — Апраксин Бор. Петя успешно справился и с этим заданием.

Добытые мальчиком разведывательные данные о противнике представляли большую ценность для защитников города Ленинграда. Начальник Особого отдела П.Т. Куприн направил их сразу новому командующему Ленинградским фронтом генералу армии Г.К. Жукову. Комиссар госбезопасности хорошо знал, что Георгий Константинович, как всякий крупный военачальник, любит информацию краткой, не вызывающей никаких сомнений в ее достоверности. Поэтому он при направлении разведывательной сводки в адрес командующего подчеркивал: «При этом препровождаю для оперативного использования доклад П. Петрова о наличии немецких войск в районе Красный Бор — Любань — Липки. Сведения доставлены одним из лучших наших разведчиков и представляют определенную ценность».

Вот — третье задание. Уже сутки Петя находился в тылу у фашистов. Он посетил оккупированные гитлеровцами деревни Захожье и Никольское, где собрал данные о фашистских танковых частях и артиллерии. Поздним дождливым вечером 22 сентября 1941 года он, в который уже раз по-пластунски, медленно, с большой осторожностью двигался к своим через линию фронта. И тут мальчик почти рукой дотронулся до торчавших из-под земли каких-то волосков. Он замер, огляделся. На него зловеще смотрела совсем не замаскированная фашистская мина. Разведчик медленно отполз в сторону. И через несколько метров увидел еще мину. Петя бесшумно метнулся в другую сторону. Опять мина. Ведь всего сутки тому назад он пересекал здесь линию фронта, и все было нормально. И вот тебе на. «Наверно, немцы сегодня поставили эти проклятые мины», — подумал мальчик.

Он был в западне. Путь оставался свободным только назад, в тыл врага. Разведчик лег на землю, подставил лицо моросившему дождю и, успокоившись, решил двигаться только вперед. Не торопясь, часто отдыхая, метр за метром преодолевал он теперь такое опасное для него поле. Петя был уже почти у своих, когда раздался взрыв. Это сработала задетая им мина. Мальчик был ранен по касательной осколком в плечо. Зажав рану рукой, скрипя зубами от боли, он полз вперед. «Только вперед… Только вперед…» — шептал он себе.

И юный разведчик добрался до своих. Он как-то бесшумно сумел опуститься на дно траншеи и, увидев красноармейцев, тут же потерял сознание.

В медсанбате Пете оказали первую помощь, а затем его отправили на машине в Ленинград и поместили в госпиталь. К счастью, как сообщили Ковалдину врачи, рана у мальчика оказалась неопасной. И все-таки военному контрразведчику, когда он впервые увидел на больничной койке перевязанного бинтами Петю, было очень трудно сдержать волнение:

— Как же так, Петя, случилось? Больно? Дорогой мой мальчик. Это я виноват, не надо было посылать тебя в тыл к фашистам…

Потом Ковалдин передал ему привет от Куприна и Таевере. Глаза у мальчика радостно заблестели. Он обрадовался: о нем помнит сам начальник Особого отдела фронта. Петя взял своего наставника за руку и тихо произнес:

— Не расстраивайтесь, дядя Никита. Мне не больно. Совсем не больно. Дела у меня пошли на поправку. Вы ни в чем не виноваты. Виноваты в этом только фашисты. Передайте комиссару госбезопасности 3-го ранга, что я скоро поправлюсь и готов снова идти в разведку. Ведь вы пошлете меня туда?

Мальчик вопросительно смотрел на Ковалдина и ждал ответа. А тот погладил его по белокурым волосам, тяжело вздохнул и сказал:

— Ты поправляйся… Быстрее поправляйся. А там посмотрим…

26 сентября 1941 года старший оперуполномоченный 6-го отделения ОО Ленинградского фронта младший лейтенант госбезопасности Н.Ф. Ковалдин писал начальнику Особого отдела фронта П.Т. Куприну: «Петя Петров в ночь на 21 сентября был выведен в тыл врага. Возвращаясь, попал на гитлеровские минные поля, подорвался, ранен. Сейчас находится на излечении. Личные политико-моральные качества его еще лучше заострились. С нетерпением ждет выздоровления и хочет вновь идти в разведку».

Один в поле — не воин

Петя выздоровел и уже 1 октября 1941 года опять отправился в разведку, в тыл немецко-фашистских войск. На этот раз в разведку мальчик ушел в составе разведывательной группы. Возглавлял ее бывалый разведчик 20-летний комсомолец Николай Кузьмин. Вместе с ними во вторую свою ходку во вражеский тыл ушел 18-летний ленинградец Алексей Григорьев. Им предстояло обследовать Тосненский район и установить в нем координаты аэродромов врага, откуда, по данным войсковой разведки, делали свои регулярные налеты на Ленинград фашистские самолеты.

1 октября 1941 года в 11 часов вечера они отплыли на лодке со своего берега Невы. Ночью приплыли в село Ивановское, спокойно высадились на противоположном берегу, не встретив гитлеровских постов. Переночевав в заброшенном сарае, ранним дождливым утром 2 октября разведчики вышли к деревне Захожье. Отсюда начинался разведывательный рейд по Тосненскому району. Чтобы не привлекать внимание гитлеровцев, шли поодиночке, каждый в метрах двухстах друг от друга. Впереди шел с каким-то печально-скорбным видом Петя в белесом овчинном полушубке, за ним чем-то озабоченный в старенький телогрейке Григорьев, подпоясанной тонким ремешком, и замыкающим был что-то бормочущий про себя командир в латаной-перелатаной немецкой шинели. Если бы кто-нибудь прислушался к его ворчливому бормотанию, то услышал бы проклятия в адрес нудного осеннего дождя. Со стороны казалось, что это местные жители отправились в промозглую погоду по своим нехитрым, но срочным домашним делам: они торопятся, засветло, до наступления комендантского часа им необходимо вернуться домой.

Но это только казалось. Разведчиков в это время терзала только одна мысль: «Скоро первый охранный пост гитлеровцев. Удастся ли проскользнуть?» Волнение у них достигло наивысшего предела. Их понять можно. Ведь первое препятствие всегда брать трудно.

Разведчики прошли этот пост. Немцы их даже не остановили. Только один усатый толстый кавалерист на сером в яблоках орловском рысаке резко направил лошадь на Григорьева. Алексей на какое-то время оторопел, затем схватил поводья руками, стараясь сдержать натиск могучей лошади.

Немец засмеялся, ударил Григорьева свинцовой нагайкой по спине и весело поехал к будке, откуда доносились звуки губной

гармошки. Хотя и был Алеша в телогрейке, жгучая боль обожгла его спину. Глаза его на мгновение вспыхнули ненавистью к своему обидчику. Казалось, еще миг — и он схватится за булыжник. Но юноша сдержался и с тем же озабоченным видом пошел по деревенской улице.

А впереди шел Петя, и казалось, ничего не интересовало мальчика. Он занят только своими грустными заботами. Но глаза юного разведчика уже успели запечатлеть во дворе одного из деревенских домов тщательно замаскированную батарею противотанковых орудий. В саду следующей деревенской избы располагалась зенитная батарея. Через две избы, в огромном амбаре, где до войны хранилось колхозное сено, в полураскрытые ворота он увидел штабелями уложенные до самой крыши снаряды. «Вот здесь склад боеприпасов», — подумал Петя. «Да, так и есть», — твердо решил он, увидев выползавшие два тяжело нагруженных грузовика. На другой улице он зафиксировал колонну стоявших автомашин с полуразобранными понтонами. Мальчик насчитал тридцать две машины. Не ускользнули от внимательных его глаз и многочисленные повозки, которые были заполнены бревнами, лодками и разным плотницким инструментом. Все это двигалось в сторону Ленинграда. «Уж не готовятся ли фашисты к форсированию Невы?» — задал себе вопрос Петя.

Вот и конец деревенской улице. Пора уходить из Захожья. Петя поднял левую руку и взмахнул ею. Через некоторое время он проделал это еще раз: то был сигнал его друзьям покинуть деревню.

Вскоре разведчики были в лесу. Забравшись под ветви огромной ели, они, веселые и радостные, делились результатами первой разведки. Кузьмин в центре деревни насчитал 10 немецких танков. Григорьев на соседней улице, в пустом осеннем саду, заметил зенитную батарею, а рядом с ней только что построенный дот, щели которого ощетинились тремя пулеметами.

Первой своей разведкой ребята остались довольны. Память их намертво схватила все данные о немецко-фашистских войсках. Теперь путь их лежал в деревню Никольское.

Никольское разведчиков встретило какой-то странной, гнетущей тишиной. Не слышно было даже лая деревенских собак, которых всегда так много было в этой деревне. И тут Петя, шедший впереди цепочки, вздрогнул. В центре деревенской площади стояла высокая, свежеструганная, капитально сработанная виселица. Посередине ее ветер раскачивал тело повешенного, совсем еще мальчика. На груди его висел большой

кусок фанеры, на котором крупными буквами было нацарапано:

«Он убивай германски золдат. Так будет з кажды».

Разведчики быстро прошли через деревенскую площадь. Каждый из них, словно клятву, тихо повторял: «Мы отомстим за твою мученическую смерть, неизвестный герой».

В Никольском немцев находилось немного: разведчики насчитали только 8 танков и около роты солдат с тремя офицерами.

И снова в путь. Перейдя по не охраняемому гитлеровцами временному деревянному мосту через реку Тосно, они вскоре были на станции Саблино. Здесь их внимание привлекла артиллерийская батарея. Это была необычная батарея. Такую они видели впервые. Ребята долго изучали ее. На четырех платформах, по три на каждой, было укреплено 12 орудий. На каждой платформе одно орудие было направлено в сторону Тосно, второе — на Колпино» третье — в противоположную сторону от станции Саблино. Разведчики, спрятавшись в густом ельнике, долго изучали эту фашистскую батарею и никак не могли понять, для чего же она создана, и тогда Кузьмин по праву старшего группы сказал:

— Ладно, ребята. Наше дело все запомнить. А там, в Особом отделе, разберутся и с этой батареей. А теперь в путь, в Тосно. Встречаемся у железнодорожного моста. Первым идет Петя. Разведку он ведет на станции. Леша изучает центр города, а я пройдусь по окраине. Да, прошу помнить указание руководства Особого отдела: ни в какие споры и стычки с гитлеровцами не вступать. Наше дело — разведка. Мы должны все терпеть и все запоминать, а то Леша в Захожье чуть было не схватился с гитлеровским кавалеристом.

И он посмотрел на Григорьева. Тот кивнул головой, соглашаясь с командиром, а затем покраснел и, словно ученик, провинившийся перед своим учителем, опустил глаза в землю. А Кузьмин продолжал:

— Наше дело только разведка — этим мы отомстим фашистам за боль и унижения.

Ну, а секрет батареи, которой так заинтересовались разведчики, скоро был раскрыт. Такие батареи гитлеровцы использовали в борьбе против партизан. Фашисты страшно боялись народных мстителей. Они никогда не знали, откуда можно было ждать очередного смелого партизанского налета.

Поэтому на платформах у них орудия были направлены в разные стороны. Но и эти батареи не помогали им. Партизаны успешно громили фашистов.

На станции Тосно Петя был около десяти дней тому назад, когда он, возвращаясь из вражескою тыла, попал на минное поле и был ранен. И вот сейчас, шагая по третьему запасному пути, мальчик не узнавал станцию. Многое изменилось здесь. Во-первых, его поразило обилие разбитых и полусгоревших вагонов. Казалось, что над станцией пронесся ураган небывалой силы. Исковерканные, перевернутые вверх колесами вагоны валялись около разрушенного здания вокзала и вдоль железнодорожного полотна. Огромная воронка зияла на месте склада боеприпасов. Разрушен, был и кирпичный дом, где до войны находился магазин. «Ведь здесь располагалась база горючего», — подумал мальчик и осмотрелся. Видно было, что сильный пожар совсем недавно бушевал на этом месте. «Да, — радостно вздохнул Петя, — славно поработали наши летчики». Он впервые видел результаты своей разведки. «Это вам, гады, за наши слезы, за кровь наших людей», — шептал он сам себе.

В то же-время Петя не забывал о разведке. Вот он увидел, как паровоз, надрываясь от непосильной тяжести, потянул по третьему запасному пути 8 товарных вагонов. Метров через четыреста он остановился. Тут же раздались крики гитлеровцев и заскрежетали двери вагонов. Петя решил подойти поближе и, спрятавшись в кустах, наблюдал, как фашисты разгружали из вагонов снаряды. Часть из них они грузили на дрезины, которые уходили одна за другой в сторону фронта. Основную часть снарядов гитлеровцы укладывали в штабеля в густом березняке. «Вот он, их новый склад боеприпасов», — решил разведчик.

В метрах трехстах от этого склада он засек замаскированную сетками зенитную батарею. Арядом с разрушенным зданием вокзала еще одну. «Напугали фашистов наши летчики, — подумал мальчик. — Вон как укрепляются. Боятся нового налета».

Он обошел всю территорию станции. У длинного деревянного дома, где до войны жили сотрудники вокзала, его внимание привлекли шесть танков, врытых в землю. Тут же рядом находились артиллерийская батарея и наблюдательный пост гитлеровцев.

Фашистов на станции было довольно много, но мальчику они показались какими-то уставшими, с серыми лицами и печальными глазами. Это были уже не такие самодовольные «завоеватели», которых он видел в августе. «Сбили спесь-то с них красноармейцы», — подумал Петя. И, усмехнувшись, промолвил:

— Подождите… Не то еще будет…

И он пошел, размахивая весело руками. Кузьмин и Григорьев уже ждали его на берегу реки Тосно в густых зарослях ивы. Здесь они решили отдохнуть и подкрепиться. Съев по куску сала с хлебом и по три отварных картофелины в «мундире», они стали делиться результатами разведки.

Кузьмину удалось установить базу горючего. На территории бывших ремонтных мастерских МТС гитлеровцы создали огромное его хранилище. Сюда беспрерывным потоком тянулись бензовозы и просто машины с пустыми бочками. Наполнив бензином и маслом, фашисты увозили их в сторону фронта. База была обнесена тремя рядами колючей проволоки. Ее охраняли три зенитные батареи, восемь врытых в землю танков и до роты пехотинцев.

По данным Алексея Григорьева, в центре Тосно располагался штаб эсэсовской танковой дивизии. В садах и огородах он насчитал 62 замаскированных танка. Здесь же стояла колонна из 35 автомашин с боеприпасами и противотанковыми пушками. Они ждали темноты, чтобы двинуться к фронту.

Николай Кузьмин, довольный результатами разведки, обнял Петю, затем похлопал по плечу Григорьева и восхищенно сказал:

— Молодцы, ребята!.. Сколько запомнили!.. За эти данные нам скажут большое спасибо в Особом отделе.

Уже смеркалось, когда разведчики подходили к станции Ушаки. Дальше идти было нельзя. Скоро комендантский час. Время, когда фашисты стреляли без разбора во все живое. Они не спрашивали, что тот или иной человек делает в это время на улице. За них говорили автоматы. Нужно срочно было найти ночлег. Об этом сейчас и думал Кузьмин. Он видел, что ребята устали и промокли до нитки. Нужно хотя бы просушить одежду. Им нужен был настоящий отдых. Ведь завтра их опять ждала трудная работа. А дождь все усиливался. Поэтому в лесу ему не хотелось ночевать. Николай решил рискнуть: зайти в какой-нибудь дом и попроситься на ночлег. Риск был большой, но ему хотелось сделать что-нибудь приятное для своих друзей, так славно потрудившихся сегодня. И он решился. Приказав им спрятаться в кустарнике, сам он направился к небольшой бревенчатой избе, из окон которой еле-еле пробивался свет керосиновой лампы. Он прислонился к двери и прислушался. Затем тихо постучал. Кто-то подошел к двери и затаился. Кузьмин постучал еще раз. Тут же раздался молодой женский голос:

— Кого это черт на ночь принес?

Николай почти шепотом ответил:

— Откройте, хозяюшка, ищем место для ночлега. Промокли до нитки. Идем с братьями в Любань. Да вот комендантский час

застал нас в пути, дальше идти боимся.

Лязгнула щеколда, и в полуоткрытой двери появилась с наброшенной на плечи фуфайкой высокая миловидная женщина лет тридцати. Она долго смотрела на Кузьмина, а затем грубоватым голосом спросила:

— Что ж ты, мил человек, обманываешь? Один… А плетешь о каких-то братьях… Ладно, заходи. Кроме меня, в доме мои детки — Настенька и Владик.

И она растворилась в темноте. Тут же до Кузьмина донесся ее голос:

— В сенях темно, держись левой стороны, а то очутишься в корыте с водой.

Перебирая левой рукой бревна стены, он медленно двинулся за женщиной. Вскоре скрипнула дверь, и вырвавшийся из комнаты свет осветил ему путь. Он вошел в маленькую, уютную, хорошо натопленную комнату. У стен стояли дубовые лавки, а посередине — добротно сколоченный стол и четыре табуретки. Большую часть комнаты занимала русская печь, топка которой дышала жаром и запахом отварной картошки. G печки на Кузьмина смотрели удивленные глаза двух белокурых детских головок. Николай подмигнул им, и они, смутившись, спрятались за широкую трубу. А хозяйка ухватом вытащила из печи большой чугунок с разваристой картошкой, поставила его на край топки, хлопком стряхнула руки и таким же грубоватым голосом сказала:

— Ну, что стоишь? Располагайся на лавке.

Кузьмину понравилась эта несколько грубоватая, такая миловидная, с открытым русским лицом женщина. Чувствовалось, что до войны эта была добрая и хлебосольная хозяйка. Интуиция разведчика подсказывала ему: здесь можно остаться на ночь. Он еще некоторое время смотрел, как она ловко и проворно закрывала какими-то тряпками окна, а затем кашлянул и, словно извиняясь за причиненное ей беспокойство, проговорил:

— Хозяюшка, нас действительно трое, тут они, промокшие… За домом.

Она долго смотрела на Кузьмина, потом вздохнула и игривым голосом произнесла:

— Эх, что не сделаешь для мужчин. Семь бед — один ответ. Иди за своими братьями, места хватит. Кузьмин вышел из дома и пропал в темноте. Дождь лил, как из ведра. В кустарнике его встретили Петя и Леша. Минут десять разведчики наблюдали за домом, а потом командир подтолкнул Петю в плечо, и тот бесшумно, стараясь не хлюпать по лужам, рванулся к дому. За ним также тихо и быстро шел Григорьев. И вот они в доме.

Кузьмин же недолго постоял около избы, прислушался, вошел в сени и закрыл дверь на щеколду.

Держа кепки в руках, Петя и Леша, опустив глаза, стояли смущенные и смотрели, как стекала с них вода и медленно расползалась по крашеному полу. Хозяйка, нахмурив брови, разглядывала разведчиков, затем перевела взгляд на черные, со смолистым отливом волосы Кузьмина, улыбнулась и спросила:

— И этот, белобрысый, твой брат?

Она пальцем ткнула в Петю и, прикрыв рот рукой, задорно рассмеялась, а потом хитро так проговорила:

— Ну, ладно, братишки, раздевайтесь. Вот вам халат и две рубашки. Развешивайте сушить одежду, и будем кушать. Мяса, правда, нет, но картошкой накормлю.

И она взялась за чугунок.

— Детишек я накормила, спят уже Настенька с Влади ком.

Вскоре они сидели с хозяйкой за круглым столом и ели разваристую картошку с необыкновенно вкусной квашеной капустой с тмином и клюквой. Потом она напоила их чаем с брусникой. За шутками Кузьмина и прибаутками хозяйки время пролетело незаметно. Устраиваясь на ночлег на дубовой лавке, Петя долго смотрел на убиравшую со стола хозяйку, чем-то очень похожую на его мать, а затем вздохнул и спросил:

— Кого же нам благодарить за все это? Как ваша фамилия?

Она посмотрела на него материнским взглядом и ответила:

— Благодарите простую русскую женщину, которую родители нарекли Марией, а по батюшке Ивановной. А фамилия? Я же не спрашивала ваши фамилии, не так ли, братишки?

Она засмеялась.

— А теперь спать, завтра вас ждет дорога.

Рано утром разведчики были на ногах. Дождь кончился, но тяжелые свинцовые тучи, словно гигантские парусные корабли, низко плыли с Балтики над землей. Там, где-то на востоке, они с избытком поили многострадальную русскую землю. Мария Ивановна встала раньше всех, а может, и вовсе не ложилась спать, так как на столе в чугунке уже стояли дымящиеся кислые щи с запахом сушеных грибов, а на большой сковородке лежала румяная жареная картошка. Они быстро расправились с едой и, тепло распрощавшись, по одному покинули гостеприимный дом. Каждому из них Мария Ивановна, хотя разведчики и отказывались, буквально насильно всунула по куску хлеба и несколько отварных картошин.

Разведчики сразу приступили к своим обязанностям. На станции Ушаки в их поле зрения попал огромный склад снарядов, тянувшийся метров на триста. Снаряды лежали под навесом

штабелями высотой в два метра. Здесь же располагались зенитная батарея и несколько крупнокалиберных пулеметов.

Покинув Ушаки, разведчики прошли платформу Соколиный Ручей. Весь этот путь Петя был задумчивым и каким-то грустным. В густом сосновом лесу ребята расположились на отдых. Не разговаривая, что было очень странным для Пети, он наломал сосновых веток и лег. Кузьмин понял, что в душе юного разведчика что-то происходит. Он подошел к своему боевому другу, сел на сосновые ветки, положил руку на плечо и ласково спросил:

— Что такой грустный, Петя?

Мальчик тяжело вздохнул и тихо ответил:

— Маму вспомнил — Мария Ивановна очень похожа на нее. Тяжело ей с малыми детьми, а она веселая. Нам помогла. Не испугалась расклеенных по всей станции фашистских приказов: ведь ей за наш ночлег грозил расстрел.

Кузьмин утвердительно кивнул головой и сказал:

— Да, фашисты ее бы не пожалели. Не пощадили бы они и Настеньку с Владиком. Но террором фашисты наш народ не запугают. Уже поднимаются на борьбу с проклятыми оккупантами женщины, старики, дети. Такие, как Мария Ивановна, уходят к партизанам, становятся подпольщиками. Уже горит земля под ногами гитлеровцев.

Петя поднялся и твердо сказал:

— Она еще не так будет гореть под их ногами. У… проклятые фашисты! Сколько горя, сколько слез они принесли. Уничтожать их надо, как бешеных собак.

Радуясь пришедшей к нему мысли, посмотрел на Кузьмина и Григорьева, а затем с жаром продолжил:

— Давайте взорвем склад снарядов в Ушаках. Охрана там небольшая. Я уверен: операция пройдет успешно.

Кузьмин усмехнулся:

— Нет, Петя, мы не будем взрывать этот склад. Это не наше дело. Мы — фронтовые разведчики. У нас другие задачи. Выполнив их, мы принесем гораздо больше пользы, чем взрыв склада в Ушаках. И ты прекрасно об этом знаешь.

Тут молчавший Григорьев поднялся с веток, стряхнул с телогрейки сосновые и еловые иголки и произнес:

— Я пошел бы с тобой, Петя. Мне нравится твое предложение, устроили бы такой трам-тарарам фашистам. Но у нас есть только один приказ: заниматься разведкой. От нас ждут сведений о противнике. И мы должны выполнить этот приказ. Теперь наш путь к деревне Веретье. По данным Особого отдела и войсковой разведки, где-то около этой деревушки располагается

большой аэродром фашистов. От нас ждут его координаты.

Тут Петя перебил Григорьева, взмахнул рукой и весело сказал:

— А значит, долой хандру, в путь, друзья, в деревню Веретье. Склад снарядов в Ушаках подождет.

Смеркалось. Короткий октябрьский день с уже надоевшими свинцовыми тучами, плывущими над верхушками деревьев, был на исходе. Ночь надвигалась с какой-то невероятной быстротой. Сразу умолкли птицы, и только изредка возвращающаяся к месту ночлега одинокая ворона пугала все живое своим громким карканьем. Уже несколько часов разведчики бесшумно шагали по мокрому лесу, лишь только иногда из-под ног доносился шорох пожухлой травы и давно опавших, почти уже черных от дождя листьев.

Вот на их пути возникли молодые посадки ели. Они не стали обходить их стороной. Задевая ветки, которые обильно обдавали их водой, они упрямо шли к намеченной цели. А потом опять вековой лес. Казалось, что ему не будет конца. И тут до слуха разведчиков донесся шум авиационных моторов. Над верхушками деревьев пронеслась пара истребителей с горящими огнями на крыльях, а затем один за одним, набирая высоту, пролетели десять тяжело нагруженных бомбардировщиков. Разведчики повеселели: они были у цели. Под ветвями огромной ели они покушали, затем наломали большую кучу лапника и, прижавшись друг к другу, улеглись спать.

Ранним утром, когда рассвет только начал пробиваться из-за черных туч через верхушки деревьев, Кузьмин разбудил Петю и Григорьева. Лес их поразил тишиной и спокойствием. Они неподвижно лежали какое-то время на ветках и наблюдали за низко летевшими тучами. И тут Петя ущипнул Лешу за бок. Оба быстро вскочили, и началась борьба… Борьба на ковре из сосновых веток. Григорьев пытался поймать Петю в свои объятия, а тот, маленький и юркий, ловко увертывался от него. И вдруг он прыгнул Леше на спину, повалил его на ветки. Григорьев сумел тут же подняться на колени, и так они боролись. Вот Леша обхватил Петю руками, и они, тяжело дышащие, рухнули на сосновые ветки.

А Кузьмин, подпрыгивая около борцов, весело размахивал руками и думал: «Пусть порезвятся ребята, неизвестно, что ждет их через час. Да и разогреться им обязательно надо».

Вскоре разведчики весело жевали хлеб с розовым салом. Подкрепившись, здесь же, на сосновых ветках, составили план первого выхода на разведку в Веретье. Они решили, что для изучения координат аэродрома под видом беспризорного,

разыскивающего своих родителей, взятых немцами на строительство укрепрайона, отправится только один Петя.

Кузьмин предупредил мальчика, чтобы он обошел только аэродром, изучил его расположение, систему зенитной охраны и сразу возвращался назад. Петя согласно кивнул головой и, распрощавшись с друзьями, пошел по лесу в направлении аэродрома. Ориентир у него был хороший: шум авиационных моторов. Вот он вышел на разбитую машинами лесную дорогу и, увлекшись преодолением рытвин с водой, не заметил, как оказался на окраине леса. Впереди лежало большое колхозное картофельное поле. Петя заметил, что урожай так и остался лежать в земле. Он подошел к одиноко стоявшей в поле сосне и осмотрелся. Черная, с большими, наполненными водой рытвинами, дорога бежала к двум деревням, располагавшимся на возвышенных местах. Вправо от этих деревень, в восточном и юго-восточном направлениях, виднелся огромный аэродром, откуда уже совсем отчетливо доносился шум моторов.

Петя долго разглядывал аэродромное поле, привязывал его к местности, и тут ему пришла мысль: «А ведь он лежит в треугольнике деревень Бородулино, Веретье и…» Юный разведчик смотрел на чуть видневшуюся третью деревню и вспоминал ее название. «Ильинский Погост? Да, это Ильинский Погост. Я был в этой деревне перед войной, с папой», — пронеслось у него в голове.

Он улыбнулся, довольный собой, и быстро зашагал по проселочной дороге. При входе в деревню Веретье мальчик остановился у столба, на котором висело несколько разноцветных листков с постановлениями немецко-фашистских оккупационных властей. Одно из них предупреждало, что все мужчины и женщины в возрасте от 16 до 45 лет должны зарегистрироваться в полиции. В другом местным жителям запрещалось посещать окрестные леса. При этом крупными буквами указывалось, что задержанные в лесу подлежат немедленному расстрелу немецкими солдатами. Чуть ниже местным жителям фашистские власти запрещали ходить из одной деревни в другую. За нарушение этого приказа полагался также расстрел. А вот синенькая бумажка сообщила Пете, что в деревне Веретье с 7 часов вечера устанавливается комендантский час. Ходить по деревне после этого местным жителям запрещалось. И за нарушение этого постановления полагалась та же мера наказания — расстрел.

Тут к столбу подошел бородатый старик в рваной фуфайке и замасленной шапке и стал читать фашистские объявления. Тяжело вздохнув, он зло сплюнул и тихо проговорил:

— У… сволочи!.. Скоро и за глоток нашего русского воздуха будут стрелять…

Увидев, что к ним направляются два немецких солдата, Петя тронул старика за рукав и спросил:

— Дедушка, скажите, пожалуйста, вам не знакома тетя Маня?

Старик исподлобья долго смотрел на мальчика и о чем-то думал, словно вспоминал, где он мог его видеть, а затем хрипловатым голосом спросил:

— А ты чей-то будешь? Уж не племяш ли Марии Васильевны из Бородулино?

Пете ничего не оставалось, как кивнуть годовой. А старик продолжал:

— Так она живет вон там, на другом краю. Пойдем, я тебя немного провожу.

Два высоких, надменных гитлеровца в касках и наглухо застегнутых шинелях с автоматами и какими-то медными бляхами на груди важно прошли около Пети. Старик зло посмотрел им вслед и громко сказал:

— Ишь, завоеватели. Ходят тут, как хозяева. Подождите, скоро обломает вам хвост Красная Армия.

Мальчик потянул старика за руку и шепотом проговорил:

— Пойдем, пойдем, дедушка. Не надо с ними связываться.

Старик со злостью вырвал руку и громко крикнул:

— Ты говоришь, не надо с ними связываться. Нет, дорогой, надо. Я не боюсь их. Помню, мы под Псковом в 18-м году дали им жару. Ох, дали!

Петя старался успокоить старика, а он расходился все больше и больше. На всю улицу он кричал:

— Ишь, хозяева-завоеватели! Под дулами автоматов выгнали детей и старух из домов. Теперь мы все живем в землянках, а немецкая солдатня заняла наши дома.

Тут из калитки выскочила полураздетая молодая женщина и с криком: «Ох, горе, горе мое!» — схватила старика за руку и потащила его в глубь двора, к огородам. Туда, где из-под земли торчала железная труба, из которой шел густой дым.

А Петя нашел у забора свежеоструганную палку из ивы, принял стойку фехтовальщика, сделал несколько колющих выпадов в адрес своего невидимого противника и, размахивая весело своим оружием, пошел по деревенской улице, заполненной немецкими автомашинами. Мимо него на бешеных скоростях проносились мотоциклы с солдатами в черных парусиновых плащах. Изредка проезжали легковые машины, из окон которых были видны важные, щегольски одетые немецкие офицеры.

Петя остановился около мальчика и девочки, копошившихся у огромной лужи, показал им несколько фехтовальных приемов и, ударив по воде палкой, подошел к забору. Там, за огородами, располагалось поле аэродрома. Но поле его пока не интересовало. Петя стоял, барабанил по штакетнику палкой и внимательно рассматривал бывшие крестьянские дворы, забитые самолетами. Хвосты «Юнкерсов» и «Мессершмиттов» находились… в огородах, рядом с хозяйственными постройками, а сверху они были замаскированы досками. Разведчик уже насчитал 26 таких самолетов.

И вот Петя на дороге. На толстом столбе одна из стрелок по-немецки указывала направление на Ильинский Погост. Вдруг рядом раздался громкий треск, и мальчик еле успел увернуться от мчавшегося на огромной скорости мотоцикла. Обдав его грязью, мотоцикл с орущими гитлеровцами свернул налево и скрылся в кустах. Петя вытер грязь с лица, взмахнул палкой над головой и пошел за мотоциклом.

За высокими кустами находилось небольшое поле, на котором виднелись шесть крытых автомашин с густой сетью проводов. Рядом с машинами располагалось несколько мощных антенн. На краю поля, около двух деревянных домов с дымящими трубами, стояли в ряд легковые машины и мотоциклы, и тут же маячила фигура часового с огромной овчаркой на поводке. Юный разведчик понял, что он вышел к радиостанции гитлеровского аэродрома.

Из-за кустов мальчик внимательно еще раз осмотрел месторасположение фашистской радиостанции. Память его, словно фотоаппарат, мгновенно зафиксировала все увиденное. Теперь можно возвращаться на дорогу на Ильинский Погост. Петя прошел по ней с полкилометра, и тут он увидел замаскированную огромными ветками зенитную батарею. Он подошел к двум немецким солдатам, возившимся около мотоцикла, и попросил хлеба. Молодой унтер-офицер выхватил из коляски автомат и, лязгнув затвором, наставил его на мальчика. Тот с испуганным видом попятился назад и вскоре был на дороге. Ему еще хватило времени запечатлеть двенадцать длинноствольных орудий, прикрывавших аэродром со стороны деревни Ильинский Погост.

Дальше граница аэродрома шла на юг до середины дороги, которая соединяла деревню Бородулино с городом Любанью. Здесь Петя встретил вереницу телег: понурые лошади и мрачные, чертыхающиеся местные жители ехали отбывать трудовую повинность. По-видимому, их ждали какие-то работы на аэродроме. Мальчик поздоровался с усатым дядькой в рваном полушубке, который полулежа управлял белой лошадью, и

попросил подвести до Бородулино. Тот молча кивнул головой. Петя понял, что согласие ему дано, быстро забрался в телегу и лег на подстилку из соломы. Угрюмый хозяин телеги всю дорогу только тяжело вздыхал и не обмолвился с мальчиком ни словом.

При въезде в Бородулино Петя поблагодарил мрачного возчика, спрыгнул с телеги и пошел по деревенской улице. Справа за хозяйственными постройками он увидел зенитную батарею: 16 орудий и 14 крупнокалиберных пулеметов охраняли аэродром со стороны этой деревни. «Да, — подумал юный разведчик, — как трудно будет пробиться через огневой заслон к фашистскому аэродрому нашим летчикам. Вот если подлететь с левой стороны Бородулино, то там находится болото. Да, правильно, оно ведь тянется около деревни Веретье и дальше. Вот отсюда и надо бомбить фашистский аэродром…» — так размышлял юный разведчик, проходя около огромной вышки, с которой гитлеровцы вели наблюдение. «Боятся нас фашисты, летчиков наших боятся», — радостно подумал Петя.

Географические координаты аэродрома и система его охраны установлены. Теперь пора и к своим. Вскоре Петя был на картофельном поле. У одинокой сосны мальчик еще раз осмотрел аэродром, действительно лежавший в треугольнике трех деревень. Затем он отломал сосновый сук, нашел несколько кустов мокрой, пожухлой ботвы картофеля и начал копать. Ему так захотелось сделать что-нибудь приятное своим друзьям, и он подумал, что печеная картошка принесет им настоящую радость. Мальчик сразу наткнулся на крупные клубни. «Эх, ну и урожай выдался в этом году! Вот это картошка!.. Если бы не проклятые фашисты…» — подумал Петя, собирая картошку в кучу. Потом он вытащил из кармана полушубка котомку, в которой находилась краюха хлеба. Он долго смотрел на черный кусок, а затем, тяжело вздохнув, засунул его за пазуху. Он не мог есть один. Мальчик быстро заполнил свою котомку крупной картошкой, рассовал оставшиеся клубни по карманам и пошел в лес.

День клонился к исходу, пошел нудный мелкий дождь, когда Петя встретился со своими друзьями. Радостные, они бросились из-за кустов к мальчику и поочередно тискали его в своих объятиях. Аон только улыбался и всем своим видом показывал, что разведка прошла успешно. Тут Григорьев выхватил у Пети котомку с картошкой, подбросил ее в воздух, затем, прижав ее к груди, пустился в пляс, приговаривая:

— Ну, Петя, уважил, не забыл друзей. Ведь вкусней печеной картошки нет ничего на свете.

Николай и Леша подхватили своего боевого товарища и весело побежали по лесу, словно туристы из мирной, такой уже

далекой довоенной поры. В гуще стройных молодых елей Петя увидел искусно сработанный шалаш из многослойного елового лапника. Потом ему показали замаскированную ветками большую яму, в центре которой еще дымились угли тлеющего костра. Здесь же лежала куча аккуратно наломанного сушняка. «Ребята тут даром время не теряли. Есть место, где можно обогреться, а в таком шалаше никакой дождь не страшен», — подумал Петя.

Григорьев быстро разжег костер. Кузьмин проверил светомаскировку и остался ею доволен: огонь снаружи не проникал. И вот разведчики уселись у костра. Петя начертил на земле схему аэродрома, заключенного в треугольник, обозначил название деревень, провел дороги и принялся обстоятельно рассказывать о результатах своей разведки. Вскоре Кузьмин и Григорьев четко представляли границы и месторасположение замаскированных досками вражеских самолетов, радиостанции, зенитных батарей, наблюдательной вышки.

Командир встал, обнял Петю за плечи, прижал к груди и взволнованно сказал:

— Молодец, Петя, ты сделал большое дело, спасибо. Вернемся к своим — буду ходатайствовать о твоем награждении, а теперь…

Он посмотрел на зардевшегося от похвалы разведчика, подмигнул Григорьеву и весело сказал:

— Пора заняться картошкой. Я вижу, что Леша давно не спускает с нее глаз.

Григорьев засмеялся и сказал:

— Я, ребята, мастер печь картошку. В этом деле мне не было равных, честное слово.

Переглянувшись, Кузьмин и Петя рассмеялись. Затем Петя высыпал из котомки картошку и произнес:

— Вот мы сейчас посмотрим на работу мастера.

Картошка действительно выдалась на славу. Первый горячий клубень Григорьев под звуки торжественного марша, который он виртуозно исполнил при помощи голоса и рук, преподнес юному разведчику. Перебрасывая картошку с руки на руку, Петя сдунул с нее золу, легко снял тонкую кожуру, и их взору открылась румяная, аппетитная корочка. Григорьев сделал глубокий вздох, провел языком по губам и гоголем прошелся около ребят. Кузьмин ласково смотрел на Лешу и улыбался. Петя помял картошку в ладонях, разломал ее на две части, и воздух в яме заполнился душистым картофельным ароматом. Вкус ее был необыкновенным. Леша действительно оказался большим мастером по выпечке картошки…

Ранним утром к фашистскому аэродрому ушел Григорьев.

Ему предстояло выяснить примерное количество самолетов, базировавшихся на этом аэродроме. Он установил, что в районе деревни Веретье базировались немецкие истребители «Мессершмитты» и бомбардировщики типа «Юнкерс-77». Он насчитал в ней 39 таких самолетов. Со стороны Бородулино располагалось 35 бомбардировщиков типа «Юнкерс-77» и «Юнкерс-78», а у деревни Ильинский Погост дислоцировалось 15 «Мессершмиттов», около десятка самолетов-разведчиков типа «рама» и 16 самолетов транспортной авиации.

Задание командования Особого отдела было выполнено, и разведчики отправились назад, в Ленинград. Они вышли к станции Горы, откуда по железной дороге пришли в Ивановское, нашли на берегу Невы спрятанную ими лодку и в ночь на 5 октября 1941 года переплыли реку, где попали в радостные объятия Н.Ф. Ковалдина и оперуполномоченного 6-го отделения 00 Ленинградского фронта младшего лейтенанта госбезопасности И.К. Маковеенко.

Составленный ими объемный доклад, насыщенный разведывательной информацией, тут же распечатали и с картами Тосненского района, на которых были отмечены все выявленные разведчиками данные о противнике, отправили за подписью начальника Особого отдела П.Т. Куприна в Разведывательный отдел штаба Ленинградского фронта и в штаб ВВС этого фронта.

«Разведай и доложи!»

Отдыхал Петя сутки и 7 октября ушел в разведку в районный центр Любань, оккупированный гитлеровцами. Вечером 8 октября 1941 года он был уже у Н.Ф. Ковалдина. Усевшись за стол, на котором находилась карта Любаньского района, возбужденным голосом рассказывал:

— Так вот, товарищ младший лейтенант госбезопасности… Днем я был в Любани. Немцы окопались на самой станции. На насыпи они нарыли между рельсами щелей, обложили их бревнами, которые укрыли большим слоем песка. Таких щелей я насчитал четырнадцать. Расположены они одна от другой на расстоянии 25–30 метров. Вот они…

И мальчик, взяв остро отточенный карандаш, склонился над картой и быстрым движением поставил на ней четырнадцать крестиков. Затем он продолжил:

— Я прошел вблизи этих щелей. В каждой их них находился один солдат с биноклем и два с пулеметом на ножках. В трехстах метрах от вокзала — немецкий пост: здесь пять солдат и крупнокалиберный пулемет.

И Петя поставил на карте большой крест, а сам продолжал рассказывать о системе обороны оккупированной фашистами Любани.

— От этого немецкого поста, метров двести к вокзалу, двухэтажное сгоревшее здание, на нем наблюдательный пункт гитлеровцев с таким же крупнокалиберным пулеметом. А за вокзалом, метров четыреста от него, усадьба… Вам все понятно, Никита Федорович?..

Мальчик отметил место, где находился наблюдательный пункт фашистов, и посмотрел на Ковалдина. Тот, удивляясь все больше и больше недетской наблюдательности юного разведчика, сосредоточенно записывал его рассказ в блокнот. Младший лейтенант ласково улыбнулся ему, кивнул головой, приглашая продолжать отчет о результатах разведки.

— Вот здесь, — Петя отметил на карте, — усадьба. Около нее замаскированная противотанковая батарея из восьми орудий, и тут же зенитная батарея из шести орудий. Рядом с ними два пулемета. В пятидесяти метрах от батареи врыты три тяжелых танка. А рядом с кирпичным домом…

Увидев, что Ковалдин не успевает записывать в блокнот добытые им данные, Петя замолчал, а затем, что-то вспомнив, тяжело вздохнул и сказал:

— В этом доме до войны жили железнодорожники. Мы с

мамой однажды бывали в нем. У нее там жила подруга, тетя Вера, с семьей. Теперь здесь находится база горюче-смазочных материалов. Тут всегда полно машин. А вот здесь, — и он показал на карте, — склад боеприпасов. Охраняют его всего пять гитлеровцев.

Петя замолчал, затем пожал плечами, развел руки в сторону и, как бы удивляясь малозначительности собранных сведений, тихо прошептал:

— Вот и все, Никита Федорович.

Ковалдин обнял разведчика и горячо сказал:

— Молодец, Петя!.. Спасибо тебе за эти разведывательные данные, они очень нужны.

Лицо мальчика засияло от счастья. «Вот и я приношу маленькую пользу в нашей священной войне. Пусть маленькая, но польза все-таки от меня есть», — подумал юный разведчик. Потом он радостно посмотрел на Ковалдина и сказал:

— Да, товарищ младший лейтенант госбезопасности, отметьте, что в Любань часто заходят накрытые брезентом груженные чем-то тяжелым грузовики. Я пробовал узнать, что в них. Не удалось. Видел, что днем они заправлялись горючим на складе, а вечером и ночью, не зажигая фар, продолжали свой путь к линии фронта.

Подумав, Петя вздохнул, лицо у мальчика выражало скорбь, он грустным голосом произнес:

— В Любани меня, Никита Федорович, удивило большое количество наших военнопленных. Изможденные, голодные, оборванные, разутые, с какими-то деревянными колодками на ногах, со стираными-перестираными ржавыми бинтами и просто тряпками, они используются фашистами на самых тяжелых работах: роют щели, разгружают из вагонов снаряды и ящики с боеприпасами, разбирают завалы из кирпичей и бревен. Местное население, особенно мальчишки, по возможности, когда охранники по очереди, завалившись тут же на бревна или доски, дремлют, подбрасывают им то куски хлеба, то отварную картошку. Ведь у самих жителей Любани уже почти ничего съестного нет, гитлеровцы уже не раз их грабили, отбирая все, что они пытались заготовить себе на зиму.

Младший лейтенант госбезопасности грустным голосом сказал:

— Мы знаем, Петя, что в Любани немцы создали какой-то страшный лагерь для советских военнопленных. Вот ты и видел их на непосильных работах…

Затем Ковалдин еще раз уточнил у Петра места расположения гитлеровских объектов, поблагодарил за столь

ценную информацию и отправился составлять сводку для командования фронта.

После этого Петя еще дважды ходил в разведку в тыл к гитлеровцам. Доставляемые им в Особый отдел сведения всегда были такими же точными и полными. Если этот не по годам смышленый и наблюдательный разведчик указывал, что в таком-то населенном пункте находятся немцы, то тут же подробно сообщал об их оборонительных сооружениях, наличии вражеских огневых точек, артиллерии, танков. Ничто не ускользало от пытливых глаз мальчика.

В то же время это был необыкновенно находчивый и смелый разведчик. 9 октября 1941 года он снова ушел в тыл врага. Ему нужно было проникнуть в деревню Кирково, где располагались большие силы гитлеровцев. Юный разведчик знал, что по дороге в эту деревню немцы держали пять охранных постов. Пройти незамеченным через них было почти невозможно, Плохо было тому человеку, на кого падало подозрение охранников этого района. Его ждал неминуемый расстрел.

Первый пост гитлеровцев располагался в пятистах метрах от станции Любань. И вот Петя, не доходя метров триста до первого кордона фашистов, сидел в кустах и терзался одной и той же мыслью: «Как проскользнуть пост?» И тут его внимание привлекло большое поле с капустой. Белые, крепкие кочаны убегали от его глаз вдаль стройными, какими-то удивлёнными рядами. Пете казалось, что они сейчас закричат: «Люди, ведь пора же! На носу зима…»

Мальчик вздохнул и подумал: «Эх, если бы не война! Здесь было бы полно колхозников. Каждый радовался бы такому урожаю».

И тут мальчика осенила неожиданная мысль. Он быстро встал, выбрал два увесистых кочана капусты и пошел с ними по дороге. Тяжеловаты были они для Пети, но он упрямо тащил их. Наконец, вот — первый пост. Рыжий, здоровенный верзила в звании фельдфебеля взмахом руки подозвал мальчика, а затем зло крикнул:

— Ти есть кто? Бистро говори. Я понимай, ти есть малый шпик. Ми будем тебя бух, бух!

Гитлеровец больно ткнул дулом автомата в грудь Пети и рассмеялся. Мальчик прижал к себе капусту, в глазах показались слезы, и он испуганным голосом проговорил:

— Я из Кирково, из деревни. Там у меня малые братья, они голодные, ждут меня с капустой. Они хотят кушать, пустите меня.

Гитлеровец что-то крикнул на немецком языке, и из дома вышли два солдата. Один из них ударил Петю по шее и начал

обыскивать его карманы. Не найдя ничего, фашист хотел отобрать у него капусту, но Петя прижал ее к своей груди и горько заплакал. Растирая одной рукой по лицу обильные слезы, второй прижимал к себе кочаны и жалобно говорил:

— У меня в деревне голодные маленькие братья, вот такие киндеры.

И он показал рукой рост своих братьев. Затем он ткнул себе пальцем в открытый рот и продолжил:

— Они хотят кушать — ням, ням. Капуста им… Моим голодным братьям…

Фельдфебель пронизывающим взглядом смотрел на Петю. А мальчик, ухватившись уже двумя руками за кочерыжки, стоял в ожидании участи. И вдруг гитлеровец схватил своей огромной лапой Петю за шею, развернул его на 180 градусов, поддал ему кованым сапогом пинка и, довольный собой, рассмеялся. Тут же раздались веселые крики солдат. Они хлопали в ладони и гнали его, словно зайца на охоте.

Всхлипывая, юный разведчик продолжил свой путь. На следующих постах мальчика также ждали побои и унижение. Но Петя все выдержал и добрался с капустой до Кирково. Разведывательное задание Особого отдела и на этот раз им было успешно выполнено.

Командование Ленинградского и Волховского фронтов в это время готовилось к операции по частичному прорыву блокады Ленинграда, для чего планировалось освободить от немецко-фашистских войск Октябрьскую железную дорогу. Для решения данной операции фронтовому командованию требовались точные разведывательные сведения о противнике.

Разведчики Особого отдела НКВД Ленинградского фронта не знали покоя. Ночью и днем на железнодорожных станциях, шоссейных и проселочных дорогах, в населенных пунктах и лесах, оккупированных гитлеровцами, они с риском для жизни собирали разведывательную информацию.

Разведчик Н.И. Кузьмин. 1936 г.

Н.И. Кузьмин, 1940 г.

Разведчик Ваня Голубцов

Полковник Д.Д. Таевере, 1950 г.

Школьный снимок Ваня Голубцов — второй справа в нижнем ряду

Начальник Особого отдела НКВД Ленинградского фронта П.Т. Куприн. 1938 г.

Н Ф Ковалдин, 1940 г.

Подполковник Н.Ф, Ковалдин, 1953 г.

******пропущено в скане******

…новском. Знаешь, что большинство советских военнопленных духовно не сломлены, и в невыносимо тяжелых лагерных условиях они проводят патриотическую работу.

Ковалдин тяжело вздохнул. Не хотелось ему отправлять на это необычное задание юного разведчика. Петя же всеми мыслями

был уже там, в Любани. В этом небольшом городке ему пришлось побывать дважды до войны: на пионерском слете и с мамой у ее подруги, тети Веры. Он уже обдумывал, откуда начнет свой путь, но мысли его были прерваны указанием Никиты Федоровича:

— Колонну военнопленных ты встретишь у бывшего городского овощехранилища, в котором фашисты устроили проклятый лагерь. Это у шоссейной дороги, всего в полутора километрах восточнее станции. Дальше действуй по обстановке.

Петя согласно кивнул головой. Так действительно ему будет проще подойти к военнопленным.

Рассвет еще только-только занимался, когда Петя подходил к Любани. Ночью был небольшой мороз, и вот на глазах темная октябрьская ночь быстро сдавала свои полномочия надвигавшемуся, на радость всему живому, солнечному дню, что было так необычно для глубокой уже осенней поры. Бесконечные черные, так всем надоевшие тучи под силой ветра уплыли наконец куда-то на восток, и взору разведчика предстала редкая красота: восходящие лучи утреннего солнца медленно поднимались по белым, заиндевелым верхушкам деревьев, и вот они опустились на окраине города на крыши, покрытые инеем. Яркие солнечные лучи заставили мальчика закрыть даже глаза. И он, сняв с плеч котомку, в которой были полтора каравая крестьянского хлеба и два десятка печеных клубней картошки, стоял и думал: «Очень скоро солнце растопит эту красоту. Побегут, потекут по крышам ручейки, застучат по земле капли с деревьев. Никто не может нарушить законы природы. Даже фашисты с их проклятой войной».

Вскоре Петя был у бывшего городского овощехранилища, опутанного колючей проволокой. «Вот он, этот проклятый лагерь», — подумал разведчик. Мальчик медленно двинулся вдоль лагерных ворот, откуда сразу раздалось злое рычание сторожевых собак. Тут же из небольшого бревенчатого дома вышел толстый краснощекий гитлеровец с автоматом в руках и, погрозив Петя кулаком, стал ходить у ворот. Мальчик скрылся за высокий густой кустарник на другой стороне шоссейной дороги. Он уселся на широкий пень от недавно спиленной сосны и стал наблюдать за лагерем. Здесь он решил ждать военнопленных.

Вдруг за спиной разведчика раздался шорох листьев, и туг же он услышал приглушенные голоса. Петя оглянулся. Из-за кустов на него смотрели две пары настороженных ребячьих глаз. Один из них, в старой телогрейке, размер которой был явно ему не по плечу, выглядел лет на двенадцать. Другой, в рваном тоненьком пальтишке, был ровесником Пети. В руках они держали по узелку из чистого белого полотна. «В узелках еда для

военнопленных», — решил Петя. И ему стало совсем спокойно на душе: с этими ребятами он дождется военнопленных. А они стояли и настороженно смотрели на разведчика и его котомку. Вот мальчик, который был в телогрейке, кивнул головой в сторону лагеря и тихо спросил:

— Не выходили еще?

Петя отрицательно помотал головой. А мальчик в пальто возбужденно сказал:

— Я уверен, там что-то случилось! Они уже почти два часа должны работать… Мы со станции, не дождались их там и решили подойти сюда. Нет, что-то случилось!

«Развлечения» фон Шмитке

Мальчик был прав. В лагере происходила страшная сцена. В этот день военнопленные, как всегда, были подняты в 6 утра на всеобщее построение. Прошел слух, что на построении будет сам начальник лагеря обер-лейтенант фон Шмитке. О, этого высокого, симпатичного офицера, всегда с иголочки одетого блондина, имеющего длинную руку в самой имперской канцелярии, боялись не столько военнопленные, как немецкая администрация лагеря и охранники. Если обер-лейтенант замечал или ему докладывали, что какой-нибудь немецкий солдат допускал малейшее послабление военнопленным, то его тут же ждал фронт. Фон Шмитке никогда не кричал на своих подчиненных, он их не пугал карами всевышнего, не грозил великим Рейхом. Кизбранной своейжертве из числа охранников начальник лагеря всегда подходил в парадной форме, тщательно выбритым и вежливо сообщал тому, что сам фюрер Германии призывает его в передовые ряды борцов за идеи нации. И вскоре такой избранник оказывался на передовой. А какой это был выдумщик по части различных экзекуций… для военнопленных. В этом ему не было равных, фантазия фрица не знала границ.

Сегодня охрана ждала очередного представления. Ведь вчера их Щеголь, как звали охранники своего начальника, опять крупно проиграл командиру танкового батальона майору Беккеру в карты. А значит, представление будет.

И вот охранники и лагерные полицейские из числа изменников Родины носились между двухъярусными нарами и пинками, хлесткими ударами свинцовых нагаек и шомполами поднимали на ноги больных, всевозможных калек и обессиленных от голода людей. В блоках то там, то здесь полицейские орали:

— Все на построение!

Тут же кто-то из солдат охраны громко кричал:

— Все на представление!

Затем раздавался дружный солдатский смех. Охранники уже веселились в предчувствии представления. Они были уверены, что сегодня герр фон Шмитке порадует их чем-нибудь необыкновенным.

Повышенное возбуждение охранников сразу передалось военнопленным. Бряцая деревянными колодками по бетонному полу, они спешили быстрее проскочить через двери блоков на улицу. Здесь у дверей их ждали псы-полицейские с налитыми кровью глазами. Они хлестали направо и налево по спинам военнопленных нагайками и шомполами, а те, защищая лицо и

голову руками, словно спринтеры, пробегали это проклятое место. Больше всех доставалось больным и калекам, которые еле-еле двигались, да и то при поддержке товарищей. На этих бедолагах вымещали всю свою злобу за потерянные привилегии бывшие кулаки, лавочники, торговцы и прочие антисоветские элементы. Они увидели в фашистской Германии силу, которая могла осуществить их мечту: ликвидировать Советскую власть и помочь им стать хозяевами пусть маленького, но своего дела. Поэтому каждый из этих иуд из кожи лез, чтобы выслужиться перед лагерным начальством. Обрушивая на головы больных и калек удары нагаек и шомполов, они с ненавистью кричали:

— Бы-ы-стрей, сво-о-лочи красно-о-кожие!

И вот шесть колонн, каждая от 200 до 250 человек, во главе с немцем-воспитателем и пятью полицейскими, замерли в ожидании выхода самого фон Шмитке. Глаза охранников, полицейских и военнопленных были направлены на двухэтажный дом, в котором находилась резиденция начальника лагеря. Ждать пришлось совсем недолго. Хлопнула дверь, и на улицу выкатился, переваливаясь с ноги на ногу, кривоногий телохранитель фон Шмитке фельдфебель Рунге. Он стоял, словно бык, на своих мощных ногах и исподлобья оглядывал притихшую площадь. Этого неимоверно широкоплечего, обладавшего огромной физической силой гитлеровца боялись даже некоторые офицеры в лагере. Они боялись его за необыкновенную исполнительность, жестокость и привязанность к начальнику лагеря. Однажды на вечеринке изрядно подвыпивший фон Шмитке разошелся так, что предложил своему извечному противнику по картам и спорам начальнику Любаньского отделения службы полиции и безопасности СД гауптштурмфюреру СС Шираку пари: его любимец, его верный телохранитель одним ударом кулака может убить любого военнопленного из лагеря. Он ставил тысячу марок против десяти бутылок французского коньяка, привезенного недавно Шираком из Парижа.

Офицеры подсмеивались над Щеголем, а он расходился все больше. Он предложил сейчас же, ночью, отправиться в лагерь. Скуповатый Ширак колебался, но предложение все-таки принял: ведь тысяча марок есть тысяча марок, решил он. Правда, гауптштурмфюрер СС долго торговался в отношении количества бутылок, и вот они сошлись на семи бутылках коньяка, при этом договорились, что жертву для Рунге Ширак выберет в лагере сам.

Темной ночью группа подвыпивших немецких офицеров появилась в блоке № 3. Лагерные полицейские быстро подняли с нар военнопленных, и под шутки и смех офицеры 11 риступили к выбору жертвы для фельдфебеля. Однако Шираку пока ни один

из них не подходил. С отвращением он отходил то от одного, то от другого военнопленного. Наконец в самом углу барака гауптштурмфюрер СС обратил внимание на среднего роста, плотного, черноволосого, совсем еще молодого симпатичного военнопленного. Он пощупал тому руки и шею, потрогал грудь, а затем через переводчика из военнопленных узнал, что танкист Николай Гришин, лагерный номер 1274, в плен попал всего лишь две недели тому назад. Ширак решил, что за такой срок у этого когда-то, по всем данным, очень крепкого парня не выбили еще до конца силы. Да крепче него он вряд ли сможет найти в этой молотилке смерти, где за несколько недель люди превращались в скелеты. И Ширак приказал полицейскому доставить 1274-го номера к резиденции начальника лагеря.

На освещенной прожекторами площади прохаживались фон Шмитке и врач медчасти лагеря гауптман Кюрц, который должен был засвидетельствовать смерть военнопленного. В том, что он выиграет пари, фон Шмитке не сомневался ни минуты. Он знал силу своего телохранителя, который уже не раз испытывал ее на военнопленных. Вскоре к ним из третьего блока подошли офицеры во главе с Шираком. Рунге пока не было. Кто-то из офицеров решил, что пари не состоится. Фон Шмитке тут же ответил, что он послал телохранителя переодеться в спортивный костюм.

Вот подошел и военнопленный в сопровождении лагерного полицейского. Фон Шмитке долго рассматривал выбранную жертву, а затем пробурчал что-то себе под нос и показал Шираку большой палец: он одобрил его выбор.

А танкист Гришин, лагерный номер 1274, стоял и никак не мог понять, зачем притащили его среди ночи на площадь пьяные офицеры. В его голове проносились сотни разных мыслей, но он так и не догадался, чем было вызвано к нему такое повышенное внимание веселящихся на площади гитлеровцев.

Наконец из двухэтажного дома важно вышел в легком тренировочном костюме Рунге. С длинными руками, кривыми ногами и неимоверно широкими плечами, фельдфебель походил на огромную обезьяну. Среди офицеров раздался смех и иронично-восторженные возгласы. Однако он не обращал на них никакого внимания. Весь его важный и напыщенный вид говорил, что сегодня он избран своим хозяином для особой роли. Переваливаясь с ноги на ногу, Рунге подбежал к военнопленному, удивленно смотревшему на этого горилдообразного человека. В напряженном сознании Гришина блеснула мысль: сейчас с ним должно что-то произойти. А Рунге похлопал того по щеке, затем тихо ударил кулаком в его грудь и начал подпрыгивать и

усиленно размахивать руками. Он разогревался, чтобы с честью выполнить приказ своего шефа: убить этого красного, врага фюрера и Рейха, одним ударом кулака. Он выиграет семь бутылок коньяка обер-лейтенанту фон Шмитке, иначе быть ему на передовой.

Фон Шмитке надоело уже смотреть на кривляния его телохранителя. Он взмахнул рукой, давая тому сигнал, что пора приступать к делу. Рунге принял боксерскую стойку, помолотил в воздухе своими кулаками-кувалдами, а затем яростно бросился на военнопленного. Он вложил в удар всю свою огромную силу. Не ожидавший такого поворота событий, Гришин не смог увернуться, и удар пришелся прямо в переносицу. Послышался хруст раздробленных костей, военнопленный вскрикнул и, обливаясь кровью, рухнул на землю. Тут же раздался восхищенный возглас офицеров. Доктор Кюрц подошел к фельдфебелю, удивленно потрогал его бицепсы, а затем пожал ему руку. Потом он наклонился над военнопленным: поискал пульс на виске, посмотрел на его неподвижные зрачки и констатировал смерть. Довольный фон Шмитке промолвил:

— У фюрера на одного врага стало меньше.

Разозленный проигрышем Ширак только и смог сказать:

— Вот это буйвол!

Начальник службы безопасности и СД в Любани долго смотрел на сияющего фельдфебеля, потом взял под руку фон Шмитке и миролюбиво произнес:

— Я проиграл пари, но зато получил нового сотрудника. Рунге прекрасен, я думаю взять его в СД. Нам очень нужны такие люди.

Начальник лагеря ничего не ответил. Он давно пришел к выводу, что по служебным вопросам с людьми Гиммлера лучше не связываться. И он пригласил всех на коньяк. Вечеринка продолжалась.

А днем в учетной карточке военнопленного номер 1274 было сделана запись, что он был убит при попытке к бегству…

Наконец показался и сам герр начальник. В прекрасно отутюженной форме, ярко начищенных хромовых сапогах, позванивая скрытыми в каблуках колокольчиками, что свидетельствовало о его принадлежности к прусскому офицерству, он строевым шагом подошел к небольшой трибуне и быстро поднялся на нее по ступенькам. Слева около трибуны стал его заместитель по контрразведывательной работе в лагере лейтенант Миллер, а справа — фельдфебель Рунге.

Фон Шмитке медленным взглядом окинул колонны военнопленных и, не сделав никаких замечаний по построению,

что было для всех непонятным, приступил к приему рапортов. Молодой, в очках, немец-воспитатель первой роты унтер-офицер Кучке молодцевато подошел к трибуне и четким, громким голосом доложил:

— Первый блок в составе 235 военнопленных построен. Ночью лагерные номера 37, 48, 54, 119 и 127 из-за острой сердечной недостаточности отдали богу души. В блоке больных нет. Все готовы к выходу на работу.

Обер-лейтенант нахмурился и несколько раздраженным голосом сказал:

— Кучке, я уже не раз говорил, что большевики не верят в бога, поэтому богу их души не нужны.

Повернувшись к охранникам, он спросил:

— А вам, солдаты фюрера, понятно это?

Охранники уже поняли, что фон Шмитке начинает очередное представление, и они весело ему ответили:

— Понятно, герр обер-лейтенант, у нашего дорогого фюрера на пять врагов стало меньше.

Начальник лагеря улыбнулся и, довольный ответом, посмотрел на унтер-офицера. А тот вытянулся и громко рявкнул:

— Я понял, герр фон Шмитке, у фюрера врагов стало меньше…

Он запнулся и добавил:

— На пять человек…

Фон Шмитке снисходительно погрозил унтер-офицеру пальцем и сердитым голосом сказал:

— Ох, Кучке!.. Кучке!.. Учишь, учишь тебя, и все напрасно. Ты опять называешь военнопленных людьми. «Пять человек». Да ведь это славяне, низшая раса.

Словно дирижер, он повернулся к охранникам, и они по его сигналу хором пропели:

— Славяне — не люди, а полулюди, так говорит наш фюрер.

Отпуская унтер-офицера, фон Шмитке погрозил ему пальцем и сказал:

— Смотри, Кучке, чтобы это было в последний раз. Я прощаю тебе только из-за того, что в твоей роте нет больных. Ты хорошо их воспитываешь…

Отдали свои рапорта воспитатели 2-й и 3-й рот. Настала очередь Зальха. Солдаты повеселели. Они знали, что маленькому и толстому унтер-офицеру, воспитателю четвертого блока, всегда доставалось больше всех от обер-лейтенанта. Зальх подтянулся и попытался строевым шагом дойти до трибуны. Это ему не удалось. Он сбился и засеменил маленькими шажками. Фон Шмитке засмеялся, и тут же заржали солдаты. Лицо унтер-

офицера побагровело и покрылось потом: вода капала у него с носа, но он не вытирал его, боясь навлечь гнев начальника лагеря. Ведь он мог отправить его на фронт, которого Зальх боялся больше всего на свете. Вот он подошел к трибуне, отдал честь фон Шмитке нацистским приветствием и громко вскрикнул:

— Хайль Гитлер!

Фон Шмитке улыбался, и это больше всего нервировало воспитателя 4-й роты. Переминаясь с ноги на ногу, толстяк никак не мог сосредоточиться. Вот, наконец, он взял себя в руки и доложил:

— Четвертый блок в составе 239 военнопленных славян построен. Лагерные номера 907, 912 и 917 умерли ночью от цирроза печени. Лагерный номер 837 остался в бараке: отказали ноги, не может двигаться.

Тут сразу раздался взволнованный голос обер-лейтенанта:

— Унтер-офицер Зальх, как ты мог оставить врага Рейха одного в бараке?

Тот побледнел и тихо пробормотал:

— У него отказали ноги, он не может двигаться.

Взволнованный фон Шмитке начал ходить по трибуне, покачивая головой, что с такими бестолковыми солдатами ему приходится служить. В обер-лейтенанте был заложен талант актера, когда ему надо было, он мог сыграть любую роль для своих подчиненных. Вот и сейчас он ходил по маленькой трибуне, делая вид, что его так озадачил вот этот толстый Зальх. Солдаты повеселели. А бледный воспитатель 4-го блока испуганно смотрел на своего начальника и продолжал уже шепотом твердить:

— У военнопленного больные ноги, он не может двигаться…

Фон Шмитке выпрямился и грозно произнес:

— Зальх, пока ты тут болтаешь всякую чушь, военнопленного уже наверняка нет в лагере. А ну, проверить…

Унтер-офицер и трое блоковых полицейских, как псы, сорвавшиеся с цепей, бросились к бараку, понимая, что судьба каждого из них зависит от их прыти. И впереди всех бежал маленький Зальх. Обер-лейтенант даже покачал от удивления головой: от этого толстяка такой скорости он не ожидал. Больше всех веселились охранники: хохот стоял на всю площадь. Повеселил их сегодня начальник, скрасил серую солдатскую жизнь.

Вот Зальх и полицейские скрылись в бараке. Через несколько минут он выскочил оттуда с восторженным криком:

— На месте!.. Он на месте, герр начальник!.. Мы сейчас его притащим…

Военнопленный Иван Седов, лагерный номер 837, был на

своем постоянном месте, на нарах. Да и куда этот бедолага мог деться со своим поврежденным позвоночником. Донимал он его. Ох, как донимал! Временами почти совсем отказывали ему ноги, и тогда он, обхватив руками плечи товарищей, еле-еле двигался. Сегодня у него были невыносимые боли. Несмотря на уговоры друзей, он решил остаться в бараке: будь что будет, но ему уже чертовски надоела такая жизнь. Он понимал, что для немцев скоро станет обузой, лечить его, конечно, не будут, а прикончит его немецкий солдат или блоковый полицейский Лонгвин, на совести которого уже десятки жизней советских военнопленных. Ох, и лют этот зверь, бывший кулак из-под Волосово. Это он, сволочь, каждый день на весь лагерь кричит:

— Большевички-командирчики, у вас был 1917-й, а у нас 41-й.

В это время лучше не попадаться под руку этому кровопийце. «Да, уничтожат меня здесь — вопроса нет, — думал советский военнопленный Иван Седов, лежа на нарах. — И закопают вон там, за шестым бараком, во рву, как закапывают они каждый день десятка два моих земляков… Только вот прожить надо последние минуты так, как подобает русскому человеку. Не просить пощады у ненавистного врага. Жалко, очень жалко, что совсем мало пострелял я их, извергов. Мало приучен был я к стрельбе, да и практики почти не имел. Жалко, что в мирной жизни не готовился я к войне, не учился, как надо стрелять. А ведь возможность была, звали меня ребята в стрелковый кружок. Не пошел, трактор боялся оставить, не доверял его никому, да и с Любашей своей хотелось вечерком погутарить. Где она сейчас, Люба, Любаша моя? Эх, если бы все вернуть назад… Все было бы по-другому». Тяжело вздохнув, Седов с большим трудом переворачивался на другой бок и опять думал.

«Ушел я добровольцем в армию, хотя как трактористу мне полагалась бронь. Не мог я остаться в тяжелое для Родины время дома. Бросили нас, малообученных, совсем не обстрелянных, на фашистов под Красногвардейском, то есть под бывшей Гатчиной. Эх, и дали мы перцу там немцу! Конечно, нужно понимать, что у него техника, опыт войны, да и готовились они наверняка не один год. Вот поэтому и успехи у них, временные успехи. Соберемся и обязательно погоним фрицев. И еще дойдем до Берлина. Вот бы посмотреть, побывать в этом логове. Спросить бы Гитлера, куда же ты, гад ползучий, смотрел, на что надеялся, направляя свои войска на нашу Родину? И спросил бы я его обязательно, но вот разорвавшийся под Красногвардейском снаряд покалечил меня. Не удастся побывать мне в Берлине. Но спросят его, гада, за меня мои друзья-товарищи».

И Седов опять тяжело вздохнул.

И тут к нему подлетел разъяренный полицейский Лонгвин, рывком поднял его с нар и бросил на бетонный пол.

— А ну, сволочь, вставай! — заорал бывший кулак и ударил его плетью с свинцовым наконечником. Жгучая боль обожгла спину Ивана Седова, и он попытался подняться на свои слабые, почти уже неуправляемые ноги. Однако встать ему не удалось. Силы, которыми он так гордился в своей родной Калиновке, почти покинули его. А ведь совсем недавно он играючи подбрасывал мешки с зерном по сто килограмм. Иван стоял на четвереньках, ухватившись рукой за нижний ярус нар, и думал: «Вот и кончилась твоя жизнь, Ванечка, не увидишь ты больше свою дорогую, незабвенную Любашу. Не сядешь ты ранним утром за трактор, не поднимешь уже лемехом черную, дышащую ароматным паром землю-кормилицу».

Лонгвин пнул Ивана кованым сапогом, и тот, вскрикнув от дикой боли, растянулся всем телом на бетонном полу. Тут его подхватили под руки блоковые полицейские и потащили из барака. В дверях его за ноги схватил Лонгвин, и во главе с Зальхом, прокричавшим: «Он на месте, герр Шмитке… Мы нашли его…» — они выбежали на площадь и у трибуны бросили Седова на землю.

Сотни глаз смотрели на лежащего Ивана. Каким-то неимоверным усилием воли он встал на ноги, а затем сумел распрямить свой негнущийся позвоночник. Высокий, красивый, он с гордым видом смотрел на трибуну. Шмитке усмехнулся и громко спросил:

— Ты видишь, Зальх, русский обманул тебя. Он хотел бежать, он притворился. Смотри, как прекрасно он стоит на ногах.

Иван Седов не знал немецкий язык, но он понял, что начальник лагеря разговор ведет о нем. Ему не хотелось показывать этому холеному Щеголю страшные боли, пронизывающие все его тело. Он подтянулся и с усмешкой смотрел на жалкого и растерянного, покрытого потом воспитателя, который мялся и не знал, что ответить своему шефу.

Шмитке взмахом руки подозвал переводчика, у которого на правой руке виднелась белая повязка с надписью «полицейский», и громко сказал:

— 837-й номер есть саботажник. Ты не хочешь работать, поэтому остался в бараке. По законам великой Германии ты заслужил расстрел.

Переводчик угодливо согнулся, свирепо посмотрел на Седова и стал быстро переводить. На измученном, но все еще красивом лице военнопленного Шмитке не заметил и тени страха. Он

злорадно усмехнулся и продолжил:

— Ты заслужил расстрел, но немцы всегда были великодушной нацией. Расстреливать мы тебя не будем.

Обер-лейтенант театрально развел руками и, обернувшись к охранникам, спросил:

— Солдаты, что же нам делать с этим русским саботажником? Жаль его расстреливать?

Подстраиваясь под своего начальника, гитлеровцы хором загудели:

— Конечно, жалко, герр обер-лейтенант, такой красивый…

Шмитке заходил по трибуне, делая вид, что занят решением судьбы военнопленного. В действительности он давно знал, что делать с этим русским. Вот он опять повернулся к солдатам и сказал:

— А мы устроим ему испытание, выдержит — его счастье, пусть живет. Но прежде я хочу задать ему один вопрос.

И он кивнул переводчику, чтобы тот внимательно слушал. Затем Шмитке долго смотрел на военнопленного, который только силой воли держался на ногах. Седов чувствовал, что силы вот-вот покинут его и он упадет перед этим чванливым обер-лейтенантом.

Шмитке видел, каких трудов стоило военнопленному держаться на ногах. Он удивленно покачал головой, усмехнулся и громко сказал:

— Ты, русский Ванька, сильный человек. Это мы все видим. А вот смелый ли ты? Сейчас узнаем.

Красуясь перед солдатами, он засмеялся, стряхнул перчаткой пыль с шинели и продолжил:

— Скажи, Ванька, кто победит в войне? Говори!

И обер-лейтенанг медленно стал расстегивать кобуру пистолета. Иван понял, какой ответ нужен этому франтоватому фашисту. «Нет, не бывать тому, — подумал он. — Лучше смерть. Я сейчас отвечу тебе, гад». Но вдруг горло у него сжал какой-то непонятный спазм. Словно рыба, выброшенная на берег, он раскрывал рот, но выдавить из него не мог ни единого слова.

Довольный Шмитке смеялся. Словно молодые жеребцы, ржали охранники. Смеялись лагерные полицейские. Всех развеселил сегодня обер-лейтенант. Молчали только колонны военнопленных. Опустив головы, чтобы не были видны, гитлеровцам их гневные лица, они наблюдали за этим неравным поединком. В данный момент они ничем не могли помочь своему товарищу и от бессилия в ярости сжимали кулаки и проклинали фашизм, Гитлера и плен.

А Ивану Седову было противно за свою непроизвольную

слабость. Нет, он не испугался этого офицера-клоуна. С ним что-то случилось, и он не мог вымолвить ни слова.

Улыбающийся обер-лейтенант посмотрел на солдат и сказал:

— Ты трус, Ванька… Я уже говорил, что тебе как саботажнику полагается расстрел, но расстреливать тебя мы не будем. Назначаю тебе всего лишь двадцать ударов шомполом. Выдержишь — живи дальше. Немцы — великодушные люди.

Лагерные полицейские схватили Ивана под руки и потащили к специальной широкой дубовой лавке, на которой приводились в исполнение приговоры начальника лагеря. Похлопывая шомполом по ладони, за ними шел подтянутый и сосредоточенный Лонгвин.

Иван Седов понял, что сегодня в руках этого бывшего кулака, а ныне лагерного палача, находится его жизнь. Эта сволочь, конечно, постарается для своих хозяев. Он не отпустит его живым. Иван решил молчать, как бы больно ему ни было. Его привязали за руки и ноги телефонным проводом к лавке. Военнопленные опустили головы. Им было очень жалко своего собрата по несчастью. Но чем они могли ему помочь? Что они могли сделать против пулеметов, направленных на площадь со сторожевых вышек? Или против улыбающихся охранников с автоматами на груди? Военнопленные скрежетали зубами в бессильной ярости. Придет время, оставшиеся в живых предъявят счет Шмитке и всему фашизму. А сейчас они, опустив головы, прощались с еще живым Иваном Седовым, колхозником с великой русской реки, которого еще долго, долго будут ждать его Любаша и мать-старушка.

Военнопленные прощались с Седовым; искалеченному, больному Ивану не выдержать двадцати ударов шомполом. А улыбающийся и довольный собой Лонгвин лихо размахнулся и хлестко ударил изо всех сил шомполом по ослабевшему телу Ивана.

— С оттяжкой бьет, сволочь, — крикнул кто-то в рядах военнопленных.

Лагерный пес-полицейский вложил всю свою огромную силу в этот удар. Он ждал крика, так как считал, что выдержать такой удар человек не в силах. А Иван молчал. Лонгвин растерянно улыбнулся, посмотрел на фон Шмитке и ничего не мог понять. Затем он схватил своей огромной лапой за волосы военнопленного: уж не мертвый ли он. Иван был живой. Он смотрел на разъяренного полицейского и улыбался.

Шмитке удивленно смотрел на военнопленного. Его нещадно бьют, а он смеется. До чего же непонятны эти русские. Ничего, смеяться ты сейчас перестанешь. И он грозно взмахнул рукой

Лонгвину.

Широко размахнувшись, тот ударил еще раз. Иван молчал. Полицейский яростно опустил шомпол еще раз на тело Седова. Гимнастерка не выдержала, треснула на месте удара, и из дыры брызнула кровь.

Жизнь покидала Ивана. Вот он поднял голову и что-то пробормотал. К нему подскочил переводчик. Седов еле шевелил губами и тихо говорил:

— Господин обер-лейтенант, я знаю, кто победит.

По команде Шмитке полицейские быстро развязали военнопленного, помогли встать ему на ноги. Пошатываясь, весь в крови, он печальным взором смотрел на военнопленных. Он прощался с ними.

А Шмитке весело говорил солдатам:

— Русских надо почаще бить. Только после этого они будут делать то, что от них требуется…

Затем обер-лейтенант повернулся к военнопленному и спросил:

— Так кто же победит? Говори, Ванька. Мы все внимательно слушаем.

Иван Седов подтянулся и изо всех последних своих сил крикнул:

— Победит Красная Армия, сволочь ты фашистская… А ты, гад, скоро ответишь за свои злодеяния.

Переводчик замялся, но Шмитке грозно крикнул, приказав тому переводить дословно. А Иван Седов повернулся лицом к военнопленным и еще громче добавил:

— Товарищи, победа будет за нами. Смерть немецким фашистам. Да здравствует…

Не целясь, обер-лейтенант спокойно разрядил в Ивана целую обойму. Охранники удивленно смотрели на русского, который еще какое-то время улыбался, а затем рухнул на землю. Опустив головы, замерли колонны военнопленных, отдавая последние почести солдату и колхознику, простому человеку с великой реки Волги.

Вот взбешенный фон Шмитке дал команду надеть шапки, блоковые полицейские заорали на всю площадь, и вскоре колонны военнопленных были готовы к выходу на работу. Сегодня представление обер-лейтенанту не очень удалось. Оно ему даже не понравилось. Он видел, что геройская смерть русского Ивана вызвала не только удивление у охранников, но и восхищение. Таких Иванов надо расстреливать сразу, чтобы не роняли они зерна сомнений в души солдат фюрера. Он посмотрел на часы: уже полтора часа военнопленные должны были работать.

Он хотел уже было отдать команду к движению, но тут его внимание остановилось на военнопленном в центре. Ведь была дана четкая и ясная команда: надеть шапки. Весь лагерь был в шапках, а он стоял с непокрытой головой, сверкая лысиной. Обер-лейтенант непокорных не любил. Взмахом руки он подозвал воспитателя 5-й роты и кивнул на центр площади. Тот сразу понял, чем недоволен начальник. По знаку воспитателя блоковый полицейский схватил за шиворот военнопленного, поддал ему пинка тяжелым ботинком, и тот вскоре докладывал, что лагерный номер 1128 прибыл по приказу начальника лагеря.

Шмитке зло ухмыльнулся и строго спросил:

— Почему ты не выполнил мой приказ?

Невысокий, совсем худой военнопленный сразу понял, о чем идет речь. От волнения он стал заикаться и никак не мог объяснить, где его шапка. Наконец он кое-как собрался и сказал:

— Шапку, господин начальник, я потерял.

Обер-лейтенант удивленно взмахнул руками и грозно спросил:

— А ты знаешь, что твоя шапка является собственностью великого Рейха?

И он посмотрел на солдат, которые утвердительно загалдели. Бледный военнопленный только лишь кивнул головой. Что оставалось ему делать? Попробуй ответь иначе, и тут же получишь пулю в лоб. А Шмитке продолжал:

— За уничтожение имущества и вещей великой Германии полагается расстрел. Ты знаешь об этом?

Лагерный номер 1128 опять кивнул головой. Шмитке подозвал солдата и сказал:

— Вот он тебя расстреляет. Ты нанес ущерб великому Рейху и должен понести за это заслуженное наказание.

Военнопленный в знак согласия в третий раз уже совсем спокойно кивнул головой. «Черт с ними, пусть стреляют, — подумал он, — наконец кончится эта страшная жизнь». А Шмитке подозвал переводчика и тому что-то приказал. Улыбаясь, переводчик шепотом долго что-то растолковывал полицейскому, затем подтолкнул его в плечо, и тот весело побежал к бараку. Блоковый вернулся очень быстро. В руках он держал цигейковую детскую шапочку. Почти новенькая, совсем маленькая, она непонятно как попала в этот страшный лагерь. Блоковый полицейский бросил ее к ногам военнопленного, а переводчик сказал:

— Герр Шмитке добрый человек. Он дарит тебе шапку. Надевай…

Военнопленный быстро схватил шапочку и попытался

натянуть ее на голову, но, как ни старался, ничего у него не получалось. Шапочка прикрывала лишь макушку. Солдаты… хохотали. К военнопленному подскочили полицейские, но и с их помощью шапка не натягивалась. Один из них ударил 1128-го номера в нос кулаком, другой саданул так его по макушке, что он потерял сознание. Тут же притащили ведро с водой и вылили на военнопленного. Он поднялся на ноги, мокрый, с окровавленным носом и детской шапочкой в руках. Улыбающийся Шмитке, обращаясь к военнопленным, с пафосом произнес:

— Впредь я советую всем беречь вещи, принадлежащие великому Рейху. За их утерю у нас только одна мера наказания — расстрел. Но я сегодня добрый.

Он махнул рукой, и солдат, стоявший около военнопленного, вернулся к смеющимся охранникам. А обер-лейтенант продолжал:

— Сегодня мы не будем расстреливать этого военнопленного, хотя расстрел он заслужил. Но…

Он поднял пален, артистически прошелся по трибуне и сказал:

— Но нельзя и оставить эту провинность без наказания. Поэтому я назначаю ему 25 ударов резиновой плетью. Это заставит 1128-го беречь вещи великой Германии. Как, солдаты, правильное мое решение?

Солдаты хором весело ответили:

— Герр обер-лейтенант, военнопленный получил по заслугам. Вы, как всегда, правы.

Шмитке в знак благодарности кивнул им головой, затем постучал пальцем по стеклу часов и сказал:

— Русские свиньи, вы украли у великого Рейха один час 52 минуты рабочего времени. Вы все — саботажники, поэтому будете работать без обеда и не до 20 часов, как обычно, а до 21 часа. А теперь слушайте внимательно.

Военнопленные подняли головы что придумал еще их истязатель. А обер-лейтенант продолжал:

— К станции, на место работы, вы всегда двигаетесь как черепахи, на полтора километра тратите 30 минут. Сегодня придется… — Он усмехнулся и, довольный собой, весело произнес: — Заняться зарядкой с бегом. Ведь бегали вы в Красной Армии, были у вас кроссы, различные соревнования. Вот и сегодня на полтора километра вам дается 15 минут. Отстающие будут пристреливаться на месте как саботажники. Ты, слышишь, Дитрих, что я сказал? Пристреливать на месте всех отстающих.

Начальник охраны фельдфебель Дитрих прищелкнул каблуками и промолвил только одно слово:

— Яволь (хорошо).

Этот молодой немногословный фашист знал свое дело — спуску военнопленным не давал, а надо будет, он перестреляет почти всю колонну, но в отведенное ему время уложится.

Полтора километра за 15 минут? Если смотреть с сегодняшнего дня, то этот путь легко преодолеет любой здоровой человек. В Любаньском лагере находились раненые, больные, калеки, истощенные непосильным трудом люди, поэтому преодолеть полтора километра за это время многим из них было явно не по силам. И вот они выстроились к «кроссу смерти», ожидая команду Щеголя. Тот весело отдал указание в отношении 1128-го номера: приговор должны были исполнить дежурные блоковые полицейские. Всем стало ясно, что этот военнопленный уже обречен. Лагерные псы в живых этого бедолагу не оставят.

Повар Кузьмич и его новое дело

Вот заскрежетали ворота, залаяли, подравнивая строй военнопленных, свирепые овчарки, раздались крики воспитателей и блоковых, и первая рота рванулась через ворота лагеря. Ее сопровождали четыре охранника с автоматами в руках. Это они должны были добивать отстающих «бегунов» на среднюю дистанцию.

Здесь, недалеко от ворот лагеря, Петя и увидел военнопленных. Их подгоняли нагайками полицейские и свирепые овчарки. Новые друзья Пети, мальчики Гена и Юра, бросили несколько кусков хлеба в центр строя. Однако никто из военнопленных даже не попытался его поймать. Куски упали на землю и были растоптаны деревянными башмаками военнопленных. Все это было очень непонятным. Тут сбоку бежавший военнопленный отрицательно покрутил головой: мол, не бросайте напрасно хлеб, никто поднимать его не будет. Этот довольно энергичный, худой человек показался Пете очень знакомым. Шея его была обмотана застиранными бинтами. Где-то совсем недавно мальчик его видел. Но где?.. — терзался Петя.

А первая рота, бряцая деревянными колодками, стройными рядами по четыре человека бежала к своей цели. Петя видел, как по знаку этого военнопленного больные и калеки на ходу были рассредоточены так, что между более или менее двумя здоровыми людьми оказывался ослабленный человек. Каждый из них был под опекой таких военнопленных. Больные и калеки, кто раскинув руки на плечах товарищей, кто подхваченный друзьями под руки или поясницу, кто подталкиваемый в спину, бежали… на удивление гитлеровцев. Бежали без потерь. А сзади уже трижды раздавались автоматные очереди. На трех военнопленных в лагере стало еще меньше. А до места работы оставалось еще метров восемьсот.

Гена с Юрой несколько отстали, а Петя обогнал колонну и затаился в высоких кустах. Отсюда открывался отличный обзор шоссе, и он решил, что из кустов как следует рассмотрит знакомого военнопленного. Ждать ему пришлось совсем недолго: скоро послышался лай овчарок и стук деревяшек о камни, и вот перед мальчиком показалась первая рота изможденных и оборванных бегущих людей.

Петя спрятался за широкую березу и стал из-за кустов наблюдать за военнопленными. Они бежали в пяти метрах от его укрытия: потные, тяжело дышащие. В шестом ряду он увидел человека с забинтованной шеей, который поддерживал за плечи

необыкновенно тощего, высокого военнопленного. Петя долго смотрел на этого человека, и он узнал его. Это был Кузьмич. Повар 1-й роты 1-го батальона 2-го отдельного танкового полка. Мальчик сразу вспомнил его наваристую гречневую кашу с мясом. Да, это был он — необыкновенно исхудавший, но все с такими же веселыми глазами. Чувствовалось, что и в тяжелейших условиях плена он остался жизнерадостным и энергичным человеком. «Эх, Кузьмич!.. Кузьмич… Как же ты, дорогой, оказался в плену?» — подумал разведчик.

С котомкой за плечами Петя рванулся за колонной. Он решил держаться бывшего повара. А за спиной мальчика почти одновременно раздались две автоматные очереди: не стало еще двоих военнопленных. Команда фельдфебеля Дитриха строго выполняла приказ обер-лейтенанта.

Но вот наконец станция Любань. Тяжело дышащая, еле стоявшая на ногах колонна по команде Дитриха остановилась и тут же разделилась на две части. Одна часть под крики охранников, свист нагаек и лай сторожевых собак бегом отправилась к колонне крытых автомашин. Прикладами и пинками военнопленных загнал и в кузова машин, и они сразу тронулись по шоссе на север от станции.

Другая часть военнопленных, и среди них, к радости Пети, Кузьмич, стояла на привокзальной площади. Охранники отдельными небольшими группами перекуривали. Юра, Гена и еще несколько местных мальчишек вились около военнопленных. Хлеб и другие припасы они моментально раздали военнопленным. По неведомой чьей-то команде эти нехитрые продукты оказались у раненых и сильно истощенных людей. Кивком головы они благодарили своих малолетних кормильцев.

Внимание Пети было направлено только на Кузьмича. Из-за толстого дерева он наблюдал за бывшим поваром-танкистом, который помогал то одному, то другому военнопленному прийти в себя после изнурительного полуторакилометрового кросса. Шуткой, добрым словом, а то и сердитым окриком он вселял в них уверенность и бодрость.

Петя решил, что настало время выйти ему из-за своего укрытия. Он осмотрелся — нет ли поблизости охранников, и, обращаясь к Кузьмичу, который разговаривал с высоким тощим военнопленным, спросил:

— Дяденька, картошка печеная нужна?

Кузьмич поднял голову, долго смотрел на мальчика, и тут в глазах его блеснула радость. Он узнал Петю, но сразу же погасил ее и каким-то безразличным, усталым голосом произнес:

— Картошка, мальчуган, нам очень нужна. Сегодня, по

милости начальника лагеря, мы работаем без обеда, поэтому нам, хотя бы немножко, нужно подкормить раненых и больных. Давай сюда.

Котомка Пети была тут же опорожнена. Картошка оказалась в бездонных карманах и за пазухой высокого, тощего военнопленного. Он сразу куда-то исчез, а Кузьмич схватил мальчика за огромной сосной в свои еще сильные объятия и прижал к груди, приговаривая:

— Петька!.. Мой дорогой мальчишка, как же ты здесь оказался?

Петя пожал плечами и тихо сказал:

— Да что обо мне говорить. Я жив, здоров. Вот как вы оказались в плену, Алексей Кузьмич?

Кузьмич понимающе кивнул головой, улыбнулся, тяжело вздохнул и сказал:

— А примерно так же, как Тарас Бульба. Помнишь, не захотел он оставлять врагу свою упавшую в траву трубку. Так и я не мог оставить фашистам свою походную кухню. С колесом у нее что-то случилось, а тут фашистские танки прорвались. Я так и сяк пытался отремонтировать кормилицу танкистов. Не удалось. Гранатой подорвал ее, чтобы не досталась врагу. И тут же сам был ранен немецким автоматчиком. Пришел в себя — крутом гитлеровцы. Плен. Определили меня в Волосовский лагерь, откуда пытался бежать. Поймали. Что мне пришлось после этого пережить, Петенька! Об этом трудно рассказывать. Теперь вот уже больше месяца здесь, у страшного Щеголя. У, сволочь! Изверг рода человеческого. И как таких земля носит.

Тут раздалась команда строиться, военнопленные моментально заняли свои места. Кузьмич, положив руки на плечи мальчика, быстро проговорил:

— Мы здесь в южной части на станционных запасных путях разгружаем вагоны с боеприпасами. Это совсем недалеко отсюда. Приходи, обязательно приходи. Нужно поговорить.

Он подмигнул Пете, улыбнулся, уже в колонне весело махнул ему рукой, и военнопленные, стуча деревянными башмаками, под крики охранников и лай овчарок рванулись по железнодорожному полотну. Петя шел за военнопленными. И вот запасные пути, забитые товарными вагонами. Тут же находилась большая колонна грузовых машин, все французских марок. Шоферы-немцы встретили военнопленных улюлюканьем и свистом: они были недовольны опоздавшими. Ведь из-за этих русских им придется работать до самой темноты. Один из шоферов со злостью ударил кулаком в грудь шедшего в последнем ряду военнопленного. Другой подставил ему ногу, и

бедолага грохнулся на землю, ударившись о рельсы. Немцы дружно засмеялись. Из носа военнопленного хлынула кровь. Товарищи поставили его на ноги, и он, зажав нос ладонями, старался не отставать от колонны.

Колонна остановилась на путях среди товарных вагонов. Петя спрятался за наспех сколоченный небольшой сарай, в котором виднелся инструмент путевых рабочих, и стал наблюдать за военнопленными. Фельдфебель Дитрих, вскочив молодцевато на открытую платформу, на ломаном русском языке произнес:

— На вагон с бомба работает десять рюскн свинка. Пятьдесят свинка — на эшелон с бревна… с шпала… Будем делать ремонт дорога. За низка…

Он запнулся и никак не мог вспомнить нужное ему слово, а затем, пошептавшись с переводчиком, продолжил:

— За низка производительность труд… за медленный работ будем бить… Бить сильно. За саботаж — только один мер наказаний — расстрел тут… на месте. Теперь за работа, хороши работа.

К вагонам были сразу подогнаны грузовые машины, и началась разгрузка. Петя отметил, что в одних вагонах находились тяжелые заколоченные ящики желтоватого цвета. Один такой ящик еле-еле поднимали два человека. Пошатываясь, они тащили по настилу этот неподъемный для них груз в машину и укладывали один на другой. «В ящиках — гранаты», — решил юный разведчик.

А рядом шла разгрузка артиллерийских снарядов. Военнопленные по цепочке, словно заведенные автоматы, передавали друг другу тяжелые снаряды, которые укладывались в штабеля на машины. То в одном, то в другом месте раздавался злой крик:

— Бистро, работа бистро, рюски свинки…

И тут же следовал пинок кованым ботинком какому-нибудь обессилевшему военнопленному, а другому для профилактики — удар прикладом. И вот заурчали, тяжело надрываясь, моторы, и первые машины тронулись с грузом в путь. Сразу к вагонам были поданы другие машины, и работа продолжилась.

В метрах двухстах от разгрузки боеприпасов пятьдесят военнопленных и среди них Кузьмич, за которым внимательно наблюдал Петя, занялись разгрузкой шпал. Несколько человек сбрасывали шпалы сверху вагонов, затем шпалу подхватывали двое военнопленных и несли ее метров двадцать пять, где четверо укладывали около высоких кустов в штабеля. Необыкновенно тяжелая работа требовала большой физической силы, которой не было у этих истощенных людей. Но работа все-таки подвигалась,

и штабеля росли все выше и выше. Пятеро гитлеровцев, разложив костер, грелись поблизости вагонов, не забывая покрикивать на военнопленных, чтобы те быстрее работали.

Петю волновала теперь одна-единственная мысль: как подойти к Кузьмичу? Он долго думат об этом и пришел к выводу, что ему лучше всего притаиться за поднимающимися в высоту штабелями и там поговорить с ним. За шпалами начинались густые кусты, и при необходимости он мог спрятаться в них. Итак, решено. Он за этот вариант. Петя направился вдоль стоявших разбитых вагонов к штабелю со шпалами. И вдруг он увидел приближающегося к военнопленным немецкого офицера. Петя прислонился к вагону. Офицер с фотоаппаратом на боку надменно смотрел на работавших, и тут его внимание привлекли двое военнопленных. Как ни старались эти истощенные бедолаги, они никак не могли поднять на плечи шпалу: она выскальзывала из их рук и падала на землю. К ним подскочили двое товарищей и помогли забросить ее на тощие плечи. Офицер зло усмехнулся, посмотрел на свои руки в лайковых перчатках, и когда эти бедолаги поравнялись с ним, он с ходу завис на шпале. Словно подкошенные, пленные вместе со шпалой рухнули в лужу. Офицер отскочил в сторону и хохотал с солдатами над барахтающимися в грязи военнопленными.

Сердце у Пети наполнилось гневом. «Что же это такое? Что делают проклятые фашисты с нашими людьми?» — думал мальчик, наблюдая издевательства гитлеровца над военнопленными.

А офицер, приняв уже строгий вид, приказал солдатам высечь этих двух людей за плохую работу. Охранники схватили одного из военнопленных и, распластав его на двух шпалах, принялись избивать нагайками. Они старались на совесть. Офицер снял фотоаппарат и сделал с разных позиций несколько снимков порки советского военнопленного. Затем то же самое учинили и с его товарищем. И опять офицер снимал сцену порки русского раба.

Вскоре эти фотоснимки лейтенант Миллер отправит на родину, в фатерлянд: родные должны знать, как у стен Ленинграда они расправляются с красными. Ведь скоро он станет владельцем большого поместья. Здесь прекрасные места. Так обещал им великий фюрер. Осталось только и!ять лишь эту сказочную северную столицу России. И он наконец станет богатым. Перед ним откроются двери лучших домов Тюрингии. Всю жизнь к этому стремился его отец — рядовой бауэр. Копил марки, экономил вечно на всем, а денег больших так и не имел. «А я добыл богатство лишь всего за два года… В Польше хапанул золотишка. Для лого пришлось пустить в расход семью еврея-

ювелира. Но ведь это — юдиш. Уничтожение их есть священная обязанность каждого настоящего арийца. Да, теперь отец Эльзы побегает за мной. Он был против моей женитьбы на ней. Нет, теперь я сам буду выбирать себе невесту. Правда, золотишко я не сдал в казну, как требуют законы Рейха. А я что, один такой? Да вон наши фюреры больших и малых рангов вагонами отправляют в фатерлянд из здешних великолепных музеев картины, хрусталь, фарфор, ковры, гобелены и все прочее, что попадается им только под руку. Нет, золото мое. Оно хорошо спрятано. Теперь я — господин… Господин над этими русскими рабами. Я заставлю работать этих ленивых скотов. Да, я богат… И все это я достиг благодаря гению великого фюрера».

Так думал лейтенант Миллер, запечатляя на фотопленку издевательства гитлеровцев над советскими людьми на временно оккупированной ими территории Ленинградской области. А всего через два месяца его настигнет под Тосно партизанская пуля. И получит этот «завоеватель» в награду большой крест из ленинградской березы. А пока… он приказал солдатам не забывать подгонять русских скотов, а сам, весело насвистывая, ушел в станционное здание.

«Вот теперь мне пора», — решил Петя. И он рванулся по железнодорожному полотну, на котором громоздились разбитые вагоны. Ловко перепрыгивая через исковерканные взрывами шпалы, мальчик вскоре был почти у цели. Он остановился около поваленного вагона, внимательно осмотрелся: у огромного костра охранники чему-то весело смеялись, а военнопленные продолжали свою тяжелую, монотонную работу. Шпалы громоздились все выше и выше. Военнопленные уже были не в состоянии поднимать их на эту высоту, поэтому двоим из них пришлось взобраться наверх. Шпалы теперь одним концом прислонялись к штабелю, а затем пленные толкали задругой конец их наверх, где они подхватывались работающими наверху, и так одна за одной укладывались в ровные ряды. «Ох, какая тяжелая, изнурительная работа. Она не для этих бедолаг», — подумал мальчик.

Кузьмич вместе с высоким худым военнопленным работал наверху. Свою работу он делал с улыбкой и прибаутками. Петя видел, что шутки ленинградского повара помогают пленным. Изредка раздавался их дружный смех и отдельные восклицания: «Ай да, Кузьмич! Уморил, уморил бродяга…» Чувствовалось, что и в невыносимых лагерных условиях он остался таким же весельчаком и балагуром, каким его знал Петя там… в танковом полку.

И тут мальчику пришла неожиданная мысль: «А ведь Кузьмич

неспроста работает наверху. Он все продумал. Он ждет меня у шпал. Я пристроюсь в кустах, а он наверху. Гитлеровцы далеко. Разговаривай сколько хочешь. Молодец, танкист. Это, может, единственный шанс переговорить с ним. Ведь уединиться ему невозможно…»

От поваленного обгоревшего вагона до кустов было всего метров семь. Кузьмич уже заметил Петю и кивками головы приглашал мальчика к шпалам. Тот взмахом руки дал знак, что он все понял. Потом еще раз внимательно осмотрелся и бесшумно преодолел последние метры, и вот он в недоступной для глаз гитлеровских солдат зоне. Лицо у Кузьмича светилось радостной улыбкой, он готов был расцеловать мальчика, но мешала высота. А тот с жалостливой улыбкой долго смотрел на Кузьмича, а затем шепотом произнес:

— Ну, как… как вы, такой смелый и ловкий солдат, оказались в плену? Ведь здесь каторжная работа, каждый день гибнут люди… Что ждет вас здесь?..

Кузьмич тяжело вздохнул, усмехнулся и громко сказал:

— Да, Петенька, ты правильно заметил. Мы на каторге… Страшной, фашистской каторге… Нас бьют, в нас стреляют, над нами измываются все — от последнего гитлеровского солдата до этих псов-полицейских — изменников Родин ы. О, этих сволочей я ненавижу больше гитлеровцев. Я понимаю фашистов, понимаю их цель — уничтожить первую страну социализма. Это открытый и ясный враг. Но никак… никак я не могу понять предателей. Хотя некоторых из них понять можно. Они обиделись на нас, советских людей, за свои потерянные заводы, фабрики, поместья, чины и разные привилегии. Они увидели в фашистской Германии силу, которая поможет им вернуть все это. Но вот никак я, Петя, не могу понять тех, кто переметнулся к фашистам из-за куска хлеба. Ведь многие из них были примерными советскими гражданами. Их Родина кормила, поила, дала образование, работу, некоторым солидные должности. И вот в тяжелую для нее годину они ответили ей черной неблагодарностью. Из-за лишнего куска они пошли на службу к фашистам. Но поверь мне, дорогой мой мальчишка, таких сволочей ничтожная кучка. Какая-то совсем небольшая долька… Малюсенький процентик… В основном военнопленные, с которыми мне пришлось встречаться, настроены патриотически и твердо верят в победу нашего строя… В победу советского оружия… У нас в лагере ведется кое-какая патриотическая работа: помогаем больным, раненым и истощенным людям питанием, начали издавать лагерную рукописную газету, в которой призываем военнопленных не верить фашистским басням о скорой их победе, о взятии Москвы

и Ленинграда. Готовим группы для побега из лагеря. Отдел 3-а, который ведет в лагере контрразведывательную работу, насадил кругом своих шпиков и провокаторов. Поэтому нужно быть очень осторожными. Но работа ведется. Наша подпольная организация разрастается. Так можешь и доложить туда, знаешь куда. Обязательно доложи, что Кузьмич предателем никогда не был и никогда им не будет. А теперь слушай внимательно…

Чертыхаясь, он опять схватил с напарником шпалу и, уложив ее в последний ряд противоположного от Пети края штабеля, стряхнул с рук грязь и ласковым взором долго смотрел на прислонившего к шпалам мальчика. Затем он подмигнул ему и сказал:

— Времени у нас, Петруша, совсем мало. Вон фашистские церберы так и смотрят сюда. Не дай бог, кто-нибудь из них подойдет к нам. Поэтому давай поговорим о деле. Правда, Семеныч, дело прежде всего?

Напарник Кузьмича кивнул головой в знак согласия и басом произнес:

— Чем быстрей вы поговорите, тем лучше для всех нас и, конечно, для дела. Время не терпит. Кузьмич, пока гитлеровцы заняты костром, выкладывай пареньку все, что мы разузнали.

Петя видел, что времени у них действительно было совсем мало. Скоро высота штабеля станет недосягаемой для работающих снизу пленных, и тогда шпалы придется таскать в другое место, ибо здесь, у кустов, места для следующего штабеля не было. Да, надо торопиться. Он весь напрягся и громко сказал:

— Я слушаю, Кузьмич, внимательно слушаю.

Продолжая свою тяжелую работу, танкист начал быстро говорить:

— На станцию Любань гитлеровцы ежедневно пригоняют 60–70 вагонов с боеприпасами. Большинство из них артиллерийские снаряды 120 мм. Разгружаем мы их, как правило, вот в этой, южной, части станционных запасных путей. Рядом вон с тем домом. — Мужчина рукой показал на спщционное здание, куда совсем недавно вошел немецкий офицер, и продолжил: — Так вот рядом с этим домом находится зенитная батарея из двенадцати орудий. Она прикрывает с юга станцию Любань. Батарея сильно замаскирована сетками. С воздуха ее увидеть невозможно.

Наклонившись, Кузьмич долго укладывал с напарником очередную шпалу, потом посмотрел на юного разведчика и спросил:

— Тебе все понятно, Петя? Может, помедленнее говорить?

Мальчик поднял голову и тихо сказал:

— Мне все понятно, Кузьмич.

Танкист продолжил:

— Ожидающие разгрузки вагоны стоят на запасных путях к северу от станции. Это в километре отсюда. И там, в березняке, — замаскированная зенитная батарея.

Тут Кузьмич увидел, как у костра резко поднялись двое немецких солдат и, держась за рукоятки автоматов, стали внимательно наблюдать за работающими военнопленными. Танкист замолчал и стал с Семенычем возиться с тяжелой шпалой. Солдаты поговорили о чем-то между собой, прокричали:

— Лос, лос… Бистро, работа бистро…

Затем фашисты уселись на плащ-накидки, наброшенные на шпалы, и занялись костром. А Кузьмич зло сплюнул и громко проговорил:

— Ишь, сволочи, не сидится им у тепла. Вынюхивают все…

Затем он тепло посмотрел на мальчика и ласково сказал:

— Теперь, Петруша, слушай меня дальше.

Тот в знак согласия кивнул головой, а танкист продолжил:

— Ты видел, что половина пленных была загнана в машины и увезена. Они занимаются разгрузкой машин с боеприпасами, которые грузят наши товарищи на станции. В восьми километрах севернее Любани, на шоссейной дороге, в небольшом лесу фашисты создали огромный склад артиллерийских снарядов и гранат. Штабеля со снарядами и ящики с гранатами высотой более двух метров тянутся почти на километр. Склад обнесен колючей проволокой. Охраняет его зенитная батарея и взвод гитлеровских солдат с тремя врытыми в землю танками. Вот бы направить на него нашу авиацию. Да, это был бы грандиозный фейерверк…

Кузьмич замолчал. До мальчика доносилось лишь только кряхтение и проклятия в адрес Гитлера и его своры. Танкист и Семеныч, не останавливаясь ни на минуту, продолжали свою тяжелую работу. Петя решил, что настала очередь поговорить с Кузьмичом и о лагере. Немцы все так же сидели у костра и изредка покрикивали на военнопленных. Мальчик поднял голову и, когда танкист с Семенычем подошли со шпалой к краю штабеля, задал вопрос:

— Алексей Кузьмич, меня интересует ваш лагерь. В первую очередь его внутренний распорядок.

Тяжело вздохнув, танкист ответил:

— Это не лагерь, дорогой мой мальчик. Это кухня смерти, где ежедневно от голода, непосильной работы, побоев и издевательств гибнет до тридати человек. В нем содержится около 1500 советских военнопленных. Наш лагерь относится к фронтовым сборным, которые подчиняются отделу по делам

военнопленных при Верховном командовании фашистской Германии. По идее, военнопленные таких лагерей должны направляться через некоторое время в глубь Рейха или в захваченные фашистами страны. Однако никто из моих товарищей никуда не вывозился, и используемся мы исключительно на разгрузке боеприпасов и на различных строительных работах оборонных объектов.

Тут Кузьмич умолк, а через несколько секунд приказным тоном произнес:

— А, ну, Петя, быстро в кусты. И не высовываться. К нам идет сам унтер-офицер Ганс Шиллер. У, скотина жирная!..

К военнопленным приблизился толстый гитлеровец, пнул кованым ботинком худого, невысокого военнопленного. Тот от неожиданности упал и ударился головой о шпалу. Товарищи помогли ему подняться на ноги, а Ганс Шиллер подошел к штабелю и стал кричать:

— Свинки рюски… Надо работа бистро. JTос, лос… Бистро… А то всех пуф, пуф…

Улыбаясь, он целился из автомата в военнопленных и кричал:

— Пуф, пуф… Рюски свинки…

Покричав на военнопленных, унтер-офицер ушел к костру. Петя тихо выбрался из кустов и занял свое место у штабеля. Кузьмич улыбнулся мальчику, подмигнул ему и продолжил:

— Все военнопленные разбиты на роты и содержатся в отдельных изолированных бараках. Поддержкой внутрилагерного режима занимаются дежурные коменданты лагеря, их помощники из военнопленных, командиры рот — они же воспитатели из солдат охраны и специальная лагерная полиция из предателей Родины. Охрану пленных в лагере и на работе, их этапирование осуществляют солдаты двух специальных охранных взводов. Живут они в крестьянских домах, расположенных вблизи лагеря. В охране лагеря используются около тридцати специально обученных громадных овчарок.

Танкист посмотрел на Петю. Мальчик, по-видимому, никогда так внимательно не слушал в своей короткой жизни ни один урок в школе. Напряженный, сосредоточенный взгляд юного разведчика говорил: «Я все запомнил… Давай дальше, дорогой Кузьмич». И тот продолжал:

— Общее руководство в лагере осуществляет отдел I-а во главе с обер-лейтенантом фон Шмитке. Это палач номер один. На его совести уже сотни жизней советских военнопленных. Отдел 2-а занимается использованием пленных на работах. Он ведет учет заявок на рабочую силу, распределяет военнопленных на работы, оформляет отчетность об их использовании. В ведении отдела 2–6

находится учет пленных и регистрация их смертей. Отдел ведет алфавитную картотеку и по номерам, присваиваемым каждому военнопленному. Хочу отметить, мой дорогой Петруша, что работает этот отдел беспрерывно. Смертность в лагере, как я уже говорил, очень высокая. А ведь на каждого расстрелянного, умершего от побоев или просто бросившегося на электрические провода военнопленного составляется несколько карточек. Работы этому отделу хватает. А теперь, Петя, пусть немног о отдохнет твоя память, а мы с Семенычем активнее займемся шпалами, а то вон фашисты опять поглядывают в нашу сторону.

Мальчик нашел обломок доски, всунул ее между шпалами и сел: нужно было дать отдых ногам. Ведь ему предстоял еще обратный путь в лес. Военнопленные заработали энергичнее. Немцы у костра заулыбались и, довольные работой, весело покрикивали:

— Так… Так, рюски свинки, работа!

Обхватив двумя руками конец шпалы, Кузьмич, тяжело дыша, взглянул на сидевшего на доске мальчика и произнес:

— Слушай меня дальше, Петя. Я дал тебе отдохнуть, чтобы ты запомнил несколько фамилий. Их надо обязательно передать туда.

И он кивнул в сторону Ленинграда. Петя понял, что ему доверяют какую-то особую тайну. Он быстро встал, прислонился к шпалам и сказал:

— Я готов, Кузьмич.

Поправляя шпалу, танкист продолжил:

— Так вот, Петя, в лагере существует еще отдел 3-а. Это контрразведывательный орган «Абвера». Он занимается вербовкой агентуры из предателей Родины и насаждением провокаторов среди военнопленных. Хочу заметить, что начальнику этого отдела лейтенанту Миллеру удалось склонить к сотрудничеству с фашистами не одного узника лагеря. Некоторых из них мы с большим трудом установили. Правда, биографические данные не полные, но кое-что мы все-таки узнали. Один из них уголовник из Ярославля по фамилии не то Ивашин, не то Ивашкин, звать Григорием, высокий, брюнет, крепкого телосложения. На левой руке отчетливо виднеется татуировка: якорь и имя «Лида». Он добровольно пошел на сотрудничество с «Абвером» и был направлен на учебу в Борисовскую разведывательную школу. Другой — бывший кулак из Тульской области Сергин Петр, среднего роста. Об этом больше ничего не знаем. Известно, что это хитрый и коварный человек, использовался Миллером в качестве провокатора. Он пытался создать в лагере лже-патриотическую подпольную

организацию. Вскоре был разоблачен нашими товарищами и куда-то отправлен из лагеря. Выдал Миллеру троих военнопленных, судьба которых неизвестна. Третий. — инженер, якобы кончил в 1938 году какой-то политехнический институт, фамилия Синицын, звать Сергей Иванович, лысый, немного заикается. В лагере был необыкновенно молчаливым, друзей не имел. Точно, что он согласился сотрудничать с фашистами, и был отправлен в какую-то разведывательную школу. О четвертом знаем совсем мало. Фамилия его Синаев, до войны являлся преподавателем столичного вуза, носился с идеей создания так называемой русской национальной фашистской партии. Гитлеровцы ему симпатизировали, возили даже в Гатчину к самому начальнику оперативной группы А штандартенфюреру СС Шталеккеру. Эта группа и подчиненные органы ведут активную агентурную разведку против наших войск на Ленинградском фронте. Одновременно с этим она проводит контрразведывательную работу на оккупированной фашистами территории Ленинградской области, участвует в карательных операциях против партизан, занимается массовым уничтожением советских людей. В нашем лагере совсем недолго находился бывший писарь этой команды. Он в чем-то провинился перед фашистами, и они отправили его на нашу «кухню смерти». Вскоре он был уничтожен гитлеровцами, но перед смертью он успел рассказать, что ему как-то попались отчеты «Айнзатцгруппы А» за 15 октября 1941 года, в которых сообщалось об уничтожении этой группой 135 567 советских граждан. Запомни эту цифру, Петя. Там должны знать ее.

Мальчик подтянулся и, словно принимая клятву, твердым голосом произнес:

— Я запомнил ее, Алексей Кузьмич.

Военнопленные продолжали свою тяжелую, монотонную работу. Шпалы поднимались все выше и выше. Чувствовалось, что Кузьмич и его напарник сильно устали. Кто-то снизу предложил им смениться, но танкист сердито помотал головой, и изнурительная работа продолжалась. Обхватив руками очередную неподъемную шпалу, они ласково посмотрели на мальчика. Боль и сострадание увидели в мальчишеских глазах. Тому было жаль этих изможденных людей. Он ничем не мог им помочь и, чувствуя свое бессилие, с яростью сжимал свои кулачки, проклиная фашистов, принесших так много горя его Родине. А Кузьмич, бросив шпалу, произнес:

— Держись, сынок! Ты отомстишь за нас проклятым фашистам. А теперь запоминай: штандартенфюреру СС Шталеккеру понравилась идея Синаева о создании русской

национальной фашистской партии. Вскоре его отправили под Берлин, в местечко Вустрау, где так называемое Восточное министерство Розенберга вместе с Главным имперским управлением безопасности Германии начало готовить кадры для оккупированных районов Советского Союза. Фамилию пятого мы так, Петя, и не установили. Кличка у него была «Кубанский казак». Красивый, высокий, с черным, смолистым чубом ходил этот гад. Пытался заняться выявлением командиров и комиссаров Красной Армии. Мы его быстро раскусили. Смерть свою этот продавшийся фашистам иуда пашел в яме с человеческим дерьмом. Утопили его военнопленные.

Кузьмич замолчал, затем тяжело вздохнул:

— Вот и все, что я хотел сообщить тебе, Петруша. Мало, конечно. Поверь мне — возможности наши очень ограниченны. Если есть у тебя вопросы, давай, выкладывай их. Пока есть время, постараюсь ответить.

Петя с благодарностью посмотрел на танкиста и сказал:

— Ну, что вы, Алексей Кузьмич. Мне кажется, что эти ваши сведения будут представлять большой интерес для советского командования. Главное, доставить их на нашу сторону. А теперь расскажите о внутреннем распорядке лагеря. Когда поднимаетесь? Во сколько отправляетесь на работу? Чем вас кормят? Ну и так далее…

Танкист усмехнулся, зло сплюнул и промолвил:

— Чем нас кормят фашисты? Слышь, Семеныч, разве можно назвать это кормежкой? Да свиней, Петя, лучше кормят, чем нас. На сутки нам выдают 200 граммов хлеба с древесными опилками, 3/4 литра мучного супа и столько же кипяченой воды. Фашисты называют эту воду чаем. Хлеб и вода выдаются немецкими солдатами сразу после подъема, во дворе лагеря. Подъем в 6 часов утра, в 7 — выход на работу, обед — в 12 на месте работы. На обед отпускается ровно столько времени, чтобы проглотить бурду под названием суп. В 20 часов конец работы. Перерывов и перекуров нет. В 22 — отбой ко сну.

Потрясенный Петя удивленно произнес:

— Да как же вы работаете?.. Разве можно при таком питании заниматься такой тяжелой работой? Что делают проклятые фашисты!

Кузьмич усмехнулся и ответил:

— Не удивляйся, мой дорогой мальчик. Это фашизм. На сегодня самый страшный, самый гнусный строй на земле. Предстоят большие жертвы. Но в конце концов победа будет за нами.

Юный разведчик с тоской смотрел на Кузьмича. Он понимал,

что в этой гитлеровской «кухне смерти» танкист долго не выдержит. Мозг лихорадочно работал: ему хотелось сделать что-то приятное этому мужественному человеку. И тут ему пришла мысль: «Кузьмичу нужно устроить побег, я ему помогу, и мы вдвоем уйдем в Ленинград».

Глаза мальчика радостно заблестели, и он быстро заговорил:

— Алексей Кузьмич! Вам надо бежать как можно скорей отсюда. Помощь я окажу. Достану одежду, и прощай фашисты!

Танкист с грустью в глазах посмотрел на юного разведчика, тяжело вздохнул и сказал:

— Нет, Петя, бежать я не могу.

Мальчик удивленно посмотрел на Кузьмича. А тот продолжал:

— Я не могу подвести товарищей, нашу организацию. Мы готовим массовый побег. Когда это будет? Не знаю. Но если я убегу один, пострадает вся наша рота. Будет расстреляно пятьдесят военнопленных. Да, мой дорогой мальчик, за одного бежавшего фашисты расстреливают пятьдесят человек. Таков приказ Верховного командования гитлеровской армии на оккупированной территории Ленинградской области. Кроме того, мне надо рассчитаться кое с кем за смерть танкиста Гришина, за смерть Ивана Седова, за смерть других моих земляков, расстрелянных и замученных в этом проклятом лагере… Я тебе сейчас расскажу о них, а ты обязательно передай нашим. Пусть знают, что творят фашисты с русскими людьми.

Вскоре Петя со всеми подробностями знал, почему лагерь остался сегодня без обеда. Обильные слезы брызнули из его печальных глаз. Он сам был страшно удивлен этим, так как считал себя закаленным, бывалым разведчиком и мокроту эту не мог переносить. Ему было неудобно перед Кузьмичом и его молчаливым напарником, но заставить себя не плакать он не мог. Ему очень, очень жалко было танкиста Гришина, убитого одним ударом кулака гориллообразным фельдфебелем Рунге. Жалко было растерзанного фашистами Ивана Седова, лагерного номера 1128, которого псы-полицейские уже наверняка закопали во рву за шестым бараком, где закапывают они ежедневно почти тридцать наших соплеменников.

Кузьмич и Семеныч с жалостью смотрели на мальчика и думали: «Сколько пришлось уже пережить этому маленькому человеку, которого фашизм лишил радостей детства. И сколько ему еще придется пережить, пока сломают хребет ненавистному врагу». А Петя, стыдясь своей мимолетной слабости, быстро вытирал слезы и с гневом шептал:

— Это вам, сволочи, так не пройдет. Очень скоро вы ответите

за все это…

Шпалы поднимались все выше и выше. И вот она — уже недосягаемая высота для военнопленных. Двое из них попытались поставить шпалу на попа и таким образом поднять ее. Но шпала выскользнула из их ослабевших рук и с грохотом упала. Один из этих бедолаг еле-еле успел отскочить в сторону. От неминуемой смерти спасла его только былая реакция. И тут раздались крики охранников. Двое из них поднялись от костра и быстро пошли к пленным. Бряцая затвором автомата, один, словно взбесившийся бык, орал:

— Рюски Ваньки! Бистро! Ново места работа, шнель, шнель, руссише швайне. Лос, бистро! Пуф, пуф!

Он направил автомат на военнопленных, а они по парам потянулись к новому месту укладки шпал, которое находилось в метрах двадцати пяти от разгрузки вагонов. Те, которые еще сохранили кое-какие силы, вскидывали шпалы на плечи и брели, покачиваясь от непосильной ноши. Другие обхватывали двумя руками концы и тащили этот тяжелый груз, согнувшись. Кузьмич и Семеныч заканчивали выравнивать верхний ряд шпал. Немцы любили порядок, и шпалы должны были лежать идеально ровными рядами. Танкист с грустью смотрел на мальчика: вот пришло время расставания… Душу Пети раздирали тоска и скорбь скорой разлуки. Ему не хотелось уходить от доброго и отзывчивого Кузьмича. Он понимал, что теперь они могут уже никогда не встретиться. От этого у Пети перехватило дыхание, ему захотелось заплакать. Танкист понял, что творится в душе мальчика, улыбнулся ему, лицо его стало веселым и радостным. Бывшему повару хотелось, чтобы юный друг запомнил его только вот таким, не унывающим, сохранившим и в фашистском плену человеческое достоинство и гордость советского человека. Он подмигнул Пете и сказал:

— Пора тебе, дорогой. Мы спустимся вниз, а ты давай в кусты и сигай отсюда. Передай, Петруша, все… там. И еше скажи, что мы почти все остались советскими людьми. Нам в фашистских лагерях страшно тяжело, но твердо верим в нашу победу. А теперь прощай.

Кузьмич и Семеныч улыбнулись мальчику, кивнули поочередно головой и медленно спустились вниз со шпал. Вот они подхватили шпалу, кряхтя взвалили ее на плечи и поплелись к новому месту работы. Какое-то время Петя смотрел им вслед, а затем бесшумно юркнул в кусты и вскоре покинул станцию Любань. 21 октября 1941 года разведчик был уже в Особом отделе Ленинградского фронта.

А 24 октября 1941 года Петя докладывал Н.Ф. Ковалдину о

добытых им новых разведывательных данных: на аэродроме в Липках, где он бывал уже не раз, обнаружил 45 тщательно замаскированных гитлеровских самолетов, установил позиции новых прикрывавших его зенитных батарей, а также разыскал, наконец, в трех километрах от аэродрома усиленно охраняемые склады горюче-смазочных материалов, которыми пользовались немецкие летчики. Вскоре по приказу командования фронта советская авиация нанесла по аэродрому и бензохранилищу сокрушительный удар.

Николай, Иван, Петр — последнее задание…

29 октября 1941 года в тыл противника Петя Петров уходил в составе разведывательной группы под руководством хорошо ему известного разведчика Особого отдела фронта Н.И. Кузьмина. В группу вошел и 17-летний Иван Голубцов, доброволец Красной Армии, боец 1-й ленинградской дивизии народного ополчения, которому пришлось уже побывать и в окружении, и в других различных переделках.

Разведчиками усвоено задание: им предстояло собрать данные о немецко-фашистских войсках в районе железнодорожных станций Тосно и Любань, разыскать следы пропавшего разведчика Кампалова Л.Ф. и создать близ деревни Гумолово и болота Веретьевские Мхи базу для разведчиков Особого отдела фронта. Руководство Особого отдела считало, что база в тылу противника, где разведчики могли бы отдохнуть, погреться и привести себя в порядок, необходима. Особенно нужна она будет зимой, когда наступят холода. Срок возвращения группы был назначен на 15 ноября 1941 года.

До передовой Петю и его боевых товарищей провожали Н.Ф. Ковалдин и сотрудник 00 НКВД фронта И.К. Маковеенко. В этот день Петя был веселый, много шутил, пообещал после возвращения все же обыграть Никиту Федоровича в шахматы. Разведчики тепло распрощались с военными контрразведчиками и в сопровождении минеров северо-восточнее бараков железнодорожной станции Погостье двинулись через линию фронта. Вскоре красноармейцы доложили, что группа Н.И. Кузьмина успешно выведена в тыл противника.

Утром 1 ноября разведчики были уже в деревне Захожье, откуда начинали они свой разведывательный рейд по Тосненскому району. Собрав ценную информацию о гитлеровских войсках в этом районе, они затем отправились в Любаньский район. В лесу около деревни Апраксин Бор они нашли пустую полуразрушенную во время бомбежки избу лесника и отсюда ходил и в разведку по Любаньскому району. Первым в Любань отправился Ваня Голубцов, а за ним по окрестным деревням ушел в разведку Петя. На хозяйстве в полуразрушенной избе остался их командир Николай Кузьмин.

И вот Петя, возвращаясь из разведки, шел уже по полутемному лесу. Он вышел на знакомую ему лесную дорогу. Каких-нибудь два километра — и он встретит своих боевых

друзей. Если сознаться, то они ему нравились: всегда спокойный, не по годам рассудительный Николай Кузьмин и смелый, веселый Ваня, похожий на девочку-подростка. Эх, и доставалось Ванюшке, как он рассказывал, от ребят до войны за голубые глаза, тонкое девичье лицо и вьющиеся волосы. Действительно, он очень похож на девчонку. Петя улыбнулся, представив себе, как приходилось отбиваться от шуток в школе его боевому товарищу. Но улыбка на лице у него тут же погасла, и какая-то необыкновенная тоска сжала его маленькое сердце: он уже не раз вспоминал Кузьмича и проклятый фашистский лагерь в Любани.

А в лесу совсем потемнело. Пошел мелкий, нудный дождь. Теперь Петя шел медленно, спотыкаясь часто о корни деревьев, обходя рытвины с водой. Но все-таки мальчик успел дважды попасть в глубокие лужи. Вода хлюпала в его ботинках, но он не останавливался и упрямо шел к цели. Вот густой, черный малинник. Ему оставалось до цели каких-то метров пятьсот. Здесь и встретили его друзья. Они уже волновались за своего юного друга, поэтому и вышли ему навстречу. В темноте они обнялись, радостно похлопали его по спине и, взяв мальчика за руки, пошли к своему убежищу, полуразрушенной избе лесника. В комнатушке, оставшейся каким-то чудом целой во время бомбежки, мальчик увидел дышащую теплом «буржуйку». «Командир молодец, — подумал с благодарностью Петя. — Где-то нашел печку и устроил нам тепло». А Кузьмин уложил Петю на кровать, на которой находилась большая куча лапника, снял с него ботинки и начал ласково растирать своими сильными руками мокрые, озябшие ноги мальчика. Вскоре Петя почувствовал, как тепло начало растекаться по его телу. Он снял с себя дышащий паром полушубок и положил его рядом с «буржуйкой». А Ваня разгреб рядом с дверью в их комнатку холмик из золы и, словно жонглер, начал выбрасывать оттуда горячую, уже готовую картошку. Вот он снял ножом с нескольких картошек тонкую кожуру, и их убежище наполнилось душистым картофельным ароматом. И тут Петю начало одолевать чувство голода: от запаха печеной картошки у него закружилась даже голова. Только теперь он вспомнил, что с утра ничего не ел, свою картошку и кусок хлеба он отдал повстречавшимся близ Апраксина Бора двум голодным мальчуганам, побиравшимся по деревням.

Кузьмин вытащил из котомки две большие ржаные лепешки и прикрытую белой тряпочкой баночку, в которой мальчик увидел соль. Он удивленно посмотрел на командира: откуда, мол, такое богатство?.. А тот уложил картошку на тряпочку и пригласил Петю кушать. Мальчик посолил ее, разломал на три части

лепешку и начал аппетитно жевать. Ваня и Кузьмин с улыбкой наблюдали за ним, как быстро расправляется он с нехитрой едой. Да, проголодался их друг. Вот Петя потянулся было за другим куском лепешки, но тут же одернул руку: ребята ведь тоже голодные. А Кузьмин улыбнулся и тихо сказал:

— Ты кушай, Петя. Мы уже поели. Лепешки и соль Ваня в Любани обменял на махорку. Знаешь, он ведь попал там в пренеприятную историю. Расскажи, Ваня.

Голубцов смущенно опустил голову, тяжело вздохнул и начал:

— Я отправился с разведкой в центр Любани. Минут тридцать ходил по городу, изучая расположение немецких войск. И вот вдруг слышу, как две растрепанные, бегущие, словно спринтеры, девушки громко кричат: «Облава! Облава!..»

Представив себе ситуацию, в которую попал Голубцов, Петя только удивленно покачал головой. А Ваня рассказывал:

— Я рванулся за девушками, затем забежал в один из дворов и нарвался на гитлеровцев, выгонявших из небольшого деревянного дома его обитателей. Во дворе горько плакала молодая симпатичная женщина в телогрейке, прижимая к себе мальчика лет десяти. Рядом стояли двое улыбающихся немцев, у которых в одной руке были автоматы, а в другой — барахтающиеся куры. Третий гитлеровец тащил за шиворот из дома глубокого старика. Я хотел было спрятаться за сарай, но фашисты меня заметили и приказали стать рядом с женщиной и ее мальчиком. Мне ничего не оставалось, как подчиниться их силе.

Кузьмин и Петя сидели на лапнике, опустив головы. Голубцов ходил по комнатенке, подбросил дров в «буржуйку» и продолжил:

— Пинками и криком немцы подняли на ноги старика, и нас погнали по улице. За поворотом у двухэтажного каменного дома стояли три грузовые машины, покрытые брезентом, откуда доносился громкий женский плач. Нас загнали в кузов одной из машин. Там уже находилось шесть женщин и четверо детей. Через некоторое время к нам добавили еще десять человек, загоняли людей и в другие машины. Затем в кузов забрались трое гитлеровцев, и, взревев моторами, машины тронулись в путь. Заголосили женщины, заплакали дети. Я пытался узнать, куда нас везут. Однако никто ничего не знал. Вскоре старик, который был поблизости к гитлеровцам, сообщил нам, что мы покинули Любань. Еще минут десять пути — и машина остановилась у моста через реку Тигоду. Раздался лязг автоматов, лающий крик фашистских солдат, и нас пинками выбросили из машины. Рядом таким же образом разгружались два других грузовика. Я помог

подняться на ноги двум сброшенным немцами с кузова немощным старикам и осмотрелся. Мы находились около взорванного моста, на котором работало несколько десятков военнопленных. На дороге валялся обгоревший остов грузовой машины. Рядом с ней стояли поддерживаемые под уздцы мужиками две лошади, запряженные в какие-то длинные, наверное, метров по шесть, катки из бревен. Я долго смотрел на них, но так и не мог догадаться, для чего же они предназначались. Тут раздалась команда. Нас построили по шесть человек: всего оказалось восемь рядов. Высокий, щегольски одетый обер-лейтенант через переводчика начал объяснять.

Ваня замолк, взволнованно заходил по их убежищу, затем посмотрел на молчаливого Петю и спросил:

— Ты и представить не можешь, зачем привезли эти изверги столько детей, женщин и стариков к мосту через Тигоду.

Петя отрицательно помотал головой, а Голубцов продолжал:

— Конечно, представить такое невозможно. Недавно партизанами был взорван мост через эту реку. На партизанской мине подорвался грузовик. И вот теперь они решили проверять дороги, прогоняя по ним местных жителей. Ты представляешь, что надумали фашистские гады? Разве это люди?

Голубцов заскрежетал зубами, а Петя встал, положил руку на его плечо и тихо сказал:

— Ваня, это фашисты, они способны на все. Попозже я расскажу о лагере военнопленных в Любани, об этой «кухне смерти»… Теперь я ничему не удивляюсь. Они ответят за свои злодеяния.

Мальчик взмахнул рукой и твердым голосом добавил:

— Да, да! Обязательно, Ванюша, ответят. Правда, командир? Красная Армия скоро погонит их с нашей земли.

Кузьмин обнял за плечи своих друзей, прижал их к себе своими сильными руками и сказал:

— Конечно, Петя, так и будет. Мы победим. Но победа, ребята, достанется нам большими жертвами. Враг очень силен. И это вы видите своими глазами. Вот Ваня сегодня только в центре Любани насчитал 42 немецких танка и 37 артиллерийских орудий. Они ждали темноты, чтобы двинуться к фронту. Вы представляете, как трудно нашим на фронте. Мы должны все запоминать, все учитывать, чтобы Красной Армии было легче бить фашистов. Мы перемелем эту силу. Только нужно время, ребята. Мы еще дойдем до Берлина. Обязательно дойдем.

У Пети радостно заблестели глаза. Взволнованный Кузьмин подбросил дров в печку, а Ваня продолжил свой рассказ:

— Когда переводчик нам все перевел, поднялся

невообразимый шум: голосили женщины, плакали дети, кричали старики. По знаку обер-лейтенанта один из солдат над нашими головами дал длинную автоматную очередь. Тут же все стихло. Вскоре мы двинулись по шоссе. Впереди лошади тянули по земле тяжелые катки, за которыми с длинными вожжами шли два понурых мужика, а за ними двигалась наша колонна: восемь рядов по шесть человек. В метрах пятнадцати от нас шла цепь гитлеровцев с направленными в наши спины автоматами.

Голубцов заходил взволнованно по комнатке, затем тяжело вздохнул и, обращаясь к мальчику, сказал:

— Если бы ты, Петя, мог видеть в это время лица людей из нашей колонны. Женщины со слезами на глазах, судорожно сжимая тонкие руки своих перепуганных детишек, двигались напряженные, готовые в случае взрыва закрыть их своими телами, а старики, чувствуя свое бессилие перед оккупантами, шли какие-то необыкновенно сосредоточенные и каждую минуту проклинали фашизм и ирода Гитлера. А мы, несколько парней моего возраста, ничем… ты понимаешь, ничем не могли им помочь. Не могли, так как в спину каждого из нас глядело около десятка фашистских автоматов. Так и гнали нас километра три. Затем нас повернули и погнали назад к мосту, только по другой стороне дороги. Ты знаешь, на все это ушло каких-то три часа, но казалось, я был у гитлеровцев целую вечность, так нас вымотал этот путь.

Петя жалостливо глянул на Голубцова, затем усмехнулся и произнес:

— Вот и ты, Ваня, воочию узнал, что такое фашизм. Хорошо, что так все кончилось. Ты с нами.

А Голубцов продолжил:

— У моста через Тигоду нас всех переписали. Я назвался Сидоровым Иваном. Больше они ничего не спрашивали, но потребовали, чтобы мы все утром были здесь. Каждого ждала опять та же работа. Вскоре я был в центре Любани, где продолжил разведку. О результатах тебе уже говорил наш командир.

Ваня нагнулся, подбросил дров в «буржуйку» и взглянул на своих друзей. На лице Кузьмина, освещенном ярким светом из открытой дверцы печки, он увидел веселую, подбадривающую улыбку. А его цыганистые, всегда такие решительные, иногда жесткие глаза излучали в этот миг какую-то нежность и ласку. Удивленный Ваня, словно на экране, в них прочитал: «Ты молодец, дорогой мой. Голубок! Ты отлично держал себя в сложной, очень сложной обстановке. И ты из нее вышел с честью. Смог найти в себе силы и успешно продолжить разведку. Это было, конечно, трудно. Но ты добыл нам нужные сведения. С такими ребятами нам не только фашисты, но сам черт не

страшен».

Несколько зардевшийся Ваня быстро перевел взгляд с Кузьмина на сидевшего с опущенной головой Петю. Почувствовав на себе его пристальный взгляд, он вскочил на ноги. На раскрасневшемся от огня его лице клокотала ярость. Стиснув зубы так, что видны были желваки скул, он стоял и долго смотрел на своих друзей, а затем громко сказал:

— Это все проклятый фашизм разрушил нашу привычную жизнь. Заставил нас прятаться на своей земле вот в этой полуразрушенной избе, вместо того чтобы нам всем учиться или работать. Мне очень хочется побывать в своем классе, посмотреть на школьных друзей. Где они сейчас?

Петя тяжело вздохнул, посмотрел на разведчиков:

— Я, ребята, после войны буду учиться только на одни пятерки.

Увидев у друзей улыбку, он быстро спросил:

— Не верите?

Кузьмин положил на плечо юного разведчика руку и ласково ответил:

— Верим тебе, Петя, конечно, так и будет.

Мальчик продолжал:

— Наши учителя отмечали мои способности. Мне вот только бы немного усидчивости. Уж слишком я был большим непоседой. Часто вертелся на уроках. Но я переделаю себя. Обещаю вам. Честное пионерское… Эх, быстрей бы разбить проклятых фашистов и в школу.

Он мечтательно улыбнулся и задумался. В убежище разведчиков установилась необыкновенная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием еловых дров в печке. Но вот Петя уселся на свое место на лапнике, затем поджал под себя ноги, тяжело вздохнул и сказал:

— Теперь я вам, ребята, расскажу о своей недавней разведке в Любани. Я только и думаю об этом.

И он повел свой страшный рассказ о Любаньском лагере для советских военнопленных. Потрясенный зверствами фашистов, Голубцов часто вскакивал, перебивал Петю и, сжимая кулаки, повторял:

— Сволочи! Какие изверги! Разве это люди? Стрелять их надо, как бешеных собак.

Кузьмин, который в самом начале войны бежал из такого фашистского лагеря в Литве, под Каунасом, скрежетал зубами и с хрипом из себя выдавливал:

— Дальше, Петя. Рассказывай со всеми подробностями.

Когда Петя кончил рассказ о своей недавней разведке, Ваня

отвернулся и украдкой стал вытирать слезы, а Кузьмин только и смог вымолвить:

— Это, ребята, фашизм в действии, то ли еще будет…

Некоторое время разведчики молча наблюдали за веселой пляской огня в «буржуйке». Но вот Петя резво вскочил с кровати на ноги, схватил руками за плечи сидевшего рядом с ним Голубцова и, пытаясь повалить его на спину, радостно сказал:

— Ребята, а ведь нам скоро домой. Вы представляете? Домой! К своим, в Ленинград. Ох, и надоело уже болтаться по вражескому тылу, надоела сырость, слякоть, постоянная собранность.

Потом мальчик ясно и доходчиво рассказал ребятам о своем походе по окрестным деревням. В деревне Апраксин Бор в высоком кустарнике он установил крупную базу горюче-смазочных материалов, охраняемую двумя батареями зениток и пятью танками, вкопанными в землю. А в метрах пятистах от базы располагался завод по ремонту танков и автомашин, во дворе бывшего колхозного хозяйственного двора стояли искромсанные, подбитые и обожженные танки разных марок. В лесу, перед деревней Бородулино, на необычайно грязной, разбитой дороге стояли одна за одной 39 машин с прицепленными 76-мм орудиями. В огромных кузовах, закрытых брезентовыми тентами, находились снаряды.

На дороге к деревне Ильинский Погост, в молодом ельнике, он насчитал 25 фашистских танков. Вся эта огромная фашистская сила, облепленная грязью, ждала темноты. Ее путь лежал к Ленинграду, к фронту.

Теперь разведчикам предстояла большая физическая работа: в районе квадрата четвертый километр, близ высоты 40.7, что севернее деревни Гумолово и западнее болота Веретьевские Мхи, они должны были создать базу для разведчиков Особого отдела фронта. По замыслу командования, им предстояло построить утепленный, хорошо замаскированный блиндаж, в котором разведчикам можно было бы, при необходимости, отдохнуть, снять нервное напряжение или на время спрятаться от глаз ищеек-фашистов. Пока Кузьмин себе четко не представлял, с чего начнут они создание такой базы. Он уже не раз думал, что сначала они должны добраться до высоты 40.7 и там разыскать укромное место для строительства блиндажа. Конечно, нужны были для этого соответствующие инструменты: пила, лопаты, топоры и гвозди. Он надеялся найти необходимый инструмент в деревне Гумолово, в районе которой, как ему сообщили в Особом отделе фронта, из гитлеровского окружения с боями выходила инженерно-саперная бригада, оставившая у местных жителей

много своего шанцевого инструмента.

Уже было совсем поздно. Кузьмин взглянул на своих примолкших друзей. Трудный день, физическая и нервная нагрузка, выпавшая сегодня на их долю, тепло «буржуйки» сделали свое дело; они спали, прижавшись друг к другу, и тихо, совсем еще по-детски, посапывали. Командир улыбнулся, подбросил в печку толстые поленья, потом снял с себя коричневое пальто из дешевенького драпа и накрыл им разведчиков. Они должны как следует отдохнуть: ведь завтра день может быть еще труднее. Он постоял около разгорающихся поленьев, еще раз мысленно прокрутил все возможные варианты предстоящего последнего их задания, затем натянул до колен свой толстый серый свитер из деревенской шерсти и лег рядом с Петей на сосновые и еловые ветки и моментально заснул.

Утро выдалось солнечным и морозным. Петя выскочил из комнатки и от удивления воскликнул:

— Красота-то какая, Ваня!..

В лесу действительно было прекрасно. Ване Голубцову, ленинградскому жителю, еще ни разу не приходилось видеть такой картины. Кругом было белым-бело. Маленькие и большие деревья стояли, словно разряженные девицы из хоровода. Лесной воздух казался прозрачным, а необыкновенная тишина в лесу нарушалась лишь далеким стуком дятла.

Ваня восхищенно обвел удивленным взглядом верхушки деревьев, улыбнулся и, обращаясь к Пете, сказал:

— Ты знаешь, я, наверное, пойду после войны в лесники. Разве есть что-нибудь красивее нашего русского леса.

Он замолчал, любуясь красотой леса, а затем твердым голосом продолжил:

— Да, решено, после войны иду в лесной техникум. Ты, как, одобряешь, меня?

Петя тяжело вздохнул и сказал:

— Конечно, Ваня, это прекрасная работа. Из тебя обязательно получится хороший лесник. Но это будет не скоро. Только после разгрома фашистов.

Вскоре они сидели у «буржуйки» и весело уплетали печеную картошку, которую успел уже приготовить их командир. Затем Кузьмин сообщил ребятам свои соображения по последнему заданию Особого отдела. Они согласились с его мнением, что сначала нужно добраться до деревни Гумолово, разыскать там высоту 40.7 и выбрать место для блиндажа…

Около восьми часов шли они к нужной им цели. В деревне Апраксин Бор еще довольно крепкий, с окладистой белой бородой старик ясно и доходчиво объяснил Кузьмину путь. Путь вроде был

довольно простым и понятным, но вот в густом, непролазном ельнике они заблудились. Пока вышли по берегу ручья Болотницы к нужной дороге, потеряли уйму времени. Было уже совсем темно. На большой лесной поляне разведчики нашли огромный стог сена, вырыли в нем большую яму и заночевали. Утром они поели одной холодной картошки и пошли дальше, повернув на юго-запад, прошли еще километров пять. Вековой лес перешел в березняк с осинником, а вскоре в густой кустарник, за которым начиналось кочковатое, травянистое болото, усыпанное необыкновенно крупной спелой клюквой. Разведчики долго стояли в зарослях высокого кустарника и смотрели на разбросанные по болоту островки из крупных елей и берез. Вот оно — болото Веретьевские Мхи. За этим болотом, на севере, и располагалась деревня Гумолово и нужный им квадрат. Кузьмин посмотрел на своих друзей, ободряюще подмигнул им и сорвал под ногами горсть сочных ягод. Они поняли командира и дружно набросились на вкусную, спелую клюкву. Насытившись, стали собирать ее в котомку Пети, которая уже была почти полна, и тут разведчики услышали долгий тяжелый кашель. Они юркнули в кусты и затаились. Показалась пожилая женщина в ватнике с корзиной в руке. Собирая клюкву, она временами обхватывала ладонями лицо и долго тряслась в кашле. Кузьмин подтолкнул Петю в спину: он понял, что командир направляет его на встречу с женщиной. По зыбкому, кочковатому болоту он дошел до женщины. Она уже увидела мальчика и с интересом наблюдала за ним. Вот он подошел к ней, сказал что-то, а она, держась двумя руками за поясницу, с большим трудом распрямилась и быстро заговорила. Затем подняла правую руку и начала показывать что-то в северном направлений. Петя только кивал головой. И тут у нее начался очередной приступ кашля. Но вот она улыбнулась, сказала что-то ему, вытащила из корзины небольшой сверток и протянула его Пете. Тот решительно отказался. Тогда она взяла мальчика за плечо, подтянула его к себе и всунула сверток под мышку. Петя улыбнулся, поблагодарил женщину и, перепрыгивая с кочки на кочку, направился к своим друзьям. Женщина еще долго смотрела в спину мальчику, а когда он скрылся в кустарнике, принялась собирать клюкву. Друзья увидели Петю чем-то очень расстроенным. Таким злым и колючим он еще никогда не был. А он тяжело вздохнул, посмотрел в сторону женщины и зло спросил:

— Вы знаете, почему так кашляет эта бабуся? Ее били фашисты, били смертным боем. Вот она так страшно и кашляет.

Голубцов удивленно посмотрел на Петю и спросил:

— Чем же не угодила фашистам эта старушка?

Петя опустил голову, тяжело вздохнул и ответил:

— Да ничем. Несколько дней тому назад фашисты примчались в Гумолово на машинах, согнали на деревенскую площадь десятка два женщин с детьми и начали просто, вот так, ни за что ни про что избивать их палками.

Кузьмин нахмурился, а Голубцов произнес:

— Вот гады, не щадят ни старых, ни малых.

А Петя продолжил:

— Как сказала мне эта бабушка, сразу за кустами есть тропинка, она и приведет нас в деревню Гумолово. Отсюда до нее километра три. Немцев в деревне нет. Появляются они наскоками. Почти нет в ней и местных жителей: большая часть расстреляна гитлеровцами, а часть ушла к партизанам. В деревне только старухи да малые дети.

Петя с жалостью смотрел на болото, откуда доносился сильный кашель. «Опять у бабушки начался приступ… Вот так теперь и будет кашлять до самой смерти», — подумал он. Кузьмин обнял мальчика за плечи, прижал его и сказал:

— Ничего, Петя, фашисты получат свое. Отомстим за эту старушку и других жителей Гумолово. А теперь, ребята, пора.

Вскоре они вышли из кустарника и оказались на лесной тропинке. И тут Петя вспомнил о свертке, который почти насильно был всунут ему старушкой. В чистой белой тряпочке оказалось два яйца и краюха хлеба. Они по-братски все разделили на три равные части и, вспоминая добрую русскую женщину, быстро расправились с обедом.

Указанная тропинка привела разведчиков к окраине полусожженной деревни, которая встретила их гнетущей тишиной. Гумолово казалось вымершим. Самым удивительным было то, что не слышно было даже привычного для всякой русской деревни лая собак. «Гитлеровцы уже успели разделаться здесь и с четвероногими врагами Рейха», — подумал Петя. В быстро надвигавшейся темноте ребята разглядели стоявшие в четком строю несколько русских печей с высокими кирпичными трубами, которое свидетельствовали, что тут совсем недавно проходила деревенская улица. Чуть дальше виднелись хозяйственные постройки и несколько бревенчатых изб. Над крышей из невысокой кирпичной трубы поднимался столбом дым. Вдруг окна одной из изб осветились слабым, мерцающим светом. Кто-то там медленно передвигался, от чего огонь плошки или лучины то затухал, то разгорался. Там были люди. Там был домашний уют и тепло, по которым они так уже соскучились.

Петя и Ваня смотрели на слабо освещенное окошко, и каждый из них мыслями был уже там, в теплой избе. Однако внимание

командира занято было другой стороной деревни, где около огромной высокой сосны темнели избушка и маленький сарай. Ребята поняли, что сегодня в тепло они не попадут; командир не хочет напрасного риска. Они и не настаивали. Решение его было законом для них. Но вот огонь в окошке заслонила фигура обитателя избы. На огонь подули, он затрепетал, но оказался сильнее слабого дуновения воздуха. Тогда на него дунули еще раз, и в избе стало темно. Там укладывались на ночь. Ваня тяжело вздохнул, а Петя махнул рукой, затем незло ткнул кулаком в спину командира, и они цепочкой двинулись к избушке, которая привлекла внимание Кузьмина.

Избушка и небольшой сарай одиноко стояли на самой окраине сожженной немцами части деревни. Как она уцелела на этой стороне, где совсем недавно, по всей видимости, бушевал большой пожар, — одному богу известно. За избушкой сразу шли деревенские поля и густой кустарник, а дальше темнел вековой лес. «В случае опасности, — подумал Кузьмин, — мы сможем кустарником уйти в лес». Вот поэтому он и заинтересовался одинокой избушкой, где решил заночевать.

В малюсеньких рамах старой, изрядно уже покосившейся избы стекла были выбиты. Около полуобвалившегося крыльца валялись вырванные какой-то злой силой входные двери избы. Тут же, во дворе, была разбросана исковерканная нехитрая деревенская мебель: стол без верхней крышки, две лавки с поломанными ножками, самодельный комод без дверей и несколько изрубленных табуреток. Разведчики грустным взглядом еще раз окинули двор, где совсем недавно произошли какие-то трагические события. Тут Ваня тяжело вздохнул, покачал головой и зло произнес:

— Это дело их рук, фашистов. Когда же все это кончится?

Ни Петя, ни командир ему ничего не ответили. Они медленно поднялись на качающееся крыльцо, еще раз осмотрелись и вошли в сени избы, которые встретили их сплошной темнотой. Когда глаза привыкли к темноте, разведчики увидели в сенях груду разбитой глиняной посуды и несколько измятых ведер. В углу стояла свежеоструганная деревянная лестница и чернел открытый лаз на чердак дома. В небольшой комнате располагалась лишь только огромная русская печь. Другая комната, которая являлась, по-видимому, горницей, была сплошь засыпана пухом. Здесь валялись разорванные в клочья наволочки подушек, занавески, разное тряпье. Разведчики потоптались по темным комнатам, а затем, захватив каждый по охапке тряпок, полезли на чердак, где хранилось, к их большой радости, сено. Они затащили наверх лестницу, закрыли лаз щитом из досок, закопались в сено и сразу

заснули.

Проснувшись первым, Кузьмин какое-то время лежал с открытыми глазами и думал: «Ну, вот мы и у цели. Теперь нужно добыть инструменты, и за строительство… Топоры и лопаты в деревне мы, конечно, найдем. А вот как быть с продуктами?.. Ребята устали. Ведь предстоит тяжелая работа дня на три, не меньше. По-видимому, придется обратиться к местным жителям, а может, поискать в этой избе? Должен же быть здесь погреб. А в нем могут быть припрятанные от фашистов скромные крестьянские запасы. Пока ребята спят, нужно обследовать еще раз избушку».

Внизу было довольно прохладно. Кузьмин посмотрел в окно без стекол и от неожиданности даже зажмурился. Кругом белел снег. Было очень красиво, но снег для них являлся сейчас и врагом. Кузьмин нахмурился и подумал: «Вот и зима приближается. Нужно быстрей подготовить базу и домой… пока не лег по-настоящему снег. А то будет очень трудно переходить линию фронта».

Командир прислонился к стене и стал наблюдать за деревней. Она была такой же пустынной, как и вечером. Даже изба, окна которой вчера радовали их теплом и светом, не подавала признаков жизни. Хотя нет, вот в ней отворилась дверь, и на улице показался сгорбленный старик в ватнике и зимней шапке, который подошел к высокой поленнице и стал медленно снимать дрова и складывать их на стоявшие тут же козлы. Раздался зычный его голос, и из избы выскочил в одной рубашке шустрый мальчуган лет двенадцати, который быстро перетаскал дрова в дом. Старик и мальчик скрылись в избе, в котором через несколько минут закурилась труба. А вот и соседняя изба задымила. Из нее вышла с двумя ведрами дородная женщина и направилась к колодцу, который находился в метрах тридцати от ее дома. Набрав воды, она быстро вернулась в избу.

«Ну, и мне пора», — подумал Кузьмин. И он несколько раз обошел избу. Он хотел уже подниматься на чердак, и тут внимание его привлекла в сенях груда битой глиняной посуды. Доской он передвинул черепки на другую сторону и от радости чуть не заплясал: на очищенном месте четко вырисовывалась крышка погреба. Кузьмин с трудом ее поднял и по крутой лестнице спустился в подпол, который встретил его каким-то специфическим деревенским запахом и сплошной темнотой. Он зажег спичку и на бочонке около лестницы увидел блюдце, в котором белела уже начатая, в сплошных подтеках парафина, довольно крупная свеча. Командир зажег ее и огляделся: подпол занимал около двенадцати квадратных метров. В ближнем от

лестницы углу он сразу заметил впопыхах брошенный разный плотницкий инструмент: топоры, пилы, рубанки, буры. «Ну, вот хотя в этом повезло», — радостно подумал Кузьмин. Он подошел к куче, припорошенной сеном. Эта была картошка. Чистая, сухая, одна крупнее другой. Она даже сырая вызывала у него аппетит. Хозяин дома основательно подготовился к надвигавшейся зиме. Этой картошки семье из трех-четырех человек вполне хватит до мая.

Чуть дальше висели два мешка разных размеров и сумка из материала, который народ назвал «чертовой кожей». Самый большой мешок был набит сухарями, в меньшем находилась мука, а в сумке было несколько кусков сала, завернутых заботливо в белые чистенькие тряпочки. Тут же рядом стояли две бочки, покрытые широкими самодельными льняными полотенцами. Под камнями-валунами, лежавшими на крышках в виде гнета, в одной бочке была белая, сочная капуста с клюквой, а в другой — огурцы.

Кузьмин от удивления только покачивал головой. Он не ожидал найти в этом доме столько продуктов. Но тут мозг его начала сверлить неожиданная мысль: «А имеют ли они право воспользоваться этим богатством? Не будут ли они мародерами?» От таких мыслей у него на лбу даже выступила испарина. Но другой голос его уговаривал: «Ну, ладно… Вы не воспользуетесь продуктами, уйдете без них, голодными. Продукты захватят фашисты или погибнут здесь, в подполе».

Командир не знал, что предпринять, как поступить им в этой ситуации. А внутренний голос не умолкал: «Да если бы были живы хозяева этого дома, то они обязательно поделились бы с нами продуктами, не отпустили бы они нас голодными. Не таков он, наш русский человек».

Но тут он улыбнулся пришедшей ему мысли и вслух произнес:

— Мы возьмем только на три дня продуктов, только на три. Больше нам не надо. За эти дни мы успеем достроить базу, а там домой. Поверьте, без продуктов нам очень будет трудно справиться с нашим последним заданием.

Кузьмин взял чугунок, стоявший около бочек, вытер его концом полотенца и набрал в него капусты. Затем туда же положил десяток соленых огурцов, а сверху кусок сала. В найденную корзинку-плетенку насыпал сухарей, погасил свечу и вылез из подпола. Пора было будить друзей.

Продукты у ребят вызвали вначале удивление, а затем восторг — изголодались они, давно не видели такого богатства. Но вдруг, попробовав капусты, Петя подбросил нежинский огурец

в воздух, поймал его, а затем вопросительно посмотрел на Кузьмина и спросил:

— Откуда все это, командир? Все вкусное, все свежее…

Кузьмин ткнул пальцем вниз и тихо ответил:

— Там, в подполе нашел.

Петя резко бросил свой огурец в чугунок и сказал:

— Есть ничего не буду, ворованное это. Мне с самого раннего детства родители твердили, что нет на свете ничего хуже воровства. Нужно все это отнести вниз.

Голубцов, потянувшись было за капустой, резко одернул руку и отвернулся спиной к продуктам. Он был союзником Пети. Кузьмин улыбнулся и попытался обнять Петю. Мальчик вывернулся из его объятий и волком смотрел на командира. Тот ласково покачал головой и сказал:

— Ребята, я очень вами доволен, вы мне все больше и больше нравитесь. Мародером, вором, я никогда не был, честное комсомольское.

Девичье лицо Голубцова посветлело, а Петя все также недружелюбно смотрел на Кузьмина. А он продолжал:

— Вы согласны, что нам нужно выполнить последнее задание командования Особого отдела?

Петя и Голубцов в знак согласия кивнули головами. Кузьмин спросил:

— Как мы будем его выполнять без продуктов?..

Ребята молчали, а командир продолжил:

— Без продуктов нам не справиться с тяжелой работой, это факт.

Петя и Голубцов, соглашаясь с ним, лишь только кивнули головами. Кузьмин говорил:

— Факт, ребята. Мы можем, конечно, обойти местных жителей и попросить еды, но на это уйдет уйма времени, и мы можем навлечь на себя подозрения какого-нибудь затаившегося пособника фашистов. А здесь рядом с нами есть продукты. Мы возьмем их только на три дня, то есть на время работы. Я думаю, мы за этот срок управимся. Уверен, что хозяин этой избы, если он жив, не будет на нас в обиде.

Кузьмин посмотрел на своих юных друзей и добавил:

— Вот прогоним отсюда фашистов и все вместе придем в Гумолово, низко поклонимся хозяевам этого дома и поблагодарим их за продукты, которые помогли нам выполнить последнее задание, поблагодарим за шанцевый инструмент, который как бы специально был подготовлен для нас в подполе.

Он строгим взором окинул свою команду и приказал:

— Теперь пора кушать, нас ждет тяжелая работа.

Возбуждение ребят улеглось, и они, несколько сконфуженные, смотрели на своего командира, а тот ласково им улыбнулся, подмигнул, обнял их за плечи своими сильными руками и подтолкнул к такой аппетитной пище. Больше они не сопротивлялись. Им стало ясно, что голодными они не смогут выполнить свое последнее задание.

Через час разведчики густыми кустами покидали Гумолово. Впереди шел тяжело нагруженный Кузьмин, за плечами которого в мешке виднелась печь типа «буржуйка», а в руках находилась корзина с продуктами. «Буржуйку» вместе с трубами Петя увидел в сарае, в который он заглянул уже почти перед уходом из деревни. У него тут же мелькнула мысль: «А если базу сделать отапливаемой?» Идея его была поддержана товарищами.

За командиром быстро шагал Ваня Голубцов. На плече у него лежали три связанные лопаты, поддерживаемые одной рукой, а в другой руке у него была пила. За ремнем, которым была подпоясана его телогрейка, болтался узелок с гвоздями и виднелись два остро наточенных топора. Замыкающим двигался Петя с котомкой за плечами, полной картошки, и двумя печными жестяными трубами в руках.

И вот разведчики опять в лесу. Они очень торопятся, но тяжелый груз Кузьмина все-таки заставляет их делать короткие привалы. Они чувствуют, что цель их где-то здесь. И действительно, вскоре они оказались в районе квадрата 4-й километр. А вот и она… высота с отметкой 40.7.

Разведчики, спрятав свой груз в кустарнике, долго смотрели на небольшую высоту, к которой они так стремились. Ничего привлекательного в ней не было: почти вся лысая, только на южной ее стороне рос кое-где березняк. Петя даже вздохнул с сожалением и протянул:

— А я представлял ее настоящей горой… А она — маленькая… совсем неказистая…

Кузьмин с улыбкой посмотрел на мальчика и сказал:

— Подождем, Петя, конца войны, я отвезу тебя на Кавказ — вот там горы так горы…

Командир подмигнул Голубцову, а затем, показывая правой рукой в направлении чуть левее высоты, спросил:

— Видите три сосны? Мы проходили их.

Ваня тут же ответил:

— Конечно, видим. Вон они — огромные, вековые деревья. Отсюда метров сорок до них, стоят на краю небольшого оврага.

Кузьмин одобрительно похлопал по плечу Голубцова и проговорил:

— Молодец, зрительная память у тебя здорово развита. ГТо

прямой через кустарник до них действительно метров сорок. Так вот…

Петя тихонько толкнул Кузьмина в бок и возбужденно сказал:

— Командир, у меня идея. Мне кажется, базу нужно делать под этими соснами, со стороны оврага. Там песок — копать будет легко: Выигрыш — время, которого у нас уже совсем нет.

Кузьмин обрадовался такому предложению. Оно полностью совпадало с его мыслями. Разведчики подхватили свой груз и через густой кустарник двинулись к трем соснам. У Кузьмина уже был кое-какой опыт по строительству блиндажей и окопов, поэтому работа у них двигалась быстро. Они спилили более двух десятков высоких стройных сосен диаметром не более 15 см, затем распилили их по два метра, очистили от веток и начали выборку грунта под базу. Под толстым слоем сосновых иголок, как и предполагал Петя, оказался песок, который копать было одно удовольствие. Но вот настало время, когда копать стало опасно: песок грозил обвалом. Тогда ребята по указанию Кузьмина взялись за укладку пола из нарезанного материала. Утрамбовав в песок четыре балки, они поставили затем по три стойки на каждую сторону, на которые уложили поперечные балки. Чтобы песок не сыпался через поперечные щели, они закрывали их слоем лапника. В такой последовательности разведчики и работали. К исходу вторых суток база была почти готова: получилась весьма приличная, около восьми квадратных метров, комната с нарами для четырех человек. На третьи сутки утром они сделали из молодых сосенок дверь, которую повесили, за неимением металлических петель, на толстые полосы мешковины. Установив печь, разведчики замаскировали трубу и всю базу сухими ветками. Затем перетащили песок на носилках в глубокую яму, которую нашли в метрах пятидесяти от базы. И вот, засыпав сосновыми иголками место, где была куча песка, они, довольные, любовались своей работой. Голубцов прошелся несколько раз вокруг трех сосен, попрыгал над базой, а затем улыбнулся и, отряхнув руки от иголок и песка, произнес:

— Чисто сработано — и маскировочка что надо, ничего не видно…

Соглашаясь с ним, Кузьмин добавил:

— В таком блиндаже никакая зима не страшна — повезет тем, кто будет отдыхать здесь.

Потом он посмотрел на устало прислонившегося к сосне Петю и сказал:

— Ты сейчас займешься топкой «буржуйки»…

Петя в знак согласия закрыл глаза, а командир продолжил:

— Мы с Ваней заготовим дрова тем, кто придет сюда по

заданию Особого отдела. А затем, ребята, будем отдыхать. Имеем же мы право на это после такой работы. Как, Петя, ты думаешь?

Мальчик улыбнулся:

— Конечно, командир, имеем. Отдохнем — и домой, в Ленинград.

Он радостно подпрыгнул, ткнул в бок кулаком Голубцова. Тот попытался дать ему сдачи, но Петя ловко увернулся и принялся собирать обрезки для топки. Тяга в печи получилась отличной, и к приходу друзей в блиндаже стояла настоящая жара. Забравшись на нары, они поужинали и легли спать. Завтра им предстоял путь к фронту…

Ауссеншталле

Ранним дождливым утром 21 ноября 1941 года разведчики подошли к деревне Виняголово. Уже совсем отчетливо были слышны взрывы снарядов и мин, а ветер иногда даже доносил до их слуха пулеметные очереди и отдельные винтовочные выстрелы. Там, по прямой, в районе станции Погостье, проходила линия фронта. До нее оставалось каких-то четыре километра.

На берегу реки Мга разведчики остановились и долго наблюдали из кустарника за жизнью деревни. Эта была ничем не примечательная деревня, похожая на те многие, которые попадались им во время рейда по вражескому тылу. В таких деревнях немецко-фашистские оккупационные власти, как правило, не держали свои гарнизоны. Но вот в Виняголово, как показало наблюдение, немцы были. Разведчики решили, что в этой небольшой деревне расположились либо фронтовики, которых немецкое командование временами отводило на отдых с передовой, либо какие-то хозяйственники. Они хорошо уже изучили психологию немецких солдат с передовой, которые, вырвавшись на несколько дней из настоящего пекла, интересовались только шнапсом и женщинами. Бдительность, к которой их постоянно призывали фашистские бонзы, отодвигалась на задний план. Главным для них в это время было хлебнуть вдоволь горячительного и нажраться, словно свиньям, а затем — горе тем женщинам, которые попадались на глаза осатаневшим завоевателям. Для фашистских войсковых хозяйственников самым страшным была передовая, поэтому они старались избегать всяких конфликтных ситуаций и не лезли в дела, которые их не касались.

Вот почему Петя и его друзья не придали особого внимания гитлеровцам в деревне Виняголово. С фашистами они уже не раз встречались… А дождь все усиливался. Голые кусты не спасали их от сплошного потока воды. Нужно было на что-то решаться. Идти к линии фронта? Нет. Каждому из них было понятно, что делать этого днем нельзя. Возвращаться назад, в лес? Мокрыми?.. Не очень хотелось. Тогда они принимают, может быть, самое верное в их положении решение: незаметно проберутся в баню, стоявшую совсем рядом на берегу реки, и будут ждать в ней темноты, а поздним вечером уйдут к своим. Ближайшая изба находилась от бани в трехстах метрах, в которой, как показало наблюдение, жили мужчина и женщина, выходившие несколько раз во двор по различным хозяйственным делам.

Если бы разведчики знали, что здесь, в Виняголово, отдыхали

не немецкие фронтовики и в этой деревне дислоцировалось не хозяйственное их подразделение. Здесь, перед самой линией фронта, им противостоял противник опытный и коварный.

Петю и его друзей судьба свела с фашистским исполнительным полицейским органом военной контрразведки в действующей армии, основной задачей которого являлось выявление политических врагов Рейха в зоне боевых действий и в ближайших фронтовых тылах. К своим политическим врагам фашисты относили коммунистов, комсомольцев, руководителей местных советских органов, общественный и колхозный актив, сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел, партизан, советских разведчиков. Назывался этот карательный орган по-немецки «ауссенштелле», что значит наружное отделение, и подчинялся он 702-й группе тайной полевой полиции «Гехаймфельдполицай» (ГФП), которая действовала при 285-й охранной дивизии на территории Ленинградской и Новгородской областей. В ауссенштелле находилось около тридцати кадровых контрразведчиков, профессиональных карателей — сотрудников гестапо и криминальной полиции, имевших опыт борьбы с антифашистами Западной Европы. Начальником этого карательного органа совсем недавно стал ярый нацист, сотрудник IV управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) Германии штурмбанфюрер СС Гюльцов Ганс. Это был человек не первой молодости, прослуживший под руководством начальника гестапо группенфюрера СС Мюллера больше десятка лет. Страстно честолюбивый, мечтавший быстро разбогатеть и прославиться на всю Германию, он при благоприятных обстоятельствах за деньги мог продать мать родную. Прослышав о сказочных музеях северной столицы России, которую, как трубила пресса и радиостанции Геббельса, должны вот-вот взять войска Гитлера, он попросился именно сюда, под Ленинград, чтобы быть рядом с богатыми музеями. Ведь фюрер обещал отдать этот город на три дня своим доблестным солдатам. А значит, он станет владельцем не одной бесценной картины Эрмитажа. На должность начальника ауссенштелле были и другие претенденты, прыткие, молодые выскочки. Но он обошел их. Ему помог сам Мюллер, который настоял, чтобы начальник полевой полиции вермахта штандартенфюрер СС Крихбаум остановился на его кандидатуре. Конечно, начальник IV управления РСХА все делал не из-за дружеских расположений к нему. Он пообещал прислать этому старому интригану парочку картин из Зимнего дворца, поэтому так быстро его оформили на эту должность.

В деревню Виняголово ауссенштелле было переведено в

конце октября 1941 года из Тосно. Этот карательный орган стал поближе к фронту, чтобы очистить прифронтовую полосу от политических врагов Гитлера. А дальше путь его лежал на Ленинград. С передовыми частями вермахта ауссенштелле и другие подразделения 702-й группы ГФП должны были ворваться в город Ленина и при помощи войск захватить здания и помещения партийных и советских органов: УНКВД Ленинградской области и ряда других организаций и ведомств, где могли быть важные оперативные или секретные документы, архивы, картотеки. Другой задачей ставилось физическое уничтожение ленинградцев. Его сотрудники брали на себя обязательство ликвидировать около 100 000 жителей этого города. Остальных ленинградцев, которых Гитлер называл своими личными врагами, брались уничтожить другие фашистские органы. А пока сотрудники ауссенштелле с рвением и немецкой педантичностью наводили «новый порядок» в населенных пунктах Тосненского района.

В Виняголово тайная полевая полиция первым делом изгнала почти всех жителей, а были это в основном женщины, старики и дети. В начале они ютились в сараях, а с наступлением холодов спустились, словно пещерные люди, в землянки, специально вырытые в садах и огородах. В деревне И ее окрестностях ауссенштелле установило жесточайший режим, за нарушение которого полагалась только лишь одна мера наказания: расстрел. Так, в начале ноября трех деревенских стариков, отправившихся в лес за дровами, расстреляли только за то, что они не имели разрешения немецких оккупационных властей на посещение леса. Да… Чтобы посетить близлежащий лес, требовалось специальное разрешение. Без такого разрешения задержанные рассматривались как партизаны и подлежали уничтожению. Таков был приказ командования вермахта, и ауссенштелле его строго выполняла. А Мария Ивановна Григорьева была расстреляна тайной полевой полицией за предоставление ночлега своему родственнику, Иванову Петру, жителю соседней деревни, не успевшему выбраться из Виняголово до начала комендантского часа. Местным жителям расстрел грозил за сокрытие продовольствия, за слушание радио, за хранение оружия, за читку любой литературы, которую, по мнению фашистов, можно было отнести к марксистской. А вот если на территории деревни и в ее окрестностях, как указывалось в ряде постановлений ГФП и оккупационных властей, будет убит немецкий солдат, то расстрелу подлежали уже все жители деревни, а сама деревня — сожжению. Деревенского жителя фашисты могли расстрелять и просто так, если кто-нибудь из них не так, например, посмотрел

на секретаря полевой полиции Гюльцова Ганса или забыл снять шапку для его приветствия.

Матерый волк в овечьей шкуре

Разведчики долго наблюдали за крайней избой. Ничего опасного они там не заметили. Дом никем не посещался, а главное, он находился далеко от центра деревни, где располагались фашисты. Высокий, несколько сутуловатый, уже довольно пожилой хозяин с белой, окладистой бородой, одетый в рваный полушубок, занимался только хозяйством: он мастерил что-то в небольшом сарае, затем выбрасывал навоз из хлева. Хозяйка, небольшая, дородная женщина, из избы вышла с какой-то накидкой на голове. Она быстро помыла кринки и бидоны, развесила их на колья забора и, перебросившись с мужем несколькими словами, скрылась в избе. И тут Кузьмин вопросительно посмотрел на своих мокрых, озябших друзей. Они сразу поняли своего командира. Ему нужен был их ответ. Ваня Голубцов еще раз взглянул на баню и тихо произнес:

— Я за банный вариант, отдохнем в ней, дождемся темноты — и домой.

Кузьмин смотрел на Петю, а тот, смахнув с лица струю воды, улыбнулся чему-то и прошептал:

— Согласен… — хлопнул Голубцова по плечу и, смеясь, добавил: — Я согласен с Ваней.

Разведчики еще долго наблюдали за баней и избой. Нет, ничего опасного для себя они не видели. И тогда командир сказал:

— Итак, отдыхаем в бане. Первым к ней идет Голубцов, за ним Петя. Двигаемся только кустами, последние двадцать метров преодолеваем бегом. Место это голое, поэтому нужно быть пошустрей. Нас никто не должен видеть.

Приняв решение, разведчики сразу повеселели. Теперь им не надо чего-то ждать и томиться в неизвестности. Ими все учтено, и они готовы ко всяким неожиданностям. Ну а к ним они уже привыкли. Не впервой с ними встречаться. Так думал каждый из них, делая первые шаги к бане. Вот Ваня Голубцов промчался по своей дистанции, как спринтер, и достиг уже финиша. Он рванул дверь, она жалобно скрипнула и тут же спрятала разведчика. Теперь очередь Пети. Он быстро и ловко преодолел кусты. Остались двадцать метров голой земли. Петя подготовился и бросился из кустов к бане. На эти метры он потратил не больше десяти секунд. Но надо Же было такому случиться: его заметил хозяин избы. Разведчики не могли видеть его, так как он стоял внутри хлева. Вначале тому почудилась какая-то метнувшаяся тень, но он не придал этому значения: мало ли тут бегает

беспризорных собак. Но вот когда открылась и заскрипела дверь бани, он насторожился. Старик протер глаза и, прислонившись к воротам хлева, стал внимательно наблюдать за баней. И он дождался своего. Через несколько минут он увидел фигуру Кузьмина, который из кустов проскочил в баню. Сердце у старика радостно затрепетало. Он перекрестился, прислонил руки к груди и, подняв глаза к небу, взволнованно прошипел:

— Боже праведный, наконец я дождался… и мне счастье подфартило…

Схватив вилы и с остервенением вонзив их в кучу навоза, злобно усмехнулся, затем погрозил кому-то пальцем и пошел в избу.

Теперь настало время представить нам хозяина крайней избы. Сидоров Григорий Фотиевич — так звали старика с белой, окладистой бородой, с которым судьба свела Петю и его друзей в деревне Виняголово. Злобный враг большевиков. Изменник Родины, с октября 1941 года — агент ауссеншгелле. Вот кто был этот благообразный старик. Еще в 1918 году Петроградской губчека на Сидорова, дворника самого Рябушинского, были получены косвенные данные, что он использовался разведкой Юденича. Однако доказательств его вины в то время собрать не удалось, и он был выпущен на свободу. Сидоров тут же скрылся из Петрограда и поселился в деревне Виняголово, где подозрительно быстро разбогател. Ходили слухи, что богатым он стал на деньги Рябушинского, а также при помощи разных темных дельцов, с которыми поддерживал регулярную связь. Мироеда Григория, как звали его односельчане, решением деревенского схода раскулачили. Трое его сыновей были направлены на спецпоселение в Атяшевский район Мордовии. Сам он слезно просил односельчан, чтобы его вместе с женой оставили в Виняголово, где он будет честно и добросовестно трудиться. Ему поверили и оставили в деревне. А он затаился, ожидая своего часа.

Сидоров обрадовался нападению фашистской Германии на нашу Родину. В гитлеровцах он увидел силу, которая поможет вернуть ему былое богатство и рассчитаться с его обидчиками, к которым причислял жителей всей деревни. Но радости своей он никому не выказывал. И даже приход немцев в Виняголово не изменил его поведения. Вскоре он стал заводить среди односельчан антифашистские разговоры. К этому времени Сидоров дал письменное обязательство верой и правдой служить фашистам и был поставлен на картотечный учет в ауссеншгелле как агент ГФП «Тихий». Его взял на связь сам начальник этого карательного органа Ганс Гюльцов.

Работа Сидорова как изменника Родины началась с передачи в тайную полевую полицию списка коммунистов, комсомольцев, руководителей и активных общественников деревни Виняголово и Тосненского района. Эта предательская деятельность была оценена Гюльцовом в пятьсот оккупационных марок. Новоиспеченному иуде понравился легкий заработок. Тем более и с некоторыми своими обидчиками из деревни он рассчитался. Как и прежде, он и теперь не вступает в конфликты с односельчанами, ведет тихий, незаметный образ жизни, а при случае старается спровоцировать некоторых жителей Виняголово на просоветские разговоры и тут же сообщает о них в ауссенштелле. Штурмбанфюрер СС Гюльцов доволен агентом «Тихим». Он расширяет его обязанности: необходимо следить за появлением в деревне подозрительных и незнакомых лиц. Вскоре «Тихий» выдает тайной полевой полиции двух военнопленных, бежавших из Ивановского лагеря. Они обратились к нему с просьбой показать ближайшую дорогу к линии фронта. Благообразный иуда сразу соглашается и выводит их прямо на секретный пост ГФП. Гюльцов ориентирует на выявление советских разведчиков и партизан. Устанавливается и награда: корова и полторы тысячи марок за каждого выданного.

Переступая порог в избу, Сидоров уже подсчитывал свою прибыль. «В бане — двое… Это опять, наверное, бежавшие военнопленные. Сколько же заплатит мне за них Гюльцов? — думал «Тихий». — Прошлый раз дал всего двести марок, а если…» От пришедшей мысли он даже остановился в сенях. Смахнув со лба выступивший пот, Сидоров начал лихорадочно подсчитывать: «А если это разведчики? Значит — три тысячи марок и две коровы… Коров я продам, зачем они мне со старухой? Это еще около двух тысяч марок…» Он радостно потер руки, словно в них уже лежали банкноты.

Усевшись за стол, он несколько успокоился и стал обдумывать, как же ему быть: сообщать ли сейчас об обитателях бани своему шефу или немного подождать? И тут его обожгла мысль: «А вдруг это немцы, обожравшись шнапса, развлекаются в бане?..» От этого предположения настроение моментально испортилось. Он набросился с кулаками на жену, которая попросила принести воды из колодца, и, обругав ее последними словами, ударом сапога открыл дверь горницы, выскочил на улицу. «Что же мне делать? — сверлило в его жадном мозгу. — Как бы не продешевить, можно вообще остаться ни с чем…» — лихорадочно думал агент «Тихий». Он еще долго метался по двору, пока не принял решения: немцам сейчас ничего не сообщать, а пойти в баню и посмотреть, кто же там в ней

обосновался. Конечно, само собой разумеется, он и вида не подаст, что уже видел ее обитателей. Старик потоптался еще несколько минут на месте, затем взял из сарая плетеную корзину, положил туда пару березовых веников и медленно побрел к бане. «Если спросят меня, — подумал он, — я отвечу, что плохо себя чувствую, поэтому решил затопить баньку и попариться, баня — лучшее лекарство для стариковских костей, об этом всем известно». Он опустил плечи, согнул голову и зашаркал ногами: ведь больные быстро не ходят…

Еле плетущегося по тропинке старика первым увидел Кузьмин. Вытянув мокрые, уставшие ноги, он полулежал на широкой низкой скамье, прислонившись спиной к стене около малюсенького банного окошка, и временами наблюдал за деревней. Командир посмотрел на своих друзей, расположившихся на отдых на двух дощатых полках. На верхней, выскобленной, но все-таки черноватой, как во всех банях, от жары полке уже посапывал Петя. На нижней, подложив под голову обе руки, лежал с открытыми глазами Ваня и о чем-то думал. Кузьмин тихо свистнул и взмахом руки позвал его. Тот быстро сполз с полки, и они начали наблюдать за стариком. Вот он тяжело опустился на широкое бревно около бани, которое с давних пор, по-видимому, служило скамейкой. Поставив на него корзину с вениками, он отдыхал на нем минут пять, а затем, распрямившись с превеликим трудом, подошел к поленнице и стал накладывать на полусогнутую левую руку березовые дрова.

Кузьмин и Голубцов переглянулись и встали вдоль стены. Тут же скрипнула дверь, и в баню с охапкой, тяжело дыша, вошел старик. Подойдя к печи, он нагнулся и не удержал дрова: одно за одним поленья с грохотом посыпались на пол. Зло чертыхаясь, он стал ногами пододвигать дрова к железному предтопочному листу. От стука и грохота проснулся Петя и сверху наблюдал за стариком. И тут раздался голос Кузьмина:

— Добрый день, дедушка!

Старик вздрогнул, еще больше согнулся и стал креститься в угол бани, приговаривая:

— Уйди! Прочь! Прочь отсель, нечистая сила!

Петя не удержался и прыснул в кулак, его поддержали друзья. Продолжая креститься, старик медленно повернулся к разведчикам и от удивления открыл рот. Затем он снял шапку, вытер ладонью вспотевший лоб и с присвистом выдохнул:

— Ух! И напугали же вы меня, ребята… Решил, что нечистая сила поселилась в моей бане.

И он опять перекрестился, затем, весело подтолкнув ногой полено к печи, продолжил:

— Стою и думаю: ну, вот и ты, Фотеич, на закате жизни наконец встретился с нечистой силой, а то соседу моему, Михалычу, повезло — он полгода назад встретился с чертом в бане.

Петя спрыгнул с полки и весело отмахнулся от слов старика: мол, ври, ври, дед, да не завирайся. А «Тихий» замолчал и удивленно смотрел на мальчика. Он никак не мог понять, что нужно этому мальчишке в бане. И сколько даст ему Гюльцов за этого заморыша? Вот Сидоров перевел взгляд на улыбающихся друзей Пети и обиженно сказал:

— Ты, малый, не маши руками. Черти есть… Вон Агриппина Ершова недавно видела черта в бане. Маленький такой, черненький, с длинным хвостом… А она баба смелая и довольно сильная — быка однажды разъяренного, как тот самый испанский, ну, тот самый…

И он посмотрел на Кузьмина, как на старшего по возрасту, надеясь получить у того поддержку. Командир улыбнулся и сказал:

— Наверное, тореадор…

Старик взмахнул руками и продолжил:

— Во-во… Он самый… Так вот она черненького за хвост и давай тянуть, а он спокойненько приволок ее к двери и юрк за порог, а она в чем мать родила выскочила из бани и давай орать на всю деревню: держи его!., держи его!.. А он в кусты — и был таков. На руках у нее еще осталась черная шерсть. Сам видел ее у Агриппины.

И старик осуждающе посмотрел на Петю. Затем он перекрестился, нагнулся с большим трудом и стал совком выгребать золу из печки в стоявшее здесь же ведро. Всем своим видом «Тихий» показывал, что он обиделся на пришельцев.

Подозрительного в поведении старика разведчики ничего не заметили. Им даже жаль было этого старого человека, так верующего в бога и нечистую силу. Что поделаешь? Это его личное дело. Он не изменил свои взгляды за 24 года Советской власти, и разговорами его уже вряд ли переделаешь…

А дед молчал и шуровал совком в топке печки. Вскоре у него набралось полное ведро золы. Петя взялся за ведерную дужку, чтобы отнести золу на улицу. Старик почти ласково хлопнул его по руке, затем с треском разогнул свои кости, с улыбкой посмотрел на мальчика и с ведром вышел на улицу. За время краткого его отсутствия разведчики решили, что разговор с этим норовистым дедом будет вести в основном командир.

Старик вернулся в баню с полным ведром березовой коры и мелкими, сухими, как порох, сосновыми дровами для растопки.

Шаркая ногами по полу, он прошел к печке и сказал:

— Вот натопим баньку и попарим косточки, ноют они у меня, ох, как ноют!..

Он взялся за поясницу и тяжело вздохнул. Кузьмин подошел к старику и стал укладывать дрова в топку. Старик ласково смотрел на него и улыбался, а затем восхищенно произнес:

— Ишь, цыган, быстро справился! Вижу, что растапливать печь тебе не впервой. Крестьянин? Городские так не умеют.

Кузьмин недоверчиво посмотрел в глаза старика и спросил:

— Что же ты не интересуешься нами, дед? Кто мы такие? Как оказались в твоей бане?

Старик надолго закашлялся, потом тихо ответил:

— Кто вы — меня это не интересует… Мало ли сейчас бродит по деревням всякого народу. Раз спросил у одних, так они еще мне по шее накостыляли. С тех пор ученый, больше не спрашиваю… А бани мне не жалко. Вижу, люди вы хорошие, живите… Вы в ней не первые, думаю, и не последние…

Он недолго помолчал и вдруг изобразил на лице опасность:

— Мы затопим баньку, а на дымок могут заглянуть немцы. У них тоже есть любители попариться.

Потом старик вытащил из кармана коробок спичек и, вопросительно посмотрев на Кузьмина, спросил:

— Ну, как, зажигаем?..

Командир взял у него спички, подбросил их до потолка и, ловко поймав, ответил:

— Нет, дед, встреча с фашистами в наши планы не входит — разжигать баньку пока подождем.

Старик засуетился:

— И я так думаю: потерпят мои косточки. Лучше подождать. Береженого бог бережет… Не так ли, молодой атеист?

Он подошел к Пете, сидевшему на полке без шапки, и провел рукой по его белокурым волосам. Петя горько усмехнулся и ответил:

— Вам видней, кого он бережет. Пока я считаю, что бог помогает гитлеровцам, под его знаменем они убивают, калечат, насильничают. Какой же это бог? А ведь в Библии прямо сказано: «Не убий…»

Петя вопросительно смотрел на старика: глаза мальчика яростно сверкали, он готов был к дальнейшей схватке с ним. Старик удивился — такого ответа он не ожидал. «Ишь, чертенок, какой! С ним лучше не связываться», — подумал он. И быстро отошел от Пети, приговаривая:

— Ну-ну… Какой пострел!

Тут и Голубцов хотел было добавить что-то, но Кузьмин

остановил его:

— Ладно, ребята, закончим атеистическую пропаганду. Не будем нападать на хозяина бани, а то он рассердится и выгонит нас отсюда.

Старик обрадовался такому повороту. Он шутливо погрозил Пете пальцем:

— Во-во… Первым делом выгоню вот этого белобрысого…

Потом улыбнулся и добавил:

— Шуткую, шуткую я, ребятки… Живите в бане сколько надо.

Кузьмин еще раз внимательно посмотрел на старика и медленно произнес:

— Мы сегодня уйдем ночью, туда…

И показал рукой в сторону Ленинграда. На лице старика не дрогнул ни один мускул. Ничем себя не выдал фашистский агент «Тихий». Он покрутился около печки, подошел к полке, где сидели Петя и Ваня, зашептал:

— Недавно двоих наших солдатиков переправил туда — бежали из немецкого плена, из лагеря в Ивановском. Сутки скрывались здесь, в бане, а поздним вечером отвел их к линии фронта… Ушли благополучно…

Петя и Ваня с явным уважением посмотрели на старика, он засмущался. Кузьмин продолжил:

— Мы идем из Тосно. Мои попутчики думают найти на той стороне своих родителей, которых они потеряли во время бомбежки немцами деревни Черенковицы. Я ищу свою невесту. Знакомые мои рассказали мне, что она погибла под Любанью. Я не верю. Думаю, что она смогла добраться до своих родных в Ленинграде.

Старик сидел на скамейке у окошка с опущенной головой и внимательно слушал. Временами он гладил свою белую длинную бороду и тяжело вздыхал: он делал вид, что поверил рассказу Кузьмина и ему очень жаль этих молодых людей. А его мозг в это время лихорадочно искал повод, чтобы сходить домой. Ему непременно нужно было срочно связаться с самим Гюльцовым. И он решился. Тяжело вздохнув в очередной раз, старик встал со скамейки, жалостливо посмотрел на Петю, затем ласково погладил его по голове и сказал:

— Да, ребятки, война штука страшная. Не позавидуешь вашей доле, но, даст бог, все будет хорошо — вы доберетесь до Ленинграда и найдете там своих близких.

Опять тяжело вздохнув, стал ходить из угла в угол:

— Ребятки, а не голодные ли вы? Правда, разносолья у меня никакого нет, но хлеб, картошка и кусок сала найдется.

Позаимствованные в деревне Виняголово продукты у

разведчиков кончились еще вчера утром, и вот уже больше суток они ничего не ели. А для перехода линии фронта нужны были силы, и силы немалые. К тому же в бане они просидят не меньше шести часов. Поэтому подкрепиться им, конечно, не мешало. «Старикан вроде ничего себе; если он поможет нам продуктами, то большое ему спасибо за это», — подумал Кузьмин. Он посмотрел на своих друзей, которые давно уже стали понимать друг друга с полувзгляда: они тоже были не против, чтобы подкрепиться перед броском через линию фронта.

Кузьмин еще раз внимательно глянул на старика. Нет, у него и капли не было сомнения, что вот этот благообразный, набожный, проживший большую жизнь человек может быть предателем. Об этом он даже не думал. Бывая неоднократно в тылу противника, он ни разу еще не встречался с предательством. Наоборот, привык к тому, что на оккупированной фашистами территории советские люди всегда оказывали ему и другим разведчикам посильную помощь. Хотя о предателях часто напоминали им в Особом отделе фронта: призывали к бдительности. Но это только при встрече с фашистами молодые разведчики всегда были бдительными и осторожными. Но вот с таким предательством, предательством своего соотечественника, добровольно вставшего на путь сотрудничества с фашистами, им еще не доводилось встречаться. Да и Особый отдел фронта к этому времени располагал совсем малым опытом борьбы с такой агентурой врага. Ведь к моменту отправки группы Кузьмина за линию фронта шел всего лишь пятый месяц войны.

Разведчики не сомневались в честности и порядочности этого старого человека, а он, ловко маскируя свое нутро предателя, сумел втереться в их доверие. Теперь ему нужна была связь с начальником ауссеншталле Гансом Гюльцовым, чтобы сообщить о разведчиках Красной Армии и получить за это свои тридцать сребреников. То, что это были разведчики, он не сомневался. «Тихому» нужно было не больше двадцати минут — только лишь добраться до своего дома. Он не будет даже покидать территорию своего хозяйства. У него в хлеву находится тщательно замаскированный прямой телефон с самим Гюльцовом. Вот почему в груди у предателя все тряслось и клокотало, хотя внешне он выглядел очень спокойным. Он ждал ответа Кузьмина, а тот все молчал, поглядывая то в банное окошко, то на старика. Нет, у командира никаких сомнений в отношении него не было. Просто он еще раз захотел понаблюдать за деревней и в случае опасности выбрать кратчайший путь отхода из бани. Он принял уже давно решение: продукты им нужны, и их может достать только вот этот старик. Самим идти в эту деревню, напичканную

фашистами, очень опасно. Командир решился:

— Ну что, отец, тебе пора. К соседям не ходи, о нас никому ни слова и долго не задерживайся. Что есть там у тебя, тому мы будем и рады.

«Тихий» кивнул головой: мол, все понятно. Затем уже при выходе из бани сказал:

— Я мигом, ребятки, захвачу продукты да подброшу корове сена — и сразу назад. А вы располагайтесь, отдыхайте, а то вас ждет трудная ночь.

Старик тут же скрылся за дверью. По тропинке с корзиной в руке, только без веников, шел медленно, не торопясь, так как знал, что за ним следят из банного окошка. Вскоре он скрылся в своем доме, откуда вышел уже с тяжелой корзиной. Поставил ее на высокую скамейку около дома и, вытащив из навозной кучи вилы, вошел в хлев, где находился не больше пятнадцати минут. И вот он опять в бане. Разложив на нижней полке на белую тряпицу большой каравай хлеба, нарезанное кусками сало, полтора десятка соленых огурцов, поставил кринку с молоком и пригласил ребят к трапезе. Ваня хлопнул ладонями, потянул носом и возбужденно сказал:

— Вот это дед! Ай да наш милый дедуля! Закусон принес что надо. Давай, Петюня, усаживайся.

Тот вскочил с полки и толкнул Ваню головой в живот. Они готовы были уже сойтись в борцовской схватке, но Кузьмин бросил на них строгий взгляд, и они сразу успокоились. Усевшись на верхней полке, ребята аппетитно жевали розовое сало с хрустящими огурчиками и ели необыкновенно вкусный хлеб с запахом тмина и еще неизвестных каких-то им ароматных трав. На нижней полке сидел командир со стариком, который похваливал жену, мастерицу на все руки. Эта она сама пекла хлеб, ставила огурцы и солила по известной только ей технологии сало, которое моментально таяло во рту. Изредка Кузьмин подходил к окошку и внимательно смотрел на тропинку. Ничего подозрительного он не замечал. А старик часто улыбался и приговаривал:

— Ешьте, ешьте, ребятки. В Ленинграде, говорят, голод начался. Когда вы теперь попробуете такой пищи?

«Тихий» озверел

Старик ждал гостей… По телефону начальник ауссенштелле сообщил ему, что группу захвата он возглавит сам. Напряжение у «Тихого» достигло наивысшего предела. Ему казалось, что сердце у него стучит, словно церковный колокол. Он не выдержал, встал и заглянул в окошко. Нет, немцев не было. Да с этой стороны они и не должны были появиться. Он сам предупредил Гюльцова, чтобы к бане они подкрались с обратной стороны, которая была вне обзора из окошка. Это было гораздо дальше, но зато предатель был уверен, что так будет легче захватить «незваных» посетителей. Чтобы снять нервное напряжение, старик отхлебнул молока из кринки и протянул ее Пете. Тут же резко скрипнула банная дверь, и затопали тяжелые сапоги. Разведчики вскочили и с ненавистью смотрели на старика. А он побледнел, руки у него задрожали, он дико вскрикнул:

— Быстрей, господин Гюльцов!..

Кузьмин выхватил у старика кринку с молоком и хотел было опустить ее на голову предателя, но тут один за другим в баню с криком ворвались пятеро фашистов. По приказу высокого офицера солдаты оттеснили разведчиков дулами автоматов к печке. Затем их ткнули лицом к стене и приказали поднять руки. Офицер долго что-то кричал им по-немецки. Из длинной речи и жестикуляции рук эсэсовца они поняли одно: их ждет расстрел. Потом разведчиков обыскали. К удивлению офицера, у них ничего не нашли. Он грозно посмотрел на старика, а тот, согнувшись почти до земли, залепетал:

— Да шпионы, шпионы они. Красные, чует мое сердце…

Петя с ненавистью смотрел на предателя, затем плюнул и гневно крикнул:

— Иуда, ты ответишь за свое предательство!

Старик еще больше сжался, а офицер махнул рукой и приказал что-то солдату, стоявшему у двери. Тот подтянулся, отдал ему честь и прорычал:

— Яволь…

И выскочил на улицу. Офицер подошел к Пете, сжал ему подбородок и спросил что-то у него по-немецки. От резкой боли Петя чуть было не закричал, но, вырвавшись из железной хватки гитлеровца, покачал головой: не понимаю, мол. Офицер улыбнулся и ударил мальчика в челюсть. Пете показалось, что он проплыл по воздуху несколько метров, а затем рухнул в угол бани. Кузьмин и Голубцов рванулись к офицеру. Тот испуганно попятился назад, а потом крикнул солдатам, и они набросились

на разведчиков: пинками и ударами автоматов их повалили и начали с яростью избивать.

Тут в баню влетел солдат с маленьким человеком в неимоверно длинном черном пальто. На шее у него болтался ярко-зеленый шарф, а на голове была широкая фетровая шляпа. Он тяжело дышал и постоянно вытирал дрожащими руками обильный пот с худого лица. Солдат отдал офицеру рапорт, а этот человек, похожий в своем одеянии на клоуна, заискивающе смотрел на эсэсовца. Офицер рявкнул, и солдаты оставили разведчиков в покое. К ним тут же подлетел маленький человечек, выпятил свою тщедушную грудь, на русском языке петушиным голосом прокричал:

— Встать, сволочи! Вам приказывает встать сам господин Гюльцов.

Шатаясь из стороны в сторону, с заплывшими от побоев глазами, первым поднялся на ноги Кузьмин. За ним, зажимая обеими руками нос, из которого обильно сочилась кровь, встал Петя. В центре бани никак не мог подняться Ваня — фашисты сильно повредили ему правую ногу. Иван пытался опереться на нее и тут же падал со стоном. Петя и командир подхватили его под руки и помогли удержаться в вертикальном положении. За ними с улыбкой наблюдали разгоряченные схваткой фашисты. А старик-предатель, сидя на нижней лавке, покрикивал:

— Так им, краснокожим, и надо. Еще не мешало бы им всыпать. Так они быстро все расскажут.

Тут предатель, заметив, что Петя с глубокой ненавистью смотрит на него, закричал:

— Ишь, волчонок, смотрит-то как на меня… Господин Гюльцов, ему еще бы добавить. У, настоящий волчонок.

Старик, не выдержав, вскочил и замахнулся на мальчика, но офицер через переводчика приказал ему сесть на свое место. Петя улыбнулся и отвернулся от предателя. Начальник ауссенштелле обошел еле державшихся на ногах ребят и сказал:

— Очень жалко, что так вышло. Больше мы вас бить не будем, конечно, если вы будете благоразумными. Расскажите о своем задании. Кто вас послал? И можете отправляться на все четыре стороны…

Расстегивая шинель, эсэсовец подошел к Пете, вытащил из кармана кителя кипенно-белый носовой платок и вытер кровь с подбородка мальчика. Потом с сожалением покачал головой и протянул платок Пете. Разведчик решил: этот высокий офицер начинает с ним какую-то игру. Он чуть не плюнул фашисту в лицо, но интуиция разведчика и накопленный определенный опыт работы в тылу противника подсказывали ему, что он успеет

это сделать. А пока он взял из рук гитлеровца носовой платок и высморкался в него — он стал моментально красным. Офицер опять покачал головой и продолжил:

— Мы сможем переправить вас всех даже в Ленинград, конечно, если у вас будет такое желание и вы все правдиво расскажете о своей разведывательной работе. Итак, я жду… Кто вас послал? Какое у вас было задание?

Он ткнул пальцем в Кузьмина. Командир поднял голову, подтянулся, выплюнул сгусток запекшийся крови и ответил:

— Господин офицер, вот уже почти два месяца я разыскиваю свою невесту. Потерял ее в районе Волосово во время налета авиации… Обошел все близлежащие города и селения, но безрезультатно. Некоторые из моих знакомых рассказывали мне, что она погибла под обломками дома. Но я уверен — она у родных, в Ленинграде… В поисках невесты я добрался до Виняголово. В лесу, около деревни, встретился вот с этими хорошими ребятами, решили вместе идти через линию фронта. Вина моя только в этом.

Кузьмин тяжело вздохнул, потрогал полностью заплывший левый глаз, опять выплюнул сгусток крови, усмехнулся и добавил:

— Что не сделаешь во имя любви, господин офицер.

Эсэсовец ухмыльнулся, недовольно покачал головой и, обращаясь к Голубцову, крикнул:

— Ну, а ты что скажешь?

Ваня попытался встать на покалеченную ногу, но дикая боль пронзила его тело. Он громко застонал. Кузьмин и Петя подхватили его крепче под руки, а он посмотрел на переводчика и с трудом произнес:

— Я боец ленинградской ополченческой дивизии, под Красногвардейском попал в окружение, был ранен. Оставлен товарищами для лечения в одной из деревень. Теперь, как солдат, принявший присягу, пробираюсь к своим. Никаких заданий никто мне не давал. Этих людей случайно встретил в лесу около Виняголово. С ними думал перебраться через линию фронта, но помешал вот этот гад…

И он показал пальцем на предателя. Тот вскочил и закричал:

— Да врут они, господин Гюльиов, все врут! Не верьте им — шпионы они!

Эсэсовец с неодобрением посмотрел на старика. Тот сразу уселся на свое место и замолчал. Офицер долго смотрел на избитого Петю, затем погладил по его растрепанным волосам и тепло произнес:

— Ну а ты, мальчик, как оказался вблизи линии фронта?

Петя засопел, на глазах появились слезы:

— Маму ищу… В Тосно во время бомбежки потерял ее… Нигде ее нет, может… в Ленинграде она…

Он вытер платком каплю крови из носа и жалобно добавил:

— Отпустите меня, господин старший. Я пойду искать маму.

Начальник ауссеншгелле смотрел на избитых, еле стоявших на ногах русских и думал: «Попробуй разгадай эти загадочные славянские души… Я верю «Тихому». Они наверняка красные разведчики, но докажи, выбей у них признания об их работе. Ох, и трудно же в этой варварской России… И какой черт понес меня сюда? Сидел бы под крылышком у Мюллера и не знал никаких забот. Богатства захотелось… Да здесь голову можно потерять в два счета. А мальчишка этот? Талант, настоящий артист. Но ничего, ты нам все расскажешь, змееныш. Мы не таких обламывали в РСХА, на Кайзерплатц».

Гюльцов посмотрел на мальчика и сказал:

— Конечно, мы тебя отпустим. Мы с детьми не воюем. Но ты должен все нам рассказать.

Петя в знак согласия кивнуд головой и торопливо повел все тот же рассказ. Гюльцов махнул рукой и громко крикнул:

— Хватит, паршивый мальчишка, мне надоело слушать тебя. Теперь пеняй на себя. Видит бог — я хотел тебе помочь.

Разъяренный эсэсовец, зло оглядывая друзей Пети, прошипел:

— Ну, и вы будете мне петь все те же песни?..

Голубцов застонал от боли в ноге, а затем начал рассказывать о боях под Красногвардейском. Начальник ауссеншгелле пробурчал что-то, оттолкнул переводчика и отошел от разведчиков. Ему стало ясно: добыть признание у этих русских будет очень и очень трудно. И тут ему пришла в голову мысль… Он ей так обрадовался, словно только что получил отпуск в Берлин. Гюльцов даже рассмеялся вслух. Да, он поручит следствие по делу этой троицы комиссару полевой полиции Ульриху. Пусть потреплет нервы с ними молодой и ретивый выскочка, пытавшийся уже не раз скомпрометировать его перед руководством 702-й группы ГФП. Посмотрим, как он справится с этой работой. Выбьет показания у русских, и мне будет большой плюс как начальнику. Ну а если нет, тогда берегись, Ульрих! Ты решил тягаться со мной, но должен знать: я прошел школу самого Мюллера, школу руководителя гестапо всей Германии. Я не потерплю выскочек среди своих подчиненных. Очень жалко, но тебя, Ульрих, ждет фронт — там твое место. Там показывай свое рвение и ретивость. А я, конечно, сообщу командиру 702-й группы ГФП штандартенфюреру СС Клюге, что эти русские шпионы захвачены под моим личным руководством. Железный

крест мне обеспечен. Вот так, господин Ульрих, я получаю награду, но и ты получишь награду… Разве быть в передовых рядах за идеи нации — не награда? Передовая — это тоже награда. И Гюльцов довольно улыбнулся. Затем он отдал приказ установить около бани круглосуточный пост и держать в ней русских. С ухмылкой посмотрев на коменданта ауссеншгелле, строго сказал:

— Напомни, Генрих, всем часовым, что за русских они отвечают головой.

Он взглянул на разведчиков и грозно добавил:

— Только живых — мертвые русские мне не нужны.

Штурмбанфюрер Гюльцов знал, что говорил. Холодными ночами охранять солдатам арестованных не хотелось, и они нередко расстреливали их, а руководству докладывали: русские пытались бежать, пришлось применить оружие.

Разведчики остались одни. Дверь бани была заперта фашистами на огромный амбарный замок, который принес из дома агент «Тихий». Позвякивая оружием, за ней ходил часовой. Кузьмин и Петя помогли Ване добраться до нижней полки: нога у него распухла, стала темно-синего цвета. Командир разделся, снял с себя нательную рубашку и с помощью Пети разорвал на равные полосы. Затем они сильно стянули ими ногу Вани: ему сразу стало легче. Иван лег на полку, тяжело вздохнул:

— Да, влипли мы… И все из-за этого проклятого старика. Кто бы мог подумать, что он фашистский холуй. Чистенький такой, ладненький… Ишь, как держался, сволочь, ничем не выдал себя. Но он должен, ребята, ответить за свое предательство.

Командир тронул за плечо Голубцова:

— Он ответит за все, Ваня…

Петя, соглашаясь с Кузьминым, кивнул головой: он тоже был уверен, что предательство старика будет наказано. «Пусть не сейчас, не через месяц, пусть пройдут годы, но изменник будет разоблачен, — думал мальчик. — Но как? Как старик согласился работать с фашистами? — спрашивал он себя. — Как надо ненавидеть этот народ, своих односельчан, вот эту красивую деревню, протекающую рядом речку и все такое, кругом родное, чтобы пойти на службу к гитлеровцам. Нет, — твердо сказал он сам себе, — такое не забудется. Не уйти предателю от справедливого возмездия».

Петя вопросительно посмотрел на Кузьмина:

— Командир, мы вот так и будем сидеть в этой мышеловке?

Кузьмин понял своего юного друга: надо действовать. Сидеть им здесь никак нельзя. У них совсем нет времени. Надо искать выход из такого отчаянного положения. Бежать отсюда… И они

вдвоем принялись буквально сантиметр за сантиметром изучать баню. Но сруб был сработан на совесть: ни одной щели, ни одного бревна, которое можно было бы расшатать, разведчики не нашли. Тяжело вздохнув, они долго наблюдали через маленькое окошко за улицей. Там, на воле, шел густой снег. Надвигались сумерки. В бане стало совсем темно. Командир и Петя подсели к Голубцову, которому становилось все хуже и хуже: у Вани поднялась температура, его бил озноб… Стараясь согреть Голубцова, ребята придвинулись к нему, но это мало что дало. В бане резко похолодало. Ваня трясся, словно в лихорадке. И тут Кузьмин встал и направился к печке. Он открыл тяжелую чугунную дверцу. Из топки на него глядели аккуратно уложенные дрова — они ждали огня. Кузьмин машинально провел руками по карманам: спичек не было, их отобрали немцы при обыске. Спичек не было и у Пети. На полке зашевелился Ваня и, застонав, протянул Пете правую руку. Мальчик решил, что другу стало совсем плохо. Он ласково взял его за руку в начал потихоньку ее гладить. Ваня успокоился. И тут в темноте в ладони у Голубцова Петя нащупал коробок — в нем были спички. Когда фашисты ворвались в баню, Ваня сумел незаметно для всех засунуть коробок в носок, посчитав, что спички им еще могут пригодиться. И они пригодились. Огонь весело побежал по сухим дровам. Тяга была в печи отличной, и вскоре печь гудела от яростно пляшущего огня. В окошко раздался сильный стук: часовой, почувствовав на улице запах дыма, грозил им кулаком. Кузьмин улыбнулся и демонстративно подбросил дров в печку. Командир и Петя решили, что если гитлеровец откроет дверь, они набросятся на него с увесистыми поленьями, но, к сожалению, немец успокоился и больше их не тревожил. Вскоре в бане стало жарко. Голубцов тихо посапывал: лоб его покрыла обильная испарина. Петя тихонько вытер потудруга, а командир снял пальто, набросил на ноги Вани. Потом ребята забрались на верхнюю полку: им нужно было отдохнуть и выспаться. Завтра разведчикам предстоял неравный поединок с фашистами.

Допросы: Держись, ребята!

Ранним утром они проснулись от крика и стука в дверь. Соскочив, словно акробат, с верхней полки, Петя увидел в банное окошко трех гитлеровцев, которые громко ругались между собой. Они никак не могли открыть огромный амбарный замок, в который, по-видимому, попала вода — за ночь она замерзла. Гитлеровцы яростно трясли его, стучали по нему, но он не открывался. Тогда один из солдат вытащил из кармана шинели газету, сложенную в несколько слоев, другой чиркнул спичкой, и огонь на бумаге начал набирать силу. Вскоре пламя охватила весь замок. Когда держать газету стало в руках уже невозможно, невысокий гитлеровец бросил пылавшую газету на снег, затем улыбнулся, показал солдатам ключ и что-то сказал. Торжественно вставил ключ в замок и легко его повернул. Гитлеровцы весело заржали. Двое из них вошли в баню, а третий остался около двери часовым. Фашист, разогревавший замок, закричал на лежавшего Голубцова и ткнул его автоматом в бок. Ваня с трудом поднялся и сел на полке. Кузьмин с Петей помогли ему подняться на ноги, и он, обхватив с одной стороны за шею командира, а с другой опираясь на плечо своего юного друга, вышел вместе с ними из бани. Улица встретила их чистым морозным воздухом. Кругом было белым-бело. За одну ночь снег покрыл землю толстым покрывалом. Только река Мга несла свои темные воды: морозу пока она была неподвластна. Но скоро она покроется толстым льдом. Белизна снега заставила разведчиков закрыть глаза и остановиться. Тут же раздались крики фашистов, и ребята медленно потянулись к деревне.

Поддерживаемый друзьями Голубцов увидел около калитки старика с вилами в руках и ехидной улыбкой на лице. Ваня сплюнул в сторону предателя и крикнул:

— Смотришь, иуда, надело рук своих, но скоро тебе будет не до смеха… Готовься — за тобой придут.

Разведчик громко рассмеялся, а немец ударил в спину Голубцова дулом автомата. Ваня скорчился от невыносимой боли и рухнул бы на снег, но его поддержали друзья. Предатель заметался по двору, бросил около хлева вилы и тут же скрылся в избе.

Вскоре ребята в сопровождении немцев были в центре деревни. Здесь, в огромной двухэтажной бревенчатой избе, разместился штаб ауссеншстелле. Разведчиков поместили в небольшую комнату, единственное окно которой было заделано толстой железной решеткой, а узенькая дверь обита листовым

железом. Кузьмин и Петя помогли сесть Голубцову на широкую дубовую лавку, прибитую железными скобами к стене. Петя обошел комнату, заглянул в зарешеченное окно, которое выходило во двор. Там прохаживался часовой с огромной немецкой овчаркой. Потом мальчик толкнул плечом дверь и, тяжело вздохнув, сказал:

— Да, ребята… Отсюда выбраться нам не удастся.

Лязгнула запорами железная дверь, и через нее в комнату протиснулся молодой, высокого роста, блондин без фуражки. Черная эсэсовская форма ладно облегала его спортивную фигуру. Он довольно дружелюбно оглядел ребят, прошелся около них, заглянул в окно, затем потрогал ногу Голубцова, с сожалением почмокал языком и на ломаном русском языке представился:

— Оберштурмфюрер СС Ульрих, следователь ауссеншталле… Мне поручено вести ваше дело. Вижу, с вами уже поработали… Думаю, что мы найдем общий язык и мер физического воздействия к вам больше применять не будем. В вашем положении надо быть более благоразумными.

И он осторожно провел рукой по своим тщательно уложенным волосам. Щелчком стряхнул пылинку с идеально отутюженного мундира, затем ткнул пальцем в Кузьмина и грозно сказал:

— На допрос!

Он крикнул что-то по-немецки, и в комнату вошел гитлеровец. Ульрих, показав пальцем на командира, приказал:

— Вот с этого цыганистого русского мы и начнем, Вольф. Давай его ко мне.

Оберштурмфюрер СС вышел из комнаты. Вольф подошел к командиру и грубо схватил его за плечо. Кузьмин поднялся с лавки, гитлеровец толкнул его в спину, и они покинули эту камеру. Лязгнули запоры, в комнате установилась тишина. Петя переглянулся с Голубцовым. Глаза ребят были наполнены тоской и жалостью. За месяц они привязались к Кузьмину, безоговорочно ему подчинялись. От него всегда можно было получить дельный совет и поддержку. И вот, оставшись вдвоем, им было не по себе — было жалко командира, в силу духа и твердость характера которого ребята безгранично верили. Они верили, что их командир не способен на предательство, как не способен он и ни на какие компромиссы с фашистами. Он будет до конца стоять на своем: он разыскивает свою невесту… Эти поиски привели его сюда, к линии фронта… Его будут бить, пытать, но фашистам он больше ничего не скажет. В это Петя и Ваня твердо верили.

Прошло, наверное, около трех часов, когда вновь загремели засовы их камеры, раздался тяжелый стон. Отворилась дверь, и

ребята увидели командира, которого под руки поддерживали двое гитлеровцев. Голова его касалась груди, а из носа и рта Сочилась темная кровь. Фашисты протиснули Кузьмина в дверь, он, словно подкошенный, рухнул на пол.

Петя вскочил, попытался поднять Кузьмина. Командир тяжело застонал, а затем сквозь зубы процедил:

— Я… герр офицер… ищу невесту… Давно ее ищу… Потерял ее в районе Красногвардейска. Больше мне о ней ничего не известно. Из-за невесты я оказался в этой деревне, герр офицер. Я ищу невесту…

Разведчики поняли своего командира: он намекал им, как держаться на допросе. А немцы криком и пинками поднимали уже с лавки Голубцова. Придерживаясь за стены, подпрыгивая на одной ноге, тот, стиснув зубы, медленно двинулся за фашистами. Петя вытер с лица командира кровь и помог ему добраться до лавки. Тяжело дыша, Кузьмин с какой-то нежной, отцовской заботой смотрел на мальчика. Ему было очень жалко своего юного друга, которому предстояла схватка с оберштурмфюрером СС Ульрихом. Командир взял за руку Петю, ободряюще ее пожал и тихо сказал:

— Ты не бойся их, Петя, душонки-то у них слабые, кричать сразу начинают. Но бить эти сволочи умеют, приемчики разные применяют. Страшная это система — фашизм. Смотри…

Он протянул мальчику левую руку. Петя содрогнулся, на какое-то время закрыл глаза. Ни на одном из пальцев этой руки Кузьмина не было ногтей: на него глядело живое мясо с полузапекшейся кровью.

Петя вскочил с лавки и закричал:

— Сволочи, кровопийцы! Что же они делают?.. Разве это люди? У… гады!

Кузьмин, чтобы успокоить мальчика, прижал его к своей груди, усмехнулся:

— Это нелюди, Петя. Они называют себя сверхчеловеками. А мы для них рабы, с нами можно делать все. Захотят убить — убьют, захотят помиловать — помилуют. Вот Ульрих пообещал на следующем допросе оборвать ногти и на правой руке. Конечно, если я и дальше буду вести себя так на допросе. Они, сволочи, загоняют под ногти шило, а затем подручный Ульриха Вольф с силой рвет его. Ловок он, гад… Работу эту делает, словно семечки грызет. И будь готов к разным там провокациям, они на это большие мастера…

Тут опять загремели засовы их камеры, и перед разведчиками предстал довольно улыбающийся палач ауссеншталле Вольф. Он весело подошел к Кузьмину, брезгливо поднял двумя пальцами

его левую руку, долго любовался кровоточащими ранами, затем укоризненно покачал головой и кивнул Пете. «Смотри, — говорили глаза фашиста, — будешь вести себя так, и тебя ждет такая же участь».

Но Петя ничего этого не видел. Мысли его были заняты только Голубцовым. «Почему не возвратился с допроса Ваня?» — думал он.

Мальчик с тревогой посмотрел на Кузьмина. Командир подбадривающе подмигнул своему юному другу и тихо сказал:

— Не волнуйся, Петя. Думаю, что с Ваней все в порядке. Фашисты повели против тебя психологическую атаку. Держись и не поддавайся на их провокации.

Вольф строго посмотрел на Петю и приказал ему подниматься. Вскоре он был в большой светлой комнате, где за круглым столом важно восседал Ульрих. Он читал какие-то бумаги и довольно потирал руки. Ухмыльнулся, пробормотал что-то и протянул лист бумаги сидевшему в углу за письменной машинкой молодому мужчине в гражданской одежде. Тот моментально вскочил, подлетел к Ульриху и угодливо согнулся перед ним. Эсэсовец показал пальцем на текст документа, гражданский утвердительно кивнул головой. Следователь исподлобья посмотрел на Петю и, обращаясь к угодливому молодому человеку, по-русски спросил:

— Он признался?

Этот человечек согнулся совсем крючком и тихим писклявым голосом произнес:

— Да, господин Ульрих, он сознался, что посланы они в наш тыл разведотделом Ленинградскою фронта. Вот его показания, — и он провел пальцем по лежащему на столе документу. Ульрих взмахом руки дал ему понять, что миссия его окончена. Молодой человек попятился задом и занял свое место за машинкой.

Петя с интересом и какой-то брезгливостью смотрел на этого угодливого человека: «Из предателей, конечно. Ишь, как старается, сволочь, боится даже повернуться перед фашистом, пятится, как рак, задом…»

Но тут мысли юного разведчика были прерваны следователем. Он подошел к Пете, стоявшему около стола, придвинул ногой табуретку в темных пятнах крови:

— Садись, мальчик, в ногах правды нет. Ведь так, кажется, говорят русские?

Петя долго смотрел на окровавленную табуретку, затем сел, не сказав ни слова фашисту. Тот с загадочной улыбкой и таинственным голосом произнес:

— Мы все, все знаем.

Петя пожал плечами. Он старался быть безразличным, и это ему пока удавалось. Следователь положил на его плечо руку и интригующе продолжил:

— Знаем, что вас послал разведотдел Ленинградского фронта. Об этом нам рассказал…

Он громко рассмеялся, потом быстро выпалил:

— Об этом рассказал ваш друг. Ну, этот, похожий своими голубыми глазами на девочку… Фамилия у него Шустов. Не так ли?..

Петя спокойно смотрел на фашиста. Он знал, что по легенде фамилия Вани — Шустов. Под этой фамилией Голубцов и представился Ульриху. Петя понял, что гитлеровец ничего не добился от Вани и теперь провоцирует. Мальчик тяжело вздохнул и устало ответил:

— Господин офицер, фамилия эта мне ничего не говорит. Я знаю, что арестованного со мной блондина с голубыми глазами звали Ваней. Больше я о нем ничего не знаю. Что касается какого-то разведотдела, то я о нем впервые слышу. Никакого отношения я к нему не имею.

Ульрих продолжал улыбаться, но в груди у него уже все клокотало от этих упрямцев. Он прекрасно понимал, что от их признания зависит вся его дальнейшая карьера. Если он не добьется этого, то Гюльцов сделает все, чтобы он отправился на передовую. Поэтому он должен их расколоть. Ведь недаром же они болтались вблизи линии фронта. Наверняка связаны с разведкой русских. Но как ему это доказать? Правда, они сознаются, что готовились совершить переход через линию фронта. Об этом же сообщается и в агентурном донесении «Тихого». Но вот дальше они в один голос твердят: в Ленинграде надеялись найти своих пропавших родных и близких. Им и за это расстрел обеспечен. Но его личной заслуги в этом нет. Они сразу рассказали об этом Гюльцову. Ему же надо добиться у них признания о связях с разведкой русских. Но как это сделать? Физические меры воздействия ни к чему не привели. Как первый, так и второй из русских держались на допросе, словно сделаны из железа.

Они не сказали ему ни слова, хотя первому вырвали все ногти на руке, а второму окончательно доломали ногу. Они выдержали адские муки, но стоят на своем и в связях с советской разведкой не признаются. Гюльцов посоветовал ему не применять мер физического воздействия к этому недоноску. По мнению начальника ауссенштелле, отец у него был буржуа на селе, за что репрессирован Советской властью, и, если проявить к нему побольше ласки и тепла, он раскроется. Вот почему он сидит и

любезничает с ним.

Ульрих даже решился снизойти до того, чтобы погладить Петю по волосам. Затем ласково потрепал его по щеке и тихим голосом спросил:

— Ведь твой отец, кажется, осужден Советской властью?..

Петя опять кивнул головой. Эсэсовец возбужденно продолжил:

— Ты должен мстить за него. Ведь вас разорила Советская власть. А мы скоро… очень скоро начнем возвращать таким людям, как твой отец, их хозяйства. Но это, конечно, нужно заслужить, ты понимаешь — заслужить…

Петя, полуоткрыв специально рот, внимательно слушал фашиста. Вот мальчик начал нервно потирать руки. Глаза его загорелись, он возбужденно смотрел на Ульриха. Следователь улыбнулся и подумал: «Да, богатство никого не оставляет равнодушным, даже детей. Вон как преобразился этот недоносок».

Петя вскочил со стула и, заикаясь от волнения, торопливо спросил:

— Что? Что я должен делать? Господин офицер, я готов на все. Ведь эта наша семейная мечта — вернуть хозяйство. Мама мне рассказывала о том, как мы жили раньше, до раскулачивания. У нас все, все было, господин офицер. Лошади, коровы, много птицы, прекрасный дом и много другого. Я готов выполнить любое ваше задание.

Мальчик всхлипнул, вытер рукавом слезы:

— Маму найду, там и папа вернется. Ведь вы поможете ему вернуться домой, в Волосово, да, господин следователь?..

Ульрих важно кивнул головой и сказал:

— Конечно, мой дорогой юный друг, мы все сделаем. Скоро вы все будете вместе. Как порадуются твои родители, что у них растет такой смелый и славный сын, вернувший им хозяйство…

Петя зарделся и опустил голову. Эсэсовец потрепал рукой его белокурые волосы:

— Теперь, мальчик, скажи мне, кто вас послал в наш тыл?

Петя недоуменно посмотрел на гитлеровца, а тот продолжал:

— С каким заданием?.. Ты не бойся, если пожелаешь, то разговор этот останется между нами, слово офицера…

Ульрих ударил себя в грудь кулаком и приказал переводчику удалиться из комнаты. Мальчик удивленно развел руками и быстро ответил:

— Так я же говорил вам, господин офицер, меня никто никуда не направлял.

Ульрих недовольно сжал губы и зло перебил его:

— Ты не торопись, подумай и помни, что тебя ждет —

отдадут Вольфу, а он мастер ломать кости… Итак, я в последний раз спрашиваю: с кем вы связаны? Какое у вас было задание?

Петя заискивающе дотронулся до плеча следователя и плаксивым голосом ответил:

— Я все продумал, господин офицер. Я к Вольфу не хочу, совсем не хочу. Он противный. Отпустите меня… Я пойду искать маму. С этими двумя я встретился в лесу вблизи деревни Виняголово. Встретил их случайно… Как рассказали они мне, один из них разыскивает пропавшую невесту, а другой пробирается из окружения. Люди они вроде хорошие, поэтому я и решил идти с ними в Ленинград. Может, там моя мама?

Он со слезами в глазах вопросительно смотрел на разъяренного гитлеровца. Допрос длился около трех часов. Временами следователь становился необыкновенно ласковым к Пете, обещавшим ему за признание в принадлежности к советской разведке большие деньги, хозяйство в Волосове, поездку в Берлин и прочие блага. Глаза у мальчика сразу вспыхивали неподдельной радостью, и он опять начинал все тот же рассказ. Иногда фашист хватался за пистолет, приставлял дуло к его голове и грозил ему карами, каких свет еще не видел. Петя испуганно шарахался в сторону и делал вид, что очень боится гитлеровца: начинал трястись и заливаться обильными слезами. Измотанный и страшно злой Ульрих не выдержал и нарушил рекомендации начальника ауссенштелле. В конце допроса он поддал Пете под зад пинка, так что тот отлетел от него метров на пять. И тут же крикнул Вольфа, приказав отправить эту проклятую троицу в баню и строго их охранять.

На следующий день их из бани на допрос вызывали по одному. Ульрих выполнил свое обещание: у Кузьмина и на правой руке Вольф оборвал ногти. Но фашисты так ничего нового от него и не узнали. За Голубцовым немцы приехали на мотоцикле, так как сам он добраться до кабинета Ульриха на своей сломанной ноге был не в состоянии. Гитлеровцы бросили Ваню, словно рогожий куль, в коляску, и мотоцикл рванулся по замерзшей земле к штабу, где разведчик сразу попал к палачу ауссенштелле. Вольф крутанул с огромной силой его сломанную ногу, и Ваня, издав душераздирающий крик, потерял сознание. Фашист вылил на него ведро воды и опять набросился на искалеченную ногу. Ваня несколько раз терял сознание, но гитлеровцам он так больше ничего и не сказал.

Допрос Пети на удивление был совсем коротким. Вместе с Ульрихом его допрашивал сам начальник ауссенштелле. Тяжело вздохнув, мальчик принял скорбный вид и повел свой рассказ, который немцы слышали уже много раз. Лицо Гюльцова

перекосилось, как от зубной боли, он махнул рукой, и переводчик приказал Пете замолчать. Мальчик с обиженным видом смотрел на фашистов, а начальник ауссенштелле грозно сдвинул брови и долго говорил что-то по-немецки. Когда он замолчал, переводчик, согнувшись крючком, затараторил:

— Господин штурмбанфюрер СС предупреждает тебя, что ты сам выбрал себе путь… За подготовку к переходу линии фронта тебе полагается расстрел. Но немцы дают тебе последний шанс. Завтра вами займется специалист из русских. Господин Гюльцов считает, что русский русского быстрее поймет, поэтому они вызвали из Гатчины русского следователя. Ты должен ему все рассказать, рассказать толь-ко правду. Это твой последний шанс. Подумай хорошенько, подумай ночью… Жизнь ведь хорошая штука. Умирать в таком возрасте очень тяжело.

Петя изредка кивал головой, а сам думал: «Что еще придумали фашисты? Кто такой этот русский специалист? Пошел бы он к черту вместе с гитлеровцами…»

Не валяй дурака, Петька!

В этот вечер разведчики долго не могли заснуть. Они понимали, что дело их идет к развязке. Физические силы были уже на исходе: особенно сдал Иван, хотя он и старался держаться молодцом. Сломанная нога причиняла ему невыносимую боль, поэтому он большую часть времени лежал на полке, укрытый командирским пальто. Кузьмин, пальцы которого были заботливо забинтованы Петей в лоскуты его нижней рубашки, в этот вечер был весь в движении. Пять шагов к банному окошку, пять шагов к печке, и так несколько часов подряд. Как никогда, командир был сосредоточен и задумчив. Мозг его был занят только одним: «Надо бежать, хотя бы кому-нибудь из них — Особый отдел должен знать о нашей судьбе. Но как? Толстая дубовая дверь, запертая на огромный амбарный замок, им, конечно, не под силу. Ктому же часовой… Разобрать толстенные бревна или потолок? Нет, с его изувеченными Вольфом руками и сломанной ногой Голубцова — это из области фантазии…»

Командир посмотрел на ребят. Ваня лежал на полке с закрытыми глазами. Чувствовалось, что он не спит, а усиленно о чем-то думает. Петя возился около печки с деревянной бадьей с грустным видом. Выбил ногой одну из досок, и вскоре разобранная бадья полыхала в печке. Не разговаривая, мальчик долго смотрел на бушующий огонь в топке. С виноватой улыбкой он не раз пытался заговорить с Кузьминым, но никак не мог решиться. Наконец он не выдержал и спросил:

— Командир, вы верите мне с Ваней?

Кузьмин удивленно остановился около Пети и обнял его за плечи. Пацан прислонился к его широкой груди, обтянутой серым свитером, и неожиданно заплакал. На полке раздался стон Голубцова. Он приподнял голову и слабым голосом сказал:

— Не валяй дурака, Петька. Ишь, слезы распустил, как девчонка. Думаешь, не понятно, почему ты задал этот вопрос?

Ваня с трудом повернулся на бок и продолжил:

— Я отвечу тебе. Ты думаешь так: друзья мои битые и перебитые, а я немцами почти не тронутый, только раз получил пинок под зад. Тебя это угнетает. Боишься, что мы заподозрим тебя в связях с фашистами. А врагу нашему только это и надо. Они ждут, чтобы у нас начались распри. Тогда им легче будет справиться с нами. Нет, Петенька, я уверен в тебе. Думаю, и командир такого же мнения…

Кузьмин обнял мальчика:

— Дурачок ты, Петя. У меня и в мыслях ничего такого не

было. Это очень хорошо, что один из нас с целыми руками и ногами.

Петя радостно вздохнул и подбросил последние доски бадьи в печку. Голубцов взмахом руки подозвал друзей, и они уселись с ним на полке. Ваня тяжело застонал, а затем тихо произнес:

— Мороз-то ночью все крепчает и крепчает…

Тут он рассмеялся:

— Да не смотри на меня так, командир. Я не в бреду, а в полном сознании. Мороз наш союзник. Чем крепче он будет, тем лучше для нас. Прошлой ночью из-за болей в ноге я никак не мог заснуть. Когда у нас восстановилась тишина, слышу, часовой потоптался около банной двери, подпер ее бревном, и потихоньку ноги его поскрипели по снегу к деревне. Вернулся он перед самым рассветом. Кумекаете, для чего вам говорю?

Он посмотрел на своих товарищей. Кузьмин с радостью схватил за плечи Голубцова, что тот даже застонал. Затем он набросил на ноги Вани пальто и быстро произнес:

— Я понял тебя, Ванюша. Мы сегодня проверим и, если уйдет часовой, попробуем открыть дверь, а там ищи ветра в поле.

Ваня съежился, тяжело вздохнул и твердо сказал:

— Только давайте, ребята, договоримся, что я с вами не пойду. С моей ногой буду для вас обузой.

Петя и командир вскочили с полки и с осуждением смотрели на Голубцова. А он совсем спокойно продолжал:

— Со мной вы тут же будете схвачены фашистами. Пустят они собак по следу, и мы вряд ли успеем добраться до линии фронта.

Петя возмущенно посмотрел на Ваню, в запальчивости произнес:

— И это называется друг. Да я без тебя никуда отсюда не пойду, запомни раз и навсегда. Разве можно будет спокойно жить после этого?

Тут Кузьмин миролюбиво встрянул в этот спор:

— Ладно, ребята, не будем спорить. Дверь на замке, да и часовой поскрипывает на снегу. Мы же, как те охотники, которые, не убив медведя, уже делят его шкуру. Подождем немного…

Он загадочно подмигнул Пете. Мальчик, поняв, что Ваню они не бросят в бане, тихо произнес:

— Наш командир, как всегда, прав. Подождем, когда покинет свой пост гитлеровец. А теперь, ребята, ша… Замрем…

Ждать им пришлось около часа. Вот часовой, поскрипывая сапогами по снегу, подошел к двери и затаился. Минут пять он стоял и прислушивался, что делается в бане. Там стояла тишина. Гитлеровец, прислонив бревно к двери, не спеша пошел по

тропинке в деревню. Разведчики подождали еще полчаса, а затем Кузьмин и Петя вскочили и принялись расшатывать дверь. Командир с разбега бросился на нее всем телом, но она не поддавалась ни на сантиметр. Тогда Ваня предложил оторвать с полки, на которой он лежал, доску и использовать ее в качестве рычага. Доску оторвали быстро, но вот подсунуть ее между полом и дверью или в какое-нибудь другое место им не удалось. Попробовали оторвать доски с потолка, но щелей, за которые можно было бы ухватиться, не было. В этой бане все было сработано капитально, на долгие годы.

Со слезами на глазах Петя уселся рядом с Голубцовым. Кузьмин, тяжело дыша, продолжал раз за разом бомбить своим телом неподдающуюся дубовую дверь. Ваня взял за руку Петю и подбадривающим голосом произнес:

— Не расстраивайся, Петушок, еще не все потеряно.

И уже громче добавил:

— Командир, есть еще один вариант.

Кузьмин, готовый уже в очередной раз с яростью броситься на неприступную дверь, резко остановился, вытер пот и, массажируя ловко пальцами плечо, которым он бил в дверь, быстро спросил:

— Давай, Ваня, выкладывай свой вариант…

Голубцов зашевелился, лицо его исказилось от нестерпимой боли, он застонал. Петя помог ему поудобнее уложить на полке сломанную ногу. Ивану стало легче.

— Ты не кипятись, командир, садись. Все равно уже поздно. Скоро появится часовой.

Кузьмин быстро взглянул в окошко:

— Уже утро…

Он подсел к друзьям, а Голубцов продолжал:

— Вариант этот только для Пети, командир, — мы с тобой в эту дыру не пролезем.

Кузьмин моментально смерил своим локтем плечи мальчика и подошел к окошку. Прислонив к нему локоть, он покачал головой и несколько разочарованно произнес:

— Нет, и Петя в него вряд ли пролезет, но надо обязательно попробовать.

Петя сидел не шевелясь, словно все это его не касалось. Он твердо решил: из бани один, без друзей, не уйдет. Тут Ваня толкнул его в бок:

— Выше нос, Петька. Слышь, хрустит снежок… Часовой… Теперь пробовать будем только ночью… Конечно, если гитлеровцы нас до этого не расстреляют. Не забыли, фашисты нам сегодня организуют встречу с какой-то важной персоной.

Ложка командира

К удивлению разведчиков, в это утро их впервые накормили. Двое гитлеровцев, ворвавшихся в баню, словно летний вихрь, бросили на полку к Ване, как собаке, буханку хлеба из отрубей и еще из какой-то смеси, похожей на опилки. Около дверей с грохотом поставили на пол небольшой железный термос. Жестикулируя руками, немцы показали на рот: жрите, мол, быстрей — и, рассмеявшись, ушли. Хлопнула дубовая дверь, раздался лязг замка, воцарилась тишина, изредка нарушаемая шагами часового. Петя потянул на себя тугую ручку — крышка термоса под напором пара резко поддалась вверх. Тут же по бане распространился запах картофеля и еще каких-то очень знакомых ему овощей. Мальчик повел носом, пытаясь определить, чем же накормят их фашисты, кроме картофеля. И тут он вспомнил этот запах: то был запах брюквы, которую мама часто варила для свиней.

А Кузьмин уже вытаскивал из голенища своего потрепанного сапога простую солдатскую алюминиевую ложку, на ручке которой были выгравированы большие буквы «Н.К.». Он хлопнул ложкой несколько раз по своей твердой широкой ладони, а затем посмотрел на нее и подумал: «Да ведь это мой единственный предмет, который остался у меня еще с той, теперь уже такой далекой, довоенной поры. Эту ложку я получил еще в 1940 году в Прибалтийском особом военном округе в первый день своей срочной службы. Тогда я и вырезал на ней начальные буквы своего имени и фамилии. С тех пор я с ней больше и не расставался. С ней прошел курс молодого бойца и стал помощником командира взвода. В первый же день войны ходил с ней в первую свою атаку против гитлеровцев. Раненным попал с ней в плен к фашистам. Ложкой этой хлебал я разное фашистское пойло, которым кормили советских военнопленных в лагере под Каунасом. С ней я бежал из этого лагеря и скрывался от гитлеровских ищеек на хуторе у симпатичной литовки Альдоны, трудную фамилию которой я забыл, к великому своему сожалению. Это она кормила меня цеппелинами и другими литовскими национальными кушаньями, которые помогли мне восстановить силы. С ложкой этой я затем долго пробирался по фашистским тылам, пока, наконец, 14 августа 1941 года не перешел к своим в районе Луги. Прошел спецпроверку, а потом разведпоходы по гитлеровским тылам, и всегда ты со мной, моя солдатская многострадальная ложка, талисман ты мой верный… Вот и сейчас ты поможешь нам расправиться с этой бурдой,

которую принесли немцы. Может, отказаться от нее? Нет, нельзя. Уже двое суток ничего не ели. Силы нам нужны… Еще рано нам с тобой сдаваться».

Командир с любовью посмотрел на свою простую, алюминиевую ложку и передал ее Пете, поставил термос поближе к лежавшему на боку Голубцову, который заканчивал делить хлеб из отрубей и опилок на три равные части. Они пустили ложку по кругу, и вскоре с этим пойлом, в котором плавали куски полусырой брюквы и чуть-чуть картошки, было покончено. Петя невесело усмехнулся, побарабанил пальцами по термосу:

— На таком фашистском рационе мы через неделю вряд ли будем таскать ноги…

Голубцов положил руку на плечо друга и спокойно ответил:

— Не волнуйся, Петя. Неделю нас фашисты держать здесь не будут, это точно… Мне кажется, все решится сегодня.

«Важная» персона

За дверью раздался топот многочисленных ног, лающее приветствие часового «Хайль Гитлер!», затем щелканье замка, и в бане появился сам Гюльцов, следователь Ульрих и молодой, невысокого роста человек. Он был одет в черное модное пальто с серым каракулевым воротником и в шапке-ушанке из соболя. На ногах у него — совсем новые светлые бурки, обшитые узкими полосками хромовой кожи. Вместе с ними вошли два высоких гитлеровца с автоматами на груди, которые стали у дверёй бани. Начальник ауссенштелле театрально прошелся вдоль полки, на которой находились разведчики. Он зло посмотрел на них, подошел к Пете и схватил его за челюсть так, что мальчику стало трудно дышать. Он пытался вырваться из железной хватки гитлеровца, но не удалось. Кузьмин хотел было уже броситься на защиту своего юного друга, но Гюльцов отпустил Петю и начал что-то сердито говорить по-немецки. Роль переводчика взял на себя Ульрих. Жестикулируя руками, он быстро говорил:

— Ночь, которую мы дали вам на размышление, прошла. У вас достаточно было времени все обдумать и все обговорить. А сейчас начальник ауссенштелле ждет ответа всего на два маленьких вопроса.

Ульрих улыбнулся, показал на пальцах, какие это маленькие вопросы, а затем грозно рявкнул:

— Шутки в сторону, быстро отвечать, кто вас послал и с каким заданием? Быстро отвечать, сволочи.

Разведчики молчали. Гюльцов приказал замолчать и Ульриху, а сам поднял левую руку, постучал пальцами по стеклу часов и прорычал:

— Я даю вам еще пять минут на размышление.

Он зло уставился на часы: слышно было даже ритмичное тиканье часов. Разведчики поняли, что у них совсем мало остается времени. Кузьмин и Голубцов переглянулись между собой и одновременно посмотрели на банное окошко. Они поняли друг друга. Их волновала теперь только одна мысль: «Только бы не сегодня все кончилось, только бы дали им еще одну ночь…» Они должны использовать эту свою последнюю попытку.

Невысокий молодой человек с интересом наблюдал за Петей, который вдруг сморщился и стал тереть глаза. «Все-таки глуповат этот надменный Гюльцов со своим спесивым следователем, — самодовольно улыбаясь, подумал молодой человек в модном пальто. — Вот этого сосунка и нужно давить. Ишь, носом уже хмыкнул. Да я его в два счета обработаю. Он у меня какие хочешь

показания даст». А Петя поднял голову, тяжело вздохнул и протянул:

— Я, гос…по…дин офицер, маму свою ищу… Меня никто никуда не посылал… Я к маме хочу.

Гюльцов постучал пальцем по часам и сказал:

— Ваши пять минут истекли. Я смотрю, ты, Ермолаев, опять за старые песни принялся, слушать их не хочу. Теперь вами займется вот этот молодой человек. Он русский, фамилия его Рудич. Может, вы с ним быстрее найдете общий язык.

И он ткнул пальцем на невысокого человека в гражданской одежде, а затем громким голосом, словно объявляя приговор, добавил:

— Это ваш последний шанс. Если вы и ему ничего не расскажете о своем задании, то завтра в 10 часов утра вы все будете расстреляны — нам надоело с вами возиться. А теперь мы покинем вас. Помните, что ваша жизнь в ваших руках.

Гюльцов и Ульрих, отдав какие-то приказания двум гитлеровцам, стоявшим у дверей, словно истуканы, покинули баню. Разведчики с интересом смотрели на Рудича, а он, медленно сняв свое модное пальто, потом дорогую шапку, повесил их на торчавший в бревне гвоздь и, вытирая обильный пот со лба, произнес:

— Ух, и жарко же у вас, ребята, настоящая русская баня. Давайте знакомиться. Я действительно русский.

Он показал пальцем на двух охранников и добавил:

— Этих двух немецких баранов не стесняйтесь — они по-нашему ни бум-бум…

Ваня Голубцов зашевелился и тут же заскрипел зубами: боль была невыносимой. Он с презрением посмотрел на Рудича и тихо сказал:

— Русский, говоришь?.. Русские твоего возраста вон там…

Он с трудом поднял руку и показал в сторону Ленинграда, потом добавил:

— Они на той стороне фронта бьют фашистов, а ты служишь Гитлеру…

Кузьмин усмехнулся:

— И служишь фашистам, конечно, верой и правдой, иначе они не допустили бы тебя к нам.

Рудич рассмеялся, поднял две руки и весело произнес:

— Ну, ребята, сдаюсь, молодцы! Мы, истинные русские патриоты, так и должны отвечать. Вот это именно я и хотел услышать от вас — должен был убедиться в вашем патриотизме, в вашей любви к России.

Пожимая плечами, Голубцов и Кузьмин недоуменно

переглянулись: им пока непонятно было поведение этого человека. А Рудич подошел к Пете, который стоял около печки, прислонившись к ней спиной, и обнял его за плечи.

Мальчик вывернулся из его объятий, волком посмотрел на него:

— И вы причисляете себя к патриотам России? А вы знаете, что творят фашисты в нашей стране?..

Не обращая внимания на тон Пети, Рудич быстро ответил:

— А как же, мой мальчик? Я все знаю. Мы, истинные русские патриоты, помогаем Гитлеру бороться с большевиками.

Тут уже и Петя удивленно смотрел на этого «патриота России». А Рудич загадочно произнес:

— Вы, конечно, не слышали о такой организации, как «Национально-трудовой союз нового поколения»?

Кузьмин попытался улыбнуться. Теперь-то он понял этого «русского патриота». Кое-что об этой белоэмигрантской организации он знал. Однажды об НТСНП ему рассказывал в Особом отделе НКВД Ленинградского фронта начальник шестого отделения старший лейтенант госбезопасности Д.Д. Таевере. Он тогда сообщил ему о деятельности штаба представителя НТСНП по Северному краю, создании им в Волосове, Гдове, Гатчине, Кингиссепе и ряде других городов Ленинградской области ячеек этой организации. Было известно, что представителем НТСНП по Северному краю являлся какой-то бывший лейтенант Красной Армии, перебежавший в самом начале войны к фашистам. И Кузьмин с еще большим интересом посмотрел на Рудича и подумал: «Уж не этот ли тип является руководителем НТСНП в Ленинградской области?»

Рудич расходился все больше и больше. Он бегал по бане, размахивал руками и говорил:

— Наша организация ведет начало с 1927 года. Создателем ее является руководитель «Русского общевойскового союза» генерал А. П. Кутепов. В начале в нее вошли лучшие кадры белоэмигрантской молодежи в Югославии, а затем отделения НТСНП были созданы в разных странах мира. Основной своей целью наш «союз» провозгласил борьбу с большевистской властью до самой победы, то есть до свержения Советов в России…

Тут раздался громкий детский хохот. Это Петя схватился обеими руками за живот и, присев на корточках, смеялся так искренне и так долго, что даже Голубцов толкнул Кузьминас полки посмотреть, уж не случилось чего-нибудь с их другом. А тот, вытирая выступившие слезы, сквозь смех громко произнес:

— Ой!.. Не могу, ребята! Ох, и рассмешил меня этот «истинный русский патриот». Какая-то там эмигрантская

организация грозится свергнуть у нас советский строй. Да вы спросили наш народ, примет ли он вас?

Кузьмин погладил волосы юного разведчика, прижал его к себе и засмеялся вместе с ним. С полки их поддержал Голубцов. Раздраженный словами Пети, Рудич долго смотрел на мальчика и думал: «А ведь этот сосунок не так уж прост, каким он иногда кажется… Ну, погоди! Я тобой еще займусь отдельно. Ты у меня посмеешься. А теперь спокойствие, еще раз спокойствие…»

— Там, в Югославии, молодежь, вовлеченная в НТСНП, сразу заявила о себе и потребовала перейти от старой белоэмигрантской болтовни к практической боевой работе в СССР. Старики, естественно, испугались горячих молодых голов, и в 1935 году на этой почве «союз» порвал с РОВСом. С этого времени он стал самостоятельной организацией…

Кузьмин гневно перебил Рудича:

— …с этого времени начинается ее активная подрывная деятельность в СССР…

Рудич подошел к Кузьмину и удивленно воскликнул:

— О, среди вас есть знакомые с работой нашей организации. Это хорошо. Значит, беседа будет интересной.

Затем он подбежал к своему модному пальто, выхватил из его кармана пачку дорогих сигарет и предложил Кузьмину и Голубцову закурить. Пете он отказал: мол, мал, тебе еще рано. Мальчик лишь усмехнулся: он еще не пробовал курить, и к этому его совсем не тянуло. Командир с Ваней отказались от дорогого курева, а Рудич, ломая нервно спичку за спичкой, никак не мог прикурить. Наконец ему удалось это, и он, выпустив столб дыма, закричал:

— А вы как думали? Да, мы основным средством борьбы с большевиками избрали террор. Мы считаем, что для достижения той цели, которую провозгласил НТСНП, все средства хороши.

Кузьмин усмехнулся и спокойно произнес:

— Во-во… Поэтому вы и стали платными агентами спецслужб целого десятка капиталистических стран. Кому вы только не служили? Разведки Франции, панской Польши, Англии, Румынии, Югославии, Японии и других стран финансировали ваш «союз», снабжали оружием, фиктивными документами, организовывали переброску его эмиссаров в Советский Союз. Я помню, что наши газеты перед войной не раз сообщали о разоблачении чекистскими органами террористических групп НТСНП. Одна из них пробралась даже в Москву и готовила там террористический акт. При аресте у этих бандитов изъяты пистолеты, гранаты, яды… И вы еще смеете называть себя истинными русскими патриотами.

Кузьмин махнул рукой: мол, с вашей бандитской организацией ему все ясно. Голубцов и Петя восхищенно смотрели на своего командира, который раз за разом сгонял спесь самодовольства и спокойствия с этого изменника Родины. Рудич, лицо которого покрылось потом и красными пятнами, замолк. Ему совсем не нравился ход беседы. Самым непонятным было для него то, что в споре с этим похожим на цыгана, по-видимому, рабочим парнем он стал терять свою былую уверенность и спокойствие. И это он, филолог по образованию, бывший ленинградский аспирант, быстро сделавший карьеру у гитлеровцев, ставший заместителем у самого начальника полиции безопасности и СД в Гатчине Генриха Боссе. Конечно, до этого пришлось изрядно поработать: в Волосовском лагере для советских военнопленных по заданию Боссе, которого местные жители называли кровавым Генрихом, помог ликвидировать патриотическую организацию. С этого началось его восхождение. Потом пришлось написать в полицию безопасности и СД несколько анонимных писем на своих конкурентов, которые тут же оказались за решеткой. И вот он — заместитель органа Главного управления имперской безопасности, куда отбирались в основном преданные Гитлеру немцы. Правда, работа кровавая: следствие, пытки, расстрелы, опять следствие, пытки и расстрелы. И так изо дня вдень, но ему, если честно признаться, работа нравится. Нравится повелевать судьбами людей, видеть их жалкие, испуганные лица. Но вот такие, как эта троица, ему встречались не часто. Избитые и покалеченные, перенесшие пытки у самого палача ауссеншталле Вольфа, они, ожидая расстрела, еще смеются, спорят, отстаивают свои идеалы. Нет, они, конечно, не те, за кого себя выдают. Надо расколоть их… Ведь недаром меня вызвали сюда из Гатчины. Это нужно не только немцам, но необходимо это и мне для дальнейшей карьеры. Сам Боссе просил меня, чтобы я утер нос начальнику ауссеншталле Гюльцову, насолившему ему чем-то еще во время совместной работы в Берлине в 17-м управлении. Он постарается для своего шефа, а значит, и для себя. Он перенесет даже смех этого сосунка, но цыганистого парня надо поставить на свое место. И Рудич решил попугать своего оппонента. Он ехидно спросил Кузьмина:

— Я вижу, ты хорошо осведомлен о деятельности НТСНП. У меня невольно возник такой вопрос: откуда у тебя, рабочего парня, такие знания? До войны в советской прессе о нашей организации почти совсем не писалось. Это я знаю точно, так как мне как аспиранту приходилось штудировать целый ворох как центральных, так и местных газет. Той информации, о которой ты

поведал нам здесь несколько минут назад, в них нет. Она находится только в одном ведомстве. Может, ты из НКВД? Если да — я сейчас же прикажу одному из этих истуканов…

И он махнул на гитлеровцев, стоявших у банной двери, и продолжил:

— Я прикажу пустить тебя в расход… В немецкой армии действует приказ: расстреливать в первую очередь комиссаров и сотрудников НКВД.

Кузьмин спокойно ответил:

— Эх, господин Рудич! Сколько раз меня можно пугать расстрелом? Я ведь здесь привык к этому. А у вас нервы сдали. А война только началась. Что будет с вами к ее концу?

Кузьмин сожалеюще покачал головой, а Петя и Ваня, любуясь своим командиром, улыбались. Рудич вскочил со скамьи и прокричал:

— Слепцы, война-то кончается! Немцы почти в Москве. Ленинграду осталось держаться считаные дни. Советской власти приходит конец.

Голубцов застонал. Петя повернул его покалеченную ногу. Больной тихо спросил:

— Господин Рудич, вы, кажется, до войны были аспирантом? Значит, историю России знаете.

— Я по образованию филолог, ленинградский аспирант.

Ваня усмехнулся и продолжил:

— О, тогда историю России знаете лучше меня. Но все-таки я вам напомню: Москву не раз захватывали ее враги. Но чем все это кончалось? Полным разгромом ее врагов.

Рудич подошел к Ване, набросил на его ноги свисающее с полки пальто. Удивленный такой заботой, Голубцов лишь только покачал головой, а Рудич миролюбивым голосом произнес:

— Так это было очень давно, ребята, а сегодня все решает техника. У немцев она высочайшего класса — танки какие, самолеты! У Советов ее нет…

Петя спрыгнул с полки, взмахнул утвердительно рукой и твердым голосом произнес:

— Сегодня, может, и нет у нас такой техники, но завтра она обязательно будет, лучше немецкой. Тогда полетят в трам-тарарам все ваши хваленые фашистские танки.

Мальчик засмеялся. Кузьмин подмигнул Пете: знай, мол, наших… А Рудич засуетился, опять вытащил сигарету и стал нервно курить. Нужного разговора с этой троицей у него пока не получалось. Ну, что ж, попробую с ними напрямую. Попытка не пытка, как говорил один из его научных руководителей. Ох, и не любил его этот профессор-старикашка. На научном совете он раз

за разом ставил вопрос об отчислении его из аспирантуры. Над стариком уже начали подшучивать коллеги. А он везде и всюду повторял: да, у Рудича есть способности к научной работе, но вот ничего святого для него не существует. Этот карьерист мать родную продаст. Такие люди науке не нужны. Разглядел меня, старый хрыч. Аспирантура являлась для меня начальным трамплином для прыжка к солидной должности и большой зарплате. Пытался подойти к профессору разными путями: однажды узнал день рождения его дражайшей, купил для нее дорогой подарок, так он, этот противный старикашка, ославил на весь научный мир… Выгнал со дня рождения и подарок выбросил в окно. Старый профессор добился уже почти его отчисления из аспирантуры, но тут началась война. Где он сейчас? Если не умер еще голодной смертью в Ленинграде, то скоро с ним повстречаюсь, ты тогда попляшешь, старый хрыч.

И Рудич злорадно усмехнулся. Однако хватит воспоминаний. Пора и за работу. Он подошел к печке, бросил в топку окурок и долго смотрел на примолкших ребят пронизывающим взглядом, решая, с чего же продолжить разговор. Наконец он сказал:

— Я, ребята, предлагаю вам жизнь интересную, полную романтики, жизнь борцов за «независимую национальную Россию».

Кузьмин хлопнул по коленям своими забинтованными руками, подмигнул Пете с Ваней:

— Ну, как, друзья? Расскажем о своем задании? И перед нами прекрасная жизнь, как примут в НТСНП… Не так ли?

Рудич, сразу повеселев, ответил:

— Конечно, ребята. Мы вас сразу отправим в Берлин. Вас там будут встречать как героев.

Кузьмин вскинул голову, строго посмотрел на Петю: запоминай, мол, все, дружище:

— Почему в Берлин? Ведь штаб-квартира НТСНП располагается в Белграде. Нет, мы поедем в Югославию. Как, друзья?

Петя и Ваня пробормотали что-то невразумительное и отвернулись к стене, чтобы не рассмеяться. Они поняли игру командира. А ликующий Рудич подлетел к Кузьмину, положил руку на его плечо и торжественно произнес:

— Нет, други мои, вы поедете в Берлин — исполнительное бюро НТСНП во главе с нашим вождем Виктором Михайловичем Байдалаковым на днях приняло решение переехать в столицу Рейха. Я считаю, что это решение правильное. Мы должны быть ближе к своим союзникам. Ведь с Гитлером мы связали свою судьбу. Его победа над Советами — это и наша победа.

Тут не выдержал Петя, перебил Рудича:

— Вот это да — в саму столицу переводят? За что же такую честь оказывают вам гитлеровцы?

Рудич выпятил грудь колесом:

— За заслуги, дорогой мой мальчик. Их перед Третьим рейхом у НТСНП предостаточно. Вот возьмем лагеря для советских военнопленных. Так в них на руководящей и пропагандистской работе находится много членов нашего «союза» А сколько наших работает в различных гитлеровских учреждениях на оккупированной советской территории, но главным в работе нашей организации…

Рудич вдруг замолчал. Петя спрыгнул с полки с одной мыслью: надо опять расшевелить этого злобного врага. Ему помог Ваня Голубцов. Он уставился на Рудича и с иронией сказал:

— Ну и заслуги! Смех и только — работа в лагерях для военнопленных да в оккупационных учреждениях. И это вы называете романтикой?

Голубцов рассмеялся. Петя и Кузьмин поглядели на Рудича, а тот все молчал, потому что фашистские инструкции запрещали ему говорить о главной деятельности НТСНП. Но он все-таки решил посвятить их в эту работу. Анализируя создавшуюся ситуацию, размышлял: «Риску него практически отсутствует. Ведь у этой троицы есть всего один выбор: связать судьбу свою с НТСНП. А значит, они вскоре узнают об этой работе и без него». Этот сбежавший трусливо с поля боя и сдавшийся фашистам человек мерил всех только по себе Он не мог даже и представить, что у избитых и покалеченных людей есть еще путь: отказаться от всех его предложений и с гордо поднятой головой умереть за счастливое будущее своей Родины и своего народа. Но за жизнь они будут бороться Сейчас мысли разведчиков были связаны только с банным окошком, хотя Кузьмин и Голубцов прекрасно понимали, что оно их не спасет. Пролезть в это маленькое отверстие они с их комплекцией, конечно, не смогут. Но вот Петя должен выскочить из этой западни. Но для этого им нужна была холодная морозная ночь, только одна ночь… Для них последняя в жизни. Вот поэтому они и вели разговоры с этой человекоподобной тварью, которую они презирали больше, чем фашистов. Тревожило в это время только одно — чтобы этот подонок не отдал команду покончить с ними раньше срока, назначенного начальником ауссенштелле.

А он мог это сделать, поэтому они решили поиграть с ним и не очень злить его. Ктому же Кузьмин, как командир группы разведывательного органа Ленинградского фронта, загорелся выудить у болтливого Рудича побольше данных о связях НТСНП с

фашистской Германией. Он решил, что сведения эти будут полезны Особому отделу. Петя и Голубцов поняли замысел своего командира и всячески старались помочь ему в этом. Петя улыбнулся и, обращаясь к Голубцову, громко повторил:

— Ну и заслуги, курам на смех, правда, Ваня?

Они громко рассмеялись. А Голубцов, посмотрев на покрасневшего Рудича, твердо сказал:

— Нет, нам не по пути с вами, господа пристяжные.

Этого Рудич уже не смог выдержать. Размахивая руками, он закричал:

— Мы-то пристяжные? Да ты ничего о нас не знаешь.

Голубцов пожал плечами:

— А как же вас называть? Ведь вы со своим Гитлером мечтаете разделаться с Советской властью. И каких только пристяжных нет в его упряжке? Тут и националисты Кавказа, националисты Прибалтики, Средней Азии и Украины… И прочие, прочие враги Советского Союза. Всех завлекла фашистская Германия в свою упряжку, и всем она что-то пообещала.

Рудич удивленно смотрел на Ваню и думал: «Нет, не те они, за кого себя выдают, а потому спокойнее, господин Рудич. Ведь они уже, кажется, идут на контакт с тобой. Правда, спорят… Так молодежь». Он подошел к Голубцову, опять по» правил на его ногах пальто:

— Нет, дорогой, я еще раз повторяю, что мы — союзники Германии. Мы не пристяжные. С Гитлером мы заключили союз, и он доверил нам особую работу — вот я служу заместителем начальника полиции безопасности и СД в Гатчине. Это большая должность. Не каждому немцу доверяют они служить в гестапо. А мне и многим другим членам нашего «союза» доверили. А ты — пристяжной…

Он улыбнулся, потрепав за волосы Ваню, продолжил:

— А возьмем контрразведывательный орган «Зондерштаб-Р». Вы, конечно, пока о нем ничего не слышали. «Особый штаб Россия» — так он звучит на русском. Подчиняется штаб специальному органу управления «Абвер-заграница», который действует на советско-германском фронте под условным наименованием «Валли». «Зондерштаб-Р» занимается агентурной разведкой, разложением партизанских отрядов и подпольных антифашистских организаций на оккупированной территории СССР. Штабом вся эта территория разбита на пять разведывательно-резидентских областей. Как сам «Особый штаб Россия», так и руководство этих областей состоит почти целиком из членов НТСНП. Правда, если быть объективным, в нем есть несколько петлюровцев, старых опытных агентов Германии, а

также небольшое количество бывших советских военнослужащих, которые порвали с большевиками и положительно зарекомендовали себя на службе у Гитлера. Но основной силой в «Зондерштабе-Р» являемся мы — члены НТСНП.

Важно пройдя по бане и игриво щелкнув Голубцова по носу, добавил:

— Так какие же мы пристяжные?

Ваня отвернулся от предателя: «Давай, давай, мели, господин энтээсовец… Мы все запомним…» Тут громко засмеялся Кузьмин.

— Теперь и я с вами согласен — называть так ваш «союз» действительно неправильно, обида ваша понятна.

Рудич встрепенулся и с надеждой посмотрел на Кузьмина, а он сурово уставился на предателя и гневно продолжил:

— Нет, называть так ваш «союз» нельзя. Вы действительно союзники фашистов… Ведь НТСНП одним из первых встретил с радостью вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз… Ваш главарь Байдалаков тут же послал приветственное послание Гитлеру, в котором желал скорейшей победы над Советами… Вот почему вашему «союзу» предоставили место в самом Берлине… В Германии вы увидели силу, которая поможет претворить ваши сумасбродные планы в реальность… Но нет…

И командир сурово погрозил ему пальцем и твердо сказал:

— Нет… Этому — не бывать… Вы вступили в союз со злейшим врагом человечества — фашизмом… И нет вам никакого прощения…

Рудич побагровел и удивленно спросил:

— Вы меня судите?.. В вашем-то положении?.. Опомнитесь…

Он высоко запрокинул голову и громко расхохотался. А рука Кузьмина скрестилась в крепком рукопожатии с рукой Голубцова, другой рукой он обнял за плечи Петю и спокойным голосом произнес:

— Сегодня вы на коне… Сегодня вам кажется, что победа уже ваша близка… Но этому не бы вать… Наш народ победить нельзя…

Тут Петя взмахнул рукой и неожиданно для всех закричал:

— Мы победим!.. Смерть немецким оккупантам!.. Смерть изменникам Родины!

Лицо Рудича налилось кровью, глаза бешено сверкали. Он потянулся рукой в оттопыренный карман пиджака: «гам Лежал пистолет. Казалось, еще миг — и он перестреляет разведчиков, но что-то заставило его опустить руку. Он саркастически улыбнулся, а Кузьмин прижал голову мальчика к своей груди и продолжил:

— Да, мы уверены, что победа будет за нами, у нас будут

жертвы. Но мы сокрушим фашизм. И всякие там его союзники разбегутся, как крысы с тонущего корабля. Большая часть их получит по заслугам, а некоторые на время спрячутся в разные дыры и будут выжидать. Потом опять начнут искать себе нового хозяина. Он найдется, и вы начнете вновь свою деятельность, вот она, ваша перспектива. А теперь можешь убираться отсюда, иди, доложи своим нынешним хозяевам, что мы готовы умереть за Родину, за счастье нашего народа. Нас будут помнить. О нас сложат песни, нашими именами будет гордиться народ, а вас, изменников, ждут проклятия.

Кузьмин отвернулся от взбешенного Рудича. Петя восхищенно смотрел на командира, пожимая ему руку, с ненавистью бросил взгляд на предателя и быстро проговорил:

— Иди отсюда, прислужник фашистов. Разговаривать мы больше с изменником нашей Родины не желаем. Правда, Ваня?

Голубцов кивнул головой, тяжело вздохнул:

— И как таких людей земля носит? Ведь русский… Мать есть. Узнает она о тебе, о твоей предательской деятельности и обязательно проклянет сына своего, проклянет первый день, когда она услышала твой первый крик. Таковы они все, наши русские матери…

Рудич трясущими руками схватил свое модное пальто и, запинаясь от бешенства, прокричал:

— Бе-зум-цы!.. Безум-цы!.. Вы подписали себе смертный приговор!

Вдруг неожиданно для всех Петя вложил в рот два пальца и так молодецки свистнул, что Рудич, словно ошпаренный горячим паром, выскочил из бани, тут же влетел обратно, схватил свою барскую шапку и, яростно матерясь, рванулся за дверь. В бане поднялся веселый хохот. Тут зашевелились и солдаты-истуканы, не проронившие за целый день пока ни одного слова. Они наставили на разведчиков автоматы и, прорычав что-то по-немецки, удалились. За дверью загремели тяжелым амбарным замком, и в бане воцарилась тишина. Только поскрипывал по снегу часовой своими массивными башмаками.

Окно к своим

Разведчики, как по команде, уставились на малюсенькое банное окно, желтоватое стекло которого все было в трещинах. Их надежды и помыслы — все было связано с ним. Они долго смотрели на прорубленное в бревнах небольшое отверстие, вот взгляды их скрестились, и разведчики, тяжело вздохнув, опустили глаза: им стало ясно, что в банное оконце трудно будет пролезть даже худенькому Пете. Уж очень малюсеньким было оно.

Кузьмин посмотрел на Петю, положил на его мальчишечьи плечи руки, затем прижал его к себе и тихо сказал:

— Теперь все надежды наши связаны с тобой, Петя, — только ты один сможешь проскочить через это окошко.

Командир почувствовал, как мальчик весь напрягся, глаза его засверкали необыкновенной решительностью. Он молча смотрел на начальнка, потом усмехнулся:

— Без вас я баню не покину, вот вам мой ответ…

Кузьмин взъерошил белокурые волосы Пети и почти спокойно сказал:

— Мы бы рады, Петя, вернуться с тобой в Ленинград, но ты сам видишь, что в эту дыру мы с Ваней не пролезем, не для наших она габаритов. А вот ты должен, чего бы тебе ни стоило, добраться до своих…

В глазах у мальчика появились слезы, он шмыгнул носом и упрямо ответил:

— Нет, я остаюсь с вами… Без вас я не смогу дальше жить…

Тут на полке громко застонал Голубцов. Он с трудом поднял голову и сердито сказал:

— Ты, Петька, не валяй дурака. Заладил одно и то же, словно попугай… Ты должен вырваться отсюда. Этим отомстишь и за нас. Ведь уговаривать тебя у нас совсем нет времени… Смотри, уже сумерки надвигаются…

Ваня с трудом повернулся на бок, взмахом руки предложил Пете сесть на полку и продолжил:

— Ты, Петенька, запомни лучше мой домашний адрес: будешь в Ленинграде, обязательно сходи к моим родителям и передай моему отцу, Григорию Ивановичу, и маме, Екатерине Модестовне, что их сын Ваня погиб за Родину. Поклонись им и передай, что фамилию свою я не запятнал и пронес ее с честью…

Он закашлялся, стыдливо смахнул обильную слезу и тихо произнес:

— Мой адрес: Херсонская улица, дом 20, квартира 26…

Петя отвернулся от Голубцова. Ему стало как-то не по себе,

что вот он, возможно, совсем скоро покинет баню и своих друзей, приговоренных фашистами к расстрелу. Будь его волями, конечно, остался бы с друзьями до последней минуты и полностью разделил бы их судьбу. Но ведь есть шанс вырваться из лап гитлеровцев. И этот последний шанс разведчик не должен упускать. А это значит, что добытые таким трудом сведения о фашистских войсках будут доставлены в Особый отдел фронта: координаты базы, предательство старика, он расскажет о Рудиче, о судьбе друзей. Вот сколько информации представит. Он совсем не виноват, что вырос таким маленьким и худеньким. Он не искал для себя это проклятое окошко, которое вырубили когда-то таким малюсеньким. Он подчиняется воле командира и логике: если есть возможность кому-то из разведчиков бежать от фашистов, значит, надо бежать. Ведь столько зависит от этого побега… Сквозь слезы Петя запоминал адрес и имена родителей Вани. Он доберется до них и выполнит последнюю просьбу искалеченного фашистами друга.

Кузьмин с нежностью смотрел на Голубцова. Он так был благодарен своему боевому другу за эту мысль: сообщить об их судьбе своим близким. Правда, отца и матери в Ленинграде у него не было. Они вместе с другими рабочими Сестрорецкого завода имени Воскова находились в эвакуации на Урале, где активным трудом ковали победу на трудовом фронте. Но в Сестрорецке у него жил очень дорогой ему человек: невеста Тамара Петерсон. С этой симпатичной и жизнерадостной девушкой он начал дружить до армейской службы. В армии он окончательно понял, что без этой девушки он не представляет свою дальнейшую жизнь. В письмах они уже строили планы счастливой семейной жизни, но помешала война.

Чистая и светлая любовь к Тамаре помогла ему вынести все ужасы фашистского плена и преодолеть трудности скитаний по их тылам. А сколько волнений и слез выпало на долю его любимой?.. Очень долго у нее не было никаких известий от него, но она твердо верила, она надеялась, что любимый ее вернется. И она дождалась… Прекрасно понимая, что война — это всегда большая кровь, сплошные невзгоды, частые слезы, ежедневные волнения и, конечно, долгая разлука, они на одном из редких и недолгих свиданий дали себе клятву: ждать друг друга всю войну, сколько бы она ни продолжалась. И разлукой их может стать только смерть, которая одинаково охотилась как за Кузьминым в тылу противника, так и за Тамарой в блокадном Ленинграде.

Тут он вспомнил последнюю свою встречу с Тамарой. Было это за день до отправления в тыл противника. Ему тогда дали увольнительную в Сестрорецк всего на три часа, но, надо же

такому случиться: Тамары дома не оказалось. Она была в госпитале, где работала санитаркой. Сестра ее Надя пулей полетела туда, разыскала, но, пока та нашла себе замену, прошло около двух часов. На их последнее свидание оставался только один час. Тамара в этот день была, как всегда, веселой и жизнерадостной, но очень уж бледной. Она объяснила, что бледность у нее от тяжелой работы, но скоро это пройдет. Вот отдохнет после дежурства, и все будет в порядке. Но он-то хорошо знал, что причиной такой бледности являлась не ее работа, а систематическое недоедание. В Ленинграде начался голод, и скудный паек не мог возвратить ей, как и всем ленинградцам, прежний цвет ее лица.

Час пролетел незаметно, и настало время прощания. На улице шел мелкий, холодный дождь. Кузьмин был одет в поношенный пиджачок, застиранную гимнастерку и уже довольно старые, в нескольких местах искусно залатанные брюки, заправленные в сапоги. Девушки с жалостью посмотрели на Николая. И тут Надя рванулась в соседнюю комнату и вынесла совсем новое демисезонное пальто и серый свитер из домашней шерсти. Все это она протянула Кузьмину. Он не стал отказываться. Пальто коричневого цвета к тому же ему очень шло. Правда, он так и не знает, кто его носил до него, то ли муж Нади, то ли брат. Но одежда была ему очень кстати. Вот и Ване это пальто не раз заменяло одеяло.[40]

Командир с благодарностью улыбнулся Голубцову за такую счастливую мысль, пожал ему руку и произнес:

— Близкие обязательно должны знать о нашей судьбе. Правда, родителей у меня в Ленинграде нет. В эвакуации они, на Урале.

Он замолчал и, волнуясь, заходил по бане. Но вот провел рукой по волосам, глаза его заблестели, и он продолжил:

— Вспомнил отца своего, Ивана Васильевича, и сразу взгрустнулось. Интересный он у меня человек. Кадровый ленинградский рабочий. Считает, что нет ничего почетнее должности рабочего. Сестрорецкий горсовет пытался не раз выдвинуть его на руководящую советскую работу, но он всегда от нее отказывался. Пытался на него воздействовать своим авторитетом даже его друг, Николай Александрович Емельянов, так он только улыбался.

Тут Петя резко поднял голову и быстро спросил:

— Уж не тот ли это Емельянов, который в 1917 году скрывал в Разливе Владимира Ильича Ленина от ищеек Временного правительства? Мы незадолго до войны с классом были в Разливе, экскурсовод нам много рассказывал о жизни этого большевика…

Кузьмин утвердительно кивнул головой и продолжил:

— Тот самый… Мой отец дружил и Николаем Александровичем еще с дореволюционных времен. В июле-августе 1917 года он скрывал Ильича на станции Разлив. Владимир Ильич высоко ценил Емельянова, характеризовал его как лучшего и надежнейшего питерского рабочего.[41]

Петя какое-то время восхищенно смотрел на Кузьмина, а затем быстро спросил:

— И ты разговаривал с ним?

Командир улыбнулся:

— Конечно, разговаривал, вот так же, как сейчас с тобой. Ты знаешь, Николай Александрович, несмотря на то что занимал большие посты, был очень прост и доступен для рабочих. Жить в гуще народа, жить интересами народа — вот такая была цель его жизни.

Петя восхищенно произнес:

— Надо же! Счастливый ты человек, командир. Разговаривал с большевиком, который неоднократно встречался с самим Владимиром Ильичом. Нет, ты действительно счастливый.

Кузьмин положил руку на плечо Пети и грустно сказал:

— А теперь, Петя, запомни и вот этот адрес: Сестрорецк, улица Верхние Пески, дом 22.

Петя прошептал несколько раз губами: он запоминал адрес. Кузьмин продолжил:

— Дом этот небольшой, деревянный, всего два этажа. На втором этаже живет дорогой мне человек… Красивая девушка, ребята, невеста моя — Тамара Петерсон… Ты передай ей, Петя, что Николай освобождает ее от клятвы. Она знает, о чем идет речь. Скажи, что я желаю ей счастливой жизни и русть она не вешает нос. Она еще будет счастливой. Вот разобьем фашистов, и она найдет свое счастье. А нашей разлукой явилась смерть — во всем виноваты фашисты. А умирать за Родину совсем не страшно… Скажи, что в последние минуты своей жизни я буду думать о ней, Тамаре…

Тут за стеной бани послышался шум, топот ног и лающий немецкий говор. Разведчики недоуменно переглянулись: уж не изменил ли свое решение начальник ауссеншгелле?.. Петя прильнул к окошку, но на улице уже было совсем темно. Раздался лязг открывающегося замка, и в баню один за другим немцы втолкнули четверых молодых людей. Раздались крики немецких солдат, дверь тут же была закрыта опять на замок, и наступила тишина, нарушаемая только стоном парня лет семнадцати, который лежал на боку и никак не мог подняться на ноги. Кузьмин с одним из новых узников подняли его и пристроили на

полку рядом с Голубцовым. Петя подбросил в топку последние обломки досок, которые они смогли оторвать с командиром, и оставил дверцу печки открытой. Вспыхнувший огонь осветил новых узников: возраст их был от 16 до 20 лет, избитые, в изорванной одежде, они исподлобья смотрели на разведчиков. В глазах как разведчиков, так и новых «соседей» бани светилась настороженность и какая-то особая недоверчивость. «Не подсадка ли эти ребята?» — думал каждый из новичков. «Не провокаторы ли они фашистские?» — размышляли Петя и его друзья. Жителям оккупированных гитлеровцами районов Ленинградской области уже хорошо были известны провокационные методы работы фашистских контрразведывательных органов, когда немцы для выуживания необходимых им сведений подсаживали к арестованным свою агентуру. А обстановка напряженности продолжала нарастать. Новички сгруппировались около лежавшего на полке товарища. Один из них снял телогрейку и подложил под голову своего друга, а другие, набычившись, смотрели на разведчиков. Кузьмин спокойно сказал:

— Ну, что уставились? За какие это грехи фашисты бросили вас в баню? Здесь сидят только смертники…

Самый старший из них, крепко сбитый парень лет двадцати, посмотрел на Петю и почти спокойным голосом ответил:

— К расстрелу приговорены…

После непродолжительного молчания он махнул рукой:

— Туда… На ту сторону пытались мы пробраться. Да вот поймали нас эти сволочи…

Он глянул на Петю, ладонью встряхнув его ершистые белокурые волосы, спросил:

— Атебя, пацан, за что фашисты удосужили такой чести?

Петя усмехнулся, бодро ответил:

— Личный враг фюрера и Рейха.

Парень удивленно качнул головой и ничего не ответил. В бане опять установилась тишина, лишь с полки изредка слышались стоны…

Морозный воздух свободы

На улице было совсем темно. Кузьмин, ступая по полу бани, словно рысь, подошел к двери и прислушался. Тут же к нему приблизился Петя. Вскоре в дверь с улицы глухо ударили тяжелым предметом. Петя и командир радостно переглянулись: это часовой начал укреплять дверь бревном. Через некоторое время фашист захрустел по морозному снегу своими тяжелыми, огромными башмаками в направлении деревни. Прошло еще несколько минут, и воцарилась мертвая тишина. Вдруг оконце осветила луна, вынырнувшая из-за тучки. На улице стало сразу светло, что было совсем некстати. Командир с сожалением покачал головой, но ничего не сказал своему юному другу. Обняв Петю, он еще долго смотрел туда, в небо, а затем взялся за покрытые ржавчиной гвозди, державшие в раме пожелтевшее стекло. Но изуродованные гитлеровцами пальцы, все без ногтей, как он ни старался, совсем его не слушались. Петя бросился на помощь командиру: он хватался то за один, то за другой гвоздь, но отогнуть их у него не хватало сил. Сердце у мальчика учащенно забилось. В голове мелькнула тревожная мысль: «Неужели нам опять не повезет? Ведь с окошком связана последняя надежда…»

Мальчик с яростью ухватился в очередной раз за гвоздь, но тут он почувствовал, как его обняли за плечи чьи-то сильные руки, и он проплыл по воздуху несколько метров. Опустился он у лавки с Голубцовым и покалеченным незнакомцем. Петя увидел улыбающееся лицо крепко сбитого парня, который подмигнул ему и тихо сказал:

— Не психуй, пацан, это ли работа…

Он подошел кокну, попросил посторониться Кузьмина и играючи вытащил пальцами, словно клещами, один за одним четыре гвоздя. Вот он поддел ногтем стекло, и в баню хлынул чистый, морозный воздух. Командир восхищенно хлопнул ладонью по плечу неизвестного силача, а затем легонько надавил на стекло большим забинтованным пальцем, и оно встало на свое место. Потом он пригласил этого парня и Петю подойти клавке и, обращаясь к новым узникам бани, спокойно сказал:

— Ребята! Часовой ушел в деревню, часа через два он вернется… Проверит, на месте ли мы, и опять уйдет. Холодно им, сволочам, — вот они туда-сюда и курсируют. В это время мы и попробуем использовать окно бани для побега.

Силач посмотрел на себя и своих друзей, затем окинул ироничным взглядом фигуру Кузьмина и громко рассмеялся:

— Пацан этот и то вряд ли пролезет через эту дыру, а мы, конечно, нет. Давай-ка попробуем лучше выбить дверь.

Он с разбегу бросил свое еще очень сильное и ловкое тело на дверь, но она даже не шелохнулась. Он яростно бросился на дверь еще раз, потом еще и еще. Ему стали активно помогать двое его товарищей и Кузьмин. Они колотили ее, пинали и стучали по ней, прыгали на нее, но это проклятая, прекрасно сработанная каким-то добросовестным мастером на века толстая дубовая дверь, запертая на огромный амбарный замок, не подвинулась ни на сантиметр.

А время бежало незаметно. Усталые, все потные, ребята продолжали с какой-то необыкновенной злостью молотить своими телами дверь. Это продолжалась бы еще долго, но тут с лавки раздался голос Голубцова.

— Николай, — обращаясь к Кузьмину, сказал он. — Время-то у нас уже совсем на исходе. Хватит вам бомбить дверь. Пора попробовать оконный вариант.

Тяжело дыша, Кузьмин дал команду всем остановиться. Новые узники бани, злые на свой пустой, довольно тяжелый труд, на фашистов, на неизвестного плотника, сложившего так крепко эту проклятую для них тюрьму, теперь все внимание переключили на банное окошко. Какое-то время они примеряли эту дыру на свои фигуры, и вскоре разочаровались: им стало ясно, что через него никто из них не пролезет. Силач безнадежно махнул рукой, и все отошли от окна. Кузьмин рывком привлек к себе Петю, обнял его, потом так же быстро подтолкнул мальчика к окошку. Какое-то время Петя стоял в растерянности, а затем бросился к лавке и прильнул губами к лицу Голубцова. Ваня провел рукой по волосам друга и тихо сказал:

— Пора… Тебе уже пора, Петька… Времени остается в обрез, держись… Вся наша надежда только на тебя.

Петя натянул на голову шапку, жалобно посмотрел на Голубцова и медленно подошел к окну. Кузьмин щепкой поддел стекло, и в баню хлынул морозный воздух. Петя просунул голову в окошко, но дальше его не пускали плечи. Как только он ни старался, как только ни крутился, но протиснуть свое туловище в эту дыру он не смог. Петя разочарованно развел руками и посмотрел на Кузьмина. Лицо мальчика повеселело: ведь ему совсем не хотелось покидать друзей. В глазах его можно было прочесть: «Видишь, командир, я очень… очень старался, но в это оконце и мне не пролезть…»

Кузьмин посмотрел на тонкий ремешок, который подпоясывал полушубок Пети. Мальчик сразу понял своего командира: он снял полушубок и, оставшись в свитере, опять

начал штурм окна. Теперь ему было гораздо легче: плечи протиснулись, но он все-таки застрял в окне. Тогда Кузьмин подсказал ему вытянуть ноги, а сам стал на колени и подставил свою грудь. Мальчик уперся ногами в грудь, командир нажал ему на спину и резко подтолкнул Петю. Пацан пролетел по воздуху целый метр и ловко приземлился на руки в снег. Вот где пригодились ему тренировки по гимнастике. Он быстро вскочил, стряхнул снег с рук и прислонился к бане. Кузьмин выбросил ему полушубок с ремешком и строго приказал:

— Теперь, Петя, только вперед. Слышишь канонаду? Это идет бой в районе станции Погостье — там фронт, туда и держи свой путь. Ну, прощай, друг ты наш, Петька. Ты должен добраться до своих — мы надеемся на тебя…

Крепко пожав через окошко руку своему юному другу, Николай подтолкнул его в спину и быстро вставил стекло. У Пети вдруг сами собой хлынули слезы. Он подбежал к двери, рванул огромный амбарный замок, ткнул ногой подпиравшее бревно: все это ему было не по силам. Мальчик набросил полушубок, подхватил его ремешком и медленно, оглядываясь поминутно на баню, побрел по снегу к черневшим кустам. Вскоре баня скрылась за высокими кустами. И тут к нему пришла отчетливая и ясная, но такая страшная мысль: «А ведь он уже никогда не увидит своего смелого и умного командира… Не увидит голубоглазого, похожего на девчонку, Ваню…» Ему стало их так жалко, что он опять заплакал. Заплакал навзрыд. Размазывая по лицу обильные слезы, проклиная проклятого Гитлера и все его фашистское войско, он вошел в темный лес. Под огромной вековой сосной Петя остановился и долго смотрел в сторону бани. Он несколько раз взмахнул рукой: так еще раз мальчик распрощался с друзьями, а затем медленно двинулся к станции Погостье. Там впереди, всего в четырех километрах от него, шел ожесточенный бой, беспрерывно ухали глухие орудийные раскаты и интенсивно строчили пулеметы.

Больше часа брел Петя по ночному снежному лесу. Временами он останавливался у какого-нибудь большого дерева и внимательно слушал ночной гул. Разрывы снарядов становились все ближе и ближе, а длинные пулеметные очереди и винтовочные выстрелы уже слышны были совсем отчетливо. Вдруг при переходе укатанной лесной дороги ему послышалась гортанная немецкая речь. Он сразу остановился у разлапистой ели и осмотрелся. Совсем рядом тарахтел движок. И тут он увидел палатку, натянутую меж деревьев, из которой еле-еле пробивался электрический свет, из нее раздался дружный смех и какие-то возгласы. Фашисты веселились. А дальше на дороге ряд

в ряд чернели гитлеровские танки. Он осторожно обошел колонну, насчитал в ней 42 танка и двинулся в направлении канонады. Нет, не зря соблюдал он меры предосторожности. Ночной лес был напичкан техникой противника. Орудия, танки, автомашины с боеприпасами встречались ему еще не раз на лесных дорогах. Фашисткая армада ждала рассвета, чтобы ринуться к фронту… На Ленинград…

Вскоре Петя вышел к знакомой железной дороге. Он помнил все ее крупные станции от Ленинграда до Москвы. Ведь не так давно он ехал по ней с мамой в столицу. Он вспомнил то довоенное, счастливое время. «Первой станцией, где мы почему-то долго стояли, была, кажется, Мга, — подумал мальчик. Да, точно. А затем — Будогощь, потом — Кабожа, Сонково, Калязин, предпоследней станцией был подмосковный Дмитров… — Петя на минуту задумался. — Потом — Москва… Столица…» До войны это была оживленная магистраль, имевшая большое народно-хозяйственное значение. По ней бесконечным потоком шли товарные и пассажирские поезда в Москву, Ленинград, Ярославль и другие большие и малые российские города. А теперь она лежала перед ним безмолвная, засыпанная снегом. На насыпи виднелись воронкообразные ямы, в двух местах близ ям висели черные изогнутые рельсы. Чуть дальше по насыпи на боку лежали два сгоревших танка, а за ними валялись полузасыпанные снегом остовы автомашин. «Здесь осенью было жарко… очень жарко», — подумал Петя. Он хотел было подняться на насыпь, но тут, почти совсем рядом, в метрах трехстах от него, раздался оглушительный артиллерийский залп. Мальчик затаился. Через некоторое время залп повторился. Затем еще… Петя медленно двинулся вперед и в высоком кустарнике, в десяти метрах от дороги, увидел немецкую батарею из восьми орудий, расположенных в шахматном порядке. Командовал гитлеровцами крикливый офицер. Сделав очередной залп по Ленинграду, фашисты совсем не спешили, чему-то дружно смеялись, в затем неповоротливо, с какой-то ленцой заряжали орудия. Следовал залп, а после грохота опять слышался смех и радостные возгласы фашистов. Петя с ненавистью смотрел навеселившихся гитлеровцев, затем сердито помахал им кулаком и медленно пошел по снегу. За ориентир он выбрал себе железнодорожное полотно, которое должно было привести к станции Погостье. «Подождите, сволочи, — думал юный разведчик, — очень скоро вам будет не до смеха…»

Строгий пулеметчик

Петя медленно продвигался кустами, проваливаясь иногда по пояс в заснеженные ямы. Тогда он замирал и внимательно слушал ночной лес. Оглядевшись, мальчик осторожно выбирался из снежной западни и продолжал свой трудный путь. Вскоре железнодорожная колея привела его к полностью разрушенному станционному зданию. До Погостья оставались какие-то сотни метров. Но это были самые трудные метры в его пути. Кругом стоял невообразимый грохот: то там, то здесь ухали разрывы мин, с огромной силой рвались снаряды, беспорядочно строчили пулеметы, автоматы, стреляли винтовки. Перед ним совсем рядом находилась передовая. Петя осторожно добрался до небольшой высотки, заросшей мелким кустарником, и долго смотрел с нее на заснеженное, уходившее вдаль темное поле. Это был передний край гитлеровцев. То, что он оказался на передовой фашистов, у него не было уже никаких сомнений. Да, вот и она… эшелонированная линия обороны противника: многочисленные окопы и траншеи, откуда часто строчили пулеметы. И тут внимание мальчика привлекли трассирующие пули, которые веером проносились в ночном небе. В каких-то семистах метрах они заканчивали свой полет. «Там же наши. Всего каких-то 700 метров, и я у своих, — радостно вздохнул он. — И эти проклятые фашистские трассирующие пули должны помочь мне определить линию фронта и перебраться к своим».

По колено в снегу, придерживаясь за кусты, Петя решительно стал спускаться с высотки. Он с трудом преодолел всего несколько шагов, как тут же, в каких-то десяти метрах от себя, услышал речь гитлеровцев. Рядом с ним по утоптанной тропинке, пригнувшись, прошли шестеро фрицев: первые две пары несли большие баки, а третья тяжело несла ящик. «Баки — это термосы, — решил мальчик. — Жратву потащили… Горячее… Наверное, кофе — не могут фрицы воевать без кофе. А в ящике хлеб, масло».

Немцы скрылись за дверью замаскированного блиндажа. Петя еще какое-то время был в кустах, а затем пополз по-пластунски в сторону, где оседали к земле угасающие трассирующие пули. Теперь каждый метр давался ему с большим трудом: ведь ползти по снегу было очень тяжело, поэтому он часто делал остановки для отдыха, а главное, для определения своего маршрута. Весь мокрый от пота, он уже не раз зарывался в снег и, лежа на спине, смотрел за полетом трассирующих пуль. Потом он поворачивался на живот, поднимал из снега голову, и ему становилось веселее

на душе: продвигался он правильно, только вот совсем медленно, но главное, как показывали пляшущие над ним пулеметные очереди, находился он на верном пути. Проползая вблизи окопов, специальных секретов в траншеях, откуда раздавались пулеметные очереди, мальчик не раз слышал совсем рядом немецкую речь. Тогда разведчик замирал на время, а затем ужом отползал в сторону от фашистов и продолжал свой трудный и опасный путь.

Настало время, когда Петя пересек передний край немцев. Сначала он даже не понял, что за его спиной передовая гитлеровцев, и только когда на его пути стали часто попадаться воронки — широкие и глубокие от снарядов, поменьше от мин, — мальчик решил, что оказался на нейтральной полосе, которую опасался больше гитлеровцев. Ведь сразу за их передовой начинались минные поля. А немцы на минах не экономили. С огромным количеством расставленных мин они чувствовали себя в большей безопасности. В этом юный разведчик хорошо разбирался по своим прошлым переходам через линию фронта. Поэтому Петя лежал сейчас на спине в небольшой воронке, смотрел на звездное небо и обдумывал план дальнейшего пути. Перевернувшись на живот, подтянулся за край воронки, которых действительно было много на этой не так уж широкой полосе ничейной земли. «Ведь мины, если они находились рядом с воронками, — думал Петя, — должны были наверняка сработать при взрывах снарядов. Путь этот, конечно, будет длиннее, да и карабкаться по крутым снежным краям воронок очень тяжело, но путь этот зато менее опасный», — размышлял юный разведчик.

Петя бесшумно, очень осторожно выбрался из воронки и тихо, по-пластунски, пополз по снегу. Он преодолел всего около десяти метров, когда на его пути встретилась широкая и глубокая рытвина. Разведчик не стал огибать первое препятствие, а быстро съехал на спине по снегу на ее дно. И сделал это так мгновенно, что улыбнулся своей сноровке, и тут же сразу ему вспомнилось довоенное время и зимние игры с друзьями. Они весело катались с крутых снежных гор и часто вот так, бросив санки, спускались лихо с горы — кто на чем: кто на спине, кто на попе, кто на животе, кто на боку. Эх, до чего веселая и радостная была пора!

На дне воронки Петр решил отдохнуть. Ведь ползти по снегу было очень трудно. А потом он быстро одолел крутизну воронки и опять пополз по снежному полю — в воздухе беспрерывно, словно большой рой пчел, жужжало несметное количество разных пуль, проносившихся с огромной скоростью то в сторону фашистов, то в сторону наших войск. Чтобы не сбиться с пути, Петя иногда ложился наспину иследил за трассирующими

огоньками. Сердце паренька наполнялось какой-то неподдельной радостью, он игриво переворачивался со спины на бок и продолжал штурмовать снежное поле. Но вот орудийная и минометная стрельба почти затихла. Только изредка со стороны гитлеровцев пролетал с воем шальной снаряд, и через несколько секунд раздавался в расположении советских войск взрыв огромной силы. Услышав это, мальчик старался сразу спрятаться на дно воронки. В этот миг он вспоминал мамины слова: береженого бог бережет. Сколько раз мама, смазывая йодом сбитые до крови его коленки, наставляла своего Петюню не лазить по деревьям, не прыгать с заборов. Ох, и бедовым же был он все-таки мальчишкой!.. Он улыбнулся своим добрым довоенным воспоминаниям и вылез из воронки. Мальчик хотел было уже ухватиться за ее край, но резко отдернул руку, словно наткнулся на раскаленное железо. Над его головой на проводах висела… большая противопехотная мина. Ему не хватило каких-то нескольких сантиметров, и рука уткнулась бы в это страшное взрывное чудище. Петя представил, что могло бы произойти. Сердце учащенно забилось, он нервно зевнул и вытер рукавом со лба выступивший пот.

Нет, он не боялся за себя: за полгода войны Петя насмотрелся такого, что смерть его совсем не страшила. В этот миг мальчика беспокоило только одно: вот эта проклятая воронка может стать навеки его могилой, и никто никогда не узнает о его судьбе. А главное, никто не узнает о гибели его боевых друзей. Эта воронка может похоронить в глубокой тайне и добытые с таким огромным трудом разведывательные данные о противнике…

— Нет, нет… — сквозь слезы твердо, словно клятву, произнес мальчик. — Я выкарабкаюсь отсюда и доберусь до своих.

Он осторожно спустился на дно воронки. Полулежа, несколько минут наблюдал за звездным небом, а затем полез в противоположную сторону от заминированного края. Но и здесь совсем близко от себя увидел торчавшие из-под снега смертоносные волоски мины.

Мальчик съехал на дно обрыва и задумался. Потом стал карабкаться из воронки тем путем, который привел его в эту западню. Вскоре Петя выполз и по проторенной им в снегу тропинке отполз метров на десять в сторону немцев. Затем сверил свой путь с пляшущими в ночном небе трассирующими пулеметными очередями гитлеровцев и медленно, делая часто остановки, обогнул по-пластунски западню. Перед ним все так же темнело уходящее вдаль снежное поле. Ползти было все трудней и трудней, а сил становилось все меньше. Около часа он еще боролся со снегом. За это время мальчик преодолел метров 150, и

тут рука его неожиданно уткнулась в деревянный столб, обмотанный колючей проволокой. Петя чуть поднял голову. Впереди темнела полоса заграждения. Несколько рядов колючей проволоки высотой метра в полтора уходили вдаль от него и сливались с темнотой. «Там, за этой колючей проволокой, уже наши», — подумал мальчик. Но тут же тяжело вздохнул: ему еще предстоял трудный путь — преодоление полосы, которая нашпигована минами и разными другими сюрпризами. Мозг юного разведчика лихорадочно заработал, припоминая отдельные тонкости работы саперов. Кое-какие секреты пригодились ему при подготовке и походах через линию фронта — рядом со столбами, на которые крепилась проволока, мины, как правило, не ставились. Он решил преодолевать эту чертову полосу только около столбов.

Мальчик осторожно разгреб снег у толстого соснового столба. Первый ряд колючей проволоки почти касался замерзших комьев черной земли. Тут же валялось несколько сучьев. Он взял крепкий, несколько изогнутый сосновый сук и долго на него смотрел: один конец, тот, что потолще, был срублен ударом острого топора, а на другом — сломанном, скорее всего, при повале дерева, торчали два зубца, похожих на клыки дикого кабана. Он видел их у этого зверя, убитого колхозниками в прошлом году, который повадился на картофельное поле и попортил тогда много картошки. Петя ловко, но очень осторожно вставил в зубцы первый ряд проволоки. Потом он с силой поддал сук двумя руками вверх, да так, что в его зубцы вошел и второй ряд проволоки. Упираясь в землю, сук стоял прямо, а снизу в проволоке образовался небольшой проем, которым воспользоваться взрослый человек, конечно, не смог бы, но щупленький Петя легко пролез через него. Он осторожно опустил проволоку, запорошил снегом очищенное место и метра через два опять уткнулся в столб. Парень теперь уже быстро и ловко проделал ту же операцию, и вот он, третий ряд проволоки, а затем четвертый, пятый, шестой и, наконец, последний — седьмой столб. Семь рядов колючей проволоки и огромное нервное напряжение сделали свое дело. Силы у него были на пределе. Весь мокрый от пота, Петя лег на снег, раскинул руки и устало тихо прошептал: «Все, кажется, я у своих…»

Потом он вспомнил баню, своих друзей. «Ведь им осталось жить какие-то часы — сегодня утром их расстреляют фашисты… И он ничем не может помочь им», — всхлипывая, думал мальчик. Вдруг перед собой он увидел улыбающиеся лицо Вани Голубцова, который подмигнул ему и с ухмылкой сказал:

— Ишь, разлегся, устал, видите ли, он… А задание?.. На тебя

надеются, а ты слезы тут льешь, как девчонка. Вставай, Петька, вставай — и вперед!

Мальчик напрягся, вытер слезы и быстро заработал ногами и руками. Здесь, у своих, он все также должен был ползти, а то можно было получить пулю в лоб, теперь уже от красноармейцев. Ведь разбираться, кто тут к ним пробирается ночью, они не будут. Поэтому он решил как можно быстрее достичь передовой. Минут двадцать с яростью полз по этому проклятому полю. И откуда только взялись у него силы? Ведь совсем недавно ему казалось, что больше он не сможет одолеть и метра этого снежного безбрежья. Он остановился только для того, чтобы сверить по трассирующим пулеметным очередям противника свой путь. Полз правильно. Тут вдруг ветер донес до него запах табачного дыма. Мальчик поднял голову — теперь он совсем хорошо чувствовал дым махорки. Той, домашней, которую так любил курить его отец. Мама не раз ворчала на него, что этим едким зельем он просмолил стены всего дома. А отец посмеивался в прокуренные, желтоватого цвета усы и ласково обнимал ее за плечи. Мама сразу замолкала, стыдливо выворачивалась при Пете из его объятий и, махнув на отца без всякой злобы рукой, принималась за какую-нибудь работу. Находясь в тылу противника, мальчик видел, что немцы курили довольно много, но вот такого дыма, родного, совсем домашнего, он никогда не чувствовал. Поэтому он так обрадовался этому запаху махры, как называли ее бойцы Второго Отдельного танкового полка. Мальчик понял, что где-то тут, совсем рядом, находятся красноармейцы. Курить махорку могли только они. Он быстро пополз по направлению запаха табачного дыма. Преодолев метров десять, а может, и больше, уткнулся в траншею. Однако спускаться в нее не стал. Своим неожиданным появлением он мог только навредить себе: попасть красноармейцам на мушку, а то и на штык. «Нет, я не хочу погибнуть вот тут, да еще от своих, — размышлял Петя. — Они наверняка здесь, маскируются в специальном секрете…»

Он выбрался из ада

Петя подполз еще ближе к краю траншеи, зарылся в снег и стал наблюдать. Ждать ему пришлось совсем недолго. Рядом оказался хорошо замаскированный блиндаж, откуда, согнувшись, вышел среднего роста красноармеец в длинной шинели и винтовкой в руке. Он прислонился к специально оборудованному для стрельбы месту. Здесь же находился и замаскированный пулемет «Максим». Мальчик понял, что вышел на сторожевой пост. Такие посты в составе трех-четырех красноармейцев выдвигались впереди для наблюдения за противником. Они же принимали на себя и первые удары гитлеровских войск. Петя продолжал смотреть в спину красноармейца, который наблюдал за немцами. На гитлеровской стороне было почти спокойно: только изредка раздавалась пулеметная стрельба, и в небе тут же вспыхивали трассирующие огоньки. Парень какое-то еще время смотрел на солдата, а затем вполголоса обратился:

— Дяденька!

Красноармеец не обернулся на зов, но юный разведчик понял, что его услышали, и рука солдата тут же опустилась на винтовку, а Петя уже громче продолжил:

— Дяденька! Не стреляйте, я свой!

Красноармеец резким движением вскинул винтовку и хриплым, простуженным голосом скомандовал:

— Сигай в траншею, быстро и без шума.

Петя рванулся из своего снежного укрытия, а солдат приказал:

— Руки вверх!..

Тут из блиндажа вышел второй солдат в телогрейке, наброшенной на плечи, и спросил:

— С кем это ты, Иваныч, развоевался?

Красноармеец ткнул винтовкой в сторону Пети, стоявшего с поднятыми руками, и произнес:

— Да вот, товарищ сержант, шпиона немецкого поймал.

Молоденький сержант подошел к Пете, опустил его руки, удивленно посмотрел на мальчика и спросил:

— Откуда же ты такой взялся?..

Петя, сияя от счастья, что вот наконец все его мытарства позади, смотрел на пожилого усатого солдата. Он совсем не обиделся на этого добродушного дядьку, что тот обозвал его немецким шпионом. Красноармеец удивленно наблюдал за Петей и не мог пока понять, чему же так радуется этот мальчишка. Вдруг тот бросился к солдату и прижался головой к его груди.

Красноармеец растерянно посмотрел на сержанта, а затем погладил Петю по голове: ему только теперь стало ясно, что этот маленький и худенький мальчишка вырвался из какого-то страшного ада, поэтому он и радовался встрече с бойцом Красной Армии. Усатый остался на улице вести наблюдение за немцами, а мальчик с сержантом вошли в блиндаж, который освещался самодельной лампой из расплющенной гильзы зенитного снаряда. Подземелье встретило Петю теплом и запахом махорки. Дым от табака был такой сильный, что мальчик оставил дверь открытой. Сержант удивленно посмотрел на Петю, затем раздул свои широкие ноздри, глубоко несколько раз вздохнул и махнул рукой: мол, действительно, воздух того… прокуренный. Тут он легко хлопнул ладонью по спине красноармейца, лежавшего на нарах с натянутой на голову телогрейкой. Солдат перевернулся на другой бок и стал закутывать голову своей прожженной в нескольких местах телогрейкой, а сержант настаивал:

— Давай, Михалыч, просыпайся… Неси все на стол — смотри, какой гость к нам пожаловал…

Михалыч сбросил с себя телогрейку, открыл глаза:

— У-у-у Вот эта да!.. Вот это гость! Сыну моему ровесник. Двенадцать?

Петя отрицательно мотнул головой и твердо ответил:

— Не угадали, уже четырнадцать…

Красноармеец хитро прищурился и весело продолжил:

— Ну, тогда, товарищ сержант, надо вставать… Четырнадцать — это возраст… Надо накормить нашего гостя.

Михалыч бодро вскочил с нар и выложил из вещмешка на небольшой стол буханку хлеба, две банки тушенки и кусок сала, завернутый в лощеную бумагу с готическим шрифтом. С маленькой чугунной печки, похожей на «буржуйку» из дома лесника, он снял пышущий паром огромный, весь помятый пузатый чайник и разлил по большим алюминиевым кружкам кипяток. Тут красноармеец весело подмигнул Пете: мол, это еще не все — и вытащил из своего залатанного суровыми нитками вещмешка колотый сахар в чистой белой тряпке. Михалыч выбрал самый большой кусок сахара и протянул Пете. Мальчик только сейчас понял, как он голоден… Жадно смотрел на стол и готов был уже наброситься на еду, но что-то такое внутри заставило его отвернуться. «Ведь я же человек, — думал он. — Голодный, битый фашистами. Вести себя должен подобающе, по-человечески…»

Петя не смог сказать «спасибо», а только кивком головы поблагодарил Михалыча за сахар; сержант, поняв психологическое состояние мальчика, не стал донимать его расспросами и уселся на широкий чурбак около стола. Немецким

кинжалом с фашистской свастикой он вскрыл банки с тушенкой, нарезал хлеб толстыми кусками и хлопнул ладонями:

— Ну, Михалыч, пора, пора, а то немцы скоро проснутся—и прощай тогда наша трапеза.

Солдат подтолкнул в спину Петю, и они уселись на такие же широкие чурбаки за стол. На толстый кусок хлеба сержант водрузил целую горку тушенки и, протянув его мальчику, уважительно произнес:

— Это, Михалыч, нашему гостю.

Красноармеец тут же ответил:

— Конечно, ему. Сейчас мы посмотрим, товарищ сержант, какой он едок…

Петя тут же разделался с хлебом и тушенкой. Михалыч подал ему еще кусок сала, а сержант протянул такой же толстый ломоть хлеба. Мальчик и с этой едой справился быстро. Затем, выпив кружку кипятка вприкуску с сахаром, вдруг почувствовал, что проваливается куда-то. Какое-то время он еще видел улыбающееся лицо сержанта и почти слышал Михалыча, который говорил:

— У нас, товарищ сержант, в деревне раньше работника определяли по еде.

Сержант заинтересованно посмотрел на красноармейца, а тот продолжал:

— Так вот, ставили перед ним чугунок с едой и, если претендент на имевшееся рабочее место быстро с ним справлялся, брали на работу. Деревенское общество считало: каков едок, таков и работник. Думаю, что наш юный друг был бы наверняка взят на работу в нашей деревне.

Михалыч с улыбкой посмотрел на мальчика, но Петя этих слов уже не слышал. Он спал глубоким сном. Тепло уютного блиндажа, сытная еда, кипяток, душевность красноармейцев сделали свое дело. Как он ни сопротивлялся, усталость взяла свое… Михалыч накрыл мальчика своей телогрейкой и, тяжело вздохнув, зло сказал:

— Будь проклята эта война! Сколько же несчастья она принесла нам и нашим детям. Вот и неизвестный гость, совсем еще ребенок, а чувствуется, что перенес он что-то такое страшное… Не каждому взрослому оно под силу, а он выдержал. Каким молодцом держится! Нет, не победить Гитлеру наш народ, у которого такие прекрасные дети.

Петя проснулся от страшного грохота и воя. Как и предсказывал сержант, отдых у немцев кончился, и они начали свой день с обычного артобстрела советских войск. Блиндаж ходил ходуном, словно трясли его какие-то неведомые подземные

силы. Земля временами сильно вздрагивала, после чего начинал шевелиться настил бревен в несколько накатов, а с потолка то там, то здесь начинал сыпаться обильными струйками песок, тут же сама открывалась дверь и через несколько секунд также закрывалась. В блиндаже находился только Иваныч, который сидел за столом и аппетитно уплетал хлеб с тушенкой, не обращая никакого внимания на обстрел и на сыпавшийся песок с потолка. Весь его вид говорил, что ко всему этому он уже привык, как легко привыкает русский человек к любому делу, большому и малому, которое хочешь не хочешь, а надо выполнять.

Петя резко вскочил с широкого чурбака и, чтобы разогнать сон, быстро надел свой разорванный в нескольких местах овчинный полушубок: он очень торопился, и в его планы этот отдых не входил. Иваныч молчал. Вот он закончил еду и приступил к чаепитию. Делал он и это дело как-то основательно, степенно, словно пил чай в деревне или на даче в мирное время. Откусив сахару, красноармеец долго дул на кипяток в алюминиевой кружке, затем разлил его в две небольшие железные тарелки, которые заменяли ему блюдце, и, взяв одну из них в две ладони, стал пить кипяток маленькими глотками. Все так же молча он разделался с одной тарелкой, а затем и с другой. Подмигнул Пете:

— Люблю почаевничать — святое это дело…

Иваныч вытер пот со лба и назидательным тоном продолжил:

— А ты, мил человек, не торопись, у нас спешка до добра не доводит. Вот придет наш сержант и отправит тебя туда, куда тебе надо. У нас тут кругом мины натыканы. Чуть что — и поминки устраивай. Без Михалыча тебе не обойтись, уж он-то тут все дорожки знает — охотник…

В блиндаж ввалился сержант, весь запорошенный крупным липким снегом. Чертыхаясь на погоду и гитлеровцев, продолжавших интенсивный обстрел, он быстро стряхнул с себя снег, приказал красноармейцу, убиравшему свои тарелки в вещмешок, сменить Михалыча. Иваныч тут же надел потрепанную телогрейку, затем облачился в шинель и, взяв винтовку, направился было уже на улицу, но его остановил сержант:

— Слышь, Иваныч, ты смотри там в оба… Хлещет мокрый снег… Видимости почти никакой. Будь внимательным — фашисты коварны.

Иваныч кивнул головой: мол, все понятно. Сержант хлопнул красноармейца по плечу и подтолкнул его к выходу из блиндажа. Скрипнула дверь, ворвался холодный воздух с роем снежинок. Дверь осталась полуоткрытой, но военный не обращал на это никакого внимания. Он был занят какими-то своими думами.

Тогда Петя встал со своего чурбака, прихлопнул дверь, и тут сержант промолвил:

— Что же, парень, мне делать с тобой?..

Мальчик пожал плечами:

— Делать со мной ничего не надо… Отправьте меня в самый ближайший Особый отдел, а там разберутся…

Сержант заинтересованно посмотрел на мальчика:

— Ну, что ж… Наши желания совпадают. Отправлю я тебя в наш полк, к старшему оперуполномоченному Коровину, он занимается у нас контрразведкой. Говорят, мужик справедливый, обижать не любит. Так что собирайся. Поведет тебя Михалыч.

Сборы были короткими — полушубок он уже подпоясал ремешком, и дело теперь было только в Михалыче. Тут мысли Петра как-то сами собой переключились на Коровина. Где-то он уже слышал об этом старшем уполномоченном. Вот только где? И он вспомнил: разговор о Коровине однажды вели при нем начальник Особого отдела НКВД Ленинградского фронта Куприн и начальник зафронтового отделения Таевере. Помнится ему, тогда они хвалили Коровина за умелые действия при разоблачении двух агентов «Абвера». Эти шпионы действовали в зоне расположения обслуживаемого им 167-го стрелкового полка. Слышал в то время и еше кое-что, но многое из того разговора не понял, а переспрашивать ему было как-то неудобно.

Чекист Коровин и сержант Аникин

Размышления мальчика были прерваны появлением Михалыча. Услышав фамилию Коровина, тот радостно произнес:

— Хорошо это — земляка наконец повидаю. Наш он — вологодский… С одной деревни мы с ним. Крепкий мужик. Большевик еще с дореволюционной поры — Зимний штурмовал. В ВЧК с Дзержинским работал и Достиг в органах большого положения: был не то майором госбезопасности, не то старшим майором. А это, брат, по тем временам генералу равнялось. Вот так…

Сержант укоризненно посмотрел на своего красноармейца и обиженно сказал:

— Нехорошо, Михалыч, — скрываешь такие связи…

Молчавший до этого Петя вопросительно взглянул на своего провожающего:

— Только мне, Михалыч, одно непонятно…

Некоторое время он молча смотрел на красноармейца, а затем продолжил:

— Почему этот ваш земляк с таким бывшим большим званием занимает довольно скромную должность?

Красноармеец махнул рукой:

— Так или не так, за это не ручаюсь. Но в деревне прошел слух, что Егор Григорьевич чем-то не угодил тогда новому наркому внутренних дел, самому Лаврентию Павловичу Берии… А с тем шутки были плохи…

Сержант Аникин согласно кивнул: он-то хорошо это знал — испытал на своей шкуре. Вот и его отец, в прошлом питерский рабочий, а затем конармеец, командир дивизии, в 1939 году был осужден, как сообщили в НКВД СССР, на 10 лет без права переписки. Многие их знакомые, в основном жены бывших военных, имевшие уже такие ответы из наркомата Берии о судьбах своих близких, уверяли, что отец расстрелян. Они же с мамой не верили этому и продолжали «бомбить» письмами различные учреждения. Однако все было безрезультатно. Ответ получали один и тот же: 10 лет без права переписки. Вскоре арестовали и маму и как члена семьи изменника Родины осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Тут же загремел с четвертого курса авиационного института и он и Особым совещанием при НКВД СССР отправлен на спецпоселение на Колыму, в поселок Ягодное. Срок определили 5 лет. В этом почти не обжитом и забытом богом краю кого только он не встречал. На лесоповале познакомился с кухаркой Ниной, сестрой

расстрелянного маршала Тухачевского, которая не раз подливала ему сверх нормы баланды. Вместе с проходчиком Варлаамом Шаламовым, журналистом из Москвы, добывал золото на прииске Джелгала и делил последний сухарь в стылом углу барака. А жена главы нашего государства Михаила Ивановича Калинина, Екатерина Ивановна, несколько раз угощала прекрасным душистым табаком. Где она его доставала — одному богу известно. Здесь Аникин познакомился с бывшими крупными советскими и партийными работниками, дипломатами, военными, писателями, артистами и просто рядовыми рабочими и крестьянами. С кем бы он ни беседовал, каждый из них считал, что всех их свел сюда какой-то злой гений. И каждый из этих бедолаг упорно надеялся: совсем скоро их освободят… Вот Сталин обо всем узнает и освободит. Ведь здесь собраны невиновные, лучшие люди страны. Там, в верхах, орудует хитрый и коварный враг. Он и творит свои гнусные дела. Скоро Сталин разберется и узнает обо всем. И тогда берегись, вражина!

На лесоповале и прииске Аникину, физически очень сильному человеку, бывшему спортсмену, не было равных. В день он выдавал несколько производственных норм. Ему, конечно, было тяжело. Но эта физическая усталость не имела никакого сравнения с душевной его драмой. О, как хотелось ему доказать, что он свой, советский. По вечерам он что-то мастерил, чертил, мудрил, и скоро о нем заговорили какоб изобретателе. На него обратило внимание местное руководство. Некоторые из руководителей стали приглашать его к себе в гости. Однажды районный военком попросил Аникина подготовить дочь по математике для поступления в столичный вуз. Он согласился, о чем потом не раз ругал себя. Он влюбился… И самое страшное — она ответила ему взаимностью. «Но что могло быть общего между нами? — не раз думал Аникин. — Он — изгой общества, на нем клеймо сына изменника Родины. От своего отца никогда не отречется. Он верит в его невиновность. Пока есть силы, он будет ставит рекорды. А потом его ждет неизвестность… Нет у него никакого будущего, а значит, не будет будущего и у нее. А она — красавица, умная, наверняка поступит в МГУ. Она решила так: если поступать, то только в университет Оля рвалась в Москву, но не только на учебу… Она решила дойти до самого наркома внутренних дел, и будь что будет — расскажет ему об их любви. Ведь он человек… По возрасту подходит ей в отцы. Он должен помочь. Она докажет ему, что ее любимый не враг. И врагом никогда не был.

Бедная Оля, если бы ты знала, сколько вот таких наивных и доверчивых девушек растоптал и обесчестил этот проходимец на

высоком посту наркома внутренних дел. Он многим из них обещал: одной обещал освободить отца, другой — мать, третьей — любимого. Но от всех красивых девушек, специально пропускаемых к нему его головорезами, он требовал одно: женскую честь. Обезумев от горя, теряя рассудок, многие из них соглашались и на это, лишь бы помочь своим близким. Добившись своего, он тут же обо всем забывал. А обесчещенная и истерзанная им жертва нередко после этого отправлялась на спецпоселение или даже того хуже — в тюрьму…

Оля в Москву не поехала. Началась война. Аникин решил, что ему теперь может помочь только фронт; «Там, на передовой, в бою, — не раз думал он, — мне повезет. Я совершу подвиг, обо мне заговорит вся страна. Меня пригласит Сталин. Я все расскажу ему. Об отце и маме… О нашей любви с Олей. Он во всем разберется. И я опять обрету свободу. Стану полнокровным гражданином своей Родины. Я вернусь и заберу Олю, и мы заживем назло той судьбе, которая уготована была мне какими-то злыми, непонятными, антинародными законами. Законами, которые приняты, как не странно, в самом гуманном обществе на земле. И кто только их готовил?»

— Помог мне отец моей любимой, районный военный комиссар. Правдами и неправдами он устроил меня рядовым в формируемый полк, и вскоре был я под Ленинградом. Но надо же такому случиться: мытарства мои на этом не кончились. Дружок у меня там появился. Всем хорош был парень. Влез он в мою душу — я возьми и расскажи ему всю свою горемычную судьбу. А он, сволочь, побежал и донес обо мне оперу из Особого отдела. И загремел я. Опять арест, следствие. О военкоме с Колымы следователю, конечно, ни слова… Наплел ему такое, что и вспомнить сейчас не могу. Осудил меня трибунал к 15 годам тюремного заключения. В тюрьму однако я не попал. Направили меня на фронт смывать вину кровью. Определили в штрафную роту. Теперь у меня было два пути: первый — лечь костьми при штурме какой-нибудь высоты или населенного пункта, что было обычным явлением для штрафников. Ведь бросали их в самое пекло. Второй путь — получить в этом пекле ранение и остаться в живых, смыть свою, для меня несуществующую вину своей собственной кровью. Для штрафника было это огромным счастьем. Получив ранение, штрафник уравнивался во всех правах с обычными гражданами, а главное, с него снималась судимость. Мне выпал счастливый жребий. Из двухсот с лишним человек, брошенных на штурм высоты 5671 под Красногвардейском, в живых нас осталось только пятнадцать — молодых, израненных, но отчаянно смелых, прошедших, как

говорил наш ротный, старший лейтенант Фокин, царство ему небесное, огонь, воду и медные трубы. Ранен был и я, в левую руку. Взяв высоту, мы удерживали ее два дня и две ночи. Однако помощь командованием нам оказана не была, и попали мы вскоре в окружение. Офицеров среди нас уже не осталось: все полегли, горемычные, кто при штурме высоты, кто при ее защите. Командиром ребята избрали меня. Рассказал я одному, что в институте мне не хватило каких-то трех месяцев для присвоения офицерского звания. И это сыграло свою роль. А может, и то, что считали меня необыкновенно отчаянным парнем, но влюбыхситуациях не терявшим головы. Три недели пробивались мы из окружения. В лесах к нам примкнуло еще около 150 человек. Нам повезло: мы прорвались к своим. После прохождения специальной проверки присвоили мне звание сержанта, и командование даже объявило, что представлен я к награде. Теперь вот в 167-м стрелковом полку, на передовых позициях. А Оленька моя?.. Пишет… Наконец сбылась и ее мечта: побывала в Москве. Учебу в университете отложила до победы, а пока учится в Подмосковье в школе радисток. Скоро ей идти в тыл врага.

Сержант Аникин тяжело вздохнул и, волнуясь, заходил по блиндажу. Он быстро налил в кружку остывшего кипятка и залпом выпил.

Потом сержант подмигнул Михалычу:

— Вон как наш юный друг елозит на своей чурке — торопится…

Михалыч тяжело вздохнул:

— Так вот, осенью 1939 года у Коровина с наркомом состоялся разговор. Берия встретил его как всегда невозмутимо спокойным. Только лишь изредка бросал удивленные взгляды на своего подчиненного, пока не понимая, зачем же напросился к нему на прием этот ответственный его сотрудник, всегда с ним такой молчаливый, а сегодня так разговорившийся. В начале своего разговора Егор Григорьевич остановился на общих вопросах деятельности НКВД СССР. Когда Коровин на конкретных уголовных делах стал доказывать, что в стране, как и во времена «ежовщины», продолжаются массовые репрессии, нарком взорвался. Криком и бранью он пытался заставить его замолчать. Но Егора Григорьевича уже нельзя было остановить: он говорил о своих друзьях — чекистах школы Ф.Э. Дзержинского, арестованных в 1938–1939 годах один за одним по разным сфабрикованным делам в НКВД СССР. Он вспомнил М.А. Трилиссера, М.С. Кедрова, Е.Г. Евдокимова, В.Л. Герсона, Г.С. Сыроежкина и многих других своих славных друзей. Старый

чекист знал, чем может кончиться этот затянувшийся разговор, но молчать больше ему не позволяла совесть. Он-то знал, что Берия беспощадно расправляется с теми чекистами, кто пытается выступать против него, кто выступает против преступных методов в работе органов… Он знал судьбу сотрудников 3-го отдела ГУГБ НКВД И.М. Кедрова, сына известного чекиста М.С. Кедрова, и его друга В.Г. Голубева. Эти молодые чекисты не могли больше смотреть на злоупотребления в системе органов. Они решили рассказать обо всем Сталину. Они надеялись, что их вождь и учитель раз и навсегда покончит с этими безобразиями. В объемном письме Кедров и Голубев обвиняли Берию в фальсификации уголовных дел на невиновных людей… Они гневно обличали провокационные методы в чекистской работе, против которых всегда так резко выступал первый руководитель ВЧК Ф.Э. Дзержинский. Они выступили против применявшихся мер физического воздействия на арестованных, которые, с одобрения наркома, использовали многие следователи в своей работе…

Петя внимательно слушал пожилого красноармейца. Временами лицо мальчика выражало удивление… Петя чувствовал, что в этом рассказе нет ничего надуманного. Он уже не раз встречал вот таких простых людей: для них правда — превыше всего. Такие люди от себя ничего не выдумывают. В то же время мальчишке многое было непонятно. «Зачем это на невиновных советских людей нужно заводить уголовные дела? И даже расстреливать? Кому и зачем это нужно?» — терзался он в непонятных вопросах. Он знал, что Берия — ближайший помощник любимого всеми вождя. Он правая его рука, как говорила о нем ему мама. А он так расправляется с безвинными людьми. «Знает ли об этом Сталин?» — вдруг молнией пронеслась мысль в голове мальчика. И тут же сам себе ответил: — Нет, конечно, не знает… Скрыли от него все… Наверняка скрыли. Ато все было бы иначе».

Сегодня всем ясно, что в массовых репрессиях в первую очередь виноват Сталин. Однако в то трудное военное время Петя и миллионы советских людей с именем Сталина связывали все свои думы и чаяния. А главное, только он, дорогой и любимый их вождь, мог привести советский народкпобеде.

А Михалыч продолжал рассказывать:

— Сталин передал это письмо своему другу, верному опричнику Лаврентию… И молодых, талантливых чекистов арестовали. Тут же по указанию наркома его псы-следователи, заплечных дел мастера Влодзимирский и Мешик, начали стряпать на них уголовное дело. Их обвинили в шпионаже в пользу

фашистской Германии. Коровин знал, что ребята эти держались долго, но они, как и тысячи других безвинных жертв, не выдержали физических мук и стали клеветать на себя…[42]

От рассказа красноармейца Пете стало как-то не по себе: временами его бросало то в жар, то в холод. Он налил из чайника совсем уже остывшей кипяченой воды и долго пил ее маленькими глотками, чтобы успокоиться. Сержант Аникин сжимал до хруста свои огромные кулачища и, тяжело вздыхая, скрипел зубами. «Ох, и терпелив же ты, русский народ, — думал Аникин. — Ох, и досталось тебе от «любимых» вождей, правителей — вершителей судьбы народной… Теперь вот фашисты зверствуют… Ну, тут полегче: противник хоть известный. А в те страшные годы враг был кругом — все вроде свои, и все враги… От каждого можно было ждать подвоха. Тяжелое было времечко…» — вздыхая, пробормотал сержант. А Михалыч шагал взад-вперед по блиндажу и продолжал свой рассказ:

— Егор Григорьевич довел Берию до белого каления. Ох, уж и орал он на него! Грозил ему всеми смертными карами. Но Коровин выложил ему все. Тут же сняли его, бедолагу, со всех постов. Хотели сделать из него врага народа, но что-то помешало… А он моментально собрался и, чтобы не дразнить гусей, как он говорил, уехал со своей женой — милейшей Екатериной Ивановной из Москвы к себе на родину. В далекую вологодскую деревню Малиновку. Может, это его и спасло. Здесь, в глубинке, Егор Григорьевич работал в колхозной кузне, а с началом войны ушел добровольцем в армию.

Михалыч замолчал. В блиндаже установилась тишина, только с улицы изредка доносились взрывы снарядов и мин. Сержант Аникин так резко вскочил со своей чурки, что у него даже хрустнуло в коленях, и стал ходить по блиндажу. Рассказ красноармейца вернул его в то страшное, совсем недавно им пережитое, довоенное время. А взгрустнувший Петя все мучался над теми же непонятными для него вопросами: «Кому и зачем все это надо было? Кому надо было расстреливать невиновных?» Мальчик хотел было уже спросить об этом у Михалыча, но одумался. «Здесь не место для таких вопросов, — решил он. — Да этот пожилой красноармеец и знает только то, что рассказал ему когда-то Коровин. Откуда ему, бывшему колхознику, быть в курсе таких страшных дел… И время меня подгоняет — пора в дорогу. Вот доберусь до Ленинграда и спрошу об этом у самого начальника Особого отдела фронта. Он-то уж наверняка все знает…»

«Фига вам, фашисты!»

Аникин подошел к Пете:

— Ну, мужичок с ноготок, пора прощаться. С Коровиным ты теперь заочно знаком. Человек он, как рассказал нам Михалыч, неплохой, поможет тебе.

За такое сравнение Петя на сержанта ничуточки не обиделся. В тулупчике он действительно был похож на маленького хлопотливого мужичка, которого можно встретить в любой русской деревеньке. Мальчик крепко пожал руку сержанту и тихим благодарственным голосом сказал:

— Спасибо, товарищ сержант. За все вам большое спасибо.

Обращаясь к красноармейцу, тщательно укладывавшему в вещевой мешок разные нехитрые солдатские пожитки, Аникин произнес:

— Давай, Михалыч, поторапливайся, в путь-дорогу пора. Смотри, будь осторожным, в целости и сохранности доведи нашего гостя. Гость он важный, все молчит. А мы-то не лыком шиты, кое-что повидали. Особым отделом не каждый интересуется, обычно его боятся, им даже пугают. А тут сам напросился, значит, дело есть. Чует мое сердце — важная у нас с тобой птица побывала, береги его.

Сержант и красноармеец весело рассмеялись, а Петя почувствовал, как лицо его медленно наливается краской: ему стало как-то неловко, что вот этим прекрасным людям он не имеет права рассказать о себе. Такая уж была у него работа, да и инструкции были такие.

Улица встретила их солнцем и легким морозцем. Блестевший кругом снег резал глаза до слез. Михалыч присел на корточки в траншее: его уже совсем немолодым глазам нужно было привыкнуть к такому яркому свету. А Петя с полузакрытыми глазами стоял рядом и удивлялся какой-то страшной, наступившей тишине. Это была тишина не войны: ни тебе взрывов снарядов, ни тебе противного визга мин, ни тебе пулеметных очередей. Только рядом над головой Михалыча весело щебетала на солнечной стороне траншеи стайка резвых воробьев, прилетевшая сюда неизвестно зачем. Птички резвились так, что на ушанку Михалыча ложился ровными слоями густой снег. Мальчик усмехнулся дружной работе воробьев: так Михалыч скоро будет похож на новогоднего Деда Мороза. Но Петя тут же помрачнел, представив, что вдруг сейчас сюда грохнется снаряд… Он захватил горсть снега, слепил твердый снежок и ловко бросил его в самый центр стайки воробьев. Птицы моментально

разлетелись врассыпную. И опять установилась странная, непонятная тишина. Петя удивленно посмотрел на Михалыча, а тот улыбнулся, ласково прижал его голову к своей груди и сказал:

— Тишине удивляешься? Думаешь — не конец ли уж войне? Нет, дорогой, воевать нам еще ох как долго. Фрицы природой любуются, вот и молчат их пушки. В бинокли Ленинград, сволочи, уже кое-где разглядывают, благо погода позволяет. Вот и молчат их пушки. Руки уже небось потирают гады, предвкушая крупную добычу. А вот им…

И Михалыч энергичным жестом сделал из трех пальцев известную всем фигуру, ткнул ею в сторону гитлеровцев. Его тут же поддержал смехом Петя, и они вдвоем, размахивая руками, подпрыгивали в траншее и громко кричали:

— Не видать вам, сволочи, Ленинграда! Никогда не видать!

Старый, опытный солдат Михалыч был прав. В декабре 1941 года фашисты, словно голодные стервятники, обложили свою израненную жертву и ждали ее конца. Им казалось, что из такого капкана, который устроили здесь солдаты великого Рейха, не выбраться этим русским медведям. Сам Гитлер не раз обещал: Ленинград уничтожим!.. Дотла уничтожим этот рассадник большевизма. А перед этим он отдаст его на три дня на растерзание своим солдатам. Правда, сроки захвата города уже не раз менялись. Но это не беда. Война есть война. Кто мог предположить, что русские будут так яростно сражаться. Но очень скоро им конец. Главное — солдаты верят своему фюреру: ведь пока он все свои обещания выполняет. Вон почти вся Европа у их ног, она работает на нас, на великий Рейх. Атеперь и России скоро конец. Вот возьмем ее Северную столицу, и каждый солдат фюрера добудет здесь себе богатство. Тут богатым станут все. В эти яркие и солнечные дни фашисты кое-как рассматривали город вбинокли и делили уже между собой его лакомые куски. Каждый из них старался урвать для грабежа какой-нибудь музей или на худой конец церковь. Ведь, как трезвонил им шеф пропаганды Геббельс, там у русских собраны несметные сокровища.

Юный разведчик и сопровождающий его старый солдат шли глубокими и широкими ходами сообщения укрепленного района, который обороняли бойцы 167-го стрелкового полка. Немцы закончили любование природой и принялись за свой привычный, монотонный обстрел. Там, наверху, кругом свистело, ухало, ревело. А здесь, в недоступных для врага траншеях, шла своя обычная солдатская жизнь в обороне. Как разведчик, Петя сразу отметил: красноармейцы основательно зарылись в землю, при этом огромные блиндажи и уютные окопы сделаны капитально,

на длительный срок. А значит, отступать больше не будут. Да отступать уже и некуда — там, за ними, город Ленинград.

Петя и Михалыч все шли и шли ходами сообщений. Казалось, им не будет конца и края. Удивленно качая головой, Петя думал: «Сколько же труда и сил нужно было потратить на эти катакомбы, чтобы можно было идти по этим подземным змееподобным улицам в полный рост Михалычу с его такой крупной фигурой. Да, поработали славненько». Еще Петя сразу обратил внимание на красноармейцев. Там, в таком уже для него далеком тылу противника, на допросах фашисты не раз твердили: Красная Армия разбита, с ними воюют только голодные, злые большевики и сотрудники НКВД, которым терять нечего, поэтому они так яростно дерутся. Нет, на разбитых и поверженных красноармейцы совсем не походили. Это были, как правило, веселые и энергичные люди с добрыми крестьянскими лицами, уверенные в своей правоте. Многие из них восторженно приветствовали Петиного сопровождающего. Михалыч был здесь своим, желанным человеком. Каждый из красноармейцев, как молодых, так и пожилых, старался перекинуться с ним шуткой, поделиться солдатскими новостями, угостить махоркой или просто так хлопнуть по плечу этого бывалого, тертого вологодского мужика.

Наконец кончилась эта длинная, порядком уж надоевшая подземная дорога. Как-то совсем неожиданно для Пети траншея оборвалась, и они оказались у широкой, как ему показалось с первого взгляда, перепаханной лощины. Он удивленно оглянулся: действительно, кругом белел снег, а лощина, окруженная вековым сосновым лесом, выглядела так, словно по ней только что прошел сильный трактор с огромным плугом и поднял своими лемехами черную землю. Глядя на черное поле, мальчик уже было вылез из траншеи, но тут его резко схватил за руку Михалыч. Он рывком бросил Петю назад, в траншею. И тут мальчик почувствовал, что красноармеец упал на него, закрыв плотно его своим могучим телом. Петя нервно дернулся и сразу замолк: взрыв огромной силы потряс землю. Тут же последовал другой, потом — третий, четвертый, и вскоре все кругом грохотало, свистело, дрожало. «Так вот кто пашет эту лощину, — подумал Петя. — Не трактор здесь ходил с лемехом, а фашисты утюжат ее своими снарядами».

Михалыч присел на корточки в траншее, чертыхаясь, тронул за плечо Петю и виновато сказал:

— Ты уж извини меня, старика-то… Не до слов было… Как услышал свист снаряда, думаю, ну, конец пришел тебе, Михалыч…

Он стряхнул с тулупчика мальчика землю, потом усмехнулся

и, выбросив из карманов своей телогрейки несколько замерзших комьев, продолжил:

— Ты уже почти выпрыгнул из траншеи. Ну, и схватил я тебя… А силушкой бог меня не обидел: на медведя еще совсем недавно один на один ходил…

Он помял своими ручищами плечи мальчика:

— Цел?.. Невредим?.. Тогда все в порядке.

Петя, смущенный таким отеческим к нему отношением, с благодарностью смотрел на старого солдата: он-то понимал, что Михалыч бросился на него с единственной целью — спасти от вражеского снаряда.

Немцы продолжали методично долбить по координатам лощины. Они-то наверняка знали, что здесь, у изрытой ими земли, обрываются траншеи красноармейских войск, а дальше связь обороняющихся шла только через открытую местность. Михалыч долго наблюдал за лощиной, затем недовольным голосом произнес:

— И всего-то нужно было протянуть каких-то четыреста метров до леса… Так нет, не хватило у кого-то смекалки на это… Вот так всегда у нас — что-нибудь да забудем довести до конца. Когда же это кончится, люди русские?

Петя подумал: «У своих ведь, а эти проклятые фашисты и здесь не дают покоя… Устроили нам с Михалычем ловушку». Но он верит, что с этим тертым солдатом не пропадет. Михалыч найдет выход и из этого без выходного положения.

Михалыч зло махнул кому-то, затем усмехнулся, нажал своей железной рукой на плечо Пети и продолжил:

— Ладно, критику в сторону, теперь слушай меня… Рванем мы сейчас по этой чертовой лощине. Не можем же мы здесь сидеть целый день. Ты внимательно наблюдай за мной. Если я падаю, и ты падай, я бегу, и ты беги за мной. В общем, делай все то, что я буду делать. Ясно?

Петя кивнул головой, а Михалыч проверил свои карманы: переложил что-то из них в вещмешок. Потом привязал его накрепко к спине, чтобы не мешал бегу. Обстрел фашистов несколько утих, и Михалыч дал команду Пете приготовиться. Мальчик был готов бросится хоть сейчас через это перепаханное фашистскими снарядами поле. Ему так хотелось выбраться отсюда — быстрее добраться до Ленинграда и доставить в Особый отдел фронта собранные с друзьями разведывательные данные о гитлеровцах. На него надеется Кузьмин. Ваня Голубцов. И тут в голове у Пети промелькнула мысль: «Может, его друзей уже нет и в живых?» Тяжело вздохнув, он вспомнил проклятую тюрьму-баню…

«Мальтшик нет…»

Когда Петя готовился к броску через лощину, друзья его были еще живы. Где-то около десяти часов утра 5 декабря 1941 года в бане появился заместитель Гюльцова гауптштурмфюрер Ульрих с переводчиком и пятью автоматчиками. Солдаты направили на ребят свои автоматы, а Ульрих подошел к сидевшему на полу Кузьмину и ткнул его сильно в бок начищенным до блеска сапогом. Пока Николай поднимался с пола, Ульрих что-то орал ему по-немецки, размахивая руками. Фашист то ли забыл, что он довольно сносно разговаривал с арестованными по-русски, то ли вел в этот день какую-то игру для своих подчиненных, понятную только ему одному. Временами гауптштурмфюрер хватался за кобуру с пистолетом, показывая пальцами, что сейчас он его расстреляет. А Кузьмин уже поднялся на ноги и спокойно, с усмешкой смотрел на беснующегося фашиста. Наконец Ульрих немного успокоился, и за дело тогда принялся сонувшийся колесом переводчик, который говорил почему-то совсем тихо.

— Господин гауптштурмфюрер, — начал этот тщедушный, с бегающими, маленькими глазками человечек, — интересуется: будете ли вы давать показания? Только правдивые… — Переводчик умолк, а затем, увидев, что Ульрих разговаривает с одним из автоматчиков, еще тише, уже от себя, прошипел: — Расскажите ему все, ведь расстреляет…

Он странно как-то всхлипнул и, вытащив грязный носовой платок, стал вытирать слезившиеся глаза. Кузьмин усмехнулся, хотел было послать куда-нибудь подальше переводчика с его советом, но передумал: тратить свои последние силы на этого слизняка, решил он, не стоит, а главное, у него для этого совсем нет времени. Николай отмахнулся от переводчика, словно от надоевшей мухи, затем покачал с сожалением головой, мол, опять к нему пристают с тем же вопросом, и спокойным голосом начал рассказывать свою легенду о поисках потерявшейся невесты. Переводчик сделал кислое лицо, пробормотал что-то и принялся за свое дело, но Ульрих тут же оборвал его и вытащил из кармана шинели две небольшие бумажки. Он стал по стойке «смирно» и громким, торжественным голосом начал читать одну из этих бумажек. Переводчик еле успевал за ним: «Черный, Ермолаев и Шустов, — шипел он, — являются врагами Рейха и самого фюрера, поэтому приговариваются к смертной казни — расстрелу». Вот он посмотрел с усмешкой на Кузьмина и почти радостно добавил:

— Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и

приводится в исполнение немедленно…

Красуясь собой, Ульрих подтянулся на носках своих блестящих сапог, затем прищелкнул пальцами, требуя к себе внимания, и тем же торжественным голосом зачитал вторую бумажку. К расстрелу приговаривались и трое других узников бани. Схвачены они были при переходе линии фронта. Вот гауптштурмфюрер СС театрально поднял двумя пальцами вверх эти бумажки, потряс ими в воздухе, потом сложил вчетверо, засунул в карман шинели и хлопнул по нему рукой: мол, приговор зачитан, пора переходить к его исполнению. Ульрих, а за ним и переводчик вышли из бани. Командовавший автоматчиками унтер-офицер уже знал этот жест своего грозного начальника, тут же дал команду солдатам поднять узников и вывести из бани. Стараясь угодить своему строгому начальству, охранники больно толкали дулами автоматов ребят и дико кричали:

— Шнель, руссише швайне… Шнель… Бистро, рюски свинки… Бистро…

Голубцов опустил свою ногу с широкой полки и дико вскрикнул: острая, невыносимая боль пронзила все его тело. Кузьмин подхватил своего друга за поясницу и помог ему подняться. Двое незнакомых узников поставили на ноги своего товарища, который никак не мог совладать со своим телом. Он уже не раз поднимался и тут же падал. Ваня, подпрыгивая на одной ноге, а за ним и Кузьмин, поддерживая своего друга за плечи, вылезли из дверей полутемного помещения и были ослеплены ярким солнцем и блестящим снегом. Они стояли, зажмурив глаза, и улыбались. Гитлеровцы бесновались, орали, толкали их автоматами в спину, но они не обращали на них никакого внимания. Вот Кузьмин и Голубцов открыли глаза, весело подмигнули друг другу и крепко обнялись. Из дверей бани вынесли другого товарища их новые соседи. И теперь они стояли и жадно глотали чистый морозный воздух. Но вот Ульрих несколько раз быстро пересчитал узников, удивленно бросил взгляд на переводчика и вбежал в баню. Тут же он вылетел из нее и дико по-русски заорал:

— Мальтшик… Мальтшик нет…

В баню бросились унтер-офицер и один из автоматчиков, а гауптштурмфюрер, размахивая руками, сердито отчитывал за что-то переводчика. Не отвечая ничего Ульриху, тот весь съежился и еще ниже согнулся. Переводчик тяжело вздохнул и несколько раз сбивчиво повторил:

— Господин Ульрих спрашивает, куда делся мальчик Ермолаев?

Ребята молчали. Вдруг он замахнулся кулаком на новых узников и по-петушиному прокричал:

— Говорите, сволочи, не то я вам!

Богатырского сложения парень так грозно взглянул на переводчика, что он попятился назад, ноги его заплелись, и он грохнулся в снег. Тут же раздался веселый хохот ребят, а переводчик, барахтаясь в снегу, никак не мог встать на ноги. Но вот он поднялся, подлетел к Кузьмину и прошипел:

— Говори, где Ермолаев? Ты должен знать, где он. Говори, а то сейчас тебе немцы выпустят кишки.

Кузьмин усмехнулся, затем показал на трубу бани и, приняв довольно серьезный вид, сказал:

— Улетел, ты понимаешь, подонок этакий, улетел Ермолаев в трубу. Ищи теперь ветра в поле. Так и скажи своим хозяевам, лизоблюд поганый.

Николай отвернулся от изменника, крепко сжав за плечи Голубцова. Ваня пожал руку своему командиру и плюнул под ноги переводчику. Тут раздался грохот мотоциклетных моторов. К бане в сопровождении охраны подъехал на легковой машине сам начальник ауссеншталле господин Гюльцов. К машине тут же подлетел Ульрих, открыл дверцу и, сильно жестикулируя руками, стал что-то быстро рассказывать… Конечно, Ульрих немного труханул. Ведь Гюльцов мог использовать побег Ермолаева против него. Однако, к его радости, начальник ауссеншталле отнесся к этому совсем спокойно. Хитрому Гюльцову не хотелось до конца портить с этим молодым выскочкой отношения. Мозг старого оперативного волка и интригана сработал четко: этот побег теперь-то поможет держать его заносчивого заместителя в узде.

Гюльцов вылез из машины, сделал несколько приседаний. За своей спортивной формой он следил очень строго и старался в любых условиях ее поддерживать. Пока это ему удавалось. Вот он попрыгал на месте и снял с головы фуражку, вытер чистым, сахарной белизны носовым платком лоб, потом протер внутри фуражки и театрально водрузил ее на место. Затем начальник ауссеншталле обошел узников, стоявших в кругу солдат. Подозвав к себе пальцем переводчика, он сказал:

— Итак, молодые люди, есть ли среди вас желающие оказать содействие германской армии?

Ребята молчали, а начальник ауссеншталле усмехнулся и продолжил:

— Пусть кто-нибудь из вас расскажет, как покинул баню мальчик. Ну, быстрей, быстрей говорите.

Но ребята молчали. Гюльцов стиснул железной хваткой

подбородок Кузьмина и совсем миролюбиво произнес:

— Тогда он сам нам расскажет.

Кузьмин и Голубцов удивленно переглянулись и посмотрели на Гюльцова, а тот широко улыбнулся и продолжил:

— Да вы не волнуйтесь, молодые русские герои. Мы его пока не поймали. Но вот возьмем Ленинград, и он будет в наших руках. Пока же мы объявим его в розыск как опасного врага фюрера и Рейха. И будьте спокойны, служба полиции безопасности и СД найдет его и на дне морском. Вот тогда он и расскажет все.

И Гюльцов коротким ударом, словно тренируясь на ринге, уложил Кузьмина на землю. Рухнул рядом с ним и Голубцов, потерявший свою опору. Николай молча поднялся, сплюнул на снег сгусток спекшейся крови, затем помог встать Ване и, подняв гордо голову, спокойным голосом сказал:

— Не бывать тебе, гад, никогда — слышишь? — не бывать тебе, гад, никогда в Ленинграде!

Вдруг из кустов раздались частые всхлипывания и послышались громкие женские причитания. Это из деревни Виняголово фашисты согнали к берегу реки Мга все ее население. В окруженной фашистскими автоматчиками толпе находилось человек двадцать пять: старухи громко плакали и крестились, старики украдкой вытирали скупые слезы, женщины помоложе испуганно прижимали к себе детей и перешептывались: «Молоденькие, совсем мальчишки. Им бы жить да жить».

Тут раздалась команда, и солдаты погнали ребят на трескучий, еще не окрепший лед реки Мга. Чтобы легче было стоять своим искалеченным друзьям, ребята обнялись, стали в линейку и спокойно смотрели на солдат с направленными в их сторону автоматами. Чуть дальше за автоматчиками стояли скорбные, с траурными лицами жители Виняголово. Они уже простились с этими молодыми, неизвестными для них героями. Вот Ульрих поднял руку, требуя тишины и внимания. Начальник ауссеншталле взгромоздился в коляску мотоцикла, переводчик распрямился и, указывая жителям деревни на ребят, стоявших на льду реки Мга, переводил:

— Эти парни выбрали сами себе путь. Они вели тайную войну против армии Гитлера, за что и приговорены к расстрелу.

Тут Гюльцов спрыгнул с коляски. Потом зло крикнул в толпу по-немецки, а переводчик погрозил крестьянам пальцем и торжественно произнес:

— Господин немецкий офицер предупреждает всех вас, что расстрел ждет каждого, кто вздумает идти против воли фюрера.

Женщины испуганно прижали еще ближе к себе своих

детишек, а старики, переминаясь с ноги на ногу, тяжело вздыхали и ниже опускали головы. Что они могли сделать против сытых, молодых фашистов и их автоматов? Но тут вдруг стоявшая в первом ряду старуха четко и громко крикнула:

— Ироды фашистские! Скоро вы получите свое. Отомстят вам наши красные воины. Ох, отомстят за все наши слезы и мучения…

Переводчик бросил взгляд на одетую в разное тряпье старуху и стал переводить ее слова. Но, на ее счастье, Гюльцов совсем его не слушал. Ему все это порядком уже надоело. Да и мороз крепчал. «Сейчас не мешало бы пропустить для согрева души одну-другую рюмку шнапса», — промелькнула у него мысль, и он взмахнул рукой. Ульрих понял, что пора кончать это затянувшееся дело, и приказал солдатам приготовиться: те подтянулись и лязгнули затворами. Наступила гнетущая тишина. И вдруг со стороны обреченных раздался зычный голос. Это Николай Кузьмин, сложив ладони в рупор, кричал:

— Товарищи! Обязательно передайте нашим, что нас предал старик.

По приказу Ульриха застрочили автоматные очереди, поднявшие в воздух стаю горластых ворон. Всего каких-то несколько секунд, и все было закончено. К лежавшим на льду реки Мга парням подошли два гитлеровца и произвели в каждого еще по два-три выстрела. Такова была установка начальника ауссеншгелле. Как он говорил, для верности и для перестраховки двух-трех пуль не жалко.

Крестьяне громко плакали и причитали по убитым. То здесь, то там мелькали гневные женские лица, которые вслух, не скрываясь, проклинали фашистов и просили бога послать им всевозможные кары. Еще немного, и они готовы были броситься на гитлеровцев. Но тут невысокий старик с черной бородкой крикнул:

— А ну, бабы, ша! Ишь, раскудахтались, словно куры перед петухом. Пора по домам.

Женщины сразу замолчали — старик этот, по-видимому, пользовался у них авторитетом. Некоторые из них, вытирая раскрасневшими ладонями слезы, потянулись с детьми к деревне. Они сделали всего несколько шагов, как были остановлены длинной автоматной очередью, пронесшийся над их головами. Раздался крик по-немецки — это Ульрих требовал тишины и внимания.

Крестьяне, тяжело вздыхая, медленно возвращались на свои места. К Ульриху подскочил переводчик и стал заискивающе смотреть на него. Эсэсовец прыгнул в коляску мотоцикла, которая

затрещала под его весом. Он подтянулся, засунул пальцы рук в кожаных меховых перчатках за ремень и стал что-то говорить. Переводчик повернулся к крестьянам и затараторил:

— Господин Ульрих приказывает, чтобы расстрелянных не хоронили. Они будут лежать здесь для устрашения столько, сколько сочтут нужным оккупационные власти. Если кто нарушит это указание, того ждет расстрел без суда и следствия.

Ульрих уже усаживался в коляску, солдат за рулем рванул ногой стартер — мотор зачихал, потом, набирая силу, затрещал, тут же загрохотали другие мотоциклы. Переводчик наклонился к эсэсовцу, затем в знак согласия кивнул головой и громко спросил:

— Вам все ясно?

В первых рядах миловидная, в залатанной телогрейке женщина с девочкой на руках крикнула:

— Все ясно, господин иуда.

Переводчик еще ниже согнулся и, словно побитый, напроказивший пес, бросился к ревущему мотоциклу Ульриха и вскарабкался на заднее сиденье. Мотоциклы с ощетинившимися пулеметами в колясках и ликующими гитлеровцами рванулись по накатанной снежной дороге в деревню. Какое-то время крестьяне с ненавистью смотрели на удаляющихся фашистов, а затем медленно двинулись к реке. Вот они ступили на лед, который трещал и гнулся под их тяжестью, но никто из них этого не замечал. Все их внимание было устремлено только на неподвижных людей на льду. С траурными лицами они обступили молодых, красивых, физически недавно очень сильных парней и запричитали. Крепкая еще старуха в поношенном плюшевом пальто с закутанной в детское одеяльце головой подняла руку, требуя тишины.

Люди замолчали, а она, вздохнув тяжело, перекрестилась, потом подняла со льда шапку-ушанку, отряхнула от снега и накрыла голову парню с длинными черно-смолистыми волосами. Ветер трепал их по неподвижному, симпатичному лицу, и ей казалось, что ему очень холодно. Она застегнула его коричневое пальто на все пуговицы, сложила руки на груди и перекрестила. Смахнув слезу со своего худого, морщинистого лица, прошептала:

— Спи спокойно, солдатик наш убиенный. Мир праху твоему…

Односельчане молча наблюдали за Антониной Григорьевной Сизовой, бывшей колхозной активисткой, депутатом сельского совета, матерью трех сыновей-красноармейцев, сражавшихся под Ленинградом. Она поцеловала парня, уложила руки да груди и удивленно остановилась около небольшой фигурки в поношенной телогрейке и коричневой шапке. Долго смотрела на эту фигурку,

а затем сама у себя спросила:

— Девушка?

Тут к ней подошла ее десятилетняя внучка Маня, помогла уложить на грудь убитого руки, и Антонина Григорьевна, перекрестившись, тихо себе ответила:

— Нет… Парнишка, конечно… Вон волосики пробиваются на лице… Совсем мальчик…

Внучка ее Маня удивленно посмотрела на бабушку. Потом крестьяне один за другим медленно прошли около неизвестных расстрелянных героев, забрасывая их снегом. Вскоре на льду высились шесть небольших холмиков.[43] Когда прошел десятилетний Николка Серов, последний из прощающихся, Антонина Григорьевна громко произнесла:

— Люди, не забудьте! Их предал какой-то старик. Наши должны знать об этом.

Крестьяне закивали головами: мол, будь спокойна, Антонина Григорьевна, никто из них ничего не забудет. И ни у одного жителя деревни не возникла мысль, что этот предатель, этот старик рядом с ними и он, как и все они, только что прощался с расстрелянными и активно бросал снег на их снежные могилы. Ничем не выдал себя агент «Тихий». Вел он себя в это время в соответствии со своей кличкой — не лез вперед, прятался за спины односельчан. И страшно дрожал, боялся… Ох, как боялся, что ребята узнают его. А ведь Гюльцов предупредил его о их публичной казни, и он подготовился к ней: подстриг бороду, надвинул на глаза широкую шапку, надел длинную, всю порванную, валявшуюся еще с царских времен солдатскую шинель. Узнать его было трудно. Когда раздался голос Кузьмина, сердце у «Тихого» забилось, словно у загнанного зайца, он еще ниже согнулся, и тут же раздались спасительные для него выстрелы. Да, это было спасение. Он глубоко вздохнул и перекрестился, хотя давно уже не верил ни в бога, ни в черта. И тут же радостно подумал: «Мало ли стариков живет в окрестных деревнях. Вон у нас в Виняголово и то около десятка наберется». Он удовлетворенно хмыкнул себе под нос: «Попробуйте, докажите, большевички». Тут же «Тихий» оглянулся, не выдал ли он этим себя. Нет, никто на него не обращал внимания. И он еще раз перекрестился и, шаркая ногами, поплелся за понурыми односельчанами домой.[44]

«Только вперед, сынок!»

Как только немцы ослабили обстрел лощины, Михалыч подмигнул Пете, подтолкнул его в спину и тут же рванулся из траншеи. Петя бросился за ним. Они бежали то в одну, то в другую сторону, падали, опять вскакивали и через пять метров бросались на землю и плотно прижимались к своей спасительнице. К ним навстречу через эту чертову лощину пробивался взвод красноармейцев, направленных для подкрепления. Вот почти рядом раздался крик. Петя поднял голову в сторону кричавшего. Тот держался за ногу. К нему ужом полз санитар. Михалыч грозно глянул на мальчика и в ухо ему прохрипел:

— Вперед, не останавливайся… Только вперед, сынок…

Петя рванулся за Михалычем. А в лощине стоял невообразимый грохот: рвались то там, то здесь снаряды, свистели осколки и ухала подмятая взрывами земля. Мальчика уже дважды забрасывало землей, но оба раза его в считаные секунды спасал провожающий. Убедившись, что Петя цел и невредим, старый солдат прижимал его к груди и тут же подталкивал мальчика вперед. Эти проклятые четыреста метров они штурмовали почти целый час. Но вот, наконец, и ельник с глубоким чистым снегом. Михалыч поднял вверх руки, тяжело вздохнул и плюхнулся в снег, приговаривая:

— Все позади, мой мальчик. Нам положен отдых.

Пете было очень трудно после этого проклятого бега. Сердце его колотилось, как у загнанного охотниками зверька. Грудная клетка ходила ходуном, рот был полуоткрыт, и он, как рыба, выброшенная на берег, частыми глотками хватал воздух. Ему было очень трудно, но еще труднее было старому солдату. Лежа на спине, Михалыч сгребал к себе снег и бросал его на свое разгоряченное, потное лицо. Такой бег с препятствиями был не для этого пожилого, довольно полного человека. Петя смотрел на солдата, и ему было очень жалко этого вологодского крестьянина, которого фашисты оторвали от земли и заставили взять в руки винтовку. Однако нужно отдать ему должное, бегал он классно. Тут Петя прыснул в кулак и громко рассмеялся. Он вспомнил, как они с Михалычем, словно преследуемые зайцы, бежали кругами по лощине. Мальчик вскинул руки, упал на грудь солдата и, давясь от смеха, проговорил:

— Ну, Михалыч, дорогой! Ну, и прыгали мы с тобой сегодня! Через ямы, как зайцы! Честное слово, как зайцы!

Старый солдат схватил Петю в свои железные объятия, и они

покатились с визгом и смехом по чистому, нетронутому снегу. Им так нужно было снять нервное напряжение в редком ельнике, на снегу…

Вдруг мальчик резко вскочил, отряхнул снег и протянул руку своему провожающему — Михалыч, раскинувшись на снегу, лежал на спине и восхищенно смотрел на причудливые снежные фигуры на верхушках елей. Самая высокая, несколько согнутая от тяжести снега, походила на большого медведя, стоявшего на задних лапах; на другой, ростом поменьше, висела тирольская шляпа, украшенная кокетливо сбоку игривой веткой-пером, а еще ниже на разлапистой елке виднелась голова гигантского лося с ветвистыми рогами. Словно впервые оказавшись в лесу, мужчина улыбнулся этой сказочной красоте, затем глубоко вдохнул чистый лесной воздух и, взявшись за протянутую руку Пети, рывком, как это умеют делать только тренированные люди, встал на ноги: мол, знай наших, вологодских… Подталкивая друг друга, тронулись они по утрамбованной среди вековых сосен не широкой, но очень удобной дорожке. Прошли всего несколько десятков шагов, как были остановлены грозным окриком:

— Стоять! Пароль?

Петя оглянулся, рядом никого не было. Михалыч, кивнув головой, вполголоса насмешливо ему сказал:

— Конспираторы. Вон, под сухой сосной, их секретный пост. Ишь, в сторону уходят шаги от тропинки. Поленились, черти, запорошить их снегом. Обязательно доложу командиру полка, пусть пропесочит. А засаду выбрали удачно — пригорок и лес просматриваются далеко.

Из укрытого под сосной окопа вылез красноармеец в новенькой телогрейке и громко крикнул:

— Сколько ждать? Пароль?

Михалыч укоризненно покачал головой:

— Что же ты, ошалелый, орешь на весь лес? А если где-нибудь тут спрятался фашист-лазутчик — он только и ждет, чтобы я тебе ответил таким же криком.

Михалыч подошел поближе к красноармейцу и тихо прошептал:

— Дон. Доволен паролем? Иерихонская твоя труба.

Молодой солдат опустил голову и так же шепотом ответил:

— Проходите.

Боец, обращаясь к Пете, миролюбиво произнес:

— Новобранец, вот и обмундирование у него с иголочки. Ничего, скоро будет настоящим солдатом — на фронте быстро взрослеют…

Лесная дорога привела Петю и Михалыча в штаб 167-го

стрелкового полка, располагавшегося в подземных, крепко сбитых блиндажах. Распознать их можно было только по дымящимся из-под земли узким железным трубам. Здесь в лесу находился целый городок, население которого составляли деловые, снующие красноармейцы. Изредка мелькали среди сосен офицерские полушубки и тут же исчезали сквозь землю. Михалыч, отвечая на многочисленные приветствия красноармейцев, уверенно вел Петю по лесной тропе. Они спустились в овраг и остановились около огромной березы. С противоположной стороны шли утрамбованные тропинки, которые упирались в самодельные двери из сосновых кругляков. Вдруг ближняя дверь к березе скрипнула, и на улицу выскочил без шапки и в одной гимнастерке худощавый, совсем молодой капитан. Михалыч подтянулся, взял руку под козырек и начал было представляться. А капитан махнул рукой, давай, мол, без церемоний, обнял старого солдата и быстро произнес:

— Рад тебя видеть. Ну, как там у вас? Жарко?

Переминаясь с ноги на ногу, Михалыч пожал плечами и спокойно ответил:

— Да как всегда, товарищ начальник штаба полка. Фашисты яростно постреливают, а мы изредка отвечаем, бережем боеприпасы. Обычная оборонная война, как говорит наш командир сержант Аникин.

Капитан рванул на себя тяжелую дверь и пригласил Михалыча в блиндаж. Красноармеец подтянулся, отрицательно покрутил головой и произнес:

— Мне вот с молодым человеком, товарищ капитан, нужно срочно зайти к старшему оперуполномоченному Коровину. Потом я доложу вам подробно обстановку на нашем участке.

Капитан с интересом взглянул на Петю, развел руками и ответил:

— Опоздали вы к Егору Григорьевичу — рано утром умчался в Ленинград. Совещание у них там, будет только завтра.

Петя нахмурился, тяжело вздохнул и растерянно глядел на Михалыча. Старый солдат подмигнул ему, успокаивающе произнес:

— Не расстраивайся, Петушок… Капитан обязательно что-нибудь придумает.

Обращаясь уже к начальнику штаба полка, он продолжил:

— Молодой человек сегодня ночью перешел линию фронта на нашем участке. Ему срочно нужно в Ленинград.

Соглашаясь со своим провожающим, Петя кивнул головой, а капитан усмехнулся и полушутливо сказал:

— А я, согласно всех имеющихся приказов, должен тебя, как

перебежчика, задержать и передать для проверки в Особый отдел.

Петя спокойно посмотрел в глаза капитану и твердым, почти приказным тоном произнес:

— Тогда свяжитесь с Особым отделом дивизии, а лучше с Особым отделом фронта, и передайте…

Тут мальчик ловким сильным ударом правой ноги стукнул по валявшемуся на тропинке замерзшему снежку. Тот стрелой вонзился в угол соседней от капитана двери и разлетелся на мелкие частицы. Петя радостно подпрыгнул, толкнул Михалыча плечом и, улыбаясь, продолжил:

— Передайте, товарищ капитан, что Ермолаев находится у вас в полку и просит срочно отправить его в Ленинград.

Капитан удивленно покачал головой и подумал: «Вот это бесенок, пацан совсем, а характер? Разведчик — одно слово». Что этот мальчик являлся разведчиком Особого отдела, он не сомневался — спокоен, твердый голос. Кто другой пойдет через линию фронта? Да и Михалыча капитан знал хорошо, а тот хлопочет за этого чертенка. Наверняка они там с Аникиным поработали с ним, а их на мякине не проведешь. Он сразу принял решение: помочь этому парнишке, но вначале решил пошутить с ним. Однако шутку мальчик не принял. И капитан уже с серьезным видом ответил:

— Я рад выполнить твою просьбу, Петя, но вот уже несколько часов у нас нет связи с дивизией, фашисты разбомбили ее штаб. Какие-то сволочи утром навели на него самолеты, связисты работают сейчас без отдыха. А вот в Ленинград…

Тут начальник штаба посмотрел на Михалыча, а затем на Петю. Мальчик насторожился: что еще придумал капитан? Схватив большой ком снега, одним нажатием ладоней слепил снежок и метким ударом попал в тот же угол двери. Как и Петя, капитан радостно подпрыгнул, потом громко рассмеялся, удовлетворенно хлопнул по плечу Михалыча и не очень сильно толкнул мальчика в спину. Петя не устоял на ногах и плюхнулся в сугроб. Однако злости на этого капитана у него совсем не было. В тяжелых условиях оборонной войны за город Ленина он оставался веселым, любящим шутку человеком — таких командиров солдаты боготворили. Вот и Михалыч влюбленными глазами смотрел на своего капитана, а тот, помогая встать Пете на ноги, говорил:

— А в Ленинград я помогу тебе добраться.

Мальчик стал отряхиваться, выбросил снег из-за ворота свитера. Капитан продолжал:

— У нас тут формируется колонна автомашин в Ленинград за боеприпасами.

Он взглянул на широкие, круглые ручные часы завода имени Кирова, еще первого выпуска, и добавил:

— Отправляются через полчаса. Я устрою тебе место, а пока пойду оденусь.

Капитан скрылся за дверью блиндажа. Михалыч кивнул головой: вот видишь, все устроилось, и сейчас ты отправишься в Ленинград. Тут из блиндажа вышел капитан в новом овчинном полушубке и шапке-ушанке. Под мышкой у него торчали две буханки черного хлеба, а в руках были какие-то свертки.

Протянув все это Пете, он сказал:

— Тебе в дорогу — сахар, немного сала, хлеб.

Петя попытался отказаться, но на него тут же набросился Михалыч: бери, мол, дают от чистого сердца, да и голод в Ленинграде, все пригодится. Мальчик снял из-за спины свою котомку, бережно сложил туда все это богатство, и они втроем направились к месту формирования колонны автомашин.

Вот уже полчаса Петя трясется в кабине латаного-перелатаного «ЗИСа», за которым по небыстрым, лесным дорогам тянется еще десяток таких же видавших виды грузовиков их колонны. За рулем Петиной машины сидел дородный, усатый дядька. Он изредка с усмешкой поглядывает на мальчика, борющегося со сном, которого капитан представил ему как особо ценный груз. За доставку его он отвечает головой. Однообразная лесная дорога и ритмичное урчание мотора окончательно убаюкали Петю, и вскоре он спал мертвецким сном.

Мальчик не видел и не слышал, как на их колонну при выезде из леса напала четверка фашистских «мессеров».

Здесь, на открытой местности, они, словно стервятники, поджидали свои жертвы, налетев на них с разных сторон. Самолеты на бреющем полете гонялись за беззащитными машинами, неистово строча из пулеметов. Три огромных пылающих костра оставила за собой колонна. Остальные машины спасла пара краснозвездных истребителей. Они с ходу ринулись в бой, и вот один из «мессеров» задымил, резко снизился и вскоре грохнулся на снежное поле, подняв в воздух стену черной земли. Другие «мессеры» метнулись в разные стороны, а пара «ястребков», послав колонне покачиванием крыльев победный привет, умчалась в сторону Ленинграда. Не видел этого Петя. Не видел он и своего водителя, потного и разъяренного от своей беспомощности, вцепившегося мертвой хваткой в «баранку», который то резко тормозил своим расстрелянным во многих местах грузовиком, то резко бросал его на всей скорости вперед, грозя кулаком пролетавшим у самой земли фашистам. Не разбудила Петю эта дьявольская гонка. Не будил своего

пассажира и этот усатый дядька, так как понимал, что происходящее здесь не для детской души. Он знал взрослых, которые после таких сумасшедших гонок становились на какое-то время психически неполноценными людьми. Нет, не для детей эта проклятая война, думал усатый шофер, объезжая очередную рытвину.

Дома улицы разобрали на дрова

Проснулся Петя, когда машина проезжала около высокого кирпичного забора. Он протер глаза, удивленно покачал головой и вопросительно взглянул на шофера. Тот усмехнулся и восхищенно произнес:

— Ну и спать же ты горазд, хлопчик. Сестрорецк. Завод Воскова проезжаем.

«Так на этом заводе Николай Кузьмин когда-то работал. И невеста его здесь живет», — промелькнуло у Пети. Он схватил котомку, лежавшую в его ногах, вцепился рукой в «баранку» и твердым голосом произнес:

— Я выхожу. Мне обязательно надо здесь выйти.

Нужно сказать, что здесь Петя, как разведчик, несколько отступил от данных ему Особым отделом фронта инструкций. Для него было выработано такое правило: после выхода из тыла противника на передовой его должен встречать кто-нибудь из сотрудников Особого отдела. Чаще всего это был Ковалдин. Если по какой-либо причине такая встреча не смогла состояться, то он должен добираться до Особого отдела самостоятельно, не вступая при этом ни с кем в контакты. И до этого он строго руководствовался этим положением. Но в это, уже десятое его возвращение из вражеского тыла он оказался совсем в необычной ситуации. Положения инструкции вступили в противоречие с просьбой его расстрелянных друзей. И он не мог не выполнить их предсмертную просьбу, не мог не рассказать как можно быстрее родным и близким об их трагической судьбе. Ведь он дал им слово там, в фашистской неволе, перед побегом из тюрьмы, который устроили ему его друзья-смертники, и данное им слово он хотел выполнить сейчас, не откладывая на какое-то другое время. Он оказался в Сестрорецке, где жила невеста его командира. И в мозгу мальчика-разведчика, привыкшего решать и делать все быстро и оперативно, созрело решение: посетить Тамару Петерсон, потом родных Вани Голубцова, а затем отправиться в Особый отдел фронта. Это было против установленных правил, но он решил, что руководство Особого отдела его поймет правильно и не будет осуждать за проявленную им инициативу.

Помахав усатому шоферу на прощание рукой, Петя остановил женщину, закутанную до самих глаз в серый пуховый платок. Она бойко ему объяснила, что улица Верхние Пески совсем близко, в каких-то двадцати минутах хода отсюда. И действительно, вскоре он бодро шагал по проложенной тропинке на этой тихой,

засыпанной снегом улице.

По обеим ее сторонам стояли двухэтажные деревянные дома, построенные еще задолго до революции для заводского люда. Мальчик прошел уже больше половины улицы и остановился около дома, окрашенного охрой, на котором чуть выше первого этажа висел квадрат оцинкованного железа с большой черной цифрой 26.[45] Он стоял около сугроба, раздумывая, по какой же из трех тропинок, которые вели к дверям подъездов, ему идти. Петя выбрал центральную, где подъезд был очищен от снега, да и дорожка ему показалась более утрамбованной. «Значит, этой дверью пользуются чаще других», — подумал он, подходя к дому. Мальчик рванул на себя тяжелую коричневую дверь и оказался в полутемном коридоре. В нос ему ударил спертый, затхлый воздух, какой стоит обычно в редко проветриваемых помещениях. Когда глаза привыкли к темноте, Петя медленно стал подниматься по деревянной скрипучей лестнице. Лестничная клетка, освещаемая слабо двумя закопченными окнами, была заставлена старыми стульями, табуретками, ведрами и большими кастрюлями. На стенах висели железные, эмалированные и даже деревянные корыта. Мальчик улыбнулся, представив себе купающихся в этих корытах детишек. «Ух, и крик же здесь, наверное, стоял, если мамы выбирали для них один и то же банный день», — подумал он. Он удивленно покачал головой, разглядывая совсем маленькое, почти игрушечное корытце из дерева. «Ну, это только для младенца», — усмехнувшись, сказал тихо сам себе. Шесть дверей, располагавшихся одна против другой, насчитал мальчик на лестничной клетке. На их широких наличниках, окрашенных в бордовый цвет, располагались столбцами разные пластинки с указанием фамилий жильцов и количеством звонков к обитателям этих, по-видимому, густонаселенных коммунальных квартир. Он пробежал глазами по фамилиям первой двери, но нужной фамилии здесь не оказалось. Вторая — тоже безрезультатно. Петя подошел к третьей двери, и сердце его учащенно забилось. На потемневшей бронзовой пластинке вязью четко вырисовывалась фамилия «Петерсон», звонить которым полагалось один раз. Чуть ниже на такой же пластинке было выгравировано «Глазковы», а еще ниже — «Салазкины». Петя решительно потянулся к звонку, но тут же резко одернул руку, словно нечаянно чем-то обжегся. Только сейчас он начал сознавать, с какой страшной вестью прибыл в этот дом. Ведь он должен сообщить о смерти любимого… И кому? Невесте. «Как отнесется она к этому известию?» — думал мальчик. Он боялся слез и причитаний.

Сестричка Тамара

Время шло, а он никак не решался нажать черную кнопку звонка. Он ругал себя, обвинял в трусости, но какая-то неведомая ему сила сдерживала его руку и не пускала ее к звонку. Он понимал, что времени у него совсем в обрез, а он топчется тут у двери и боится встречи с любимой его командира. И вдруг он услышал шаги там, за дверью. Мальчик насторожился. Вот кто-то приблизился к двери, щелкнул ключ в замке, раздался скрип давно не смазывавшихся петель, и к Пете вышла красивая молодая стройная женщина в сером шерстяном берете, поношенном зимнем пальто и ярко начищенных хромовых сапожках. Ее светлые, почти белые волосы с маленькими завитушками спадали на широкий воротник из черно-бурой лисицы. На бледном, похудевшем лице Петя выделил ее больший умные глаза. Вот она захлопнула дверь, затем улыбнулась мальчику и нежным, приятным голосом спросила:

— Ты кого разыскиваешь?

Как только Петя увидел эту женщину, он понял, что интуиция разведчика не подвела его и на этот раз. Он правильно выбрал подъезд. Вот она — Тамара. Именно такой ему нарисовал ее Николай Кузьмин в бане-тюрьме. Он стоял перед ней, словно провинившийся школьник перед учительницей, моргал глазами и не мог найти нужных слов. Ему было очень жалко эту красивую девушку. Она улыбнулась:

— Мальчик, ты почему молчишь? Кто тебе нужен?

Переминаясь с ноги на ногу, Петя взглянул на девушку, затем опустил глаза и выдохнул только одно слово:

— Вас…

Она удивленно посмотрела на Петра, а он, пытаясь справиться с волнением, уточнил:

— Ведь вы Тамара?..

Девушка в знак согласия кивнула головой. На ее еще более побледневшем лице промелькнула какая-то тревожная гень. Петя как-то виновато взглянул на Тамару:

— Я принес вам страшную весть. Прошу вас, будьте мужественны.

Большие черные глаза испуганно уставились на Петю. И тут вдруг она вцепилась в плечи мальчика и, тряся его, закричала:

— Говори. Говори, что с Колей?

Тамара трясла мальчика, но он это не замечал. Он всецело был занят неожиданно пришедшей ему мыслью: «Я веду себя совсем неправильно. Его командир и боевой друг Николай

Кузьмин погиб геройской смертью. Он погиб за Родину и дорогого Сталина. Не просил пощады у фашистов и не выдал ничего врагу. Такой смертью надо гордиться».

Тамара стояла с каким-то отрешенным, почти безумным видом. А Петя, приняв решение, что этой мыслью он поделится с девушкой, твердым голосом ей сказал:

— Николай Кузьмин сегодня утром расстрелян немцами. Мы с ним были схвачены фашистами, и нас держали в бане…

Тут Тамара, чуть шевеля бледными губами, удивленно спросила:

— Почему в бане?..

Петя не успел ей ответить, как она, прислонившись к стенке, медленно опустилась по ней на корточки, а потом упала на бок. Мальчик наклонился к девушке: она была без сознания. Он растерянно оглянулся, затем забарабанил руками и ногами в дверь, но в квартире молчали. Побарабанив безрезультатно в другую дверь, он бросился вниз по лестнице, на улицу, схватил пригоршню снега и, перепрыгивая по две-три ступеньки, вернулся к девушке. Она лежала в том же положении. Петя тряхнул снегом, снежинки густо облепили бледное лицо Тамары. Вот веки ее зашевелились, она тяжело вздохнула и непонимающим взглядом посмотрела на мальчика. Сознание медленно возвращалось к ней. Потом села, прижав к себе ноги, ухватилась за протянутые руки Пети и с трудом встала, придерживаясь за стенку плечом. Так она стояла несколько минут.

— Ты извини меня, мальчик. Не удержалась. Голова сильно закружилась.

Петя понял, что сознание Тамара потеряла не только от трагической вести, но и от систематического недоедания — голод. В это время горожане получали самую низкую норму питания. Первой блокадной зимой от голода погибнут сотни тысяч ленинградцев.

Девушка вытащила ключ, открыла дверь и пригласила мальчика в квартиру. Они прошли в уютную комнатку, на стенах которой висело много разных фотографий и среди них портрет довольно серьезного Николая Кузьмина в модном сером костюме, галстуке в горошек и темной сорочке. Тамара усадила Петю на диванчик, накрытый вишневой плюшевой накидкой, а сама устроилась напротив. Мальчик смотрел на девушку и удивлялся ее силе воли: ни слез, ни причитаний, — но чувствовалось, что выдержка дается ей с огромным трудом. Она дотронулась до руки Пети и сбивчиво произнесла:

— У меня есть несколько минут, спешу на смену, в госпиталь. Расскажи о Коле. Ты вспомнил какую-то баню, но я ничего не

понимаю.

Петя молчал. Он думал, с чего же начать ему рассказ о командире. Конечно, он и словом не обмолвится, кем были они направлены в тыл противника. На сегодня эти секретные сведения, и разглашать их нельзя. По этой причине умолчит он и о Ване Голубцове. Не пришло еще время говорить все о боевых друзьях. Но придет это время, и народ узнает об их славных делах. Мальчик начал рассказывать о проклятой бане-тюрьме, героическом поведении Николая Кузьмина на допросах у фашистов, его схватках с гитлеровцами, когда тот, избитый и покалеченный, не раз одерживал моральную победу над ними.

Девушка улыбнулась, на ее щеках заиграл румянец, в глазах — гордость. Да, это был ее Коля. Она узнавала любимого по его поступкам. Так и только так мог вести ее любимый. Другого она не хотела, да другого и не полюбила бы. Пегя встал с диванчика, расстегнул полушубок, тяжело вздохнул и, посмотрев в глаза девушке, произнес:

— Командир просил передать, что освобождает вас от слова, которое вы ему дали. Он сказал, что разлучили вас проклятые фашисты, но в жизни вы еще найдете свое счастье.

Волнуясь, мальчик налил из стоявшего на столе графина воды в стакан, медленно ее выпил и продолжил:

— И еще просил он довести, что перед расстрелом, в последние минуты своей жизни, он будет думать только о вас.

При этих словах Тамара вскочила со стула и заходила из угла в угол по комнате. Только сейчас она поняла: Николая нет в живых. Они договорились с ним, что будут ждать друг друга. Ждать, что бы с ними ни случилось в этой страшной, кровопролитной войне. И разлукой их может быть только смерть одного из них. И вот через этого тактичного, умного мальчика любимый возвращал ей это слово. Значит, его нет в живых. Она села рядом с Петей на диван, обхватила свою голову и, покачиваясь, тяжело застонала. Потом, уставившись в портрет Кузьмина, какое-то время молчала. Пете уже хотелось, чтобы она заплакала, запричитала, как в таких случаях поступают другие женщины.

Но вот девушка встала, показывая всем своим видом, что ей пора. Ее ждут раненые, и она будет работать, как работала и при живом Николае. И ей нельзя плакать на людях. Потом, когда останется одна, она даст волю слезам. А сейчас нельзя. Столько всего страшного она повидала в госпитале. Ох, будьте же вы прокляты, фашисты, вместе со своим Гитлером. Она ловко поправила прическу, кокетливо надела модный шерстяной берет. «Раненые должны увидеть прежнюю, такую же веселую и

заботливую сестричку. Весь ее вид, все ее обаяние должны помогать этим страдальцам. Ее личные дела не должны их касаться, не должны обострять им невыносимые муки», — думала она.

На улице они распрощались. Мальчик направился к заводу Воскова, где, по совету Тамары, он мог быстрее найти попутную машину до центра Ленинграда. А девушка[46] смотрела на маленькую удаляющуюся фигурку, и тут вдруг рядом взорвался снаряд, затем еще один. Потом другой. И началось… Она поняла, что фашисты опять, после очередного небольшого перерыва, приступили к массированному обстрелу жилых кварталов города и его окрестностей. На протяжении вот уже нескольких суток с немецкой аккуратностью и педантичностью они бомбил и и обстреливали Ленинград, надеясь устрашить этим мирное население.

На Херсонскую, к Голубцовым

Как и предсказала Тамара Петерсон, у проходной завода Воскова машин, направлявшихся в Ленинград, было довольно много, но вот ни один водитель этих полуразбитых, исковерканных, без стекол машин Петю с собой не брал. Усталые мужики отвечали одно и то же:

— Снаряды — брать пассажиров категорически запрещено.

Мальчик рванулся к одному грузовику, другому, третьему, но все безрезультатно. А машины, дав газ, тут же старались покинуть заводскую территорию, по которой вели прицельный огонь гитлеровские артиллеристы. Грохот стоял невообразимый. Взрывы снарядов следовали один за одним. Петя бросился в траншею, вырытую рядом с полуобвалившимся зданием проходной завода. Пожилой вахтер с винтовкой в руке пригрозил ему кулаком: я тебе, чертенок, поддам сейчас, — а сам направился к очередной машине проверять у водителя документы. Тут Петя увидел легковушку. Весь помятый, в царапинах, с разбитым лобовым стеклом черный «ЗИС» ждал своей очереди, чтобы выскочить из заводских ворот. Петя выпрыгнул из траншеи, вахтер пытался схватить его за руку, но мальчик ловко увернулся от него, и вот он уже у легковой машины. Водитель сказал что-то сидевшему с ним в светлом овчинном полушубке мужчине, а тот повернулся и быстро открыл вторую дверцу машины. Петя плюхнулся на заднее сиденье. Дверца машины захлопнулась, и мальчик, тяжело дыша, попросил довезти его до центра Ленинграда, на Херсонскую улицу. Молоденький водитель засмеялся и проговорил:

— Ишь чего захотел, прямо на Херсонскую. Нам не по дороге.

Мужчина в полушубке хлопнул водителя по плечу:

— Ладно тебе. Довезем этого пострела до Литейного проспекта, а там и Херсонская рядом.

Машина рванулась по накатанной дороге, лишь морозный ветер свистел в кабине без стекол. Свернувшись калачиком, Петя прилег на сиденье и вскоре задремал. Проснулся он от того, что кто-то тихонько тряс его за плечо. Мальчик открыл глаза:

— Литейный — тебе вон в ту сторону. Пройдешь немного… Спроси, свою Херсонскую… Да берегись… Фашисты сегодня ошалели, такого обстрела еще не было.

Помахав на прощание рукой, Петя быстрым шагом двинулся по Литейному проспекту. Вскоре он был на Херсонской. Вот, наконец, и дом номер двадцать. Не раздумывая, он рванул тяжелую, дубовую дверь и оказался в полутемном подъезде. По

широкой мраморной лестнице он уже готовился подняться, но тут его остановил сердитый окрик:

— Ты куда? Марш отсюда, быстро в бомбоубежище!

К нему подошла женщина в телогрейке, закутанная в широкий клетчатый платок и с противогазной сумкой через плечо, — она решительно предлагала покинуть подъезд. Ее воинственный вид говорил, что с ней лучше не связываться. И в этот дом, чего бы ей ни стоило, она никого не пропустит. Петя с уважением взглянул на высокую, по всей видимости, сильную женщину и тихо сказал:

— Мне в двадцать шестую квартиру, Григория Ивановича и Екатерину Модестовну Голубцовых видеть очень нужно.

Она оглядела мальчика, грозно спросила:

— А ты кем им приходишься? Я всю родню их знаю, тебя что-то не припомню. Они все в бомбоубежище, в соседнем доме. Вишь, как стреляют фашистские гады, в подвале живем уже третьи сутки. А ты почему шатаешься?

Петя уже взялся за массивную, бронзовую ручку двери, чтобы пойти на розыски Голубцовых, но неожиданно для себя спросил у этой грозной женщины:

— А Ваню Голубцова вы знаете?

— Ванюшку-то? Конечно, знаю. Они с моим Гришуткой одногодки. Вместе росли, вместе бегали. Я тут дворником работаю, так они у меня часто пропадали. Гриша в армии. Доброволец он у меня. Давно писем от него что-то не было.

Лицо у женщины потемнело, она тяжело вздохнула и продолжила:

— Ванюша парень хороший — на девочку похож. Дразнили его мальчишки, но он не обижался. С характером будет мужик. — Тут она прикрыла рот рукой и совсем тихо сказала: — Что это я раскудахталась? Ох, язык мой — враг мой. Никогда не дам человеку высказаться.

Она обхватила своими сильными руками плечи мальчика, притянула его к себе и выдохнула:

— Что с Ваней? Ну, говори…

Петя опустил голову, весь сжался, тяжело вздохнул и тихо сказал:

— Схвачен он немцами. Содержали нас в бане, а я бежал. Его и еще несколько человек фашисты должны были расстрелять.

Женщина закачалась и заголосила:

— Люди добрые, что делается? Ванюшку-то, мальчика нашего, убили сволочи, фашисты проклятые. Детей наших стреляют…

Покачиваясь из стороны в сторону, она долго проклинала

Гитлера и его солдат, но вот она несколько успокоилась:

— Мама у Вани-то сердечница. Ни в коем случае нельзя ей вот так сразу говорить о Ванюшке. Помрет-то Екатерина Модестовна, не выдержит.

Она схватила Петю за руку, потом резким движением вытерла свои обильные слезы и прошептала:

— Мальчик, не ходи к ним. Я сама через Григория Ивановича, папу Ванюшки, подготовлю ее.

Обхватив руками голову, она опять закачалась и заголосила:

— Ох, горе! Горе-то какое в нашем доме.

На какое-то время Петя задумался. Он доберется в Особый отдел фронта и доложит все, а потом вернется. И расскажет о героической смерти их сына. А теперь пора в Особый отдел. Петя уже не раз брался за бронзовую ручку двери. Женщина поняла, что мальчик, принесший в их дом такую трагическую весть, очень торопится. Она по-матерински погладила его по плечу и сказала:

— Ты иди, мальчик. Не бойся, я все передам Голубцовым. Мария Ивановна еще никого никогда не подводила. Я все расскажу о Ванюшке, иди, мальчик.

Петя приоткрыл дверь и твердым голосом сказал:

— Передайте родителям Голубцова, что сын их вел себя героически, он погиб геройской смертью за Родину, за дорогого Сталина…[47]

Женщина перекрестила мальчика, и Петя шагнул в темноту улицы. Он постоял около подъезда, прислушиваясь к частым разрывам снарядов и бомб. Враг продолжал бешено бомбить Ленинград. Он поправил за плечами свою котомку и зашагал по улице. Теперь путь его лежал в Особый отдел НКВД Ленинградского фронта. Дорога была совсем короткой, и для такого ходока требовалось совсем мало времени. Но до Особого отдела Ленинградского фронта он так и не дошел. Где-то здесь, в центре Ленинграда, фашистский снаряд или бомба оборвали жизнь юного разведчика. Было это вечером 6 декабря 1941 года… Вдень, когда город подвергся наиболее интенсивному обстрелу…

Прощай, наш юный разведчик. Благодарная Россия тебя и твоих боевых друзей никогда не забудет.

notes

Примечания

1

Желающие могут узнать все подробности в строго документальной и документированной с подлинными фотографиями, книге генерал-майора Н.В. Губернатором «СМЕРШ против Буссарла». (Репортаж из архива тайной войны.) Москва Жуковский. Изд-во Кучково Поле», 2005.

2

Вообще-то слови «полиции» по-немецки означает «полиция» (polizei), а вовсе не полицейский; но именно «полицаями» называли жители оккупированных районов русских, украинских и прочих полицейских.

3

Через несколько лет внутренняя тюрьма в здании КГБ на нынешней Лубянской площади была ликвидирована. Следственным изолятором КГБ стала Лефортовская тюрьма.

4

Фамилия этой ни о чем не подозревавшей женщины изменена.

5

Секретная служба, использующая в своей работе тайных агентов, называлась также РТП — «Русская тайная полиция». Многие рядовые полицаи даже не подозревали о ее существовании. РТП вела агентурное наблюдение и ta ними, и за всеми русскими служащими в учреждениях оккупантов.

6

В тот период существовал самостоятельный Народный комиссариат государственной безопасности СССР. 20 июля 1941 года он был объединен с Народным комиссариатом внутренних дел СССР и единый НКВД СССР. В 1943 году НКВД СССР вновь был разделен на НКВД и НКГБ СССР.

Ныне Брянский технологический институт.

8

Г.М. Брянцев (1904–1960) после войны стал известным писателем, автором многократно переизданной повести «По тонкому льду» и других книг о разведчиках и партизанах. Г.И. Сазонкин погиб при выполнении боевого задания в апреле 1943 года. К этому времени на его счету было шесть подорванных эшелонов и два моста.

9

А.Ф. Суровцев пал смертью храбрых в декабре 1942 года.

10

Гитлеровцы, когда Красная Армия вступила на территорию Германии, поступили наоборот. Они раздавали оружие населению. И вот уже мальчишки из «Гитлерюгенд» и семидесятилетние фольксштурмисты прямо из окон домов стали в упор прошивать «фаустпатронами» советские танки на улицах немецких городов…

11

Назвав фамилию Рыбкина, Хабров ошибся. Семья Рыбкиных была расстреляна по приказу Иванова, но лично он в казни не участвовал.

12

«Компанифюрер» букв, по-немецки означает «руководитель роты» (имеется в виду рота полиции). В немецкой армии ротой обычно командовал оберлейтенант. На этом основании Д. Иванова часто, в том числе и в литературе, называли «старшим лейтенантом», каковым в действительности он никогда не был.

13

Ныне улица сестер Хотеевых.

14

Виктор Лясоцкий погиб на фронте.

Позднее В. Фомин ушел в партизанский отряд, погиб в 1943 г.

16

Спецзвание «старший майор госбезопасности» примерно соответствовало званию генерал-лейтенанта в армии. Старший майор госбезопасности, впоследствии генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, возглавлял Особую группу, позже преобразованную в 4-е управление, ведавшее всей боевой и разведывательной работой спецотрядов и групп НКВД за линией фронта на протяжении всей войны.

В некоторых документах ее называют Елизаветой

Подлинные имя и фамилия имеются в деле.

19

В. Стулов к этому времени был переведен из Бытоши в Людиново.

Т.е. масштаб в 1 см = 1 км.

21

Советские деньги на оккупированном территории обращались вполне официально.

22

Ныне здесь пролегает ул. Салтыкова-Щедрина.

23

Н. Рыбкин — отец Володи Рыбкина, он бежал из плена, партизанил, потом воевал уже в составе Красной Армии.

Строго говоря, название «легион» немцы присваивали подразделениям, сформированным из уроженцев восточных республик и областей. Так, были «Татарский», «Туркестанский» и др. «легионы».

Следует отметить, что партизанские командиры, охотно принявшие беглых пленных, фактически нарушали сталинский приказ № 270.

26

Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования был образован 30 мая 1942 года и просуществовал до Января 1944 года. Короткое время — с сентября по ноябрь 1942 года — существовала должность Главнокомандующего партизанским движением, которую занимал К.Е. Ворошилов. Фактически весь этот период партизанским движением (кроме отрядов НКВД-НКГБ СССР) руководил начальник ЦШПД, бывший первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, генерал-лейтенант Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

27

Железнодорожный мост.

28

Своего рода полицейский жаргон: никаких розог в полиции, конечно, не было и в помине. «Дать розог» означало нанести столько-то ударов плетью, или немецким шомполом, состоящим из цепочки с металлическими «фасолинами». Били и тонким латунным прутом с шишечкой-гаечкой на конце от трехлинейки Мосина.

29

С. Сахаров был осужден в 1949 году к 20 годам заключения. Умер в лагере. А. Сафонов убит партизанами 10 ноября 1942 года.

30

Никифор Селифонтов осужден в 1952 г. на 25 лет заключения.

31

Должно быть, находясь в камере, Володя сбился с подсчета дней. Скорее всего, расстрел двух семей произошел днем или двумя позже.

32

Ныне ул. Анатолия Апатьева.

33

Жизнь В. Рыбкина, увы, была сломлена выпавшими на его долю недетскими испытаниями. После войны он, став взрослым, так и не смог найти свое место в мирной жизни, много пил, за мелкую кражу попал в тюрьму. После освобождения, находясь в нетрезвом состоянии, утонул при купании. С. Щербакова вскоре после описанных событий за какую-то провинность немцы повесили. Их исковерканные судьбы и гибель — тоже на совести Дмитрия Иванова и других предателей…

34

Офиц. название ул. Урицкого

35

Василевская Ванда Львовна (1905–1964), писательница, общественный деятель, член Польской социалистической партии с 1937 г., член КПСС с 1941 г., депутат Верховного Совета СССР в 1940–1964 гг. Автор трилогии «Песнь над водами» о жизни довоенной и послевоенной Польши, повести «Радуга» и других произведений. Лауреат Сталинской премии за 1943, 1946, 1952 годы.

36

Об этом говорилось в директива Начальника штаба военно-морских сил Германии 07 22 сентября 1941 года Эта директива была включена в перечень доказательств обвинения от СССР ил Нюрнбергом процессе за номером (СССР-113 (см Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов (в 7 томах). М., 1961.Т. 7.С 625).

37

В органах госбезопасности существовали специальные звания. Старший лейтенант государственной безопасности приравнивался армейскому майору.

38

Комиссар госбезопасности 3-го ранга приравнивался армейскому генерал-лейтенанту.

39

Гитлеровская военная разведка.

40

В 70-е годы, когда устанавливалась судьба разведчиков, ряд жителей деревни Виняголово сообщили Д.Д. Таевере и пионерам-следопытам, что один из расстрелянных фашистами молодых людей, похожий на цыгана, с черными смолистыми волосами, был одет в коричневое демисезонное пальто.

41

В. И Ленин. ПСС. т. 50, с 295

42

В январе 1940 года Кедров И М. и Голубев В.Г. были приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. В 1954 году они были реабилитированы.

43

Расстрелянные лежали на льду два дня и две ночи. На третью ночь кто-то из жителей деревни перетащил их в болотистую низину, которая еще полностью не была скована льдом. Здесь, в наспех вырытой могиле, на топком берегу реки Мга нашли они свой временный покой. 14 августа 1978 года после долгих поисков эта могила была разыскана пионерами-следопытами во главе с чекистом Д.Д. Таевере. 21 января 1981 года прах Н. Кузьмина, И. Голубцова и других неизвестных героев был торжественно захоронен на Сестрорецком мемориальном кладбище.

44

За свою предательскую деятельность Сидоров получил от немцев положенные тридцать сребреников. «Работу» его они оценили в три тысячи марок. Его хотели премировать еще и двумя коровами, но «Тихий» от них отказался. «Объясняй потом каждому соседу, откуда они у него взялись», — подумал он и решительно ответил на это отказом. Гюльцов с его решением согласился и добавил ему еще пятьсот марок. По тем временам он «заработал» большие деньги. «Тихий» какое-то время продолжал состоять в агентурном аппарате в ауссенштелле, но вскоре на него напал дикий страх. Страх за предательство и расплату за него. Он лишился сна, ему мерещились партизаны, и каждую ночь его преследовали люди, которых он выдал немцам. Он превратился в дряхлого старика, не вылезавшего из своей избы. Гитлеровцы с ним ничего не могли поделать: они требовали от него работы, а он плакал, валялся у них в ногах и просил дать ему охрану от преследований только что расстрелянных. Тогда Ульрих, ставший начальникам ауссенштелле вместо Гюльцова, убывшего на работу в РСХА. предложил поехать ему на жительство в Эстонию. Тот с радостью согласился. Под Таллином он с помощью оккупационных властей купил себе хутор, но покоя и здесь не приобрел. Особенно стал он паниковать с приближением советских войск. Расплата за содеянное надвигалась. И «Тихий» не выдержал: в конце 1943 года на чердаке своего нового дома, в петле из тонкой рыбацкой веревки, нашел себе он успокоение.

45

Вскоре многие деревянные дома на улице Верхние Пески, в том числе и дом 26, в котором жила Тамара Петерсон, были разобраны ленинградцами на топливо.

46

Тамара Петерсон всю войну провела в блокадном Ленинграде. В 1950 году в результате многих болезней, приобретенных ею на почве систематического недоедания в военные годы, она умерла.

47

Родители Вани Голубцова не дожили до Дня Победы. Они погибли в блокадном Ленинграде. Племянница матери Голубцова, Тамара Ивановна Гетманец, 17 ноября 1979 года рассказала Д.Д. Таевере, что Екатерину Модестовну, когда город беспрерывно бомбили и обстреливали немцы, в бомбоубежище поздно вечером посетила хорошо ее знавшая дворничиха и сообщила ей о мальчике, принесшем трагическую весть о судьбе ее сына. Екатерина Модестовна, услышав, что ее Ваня содержался в какой-то бане, схватила пальто и побежала в баню, которая функционировала в городе, но там его не нашла..